ОСНОВА

1861

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь XXXV—XXXVII, **Т. Г. Шевченка.**

II. Листи Шевченка до Я. Г. Кухаренка и М. С. Щепкина.

III. Химéри, **Ломуса.**

IV. Сáмъ-собі; Лю́ли-лю́ли; Стáрець; Дунáйська Ду́ма, **П. А. Кулiша.**

V. Вуси, **А. П. Стороженка.**

VI. Веснянки, I, II, Весéла удóва. **В. С. Кулика.**

VII. Хатнє лихо, **А. Нечуй-вітеръ.**

VIII. Журба, **П. С. Кузьменка.**

IX. Полтавщина, **Л. М. Жемчужникова.**

X. Правда Полякамъ о Руси. **Н. И. Костомарова.**

XI. Правда Москвичамъ о Руси, **Н. И. Костомарова.**

XII. Настуся (поэма), **П. А. Кулiша.**

XIII. Съ народніхъ устъ: Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ, и Не впусти́ рака съ рота, **А. П. Стороженка.** Вороний кінь, **Я. Г. Кухаренка.**

XIV. Людська памьять про старовину, **Ст. Д. Носа.**

XV. Надъ могилами, **Л. И. Ященка.**

XVI. Великдень у Подолянъ. **Ан. П. Свидницького.**

XVII. Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи, **М. В. Юзефовичу** и **Н. Д. Иванишева.**

XVIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.

XIX. Вісті. Послѣ поѣздки на Югъ, **М. Н. Дарагана.** — Нѣсколько словъ о Пинчукахъ, **Ю. Мохранці.** — Изъ Боришполя, **П. П. Чубинскаго.**—Изъ М.—Листъ съ дороги, **Олександра Переходовця.**—Изъ Лубенъ, **Василя Шевича.**—Съ Гадяча. **Ивана Кивайголовы** и друг.

XX. Извѣщенія.

XXI. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XXII. Библіографическія извѣстія.

XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимiръ Мономахъ.

1861

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 24 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXXV.

Прочитавши 11 псалóмъ.

Мій Бóже мúлий! я́къ то мáло
Святúхъ людéй на свíті стáло!..
Одúнъ на дрýгого кую́ть
Кайдáни въ сéрці.... а словáми,
Медоточúвими устáми —
Цілýютця, и чáсу ждуть,
Чи швúдко брáта въ домовúні
Зъ гостéй на цвúнтарь повезýть?...
А ти, о Гóсподи едúний,
Скуéшъ лукáвіі устá,
Язúкъ отóй велерічúвий,
Мовлявший: »ми — не суетá,
И возвелúчимо на дúво —
И рóзумъ нашъ, и нашъ язúкъ....
Та й дé той Панъ, що намъ закáже
И дýмать тáкъ и говорúть?«
»Воскрéсну я!« той Панъ вамъ скáже:
Воскрéсну нúні, рáди іхъ,
Людéй закóванихъ моіхъ —
Убóгихъ нúщихъ... Возвелúчу
Малúхъ отúхъ рабóвъ похúлихъ!
Я на сторóжі коло іхъ
Постáвлю *слóво*.«
И понúче,
Ненáче стóптана трава́,
И дýмка вáша и словá. —

Ненáче срібло кýте, бúте
И семикрáти переліте
Огнéмъ въ горнúлі, — словесá
Твоі, о Гóсподи, такúі.
Роскúнь же іхъ, твоі святúі,
По всій землі!.. И чудесáмъ
Твоімъ увірують на свíті
Твоі малі убóгі дíти!

15 февраля 1859 р.

XXXVI.

Чи ви ще зійдетеся знóву,
Чи вже на-віки розійшлúсь,
И слóво прáвди и любóви
Въ степúй-вертéпи понеслú?
Нехáй и тáкъ!... не нáша мáти,
А довелóся поважáти.
То вóля Гóспода!.. Годíть,
Смирíтеся, молíтесь Бóгу
И згáдуйте одúнъ другóго,
Свою Украíну любíть.
Любíть ії, бо врéмя лю́те...
Въ остáнню, тя́жкую минýту
За нéі Гóспода моліть!

1847 р.

XXXVII.

Надъ Днíпрóвою сагóю
Стоíть я́воръ міжъ лозóю,
Міжъ лозóю зъ ялúною,
Зъ червóною калúною.

Днíпрó бéрегъ рúе-рúе,
Яворові кóрінь мúе;
Стоíть старúй, похилúвся,
Мовъ козáкъ той зажурúвся, —

Що безъ дóлі, безъ родúни
Та безъ вíрноі дружúни,
Безъ дружúні и надíі
Въ самотúні посивíе!

Явíръ кáже: похилю́ся,
Та въ Днíпрóві скупáюся;
Козáкъ кáже: погуля́ю,
Та лю́боі пошукáю.

А калúна зъ ялúною
Та гнучкóю лозúною,
Мовъ дівчáточка изъ гáю
Вихожáючи, співáють, —

Повбíрані, заквíчані
Та зъ таланóмъ зарýчені,
Дýмки-гáдоньки не мáють —
Вьютця-гнýтця та співáють...

24 іюня 1860 г.
СПБ.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

1) ДО Я. Г. КУХАРЕНКА (1).

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

1 апреля 1854.

Я оце сижу та сидячи думаю: Господи, Господи, якъ то швидко ті літá минають! молодині то ще такъ и сякъ, а що вже ті старі (погані літа!), то такъ и литять, неначе той шуліка за куркою... такъ вони за нашою мерзеною грішною душою.

Я оце сидячи лічу літа та долічуюсь до того року, якъ ми съ тобою вперше побачились. Угадай, чи багато я налічивъ іхъ, тихъ нікчемненихъ, марнихъ літъ? трохи чи не буде чотирнадцять, коли не брешу. А якъ матимешъ часъ, то самъ здоровъ перелічи. Остатній листъ твій получивъ я року Божого 1846 *(7)*, въ Миргороді. И того жъ Божого року, написавши тобі листъ, и гарненько властними руками, у тімъ же богоспасаемомъ граді Миргороді, отдавши на почту, поіхавъ собі гарненько въ престольний градъ Москву. Отъ, не маючи гáдки, приіхавъ я у тую Москву, та й гуляю собі по улицяхъ, звичайне якъ чоловікъ иностранний; — розглядую собі то церкви то собори, тілько — глядь, — ажъ иде Чорноморець. Отъ, спинивши ёго, й питаю — чи давно съ Коша и чи далеко Господь несе? — »Съ Коша«, каже, »шоста, чи сёма, неділя, а гируемо ажъ у саму столицю Петербургъ.« — Отъ, я й питаю ёго про Шамрая — маляра, про

(1) Вся Україна, разомъ зъ нами, подякуе високоповажному Я. Г. Кухаренкові и слáвному артúстові М. С. Щéпкину, що ласкаво згодúлись напечатать оці дорогі лúсти незабутнёго нашого *Кобзаря*, (ихъ ми списали, съ подлинниківъ, слово-въ-слово). — Просимо всіхъ, хто мае у себе листи Тараса Григоровича пойти въ слідъ за Я. Г. Кухаренкомъ и М. С. Щепкинимъ; бо лúсти Шевченка теперъ вже сталися власністю всеі рідноі землі, — всеі Славьянщини. *Ред.*

Порохню, та й кажу ёму: — А що́ то тамъ поробля́е нашъ Кошови́й, Кухаре́нко? — »Який«, каже, »Кухаренко?« — Та Яцько, — кажу! — »Эге«, каже: »ёго на Зеленихъ Святкахъ поховали«. — Отъ тобі й на! — подумавъ я собі: — чи давно чоловікъ мені ра́дивъ, шобъ я бивъ лихомъ объ землю, якъ той швець мокрою халявою объ лаву... а ёго вже й поховали! Попрощавшися зъ Чорномо́рцемъ, зайшовъ у якусь стару-престару церковъ, одправивъ по твоій душі панахиду, та й пішовъ собі знову блукать, по закарлючистихъ улицяхъ московськихъ, ажъ до самого вечора. У вечері зайшовъ у тіатръ, та згадавъ твій *Чорноморський По́битъ* (1). Вийшовъ изъ тіатру, та цілісіньку нічъ не знавъ уже що́ съ собою й робить. Такъ мені тебе жаль стало!

Съ тиждень, чи й більшъ, блукавъ я після того по тій Москві, — тілько вже не лічивъ воронъ на Йвану великому, а все дивився по улицяхъ, чи не зостріну де́ хочъ поганенького Чорноморця, щобъ досконалне роспитать про тебе, друже мій единий! Бо мені все якось здавалось, що ти живий и здоровий (воно та́къ-таки и було собі, благодарить Господа милосердого), а Чорноморець той мерзений, уповательно думаю собі, що ніхто инший, якъ самъ сатана (бодай вінъ здохъ!). Скинувши свою повшедну одежу (німецький куций жупанокъ), та надівъ чорноморську доста́тню одежу, щобъ почванитьця передъ московками підъ *Новинськимъ*, або на *Трубі*, або на *Козихі*. Та правда, въ Москві всюди есть де́ пощиголять, а особливе такому козакові якъ сатана.

Отъ я, управши въ Москві що́ мені тамъ треба було, вернувся знову въ Київъ и тілько-що ступивъ на Дніпровський бай-

---

(1) Такъ високоповажний *Яковъ Гарасимовичъ Кухаренко* назвавъ свою оперетту, зложену ще 1836 року, въ двохъ частяхъ. Зъ ёго ласки, *Чорноморський Побитъ* уже въ нашихъ рукахъ, и ми незабаромъ ёго напечатаемо. Тутъ показуетця:

Якъ бува́ло на Куба́ні,
Черво́ній відъ кро́ві;
Якъ тамъ дія́лось въ коза́стві
На Вкраїні но́вій;
Якъ тамъ сва́тались, жени́лись
На́ні Чорномо́рці,
Обселя́лись, воюва́ли
Й добува́лись въ Горцівъ

(*Зъ передмови до Ч. Побиту, Я. Г. Кухаренка*). *Ред.*

дакъ... такъ за мною таке трапилося, що противъ ночи не треба бъ було и розказувать, а то ще, прокляте, приснитця. Мене, по правді сказать, риштовали, та посадивши, зъ кімъ слідъ, на возокъ, привезли ажъ у самий Петербургъ. — — Черезъ півроку *(2 місяці)* вивели мене на світъ Божий, та зновъ посадили мене на чортопхайку та одвезли ажъ у Оренбургъ, а въ Оренбурсі и до пріёму не водивши, наділи на мене салдацьку (муни́цю), и такъ съ того часу, друже мій единий, я ставъ салдатомъ. Не зробивъ я и не думавъ я, отамане батьку мій, кому-небудь лихого, а терплю горе и Богъ ёго зна́ — за́ що? Така, мабуть, уже усімъ кобзарямъ погана доля, якъ и мені, недоте́пному, випала. Сёмий рікъ оце пішовъ зъ апреля *(зъ іюня)*, якъ я нужу світомъ въ Киргизькімъ, безводнімъ и безлюднімъ, степу́.

Вернувшися торі́къ изъ Аральского моря въ Оренбургъ, та сидячи ввечері у одного земляка свого (мене, спасибі, земляки таки не цураютця), та сидячи перебіраю старий *Руський Инвалидъ*. Коли — зіркъ, — ажъ надрюковано, що такий-то Яцько Кухаренко назначаетця въ таке и таке військо Кошовимъ. Ну, такъ и есть, шо то мені въ Москві зострівся ніхто другий, якъ самъ иродівъ синъ, сатана! Та й справді, яка-таки недобра сила понесе Чорноморця въ Москву? Чого вінъ тамъ не бачивъ? Адже Чорноморці съ Коша прямують на столицю черезъ Курське, черезъ Орелъ, та на Смоленське, а не на Москву. Ажъ теперъ тілько догадався, що я хочъ и въ школі вчився, а самъ бачу що дурень. Та ще хто и одурівъ? Сатана, ледачий синъ, бодай ёму и въ пеклі добра не було!

Друга половина первого листу, особо послана.

10 апреля.

Христосъ воскресе! Друже мій единий!

Поки Христа дочитуютця, то я тимъ часомъ допишу оцей нікчемний листъ; та воно, по-правді сказавши, давно бъ его треба завершить, такъ шожъ ти маешъ робить? — ніколи, — та́къ ніколи, шо за лежею нема коли и посидіть. Ти, я думаю, бачивъ коли-небудь Кавказькиі укріпленія, то, певне, бачивъ що́ тамъ и поробляе людъ хрещений? Отакъ достеменно и у насъ, въ Новопетровськімъ укріпленіі, а найпаче — зімою: лежемо собі цілісіньку зіму, та ждемо весни та пароходу изъ Астрахані. Цю

весну щось довгенько его нема, — чи не було тамъ у васъ зими лютої часомъ? у насъ, благодарить Бога, снігу и невидно було.

Вернімося трохи назадъ. Такъ отакъ-то, друже мій единий! прочитавши въ тімъ *Инвалиді*, що ти, благодарить Господа милосердого, живий и здоровий, я, трохи не рікъ, усе застругувавъ перо, шобъ написать до тебе листъ, а тимъ часомъ мене изъ Оренбурга вислали въ Новопетровське укріпленіе, а тутъ... думавъ я, думавъ, та й така зъ нудьги проклята думка напала: »Що́ я ему напишу? Може вінъ теперъ на своему Коші забувъ, якъ мене й зовуть... Та ні«, думаю: »не такий козакъ! хочъ вінъ теперъ, думаю, и кошовимъ, а все-таки повиненъ остатьця добримъ козакомъ.

16 апреля.

Завтра, слава Богу, одъ насъ пароходъ повезе почту, а коли-то вінъ привезе одъ тебе, друже мій единий, листъ, то вже цёго й самъ найстарший не скаже.

Згадуй мене инколи, друже мій! а якъ часъ матимишъ, то й напиши мені, якъ ти тамъ у тому *Азові* самъ пробуваешъ? Стара твоя — чи бгае ще, хочъ якъ-небудь, *метéлицю?* сини - соколи твоі — дé вони теперъ повертаютця? Поцілуй іхъ, друже мій, за мене. Скажи імъ, що се, мовъ, васъ цілуе той старий дядько, що зъ вами цілувався колись у Царському Селі. Добре було бъ, якъ би згадали! Та ні, не згадають! Малі були, забули, — то імъ нагадай, коли самъ здоровъ згадаешъ, якъ ми зъ Бориспольцемъ зъ вами попрощалися, не доізжаючи Александровського корпусу.

А я й досі співаю, та може и довго ще співатиму, згáдуючи дочку твою невеличку:

Тече річка невеличка зъ вишневого саду;
Кличе козакъ дівчиноньку собі на пораду...

Поцілуй ії за мене, друже мій.

Чи ти надрукувавъ свій *Чорноморський Пóбитъ?* Якъ шо надрукувавъ, то ласкавий будь — пришли и мені хочъ одинъ экземпляръ.

У Харьківъ, до Метлинського, може инколи пишешъ, — то кланяйся ёму, и скажи, що я ще, на лихо мені, живий и здоровий, — блукаю, мовъ, по степахъ Киргизькихъ, та иноді и ёго згадую за ёго *Думки та ще дé-що*.

Живи, здоровий друже мій единий! Писавъ би тобі багато ще дé-чого про свою погану неволю, та, бачишъ, ніколи. У другому листі все до крихти напишу.

Будь здоровий! Нехай тобі Господь на все добре помагае!

Незабувай сироту *Т. Шевченка.*

Якъ шо дійде цей листъ до твоіхъ рукъ, и ти, прочитавши ёго, самъ собі скажишъ: — дé жъ-то вінъ, той Тарасъ? написать би ёму... Якъ шо тобі така думка прийде, то пиши такъ: *его вблагородію, И. А. У—ву, черезъ городъ Астрахань, а зимою — черезъ Гурьевъ-городокъ.*

Ще ось-що. Якъ що ти надрюкувавъ свій *Чорноморський Побитъ*, то пришли мені одинъ экземпляръ ради святоі«(*двохъ слівъ не можна прочитать*):» За це въ другому листі опишу свій поганий — — побитъ. Бувай здоровъ, мені й Богу милий, мій единий друже! Нехай съ тобою все добре діетця! Не забувай безталанного *Т. Шевченка.*

ДРУГІЙ ЛИСТЪ.

22 апрѣля 1857. Новопетровское укрѣпленіе.

Христосъ воскресе! Батьку Отамане Кошовий!

Якъ-разъ на Великдень привезла мені астраханьска почта твое дружнее ласкавее письмо и 25-рублевую писанку. Зробивъ ти мені свято, друже мій единий! Таке свято, таке велике свято! що я и на тімъ світі не забуду. Не видержавъ, голубе мій сизий: (та який би ёгó вражий синъ и видержавъ?): упився, та такъ щиро упився твоімъ могоричемъ, що ажъ голомозину собі роскроівъ. Отъ-що зробивъ ти мені своею — не такъ писанкою, якъ братнімъ щиримъ словомъ!

Тілько-що схаменувся я одъ твого слова, и взявъ уже перо въ руку щобъ написать тобі — *спасибі*, ажъ приходить изъ Гурьева почта и привозить мені листи изъ самого Питера. Одинъ пише молодий козакъ, Маркевичъ *(Андр. Мик.)* съ товариствомъ, и шле мені на починокъ трохи грошинятъ. Пише, що молоде товариство въ столиці складчину для мене зробило.... Треба було бъ и въ другий разъ упитьця, але я якось видержавъ. Тілько (безъ сорома казка) тихенько заплакавъ.... Другий листъ, изъ столиці жъ пише мені Курінний, Лазаревскій *(М. М.)* и упевняе мене,

що не забаромъ мене випустять изъ цієї широкої хурдиги. Вінъ пише, що добрий царь нашъ уже давъ приказъ розбивать мої кайдани. И плачу, и молюся, и все таки не вірю. Десять літъ неволі, друже мій единий, знівечили, убили мою и віру и надію. А вони були колись чисті, непорочні, якъ те дитяточко, взятее одъ купелі, — чисті и кріпкі, якъ той самоцвітъ-камень ошлифованний! Але чого не зробить *риторта химська*? Я трохи-трохи не здурівъ на сімъ тижні. Та й тиждень же удався! Не дармо я його виглядавъ десять літъ. *Десять* літъ! Друже мій единий! вимовить страшно... а витерпіть? И за́ що витерпіть? цуръ ему!... а то я справді одурію. Теперъ думаю ось-якъ зробить: якъ дасть Богъ, дождуся съ корпусного штабу одпуску, то думаю навпростець черезъ Астрахань ушкварить на Чорноморію. Я ще ії зроду не бачивъ: треба хочъ на старість подивитьця, що́ то таке та славна Чорноморія; а поки те буде, посилаю теперъ тобі, друже мій единий, свое поличче. Нема въ мене, брате, нічого більшъ теперъ. Якъ дасть Господь милосердний приіду самъ на Січъ, то, може, ще́ який небудь привезу тобі гостинець. Одного боюся, щобъ не потребовали мене часомъ въ Оренбургъ. А може, дасть Богъ, що й не потребують? На-чортового-батька я імъ теперъ здався!

Чи старший Щепкинъ ще живий? Отъ щира козацька душа, и молода, якъ у дитини. Чи не пишешъ ти ёму часомъ? якъ пишешъ, то цілуй ёго за мене. Яку вінъ тамъ тобі *Иўстку* (1) читавъ? Я — поганий зъ мене батько — забувъ свою рідну дитину.

Прислявъ мені, изъ Питера, Куріпний, Панько Кулішъ, книгу своєї роботи, названу *Записки о Южной Руси*, писану нашимъ язикомъ. Не знаю, чи дійшла до Чорноморіи ся дуже-розумна и щира книга? Якъ-що не дійшла, то випиши: не будешъ каятьця. Такої доброї книги на нашому язику ще не було дрюковано. Тутъ живо вилитий и кобзарь, и гетьманъ и запорожець, и гайдамака, и вся старожитна наша Украіна, якъ на долоні показана. Кулішъ тутъ свого нічого не додававъ, а тілько записавъ те, що́ чувъ одъ сліпихъ кобзарівъ, а тимъ самимъ и книга его вийшла добра, щира и розумна. Послявъ би я тобі, друже мій единий, свій экземпляръ, але я ще самъ добре не начитався. Мене, спасибі, люди добрі книгами не забувають. Нема-нема — та й

(1) Напечатана у 1-ій книжці *Основи*. *Ред.*

притле хто-небудь. А журнала уже десятий рікъ и въ очі не бачивъ, и не знаю, що́ тамъ и дiетця, въ тій новій, чи современній, літературі. Самъ не написавъ нічого, (да й якъ ёго було писать?) а теперъ уже и Богъ ёго святий знае, чи й напишу що́-небудь путне. Я ще не дуже зостарівся, — та знівічився, мій друже единий. А може, дасть Господь милосердний, ще одпочину, та на старість попробую писать прозу. Объ віршахъ уже нічого й думать.

Прощай, мій единий друже! Може дасть Богъ, що се літо побачимось; а поки те буде — цілую тебе якъ брата рідного. А ти поцілуй за мене свою стару и перецілуй своіхъ діточокъ, и не забувай искренняго твоего друга, кобзаря *Т. Шевченка*.

Умісне пишу тобі на одному листочку, шобъ було де поличче положить и шобъ конвертъ не дуже важивъ.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ.

3 іюня 1857.

Батьку Отамане Кошовий,
и друже мій единий!

Постри́гъ ти мене въ брихуни своімъ братерськимъ листомъ и своею щирою писанкою! Я писавъ тобі, друже мій единий, що вже не втну нічого віршами. Отъ же й збрихавъ, — збрихавъ и не схаминувся. Правда, и самъ думавъ, що я вже зледащівъ, захолонувъ въ неволі; ажъ бачу — ні! Нікому тілько було огню положить підъ мое, горемъ недобите, старе серце, а ти, друже мий, догадався — взявъ та й підкинувъ того святого огню. Спасибі тобі, друже мій единий! Довго я читавъ твій листъ, разівъ зъ десять, чи не більше. Дочитався до того, що въ мене не тілько очі — серце заплакало, мовъ та голодна дитина. А серце, сказано, не дитина; ёго галушкою не нагодуешъ. — Що́ тутъ на світі робить? — думаю собі, — та вставши раненько, помолився Богу, закачавъ рукава та й заходився коло оціеі *Москалевої Криниці* (1). Богъ помігъ, — то сякъ, то такъ — кончивъ. Мені и полегшало трохи. Не знаю тілько, чи подобаетця вона тобі, мій друже единий? Якъ-що подобаетця, то дай доброму писареві переписать и *Криницю* и *Ченьця* (2), и *Вечіръ* (3), та пошли старому Щеп-

(1) Напечатана въ 3-ій книжці *Основи*.
(2) Напечатаний въ 1-ій книжці *Основи*. *Ред.*
(3) Напечатаний въ *Руській Беседі* 1859 року.

кину: нехай на старість читає та не забуває безталанного кобзаря, *Тараса Дармограя*. Я умісне приписавъ *Ченьця* и *Вечіръ*, шобъ ти порівнявъ ёго зъ *Криницею*, бо *Криниця*, бачъ, сёго́літня, а *Чернець* и *Вечіръ* — Богъ-зна колишні. Чи помолодшавъ я черезъ десять літъ въ неволі, чи постарішавъ, серцемъ, — скажи мені, мій брате рідний?

Ще ось-що: чи продаютця у васъ на Коші *биноклі*, або хочъ добрі окуляри? Якъ-що ні, то нічого и читать мое писаніе, бо я такъ надрюкувавъ, що й самъ ледве читаю. Правда, у тебе есть синій зъ молодими очами, — то нехай вонп по-троху розбирають, а ти тілько слухай та критику клади, — більшъ нічо́го.

Не знаю, чи получивъ ти мое поличче, завернуте въ невеличку цидулку? Я тамъ писавъ, що не забаромъ вирвуся изъ ціеі неволі и приіду до тебе въ гості. Але ще й досі нема нічого официального. И хто ёго знае, коли воно буде те — официальне? Може ще й зімувать останусь за сімъ скаженнимъ моремъ. Але ти все-таки напиши мені, чи будешъ ти се літо на Коші, чи, може, знову підешъ *вражого черкеса — — — по кручахъ ганяти?* Бо якъ дасть мені Богъ вирватьця літомъ, то до кого я приіду, якъ тебе не буде на Коші? А щобъ швидче твое письмо прийшло въ моі руки, то пиши отакъ на конверті: *въ г. Астрахань, г. смотрителю госпиталя, Хр—ру М—чу Е—ву съ передачею Н—ю Ефр — чу Б — ву. Въ Новопетровское укрѣпленіе.*

Думавъ я тобі послать свій экземпляръ *Записокъ о Южной Руси*, але и самъ ще добре не начитався тихъ *Записокъ*. Дуже добра книга. *Могила*, кажуть, видае зборникъ нашихъ пісень. Нехай ёму Богъ помогае.

Пиши мені швиденько, — не покидай мене, друже мій, брате мій единий. Цілую всімъ серцемъ твою стару и твоіхъ діточокъ.

Пор — ні, Лит — му и Ш—аю и всёму товариству, на Коші и за Кошемъ, доброго здоровья!

ЧЕТВЕРТИЙ ЛИСТЪ.

15 августа 1857.

Батьку Отамане Кошовий и
друже мій единий!

Я свободенъ, я уже въ Астрахані! Вчора бачився съ тимъ Ел—вимъ, на имя которого просивъ я тебе пересилать мені письмо объ *Москалевій Криниці*. Письма твого нема, и я теперъ не

знаю, що́ й думать, — бо вона вже давно тобі послана, ще 5 іюня. Може тебе дома нема, або-що? Думавъ я, ідучи въ столицю, завернуть до васъ на Січъ, поцілувать тебе, твою стару й твоіхъ діточокъ. Але не такъ воно робитця, якъ намъ хочетця. Мені велено одправитьця прямо въ столицю, лихий ёго знае — для чого? И я теперъ изъ Астрахані попростую на параході ажъ до Нижнёго-Новгорода, а тамъ, черезъ Москву, въ столицю. Але чи швидко я туди прибуду — святий знае. Я, въ Москві, побачуся зъ старимъ Щепкинимъ, и дуже добре зробивъ би ти, друже мій единий, якъ би черезъ ёго, хочъ одну стрічечку; напиши тілько, чи живъ ти, чи здоровъ, и чи получивъ мою *Москалеву Криницю?* Мене вона торбуе. А въ столицю пиши до мене такъ: *Въ С.Петербургъ, его в— благородію, М. М. Лазаревскому. Въ Большой Морской, въ домъ графа Уварова.*

Не пишу тобі більше, бо нема чого й писать, та й параходъ, спасибі ёму, не дае. Завтра попливу вверхъ *по матушкѣ по Волгѣ*, а поки що́, цілую тебе, твою стару и твоіхъ діточокъ. Не забувай мене, друже мій единий. *Т. Шевченко.*

Чи получивъ ти мое поличче?

ПЬЯТИЙ ЛИСТЪ.

(Безъ числа).

Батько Отамане Кошовий!

Письмо твое, одъ 7 августа того (1857) року, изъ Екатеринодара, получивъ я 10 февраля сёго (1858) року, ажъ у Нижнёму-Новгороді. Пошукало-таки воно мене немало часу, та спасибі, що хочъ коли-небудь, а все-таки найшло; а то вже я незнавъ, що́ и думать про тебе. Думавъ уже, нехай Богъ милуе, чи не занапастивъ ти де-небудь своеі доброі голови на тому продовому Кавказі. А теперъ, слава Богу, бачу, що ти живий и здоровий и зъ жінкою и зъ діточками своіми. Нехай іхъ Богъ ховае на многі літа! У мене була думка пробратьця до тебе на хутіръ,— та ба! такъ думкою и осталась. Одъ 16 мая до 2 августа не давали знать изъ корпуса въ укрепленіе о тій свободі....— Мало — — — було десяти літъ... Кровъ холоне якъ згадаю...

3 августа, вирвався я изъ того — — укрепленія, и черезъ море, Волгою, прямувавъ на столицю. Я боявся застрять у тебе до осени. Въ Нижнёму, мене спинили: — — Отаке-то лихо! Помилували, та тілько до половини. Сівъ у цёму поганому Нижнёму, та

й досі снжу. Приздивъ до мене на святки колядувать старий Щепкинъ, — спасибі ёму. Думаю оце поіхать до ёго підъ Москву, въ село Никольське, та може тамъ и до літа останусь; а літомъ якъщо не пустять у Питеръ, то чкурну въ Харьківъ, а зъ Харькова, якъ Богъ поможе, то и на Чорноморію. Я до неі коли-небудь а таки доберусь. до тіеі Чорноморіі.

Нема въ мене нічого такого доброго послать тобі прочитать съ товариствомъ. Хиба оцю *Долю*, *Музу* та *Славу* (1). Я оце недавно скомпоновавъ іхъ. Не знаю, якъ вони тобі подобаютця.

Скомпонувавъ ще я тутъ, зъ нудьги, одну штуку, поэму — *Неофіти*, нібі-то изъ Римськоі исторіі. Але вона ще не вироблена — тимъ и не посилаю. Якъ викончу, то пришлю. А покищо, оставайся здоровий, мій батьку-отамане, мій друже единий. Не покидай мене, сердешного сироту. *Т. Шевченко.*

Цілую твою стару пані и твоіхъ молодихъ діточокъ. Якъ будешъ писать, то пиши на имя М. С. Щепкина. Я маю до ёго іхать.

2) ДО М. С. ЩЕПКИНА.

I.

Нижній Новгородъ. Ноября 12, 1857 г.

Друже мій давній, друже мій единий! изъ далекоі Киргизькоі пустині, изъ тяжкоі неволі вітавъ я тебе, мій голубе сизий, щирими сердечними поклонами. Не знаю тілько, чи доходили вони до тебе, до твого щирого великого серьця? Та що зъ того, хочъ и доходили? Якъби то намъ побачитьця, якъби то намъ хоть часиночку подивитьця одинъ на одного, хоть годиночку поговорить съ тобою, друже мій единий! Я оживъ би, я напоівъ би свое серце твоіми тихими речами, ниначе живущою водою!

Теперъ я въ Нижнімъ Новігороді, на волі, — на такій волі, якъ собака на привьязі. — — Такъ щобъ подивитьця мені на тебе, великий мій друже, я сидячи отутъ, отъ-що выдумавъ: чи не найдетця коло Москви якого-небудь села, дачи, або хутора зъ добримъ чоловікомъ? Якъ що есть у тебе такий чоловьяга зъ теплою хатою, то напиши мені, батьку, брате мій рідний! а я и приіду хочъ на одинъ день, хочъ на одну годиночку. Зробімо такъ,

(1) *Доля и Муза* напечатані въ *Хаті*, П. А. Кулішá, а *Слава* и *Неофіти* нідé не були напечатані. *Ред.*

мій славний друже! а якого бъ я тобі гостинця привізъ изъ празнику! уже такъ-що гостинець! Порадься съ своімъ розумнимъ серцемъ, мій друже единий! Та якъ-що можна буде побачитьця намъ и поколядувать на сіхъ святкахъ укупі, то поколядуемъ. А до того року, Богъ знае — чи дождимося. Вибачъ мені, мое серце, за мою щирость, и якъ и щó придумаешъ, то напиши мені, а тимъ часомъ оставайся здоровий и веселий, и не забувай искреннёго твого друга и поклонника *Т. Шевченка.*

Адресъ: Въ Нижній Новгородъ. Его Вблагородію, Павлу Абрамовичу *Овсянникову.*

Чи ни писавъ тобі чого-небудь про мене старий Кошовий изъ Чорноморіі — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко? Я ёму ще зъ Новопетровського укрѣпленія пославъ де-що, и просивъ ёго, щобъ вінъ зъ тобою поділився, та й досі не маю одъ ёго ніякоі чутки.

II.

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумилий мій друже, за твоі сердечнні ласкавні письма. Спасибі тобі за приглашеніе въ *село Никольское*, а тричі разомъ спасибі тобі за те, що ти хочешъ самъ приіхать въ Нижній. О, якъби ти добре зробивъ, якъби приіхавъ! тутъ би тебе, преславного, на рукахъ понесли твоі безчисленнні поклонники. Щасливий ти, дуже щасливий, мій славний, мій великий друже! Всі тебе бачили, всі до единого руського чоловіка, всі тебе знають и съ любовью повторяють »твое обаятельное прославленное имя.«

Сёгодні бувъ у мене Вл. Ив. Даль; я показавъ ёму письмо твое. Зрадівъ старий, якъ прочитавъ, що ти хочешъ пріихать въ Нижній. Низенько кланяетця тобі Вл. Ив. и сердечно просить не перемінять доброго наміренія. На тімъ тижні почнутця тутъ дворянскі вибори, уже почали збіратьця повітові пани, то може бъ ти здумавъ показать себе імъ на тутешній сцені. Ото бъ порадувавъ ти іхъ хуторянські душі, а мою щиру, любящую тебе, душу перенісъ би на саме небо. На сей конецъ я бачився съ директоромъ Нижегородського театра, съ г. Варенцовимъ, питавъ ёго нащотъ условій, и вінъ сказавъ мені, що »согласится на условіе, какое ты ему предложишь.« Чудний би бувъ, якби и не согласився.

Добрий мій друже! питаешъ ти, чи багато у мене грошей? Дуже, дуже небагато, мій друже единий: нема де взять. Заходився рисовать карандашемъ портрети, — такъ щожъ? нарисовавъ три портрети, та й сижу склавши руки. Безъ столиці художникъ — риба безъ води. Погано, дуже мені погано у цімъ Нижнімъ. Графъ Ѳедоръ Петровичъ обіцае мені »вихлопотать позволеніе жить въ столицѣ.« О, якъби то ёму Богъ помігъ! »ожилабъ тогда моя душа одинокая при видѣ великихъ произведеній божественныхъ искуствъ!« А тимъ часомъ, а тимъ часомъ... якъ ти приідешъ сюди та я подивлюся на тебе, подивлюся пиначе на всесвітнюю галерею, пиначе на всесвітній театръ, и забуду хоть на годину свое невсипуще горе.

Грошей у мене бъ стало, шобъ доіхать до Никольского и назадъ вернутьця, та не въ тімъ річъ. Не я одинъ прошу тебе приіхать сюди, а всі добрі и розумні люди просять тебе, — а іхъ тутъ таки чи-мало. Старий Улыбышевъ, той самий, що написавъ *біографію Бетговена*, не пропускае ні одного спектакля: такъ щиро любить театръ; а якъ тебе побачить, — то вінъ, старий, якъ мала дитина заридае, — та чи вінъ одинъ?

Рішися, друже мій великий, на мою просьбу, и рішившись, напиши мені гарненько — коли бъ тебе ждать до себе. Я сёго дні жъ пишу и Кулішеві: може и вінъ заіде за тобою, та разомъ и приідете, моі гості дорогні. А якъ побачишъ мого давнёго друга, В. Н. Р—ну, то привітай іі одъ мене, мій друже единий, та въ письмі своімъ напиши іі адресъ. Прощай, мое серце! нехай тебе Богъ милуе и стереже на славу великого святого искуства. Не отринь же просьби любящого тебе друга

Т. Шевченка.

Куліша не треба ждать: може вінъ и не поіде, а мені бъ зъ нимъ дуже-дуже треба було бъ побачитьця. Напиши, будь ласкавъ, и ти ёму: може, вінъ тебе, батька нашого, лучче послухае. Посоромитця не послухать.

Ще, якъ приідешъ, то заразъ пришли почталіона на квартиру Овсянникова, щобъ тобі не торбуватьця на щотъ поміщенія.

Чи невзявъ би ти зъ собою рукопись *Москаля-Чарівника?* Тутъ есть прехороша дівчина и талантлива артистка, Піунова. То може бъ ви чи не вшкварили бъ сёго Чарівника навдивовижу. Нижегородськимъ людямъ?

Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому вінъ не шле мені свое *слово о полку Игоревѣ?*

Ще одно PS. Понісъ бувъ уже я оце письмо на почту, та зострівся мені старий Улыбышевъ и просивъ написать одъ себе глубочайший поклонъ и просить тебе, шобъ ти приіхавъ просто до ёго на квартиру.

Москаль-Чарівникъ есть тутъ печатний. И П—ва сёгодні вчитьця по-нашому говорить заходилась. Зраділо дівча — ажъ заплакало.

Ш.

Февраля 3, 1858 г.

Спасибі тобі, мій друже единий за письмо твое и 200 р. грішми. Все це добро получивъ я одъ нашого доброго друга Н. Бр—на, который тебе щиро цілуе и посилае тобі зъ Олейниковымъ кожушокъ. Зноси на добре здоровье.

Не знаю, коли ми съ тобою побачимось. Бо не знаю, чи швидко Овсянниковъ вернетця до дому: я теперъ у ёго хазяіную, то мені конечно треба ёго дожидатьця. А якъ-що вінъ тамъ довго забаритця, то я не втерплю: передамъ ёго господу Бр—ну, а самъ чкурну въ Никольське, а за день передъ-тимъ гарненько напишу тобі.

Обнимае и цілуе тебе тричі твоя и моя любая Тетяся. Воно, порадившись зъ своімъ батькомъ, посилае тобі свій репертуаръ и условія такого содержанія: 1500 р. въ годъ безъ бенефиса, а зъ бенефисомъ 1200 р. и на переіздъ до Харкова 200 р. А поіде воно въ Харьковъ зъ батькомъ, або зъ матірью. А тимъ часомъ — воно согласитця на твое условіе, яке ти скажешъ.

Во имя святого Бога и святого искуства, поможи ій, друже мій великій, вирватьця изъ сёго гнилого Нижнёго. Мені тутъ ажъ жаль дивитьця на неі. По поводу ій бенефіса, написавъ я невеличку статейку въ газету, котору посилаю тобі: прочитай, та прикинь свое до неі яке мудре слово, та оддай перепечатать въ *Московськихъ Вѣдомостяхъ*. Для нашоі любоі Тетясі се булобъ незгірше.

27 генваря поховали славного старого Улыбышева, и не найдетця нікого въ Нижнёму некрологъ ёму написать! Ще разъ гнилий Нижній Новгородъ.

Поцілуй за мене благородного Сергѣя Тимофеевича Аксакова,

и молодика Максимовича. Р—ну якъ побачишъ, то й ії привітай. А тебе цілуе М. А. Д—ва зъ своею *чужою* дитиною. Цілуе Голыская, и тричі цілуе Піунова, а я и лікъ теряю.

До свиданія, мое серце, мій друже единий.

Щирий твій *Т. Шевченко.*

Чи робить тамъ що Катковъ зъ моею повістю? Я вже другу часть кінчаю.

Чи прислався Кулішъ тобі мої *Неофити*?

Чомъ ти мені не написавъ адреса Сергѣя Тимофеевича?

IV.

Ноября 13 1858 г.

Друже мій единий!

Якъ той щирий вілъ запрягся я въ роботу, — сплю на этюдахъ: зъ натурного класса и не вихожу, — такъ ніколе! такъ ніколе! що якби не оце безгрішшя прокляте, то ніколи бъ було написать и тобі, мій друже единий, оцієї невеличкої цидули. Будь ласкавъ, вирви ти у того К—ева якъ-небудь оті 100 карбованцівъ та пришли мені. Гугеноти ні-на-що послухать, — таке лихо! Запродавъ я бувъ свои сочиненія книгопродавцу Кожанчикову за 2000 карбованцівъ, (та вже така моя вдача), що я замісь грошей тілько облизався. Такій-то облизень и заставивъ мене потербувать тебе оцією цидулою.

Посилаю тобі черезъ художника Раева одинъ экземпляръ моеі послідньої гравюри: не здивуй — яка вдалась. Чи не будешъ ти часомъ у графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, або умисне побувай у ёго, та подякуй ёму за мене: гравюра ся напечатана на ёго гроші, спасибі ёму! Поклонись В. Н. Р—ной, и привітай М. В. Максимовича. Сергѣя Тимофеевича тожъ. Стару свою, дітей и внучатъ тожъ. Бабста и Кетчера тожъ, и всіхъ кого побачишъ мною знаемихъ, тожъ.

Оставайся здоровъ, мій друже единий! Згадуй инколи тугого мовчана и искреннёго твого *Т. Шевченка.*

Адресуй: Въ С-Петербургъ, въ Большой Морской, домъ графа Уварова. Его в — благородію Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому.

Кланяютця тебѣ графъ и графиня Т — ые.

Дневникъ Т. Гр. Шевченка дальшъ печататиметця увъ XI-ій книжці.

ХИМЕРИ.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: ROMANTYCZNOŚĆ.

Присвя́чена Олекса́ндрі Миха́йловні К.

Слу́хай, дівчи́но! — Не слу́ха. —
Въ твоїй хати́ні ні ду́ха!
Що́ коло се́бе хвата́ешъ?
Кого́ цілу́ешъ, вита́ешъ?
Уже́ жъ світъ бі́лий... — Не слу́ха.

То́, якъ уко́пана, ста́не,
Су́мно, пону́ро спогля́не,
То́ зновъ слёза́ми заллетця,
То до кого́сь засмі́ється, —
Ли́чко весе́ле, румя́не.

»Гри́цю! кохáння еди́не!
Се жъ ти устáвъ зъ домови́ни?
Ніччю!... Ступáй же тихе́нько...
Въ ме́не не-рідная ненька...
Бу́де лихáя годи́на...

»Хай собі чу́е и знáе!
Тебе́ на світі немáе!
Вчо́ра тебе́ поховáли...
Що́ жъ мені су́мно такъ ста́ло?
Ні, я тебе́ не бою́ся...
Дай обійму, пригорну́ся...

Се жъ твоé лúчко... и óчі... и брóві...
Сéрденько, вúмовъ хочъ слóво!
Я — твоя́ вірна Катрýся.

»Чомъ же ти до мéне, Грúцю, не озвéсся?
Якúй ти холóдний!... Дай нагрію рýки...
Оттýтъ іхъ нагрію коло могó сéрця....
Воно́ не простúгло відъ тяжкóі мýки.

»О, хóлодно жъ, мáбуть, тамъ у тéмній я́мі!
Не влéжавъ ти, Грúцю, въ німíй домовúні...
Пійдý я съ тобóю, — ля́жемо у пáрі!
Безъ тéбе для мéне увесь світъ — пустúня.

»Тя́жко мінí, Грúцю, въ свíті
Жúти зъ ворогáми:
Вонú мінí дорекáють
Моíми слёзáми.

»Щó побáчу — не ймуть вíри;
Щó скажý — смію́тця.
Занíміла бъ я на-вíки, —
Самí рéчі лля́тця

»Сéрденько коха́не!
Прийдú въ день до мéне:
Мóже, перестáнуть
Смія́тися зъ мéне.

»Мóже, мінí снúтця...
Ні, до могó сéрця
Тебé пригортáю...
Бачъ, якъ воно́ бъéтця!

Чогó жъ ти зникáешъ?
Чогó ти боíсся?
Ищé рáно, сéрце,
Ищé рáно, Грúцю!

»Бо́же! ку́ри вже співа́ють
И зоря́ въ вікóнці!...
Де жъ ти ділось-закоти́лось,
Ясне́ моє́ со́нце?

»Де ти зни́кнувъ? Покажи́ся,
Верни́сь на фили́ну,
И мене́ візьми́ зъ собо́ю
Въ те́мну домови́ну.«

Ота́къ бідола́шне дівча́ побива́лось,
Бігло за коха́нкомъ, слізми облива́лось.
Не плачъ ії ре́вний,
На крикъ побіде́нний,
Бага́то наро́ду въ ха́ту назбіга́лось.

»Чита́йте моли́тву!« просто́та гука́е:
»Се жъ душа́ Грицько́ва міжъ на́ми літа́е!
Се жъ ії вбива́ють
Катру́сини слёзи,
Зъ ми́ру не пуска́ють
Ли́нути въ рай Бо́жий!«

Чу́ю я те сло́во,
И ни́щечкомъ пла́чу:
Я Гри́цеву ду́шу
Своїмъ се́рцемъ ба́чу.

Ажъ тутъ обізве́тця
Письма́къ до грома́ди:
»Незна́ть що́ горо́дять,
Незнать що́ прова́дять!

»Де ті въ ка́та ду́ші
Літа́ють по ха́ті?
То ви́гадки ба́бські,
Щобъ діте́й ляка́ти.

»Дівча́ божевільне
Химе́ри ганя́е,
А те́мна темно́та
Роти́ роззявля́е!«

—»Ні, пісьма́ку!« обізву́ся:
»Вона́ се́рцемъ чу́е,
А темно́та чу́до ба́чить,
Хочъ не розуму́е.

»Ти вели́кі ре́чі зна́ешъ,
Незна́ні для лю́ду;
А, не ма́вши ёго́ се́рця,
Не поба́чишъ чу́да.

»Ти у не́бо прозира́ешъ
И въ зе́млю глибо́ко;
А безъ се́рця въ чуже́ се́рце
Не загля́нешъ о́комъ.«

Ло́мусъ.

САМЪ СОБІ.

Заспіва́ю, спогада́ю
Літа́ молоди́і,
А въ тихъ літяхъ, Бо́жімъ ра́ю,
Наді́і святи́і.

Заспіва́ю, спогада́ю
Вірную дружи́ну,
Обіллю́ німи́ми слізми
Німу́ домови́ну.

Заспіва́ю — хай дрима́е
Се́рце одино́ке,
А ти, ду́мо, злинь-розли́йся
Висо́ко-широ́ко.

Есть у світі пра́вда чи́ста,
И добро́, и во́ля, —
Иззива́й іхъ, моя́ ду́мо,
На ріднее по́ле.

Степи́ мої широ́кіи,
Цілино́ одвічня!
Хто зъо́ре васъ та засіе —
Сла́ва тому́ вічня!

Лани́ мої нео́рані,
Да́вні перело́ги!
До́ки по васъ блука́тимуть
Брати́ мої вбо́гі?

Вони́ о́рють васъ оча́ми,
Скоро́дять брова́ми,
Сіють ту́гу, поliва́ють
Дрібними слёза́ми.

Ой зроди́ жъ, вели́ка ту́го,
Ярую пшени́цю,
Збагати́ насу́шнимъ хлібомъ
Уббгу Вдови́цю!

П. Кулішъ.

Седьмой куплетъ этого стихотворенія построенъ на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Ой го́ре го́ре, нещасли́ва до́ля!
Ви́орала Мару́сенька ми́слоньками по́ле,
Чо́рними очи́ма та й заволочи́ла,
Дрібне́ньками слізонька́ми все по́ле змочи́ла.

ЛЮЛІ-ЛЮЛІ.

Хожу́-блужу́ по го́роду
Вели́кому, вели́кому.
Откри́въ би я свое́ се́рце,
Та нікому, та нікому.

Цвіте́ воно́, якъ Бо́жій рай,
По́тай ми́ру, по́тай ми́ру;
Ні лю́бощамъ, ві ми́лощамъ
Не йме вірн, не йме віри.

Ой се́рденько закри́тее,
Ти́хий ра́ю, ти́хий ра́ю!
Ніхто́ тебе́ не нівечить,
Бо не зна́е, бо не зна́е.

Цвіти́ жъ собі, живи́ собі
Само́тою, само́тою;
Втіша́й себе́ соло́дкою
Дрімо́тою, дрімо́тою.

А щобъ тебе́ лихі лю́де
Не вжахну́ли, не вжахну́ли,
Засни́, се́рце, довічнимъ сномъ...
Лю́лі-лю́лі, лю́лі-лю́лі!

П. Кулішъ.

СТАРЕЦЬ.

ДУМА.

Присвя́чена Наде́жді Олекса́ндровні Б.

Śpiewak, niestety! śpiewać nie mam komu.
Mickiewicz.

Бринь банду́ра, та й замо́вкне...
Чомъ же не зайгра́е?

Стоіть ста́рець підъ вікóнцемъ, —
Чóмъ же не співáе?

Ой ходúвъ би я по сéлахъ
Одъ хáти до хáти,
Ой співáвъ би на ввесь гóлосъ, —
Нікому співáти!

Якъ промóвлю *Христá-рáди*
(Велúкее слóво!),—
Скúба хлiба въ хлiборóба
Стáрцеві готóва.

Якъ спогля́не дóбре óко
На гóлову сúву,
Закликáють лю́де стáрця
У хáту щасли́ву.

»Сідáй, дiду, стáрче Бóжий!
Підкріпúсь варéнимъ,
Вúпий чáрку, згадáй нáшихъ
Рóдичівъ помéрлихъ.«

Я сідáю, підкріпля́юсь
На життя́ злиде́нне...
Ой я стáрець, — не старéче
Въ грýдяхъ сéрце въ мéне.

Поминáю усіхъ мéртвихъ,
А по живúхъ плáчу,
Що нікóго я живóго
Середъ нихъ не бáчу.

Ні съ кімъ сісти потужúти
Въ пóлі на могúлі;
Ні съ кімъ пiснею збудúти
Літá молодúі.

Молодóсте-одрáдосте,
Вóленько безъ крáю! (1)
Кому́ про васъ на старéчій
Бандýрі зайграю?

Чиé сéрце стрепенéтця
Одъ слóва живóго,
Що співáвъ я, вищувáвъ я
Віку молодóго?

Ой співáвъ я, віщувáвъ я:
»За малý годúну
Оживúть живéе слóво
Рідну Украíну,

»И праправнуки згадáють
Праращурівъ дíло,
И промóвить до нихъ въ пóлі
Усяка могúла!«

Ой співáвъ я: »Бýде жúти
Нáше слóво, бýде!«
Чи живé жъ воно́ у тéбе,
Безталáнний лю́де?

Не по сéлахъ прохожáю,
А по кладовúщахъ:
Спочивáе нáше слóво
Въ німúхъ гробовúщахъ.

Поховáли ми зъ дідáми,
Слóво, нáшу сúлу;

(1) Изъ народной пѣсни:
Та літáе орéлъ, та літáе сúзий
По висóкій висóкості:
Охъ и плáче кóзакъ, та плáче старéнький,
А по своíй молодóсті:
»Охъ и молодóсте-одрадóсте,
На сéрденьку своя́ вóля!....«

Гу́сто, гу́сто засади́ли
Ру́тою моги́лу.

Зеленіе, мовъ барвінокъ,
На моги́лі ру́та:
Що́ були́ ми, я́къ жили́ ми,
Якъ ги́бли — забу́то!

Ой замо́вкни, моя́ ко́бзо́:
Нікому співа́ти!
Промовля́ю *Христа́-ра́ди*
Одъ ха́ти до ха́ти.

Густи́й мо́рокъ скрізь по ха́тахъ,
Густійший въ буди́нкахъ,
Що нема́ души́ живо́і
Въ се́страхъ-Украінкахъ;

Що пони́климъ, вя́лимъ се́рцемъ
Німо́ту коха́ють;
Покоха́вши, паненя́токъ,
Німчиківъ рожа́ють.

Ой німу́ють по Вкраіні
Висо́кі пала́ти;
Густи́й мо́рокъ окрива́е
Пахарські ха́ти.

Бринь банду́ра, та й замо́вкне...
Мовъ пеке́льна си́ла
На живи́і моі стру́ни
Ру́ку наложи́ла.

Наложи́ла вона́ ру́ку
На гаря́чу ду́шу...
Ой співа́въ би, віщува́въ би,
Та мовча́ти му́шу.

П. Кулішъ.

ДУНАЙСЬКА ДУМА.

ПЕРВА ПОЛОВИНА.

(1648—1654.)

Ти́хо Дунáй, ти́хо
Несé чи́сту вóду; [1]
Задиви́лися дубрóви
На свою́ урóду.

Ти́хо Дунáй, ти́хо
Жóвті піски мúе.
Погляну я по берегáхъ —
Моé сéрце нúе:

Де, Дунáю бáтьку,
Твоі рíдні діти,
Що розійшлúсь-ростеклúся
По Бóжому свíті.

Одні на Вкраíні,
Дрýгі въ Московщúні;
Споминáють тебé, бáтьку,
При лихíй годúні.

»Нехáй споминáють
И въ пісняхъ співáють,
И до мéне доріженьку
Въ снегíдді верстáють.«

Вернýлись до тéбе
Зъ Украíни діти:
»Всю́ди, бáтьку, однáкова
Недóля на свíті.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твою́ во́ду пи́ти,
А по то́бі, Украіно,
Се́рденькомъ тужи́ти.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твое́ жи́то жа́ти,
А про те́бе, безтала́нна,
У пісня́хъ співа́ти.«

I.

Була́ коли́сь, ка́жуть,
Щасли́ва годи́на:
Якъ садъ рясни́й, процвіта́ла
Уся́ Украіна.

Ой хто жъ ти́і лю́де
Спасе́нні бува́ли,
Що въ красу́ ясну́, весе́лу
Іі прибіра́ли?

Були́ то́ пано́ве
Вели́кого ро́ду —
Каштеля́ни та княжа́та,
Ду́ки, воево́ди.

Вони́ узгряни́ччя
Лю́домъ осади́ли,
Одъ Татарви́ безбо́жноі
Зе́млю захисти́ли.

Поря́докъ дава́ли
Города́мъ и се́ламъ..
Процвіта́ла Украіна,
Бага́та, весе́ла.

Погля́нуть пано́ве
Одъ кра́ю до кра́ю —
Золоті лани́ фили́ють
Та дубро́ви ма́ють.

Погля́нуть пано́ве
Зъ ясно́го буди́нку —
Слу́ги въ ба́рвахъ позлоти́стихъ
Гуля́ють по ри́нку.

Не маки́, не ро́жи
Въ саду́ процвіта́ють:
То́ па́нії та панянки
Шовка́ми спя́ють.

Хва́лятця пано́ве
Кіньми дороги́ми,
Исповня́ють сріб'ні ку́бки
Ви́нами ситни́ми.

Гука́ють гарма́ти
Підъ па́нські вива́ти;
Одъ гучни́хъ мазу́рокъ хо́дять
Хо́доромъ пала́ти.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»Молоди́і лю́де:
Ходіть на́шимъ па́нськимъ ро́бомъ,
То все гара́здъ бу́де.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»И ви, малі діти:
Оце́ до́бра вамъ нау́ка,
Якъ у світі жи́ти:

»Въ по́лі се́рцемъ жва́вимъ
До бо́ю става́йте;

Дóма медú, вúна пúйте,
Та й не проливáйте.

»Не жáлуйте, дiти,
Трýнку дорогóго,
Изъ двора́ не випускáйте
Тверéзимъ нікóго.

»Нехáй брáття шлях̀та
Вáшу лю́дськість знáють, [2]
Нехáй вáшу пáнську гóйность [3]
Всю́ди прославля́ють.

»Немáе на свíті
Крáщого клейнóду, [4]
Якъ пáнськее слáвне úмя
Велúкого рóду.

»Немáе для сéрця
Більшоі утіхи,
Якъ пишáтись слáвнимъ рóдомъ
Во віки и віки!«

II.

Хто жъ то тúі лю́де,
Що понýрі хóдять,
На висóкиі будúнки
И очéй не звóдять?

Хто жъ то тúі лю́де,
Що зъ дóму втікáють,
Та крáщоі собі дóлі
По степáхъ шукáють?

Щó жъ то за бурлáки
Зъ дóвгими чубáми,

Що всю шля́хту, усіхъ ду́ківъ
Зову́ть ворога́ми? [5]

»То голо́та пъя́на,
Мужи́чні діти,
Що не хо́чуть у вельмо́жнихъ
Ла́ски запобігти.

»То сіро́ма те́мна,
Ви́нники, дейне́ки; [6]
Прошпе́тившись утіка́ють
У степи́ дале́кі.

»То злодійство хи́же
Кри́етця відъ ка́ри.
За́вше по́вні того́ хло́пства
Ви́нниці й брова́ри.« [7]

Ш.

Обізве́тця хло́пство
Поза города́ми: [8]
»Ой чи до́вго бу́де шля́хта
Гордува́ти на́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Ди́кими степа́ми:
»Ой чи до́вго владітиме
На́шими лава́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Зъ Вели́кого Лу́гу:
»Ой вернімось, коза́ченьки,
Шля́хті на послу́гу!«

IV.

Верта́лось бурла́цтво
Шля́хті догожа́ти,
Пи́шнимъ за́мкамъ та буди́нкамъ
Краси́ додава́ти:

»Блиску́чі буди́нки,
Стіни малёва́ні!
Якъ ви га́рно спя́ете,
Окри́вшись дима́ми!

»Ой вихо́дте въ по́ле,
Вельмо́жне жолнірство!
Бу́де вамъ вели́ка дя́ка
За все добродійство:

»Що ви Украіну
Га́рно захисти́ли, [9]
И коза́цтва въ Чо́рне море
Гуля́ть не пусти́ли; [10]

Що ви Украіну
Якъ садъ искраси́ли,
И слёза́ми підда́нськими
Всі тра́ви зроси́ли;

Що на́ша Вкраіна
Ста́ла шля́хті ра́емъ, [11]
А ми, ії рі́дні діти,
По степа́хъ блука́емъ.«

V.

Вибіга́ла шля́хта
Зъ блиску́чихъ буди́нківъ,

Манівцями утікала
Въ Польщу безъ патинківъ.

Обливалась шляхта
Дрібними слёзами:
»Добра наші, села наші!
Що-то буде зъ вами? [12]

»Предки наші славні
Королямъ служили,
И пустині Українські
Людомъ осадили. [13]

»Предки наші славні
Боронили волю,
И придбали браттямъ шляхті
Щасливую долю.

»Предки наші славні
Въ склепахъ спочивали,
А тепе́ръ іхъ гайдамаки
Съ трунъ повивертали!

П. Кулішъ.

Печатаніе другой половины откладывается на неопредѣленное время.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ »ДУНАЙСКОЙ ДУМѢ«.

1.—Стр. 26, ст. 2.

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Несе́ чи́сту во́ду;

Вода въ Дунаѣ очень мутна и становится, говорятъ, чище только осенью. Авторъ, дѣлая невѣрность, былъ ободренъ народною музою, которая подсказала ему эти стихи. Она воспѣваетъ тихое теченіе Дуная, тогда какъ онъ отличается своею быстротою и мѣстами имѣетъ опасные водовороты. Народная пѣсня начинается такъ:

Ти́хо, ти́хо, Дунай во́ду несе.

Есть прекрасная по складу пѣсня, въ которой говорится о мутности Дуная, но эта мутность приписывается причинѣ случайной:

Не журь мене, стара́ не́не,
Бо я журбу́ и самъ зна́ю:
До Дуна́ю приіжджа́ю,
Съ кони́ченька не встава́ю,
Въ піхву ша́блю не хова́ю,
Все зъ Дуна́емъ розмовля́ю:
Чомъ ти, Дуна́й, ставъ такъ сму́тенъ,
Ставъ такъ сму́тенъ, калому́тенъ?
Що, Дуна́ю, тебе зби́ло:
Чи галочки́ чорнокри́лі,
Чи ко́ники ворони́і,
Чи козаки́ молоди́і?
Ой чомъ коні гетьма́нськиі
Не пъють води́ Дуна́йськоі?
Ой не пъють, не спочива́ють,
Все на то́й бікъ погляда́ють,
Де козаки́ кіньми гра́ють,
Шабелька́ми поверта́ють.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ мутенъ Дунай въ натурѣ и въ этихъ безцѣнныхъ стихахъ народной пѣсни, онъ представляется совершенно чистымъ въ тихую погоду, когда въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются его прекрасныя рощи. Поэтому два слѣдующіе стиха:

Задиви́лися дубро̀ви
На свою уро́ду —

могутъ служить оправданіемъ стиху предъидущему.

2.—Стр. 29, ст. 7 и 8.

Неха́й бра́ття шляхта
На́шу людскість зна́ють,

Людскость (ludzkość), т. е. обходительность съ людьми, радушіе въ гостепріимствѣ, играла важную роль въ быту польско-украинскихъ пановъ, но любезность ихъ простиралась только на сословіе благородныхъ.

3.—Стр. 29, ст. 9.

Нехáй вáшу пáньску гóйность.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ авторъ считаетъ достодолжнымъ вводить слова польскія въ стихи, которые онъ вкладываетъ въ уста шляхтѣ. Хоть у него изображается собственно шляхта украинская, но она, бесѣдуя даже на своемъ родномъ языкѣ (который вообще презирала, яко языкъ хлопскій), употребляла слова своихъ руководителей въ аристократизмѣ—пановъ польскихъ. *Гойность* значитъ собственно — щедрость.

4.—Стр. 29, ст. 12.

Крáщого клейнóду,

Клейнодъ — драгоцѣнность, знакъ фамильнаго отличія въ гербѣ, знакъ власти, какъ-напримѣръ: булава, бунчукъ, печать.

5.—Стр. 30, ст. 2.

Що всю шляхту, усíхъ дукíвъ
Зовуть ворогáми?

Сохранился съ напѣвомъ, въ видѣ стона, слѣдующій отрывочекъ какой-то позабытой пѣсни, напечатанный въ *Южнорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ* Метлинскаго:

Та все пани́, та все ду́ки...
Позаіда́ли на́ші лани́, луги́ й лу́ки.

6.—Стр. 30, ст. 8.

Ви́нники, дейне́ки;

Дейнеками назывались бездомные козаки, народъ бѣдовый, отчаянный. По лѣтописи, всего больше они дѣйствовали, въ качествѣ партизановъ, во времена Выговщины. Слово *дейне́ка* ошибочно объясняютъ словомъ *дене́лкі* (словомъ несуществующимъ въ устахъ народа: есть слово *де́лкі*). Одна пѣсня начинается такъ:

Ти, коза́че Запоро́зький, дейне́ко,
Не заво́дь дівчи́ни відъ мату́сі але́ко.
Дівчи́на въ мату́сі — якъ утя́ надъ водо́ю,
А заведе́шъ її — вона́ бу́де сирото́ю.

Скитальческій бытъ дейнеки выражается и въ слѣдующей пѣснѣ:

Го́ре мені на чужи́ні,
Що не вку́пі брати́ мої:
Оди́нъ въ Січі ота́маномъ,
Дру́гий въ степу́ вата́жкою,
Тре́тій дійно-дейне́ченько.
Понадъ Дністро́мъ дійно хо́дить,
Де́вятеро ко́ней во́дить,
На деся́тімъ поізжа́е,
Дністра́ бра́томъ назива́е:
»Дністре бра́те, побрата́ймось,

Скажи́ річку Савра́нську
И прикме́ту коза́цькую.«
— »Вго́ру, дійно-дейне́ченько!
Тамъ річенька Савра́нська
И прикме́та коза́цькая.«

7.—Стр. 30, ст. 14.

За́вше по́вні того́ хло́пства
Ви́ниці й брова́ри.

За́вше—всегда. Должно-быть, въ старину чернорабочіе наемники при винокурняхъ и пивоварняхъ, а также при зажиточныхъ домахъ состояли изъ бездомныхъ бурлакъ, которыхъ легко было склонить на всякое отчаянное предпріятіе. Въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковникъ Филоненко вызываетъ ихъ на военные подвиги такимъ образомъ:

Ви, гру́бники, ви, ла́зники,
Ви, брова́рники, ви, ви́нники!
Годі вамъ по ви́ницяхъ горі́лоньку кури́ти,
По брова́рняхъ пивъ вари́ти,
По ла́зняхъ ла́зень топи́ти,
По гру́бахъ, по пе́чахъ спа́ти,
Товсти́мъ ви́домъ мухъ годува́ти,
Спи́ною са́жи витира́ти:
Ходіте зъ на́ми на доли́ну Черке́нь погуля́ти!

Не надо забывать также, что, въ извѣстные моменты Украинской исторіи, винниками, броварниками, будниками, грубниками, лазниками бывали Украинцы и по-неволѣ. Это обстоятельство возбуждало въ нихъ особенную готовность искать счастья въ войнѣ, противъ кого бы ни была она. Въ *Лѣтописи Самовидца*, въ исчисленіи причинъ войны Хмельницкаго, говорится, между прочимъ, о козакахъ: »...тогда бо оныхъ, не хотячихъ, чего не звыкли были панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожанія коней старостовъ держали, въ дворахъ грубу, т. е. печи, палити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли.«

8.—Стр. 30, ст. 16.

Поза города́ми:

Населенная часть Украины называлась *Городами*, или собственно *Украі́ною*. Открытыя степи, доступныя только людямъ кочующимъ и вооруженнымъ, назывались *Полями* или *Ди́кимъ По́лемъ*, а не то—*Степами*. Послѣднее названіе сохранилось до конца украинскаго козачества, т. е. до Уманской трагедіи и раззоренія Запорожской Січи, въ слѣдующей козацкой импровизаціи:

Степи́-поля́,
Степи́-поля́,
Ро́скішъ моя́!
Го́ді мені по васъ гуля́ти,
Ляхівъ, Жидівъ розбива́ти!

9.—Стр. 31, ст. 14.

Що ви Україну
Гáрно захистúли,

Какъ бы ни была велика оказанная намъ услуга, она можетъ быть уничтожена злоупотребленіями эгоизма. Притомъ же паны украйно-польскіе, приводя Украину въ возможно-цвѣтущее состояніе, заботились вовсе не о благоденствіи наибольшей массы ея обитателей. А старанія ихъ о ея безопасности были велики. Это, между прочимъ, видно изъ современныхъ брошюръ. Въ одной изъ нихъ (Polska Nizna albo Osada Polska etc. przez X. Piotra Grabowskiego, 1596) говорится, между прочимъ: Tatarowie ludzie Pogańscy, barbari niepotężni, do boiu goli, tak często a gęsto krainy nasze pustoszą——krainy nasze pograniczne, obfitoscią ziemie obiecaney podobne, w pustynią bydlęcą obracaią——Robotnikow naszych, ktorzy na nasz chleb robią, tych ledwo nie każdy rok po kilkudziesiąt tysięcy vymuią. A co nazałosnieysza, często się trafia, iż nierowno mnieysza liczba Pohancow, więtszą liczbę dusz Chrzescianskich braciey naszey, sromotnie w niewolą wieczną zabieraią — — Moskwa, acz barbari, illiberi, bez animuszu, bez serca ślacheckiego, a ci iednak o Tatary swoie, co im szkodnieyszy byli postarali się — — y teraz tuszą sobie, ze nic nie mieszkaiąc y Perekopskich dziesięcinnikow naszych, co v nas dziesięcinę wybieraią, opanuią, y iuż kilka zamkow nad nimi posadowili — — Заботясь о заведеніи на Украинѣ вооруженныхъ шляхетскихъ поселеній, этотъ добродушный политикъ XVI вѣка говоритъ: Mym zdaniem lepszy będzie brat moy Rycerz cwiczony, ktory mi w potrzebie na nieprzyaciela mego vprzeymie pomoze, na tym chlebie ktorybym ia miał cudzodziemcom dać, za dziecinne abo raczey niewiesciusze ich chwasty, aniż przednieysze Tureckie y Włoskie iedwabie, niż Wina Medyolańskie, niż sobole y marmurki Moskiewskie, niż aromata Indiyskie, y inne takie chwasty rycerstwu nieprzystoyne a zgoła szkodliwe.

Сообщаю еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ, въ который начались польско-украинскія войны.

....Część ich (панскихъ доходовъ) Turczynowi na kobierce, safiany, iedwabie, ec. Część Niemcom, Włochom też na iedwabie, sukna, płotna drogie, na wina y aromata rozmaite ec. Część Moskwie na futra, a ieszcze często tak niebacznie y szalenie, iż na wagę położywszy futro z złotem, ktore za nie daią, dziesięckroć, a pod czas złoto więcey będzie ważyło, niż futro. — — v nas iuż to w obyczay weszło, że skoro kto maiętnostki iakiey nabędzie, iuż musi rad nie rad koszto wieść, a ieśliż cudzodziemcom pieniendzmi nie ściele, za grubiana, niepolita y nie dworzanina go maią, a nawet y wyśmieią go.

Продавая плѣнниковъ, набранныхъ въ Украинѣ, Татары za pospolitego robotnika czterdzieści, pięćdziesiąt czerwonych złotych biorą, a za osobliwego iakiego vdatnego młodzienca y sto czerwonych złotych.

— — Tym się y Kozacka dzika drużyna, do sprawy, porządku y posłuszenstwa przywiedzie; y zabieży się tym trwogam y niebespiecznościam, ktore z kozackiego swowolenstwa na PP. przychodzą, y inszym ieszcze więtszym, ktore z tegoż swowolenstwa z czasem vrość mogą, abowiem wiele ich, co by się do kozakow vdać mieli, nawet y ci sami co w kozackiey drużynie będą, do rycerstwa się tego vdadzą, gdzie sławą swą y dusznym zbawieniem swym y z pewnym opatrzeniem swym, z małżonkami y dziatkami swymi vczciwie przed Panem Bogiem y ludźmi żyć będą mogli, daleko przystoyniey niż v ko-

zakow, zaczym kozakom drużyny y mocy nie będzie dostawało, ze się ni ocz kusić nie będą mogli, y owszem sami kozacy w to się Rycerstwo zacne, sprawne, y W. K. M. posłuszne przeformuią.

Это замѣчательная черта старопольской исторіи, что козаками дѣлались не мужики собственно и не Украинцы собственно. Аристократизмъ польскихъ пановъ, возвышенный почти до олигархическаго монархизма (если такъ можно выразиться) и освящаемый ученіемъ тогдашней Церкви, породилъ въ самомъ нѣдрѣ польскаго государственнаго общества множество реакціонеровъ, которые, увлекаясь, какъ вообще бываетъ въ исторіи, собственными интересами, вмѣстѣ съ тѣмъ готовили неизбѣжное разрушеніе стараго порядка вещей. Приведу изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки интересную выписку о томъ, что *козачество*, подъ инымъ названіемъ, являлось иногда, независимо отъ украинскихъ волненій, вовсе не въ украинской части Польскаго государства. Въ рукописи Л: F, отд. IV, № 99-й, подъ заглавіемъ: Stanislawa Lubinskiego Listy królewskie do roznych, 1600, на листкахъ 42—48, читаемъ слѣдующее: »...wiele a pewnie większa część ukrzywdzonych odchodzi od nayprzednieyszego tego Seimowi powagi sprawiedliwosci throna besz sprawiedliwosci. Trzeba na to nowego sposobu (это — Instructia na seim walny koronny) — — aby domowy rząd y pokoy pospolity władza zwierchnosci swey w iednakiei się trzymała klubie, ale przemaga priwatna swawola, bo się to iusz zagęściło, ze prawo pospolite zniewazaiąc kazdy gwałtem swego dochodzi, privatni osoby Woysko zebrac, ludzi cudzoziemskich nawiesc, chorągwie roscągnąc, bitwe ieden z drugim wstępnym boiem zwiesc, Panstwa postronne naiachac, pokoi zerwac, a mimo to wszystko, choc Pan napomina zakaznie, zwierchnosc zniewazyc, nic to v nas.——V nas, zal się Boze, do tego przyszło, ze kto ieno tylko moze, do gwaltu się vcieka, gromada, zwody, Woyska sądy obsadzaią, naiacha ieden drugiego, iuz to rzecz zwyczayna, własnie iakoby zwierchnosci, iakoby Pana, iakoby prawa w Polscze nie było. Zguba to Rptey, iawny vpadek wolnosci, ktorą takowa Anarchia wyniszcza. Nie dawnosc to w Polsce nastało, ale prętko, strzez Boze, wzruszeniem wnętrznego pokoiu, vciskiem ludzi vbogich, contemptem prawa, zniewazeniem vrządow wyroscic y zgubic moze, iesli się wczas temu nie zabiezy. Trzeba na to ostrzego prawa, bo dawne iuz tak stępiały, ze się ich ten telko boi, kto nie ma moczy, a komuz trudno, gdy się odwazy, a zwłosca przi tak rospusczony y smiały swei wolei? Patrzalismy w tym roku na Woyska, od prywatnych zebrane, doznalo Xięstwo Mazowieckie y Prussy, a pewnie samo W. K. Litewskie niezmiernych od nich ciężarow, łupestwa, gwałtow y mordow. — — Nowe czasy, nowe obyczaie praw nowych potrzebuią. — — I tec są choroby nasze, to nas, z nas samych pochodząc, gubi. — — Далѣе (на оборотѣ 58 листа въ Vniwersalie przeciw swowolnikom, 1615, kwietnia 28, изъ Варшавы) король пишетъ: — — w tych dniach kupa znaczna ludzi z przeszłey Confederatiej mimo obowiązek (po wzięciu dostateczney zapłaty) na się dany swowolskie horągwie roku przeszłego podniesli, szkody wielkie w Koronie y W. K. Lit. a mordy, pozogi, łupiestwa w Księstwie Pruskim poczynieli, znowu teraz w takoweyze na łupy y mordy odwazney gromadzie do Korony weszli, aby się na wszelaką potęgę, z mieisca do mieisca się pomykaiąc, sposobiwszy swemu złemu przedsięwzięciu, z ktorym na zgubę oyczyny odwazyli się, dosyc uczynili. Въ заключеніе, король проситъ воеводу кіевскаго и гетмана короннаго гасить этотъ *огонь*, въ такихъ же выраженіяхъ, какія потомъ употреблялись въ воззваніяхъ

противъ Хмельницкаго. Кто читалъ Pamiętniki Paska, достойные прилежнаго изученія, тотъ вспомнитъ выраженіе одного пана о безпорядкахъ, происходившихъ передъ глазами гетмана и подскарбія литовскаго, Гонсѣвскаго, въ 1662 году: tu u nas sprawa kozacka. (Pam. Paska, изд. 1860, стр. 162). Поразителенъ отвѣтъ Крымскаго хана на просьбу пановъ принять участіе въ ихъ междоусобной войнѣ (1663): ....oznajmił (ханъ), że tego nie uczyni, obiecując to nagrodzić na inną usługę, ale nie na tę wojnę, gdzie brat na brata szablę dobywa. (Тамъ же, 173).

10.—Стр. 31, ст. 16.

И козáцтво въ Чóрне мóре
Гулять не пустили.

Въ наше время почти всѣ соглашаются, что относительно козацкихъ набѣговъ на Татаръ и Турокъ Польское правительство поступало благоразумно. Событія, однакожъ, противорѣчатъ этому мнѣнію, и въ XVII вѣкѣ были между Поляками люди, стоявшіе за козаковъ. Въ одной изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки (Л: F, отд. XVII, № 33, стр. 107—112) авторъ нашелъ слѣдующій интересный документъ.

Sententia o uspokoieniu Woyska Zaporoskiego jednego slachcica Polskiego.

Wiadoma iest rzecz kazdemu, ze crescentibus w Vkrainie coloniis crescit Woysko Zaporoskie, ktore przy Czerkasach tylko koczowało, a więcey nie bywalo go, tylko dwa tysiąca; stąd y Moskwe, ktora po dzis dzien Kozakow Czyrkasami zowie, naiezdzali, y w polu chodząc z Tatarami vstawicznie vganiali się, z Dniepru na Czarne Morze wodą wpadali, tandem longe.... (*) zasiedli włosci, z ktorych coraz większe pomnozenie Kozacy wzieli, iako tedy, nonnisi sublata causa tollitur effectus, tak ktoby chciał extropare Kozakow, musiałby reuocare ad sua principia, to iest z wlosci tamecznych vczynic pustynią, dla kąkolstwa ac pszenice et propter spina scindere rosas, zniowszy ztamtąd swoie wlosci, musiała by Rzeczposp. cierpiec koczowiska Tatarskie na tych mieyscach. Dla tego y dla woyny Tureckiey, na ktorą y wodą y lądem są potrzebne Kozacy, i nie resolwowała się Rzeczposp. y resolwowac się nie moze na takowe extrema, srodkow zas y sposobow roznych kosztowała na zatrzymanie ich w lepszym porządku, ale im ostrzey z nimi postępowano, tym fortius oni z tego wyłamywali się. Ztąd tak często ponosi niewczasy Rzeczpos. y częste a krwawe z nimi odprawowac musi woyny. Jakoby tedy consulere temu y iescze skutecznieyszych poszukac sposobow w tak ciężkim teraznieyszym Oyczyzny razie, co rozum y experientia optimi consiliary suadent nobis, tegobym ia iescze sprobowac zyczył. Nie vleczy nikt choroby, poko iey non penetrat causam et radicem, tot sentiendum. W tey sprawie, chcząc szkodliwe skutki zniesc rozruchow Kozackich, potrzeba indagare, cognoscere et tollere causas, ktore byto miały byc causae causantes paroxysmy na Rzeczpos. insolentyą Kozacką. Ia cztery bydz znayduie: pierwsza—zabranie pola y morza; druga—urzędow Vkrainnych z nimi zwada; trzecia około podawania y starszyzney confusio; czwarta—pura malitia. Quod primum, Ko-

(*) Списано мною съ весьма нечеткаго почерка, и нѣкоторыя слова остались непрочитанными, или подъ сомнѣніемъ.

zacy szablą zyc nawczyli się, pola y morza pilnuiąc, iakoby tedy alienam kazano im imbuere naturam, gdy im kazano poniechac tego. Cierpieli poki mogli, ciągnela przecie zawsze natura iako wilka do lasa, y tak długo ten wrzod zbierał się, az się spukł. Quibus causis constituetur Civitas, üsdem retinetur. Aze nie ta była Constitutia Woyska Zaporoskiego, (żeby) zyc bez pola y morza. dla tego tesz w tym porządku zatrzymac się nie mogli tak długo y nie mogą, przenieslismy niewczas Turkow y Tatarow na nas samych y oyczyzne naszą. Zabronilismy lasu, zdobyczy—szukaią iey v nasz; do nasz tesz Orde na pomoc biorą sobie, z ktorą przedtym w polu o grunty Rzeczyposp. zawsze się vganiali. A do tego otia dant vitia: zolnierz patriae suae, gdy mu służby nie stanie, albo iey w cudzey ziemi szuka, albo seditiosus doma bywa, czego tot exempla mamy Czesarczykow, Lisowczykow et id. genus. Ta tedy iest prima causa et praesentis calamitatis Rzeczyposp. y zawsze tumultus kozackich dawnych zabaw y zdobyczy zabronienie cum otio vitioso złączona; sequitur conclusio: albo tollere causas, albo causas pati. Quod secundam causam, ita est demonstrativa et palpabilis, ze przedtym bywały z occaziey contentionis Vkrainnych Podstaroscich Woyny y teraznieysza, y ztądze origo Kumeyskiey Woyny y potym na Starcu skonczoney. A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi od jednego Vkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się y magna pars Vkrainy zniesiona, y inszey woyny taka przyczyna, me tacente liquet. Jakosz temu zabiezec probowała Rzeczposp. roznych sposobow, dawała y Pulkownikow slachte, formowała skutecne spawiedliwosci między Kozakami a Vrzędami Vkrainnymi, nic to nie pomogło; vis tollere effectum, extingue causam, iakosz to rozumiec tak: albo Kozakow przeniesc, albo z nich vrzędnikow wyniesc; i aze Kozakow przeniesc od Dniepru, szlakow y od Zaporoza—y niepodobna, y non expedit Rzeczyposp. to sequitur, ze owych od nich (seruatos seruam) potrzeba wyniesc y tak się sprawic, iako z powietrzem. Maią li po włosciach..... swoim zapowietrzac Kozacy totam plebem, maią li zwady czynic Podstarosciowe Rzeczyposp. wszystkiey z Kozakami, satis est odwazywszy particulam dobr Rzeczyposp. tanqm peste infectos, zawrzec w niey y z nimi wyprowadzic zwad wszystkich occasie y ich extropare radicem. Prodibunt.... ex imaginatione et apprehentione futuri..... periculi contrarie omnes huic remedia. Lecz futuris periculis, iesliby iakie miały emanere, futurum tempus prouidet consilia; nos praesens curamus malum, ktorego zbyc nie mozemy gruntownie, tylko sublata causa. Quod tertiam causam, ta zwykła bywac z zamieszania się między sobą Kozakow, gdy im kommissarze KJM. podawali Hetmanow, a im się nie podobał Hetman, a wnet albo zabiią, albo topią. O co się potym bierze Rzeczposp. y ztąd woyny bywaią, gdy tedy z podawania tego Starszego Hetmana korzysci niemasz Rzeczyposp. tylko zwada. Y tę causam ampulare: niech sobie y obieraią, y zabiiaią; nie wdawac się w to, ktorego obiorą sobie..... tego im stwierdzac. Mogą się kiedy między sobą zamieszac około tego sami y dac occasią, ad melius esse, ze lepiey ich rozwadzac o to będzie, nizeli się wadzic. Quod quartam causam, ze pod czas bez wszelkiey occasiey tumultuią się ex pura malitia, iako był Nalewayko, a takze Kosinski y Podkowa. Ta iuz excluditur bo taki to tu moze powstac, iako y powstali z iakiego kolwiek kraiu, a nie z woyska Zaporoskiego, ale tesz takiego, iako odkrytego rozboynika, iuris nullum praetextum habentem, y postrzedz latwiey y segregare et in herba reprimere, a do tego trzy occasie zniowszy tumultow y seditiey Kozackich, tak

wyprozniwszy ab omni infectione corpus na to iedno accedans łatwiey miec ono, iako te wszystkie occasie maią swoie praetexty, tak pura malitia y rzadko się przydac y sama siebie zawstydzyc y długo trwac nie moze y zgoła samaby siebie arguere musiała. To tak deducowawszy, ze gdy Kozacy nie będą otiosae, nie będą tesz vitiosae, y gxy będą zdobydz y pozywienie mieli wolne tam, gdzie miewali, v nasz iey szukac nie będą y gdy będą, w polu zawsze wadzili się z Tatarami, straszna y szkodliwa liga mieysca nie będzie miała, y gdy będą sami in oc . . . . . tesz tych, z ktorymi się wadzywali, mieszkali, okaziey do Rzeczyposp. miec nie będą, chyba się sami z sobą wadzic zechcą; a gdy będą sami sobie obierali Starszyzne, choc ich topic i zabiiac będą, my się z nimi o to wadzic nie będziemy. Przychodzi rzecz do takiey conclusii, ze iesli non fallit ratio his sublatis, ktorę widomie causant seditie y tumulty Kozackie, następnie reuolutio spokoynego zatrzymania woyska Zaporoskiego y zawziętey iadowitey hostilitatis vsmierzenia y ligi szkodliwey z ordą restrictia. Ale zostaią escze obiectiones, ktore by mogły contra primum remedium formowac się et contra secnndnm, contra tertium, ze wolnosc kozacza zachodzi z Turczynem pacta. Contra secundum, ze zawsze Kozakow samych . . . . moze miec w sobie iakie potomne periculum, te to resoluere velim. Naprzod tedy, ze pacta z Turczynem zachodzimy: nie pisalibysmy w Commissiey ani w ordinaciey pola y morza facultatem Kozakow, ale tak tylko, ze przy dawnych wolnosciach zachowuiemy. A skoro Kozakom ipso facto wolno morze z Turczynem zas rzecz taką sama sacra veritas firmat: trzymalismy kozakow w kawecanie cum tanta sanguinis profusione, a to morze twoie czarne wolno było od naiazdow. Zatrzymywalibysmy y do konca, lecz Tatarowie twoi, nie kontentowawszy się tym, ze, na kazdy rok łąmiąc pacta, Panstwa koronne naiezdzali, złączywszy się y spiknąwszy się zdradziecko z Kozakami, fortece, ktora broniła do morza, przeieli y Hetmanow z woyskiem zniesli y poszedszy in visceras regni, ferro et igne pustoszyli ią. Ządamy, vczyn nam y sobie spawiedliwosc z Tatarow a bydz ostrozny od Kozakow, bo my pacta z tobą trzymamy, ale za poznoszeniem fortec przez spolną rękę Tatarow y Kozakow, zatrzymac Kozakow nie mozemy; albo tedy pokaray orde y tak wez w klube Tatarow, iakoby y my do pierwszego porządku rzeczy przywiesc mogli, albo ci swawolne ac utrinque, byle woyska się nasze nie mieszały; naszych pact niech nie naruszaią, a zas Porta Otomanska niechay od Kozakow miast swoich na morzu broni, a my Tatarow bronic się będziemy Albo to przyimie Cesarz, albo nie. Jesli przyimie, posadziwszy kwarciane woysko v Braclawia y przyczyniwszy go za to, cosmy Kodak opatrzywac y Tatarom vpominki dawac mieli, Czarny szlak tak potęznie, iak iuz nastąpiela potęga Kozacka, zawarszy, z Kozakami zostanie Rzeczposp. bezpieczna. Jesli tesz nie przyimie Turecza Porta takiego pactu, przy niey, nie przy nas foedi fragium; a kiedy przydzie naycięsza, ktokolwiek ma rozum, sentiet ze lepiey woyną Turecką, nizeli bellum intestinum pati, z ktorego generatio Poganska nostra corruptio widoma pochodzi. Są tego nulla rationes. Ja tylko dam cztery: na woyne Turecką wszyscy Chrzescianie dopomodz mogą; na domową nikt nie pomoze, owszem niektorzy—strzez Boze—do ruiny naszey przyczynic by się chcieli. Woyną Turecką retunditur liga; z Ordą kozacką bello intestino firmatur et nostrum robur firmatur. Ratio woyny Tureckiey—sedes Woloskiey Ziemi, a Oyczyzny calosc; intestino bello sama w sobie ruina widoma. Ratio, iesli woiowac lepiey coniuncta manu Christiana z nieprzyiacielem Krzyza Swiętego, nizeli z samym sobą lepiey cum ari Monar-

cha, nizeli z wlasnym chłopi, lepiey in pari ale w Martis o panstwa, anizeli z Kozakami o ich siermięgie, a o swoie Panstwo; lepiey umrzec in sacro bello z Turkami, nizeli nikczemnie od chłopa. Albo niebo pokoy nam przywrocic chce y pryimie Porta Turecka pactum, albo woyne gotuie, ktorą iesli ma dopuscic Pan Bog, o imie Jesusa Christusa Pana naszego vmierac y niebo sobie zasługowac, anizeli w krwawym domowym potopie nikczemnie ginąc volemy. Co iusz do drugiey obiectièy, ze to periculosum bydz moze dac samym Kozakom particulum fundi, wspom'nało się wyzey, iz praesens malum gorsze iest nizeli futurum, bo de futuris contingentibus non datur scientia; moze tak bydz, iako sobie imaginuiemy, moze nie bydz; to zas malum, ktore iusz nas praemit de facto, curandum, a do tego cokolwiek rozumiemy bydz co in passo periculi obwarowac commissią y iuramentami ut fidem Reipub. niewchodzenie w conspiratio z postronnymi, nieprzechodzenie cyrkułu zamierzonego, nieprzyimowanie poddanych, niewychodzenie na wlosc, stanowienie woyska liczby pewne na kazdą potrzebę Rptey et reliqua. Na ostatek rerum .... albo iesli to pomiesza, albo w swey klubie zostanie. Jesli się pomiesza, redibit ad Rempublicam totam, awteraznieyszym czasie, ze się Rpte wydzwignąc moze vel hoc benefitio plautibili populi, dosyc z nas będzie iesli tesz ta constitutia będzie durabilis, a Oyczyzna w pokoiu. To iest voti nostri caput y o to Pana Boga wszyscy prosimy. Accedant allius .... ingeniae et propinent Oyczyznie qui salubris et conducibilis; mihi satis est. Ode mnie Oyczyznie .... co ex magistra rerum widziec mogłem y tak concluduie: Niech Kozacy, iak byli, tak będą, gdzie chodzili, tam chodzą, co czynili, to czynią; niech in uno rotulo zawarci zostaną et ex ead. particula danych sobie włosci płacą sami sobie, a Rptey (sublata occasione wszelkiey zwady) służą; niech z Tatarami wadzą się, nie brataią, a Oyczyzna niech ma z nich y JKMPN Mlciwy poddanych y sług, a nie nieprzyiacioł.

Янъ Рудавскій также полагаетъ, что, еслибы не препятствовали козакамъ воевать съ невѣрными, то не было бы бунтовъ козацкихъ. Jedyna to taiemnica do zatrzymania w przyiazni i posłuszenstwie lud ruski do buntu pochopny, a na wszelkie przedsięwzięcia zuchwały. Hist. Polska, I, 9.

11.—Стр. 31, ст. 21 и 22.

Що наша Вкраіна
Стала шляхті раемъ,

Замѣчаніе инженера XVII вѣка, Боплана, что паны въ Украинѣ блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ, извѣстно каждому. Оно потверждается и другими печатными документами; а то вотъ выписка изъ рукописной записки о Польшѣ итальянца Петра Дуодо (1598 г.), добытой для автора, въ Венеціи, Н. Я. Макаровымъ: Quando alla trattation dei popoli la nobiltà universalmente è in tanta licentia per la suprema autorità ch'ella ha nell diete, che non ha ne legge ni ordini che la ritengono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizzati dai nobili che a pena possono dire haver libero l'habito che portono; et sopra gli altri quei della Littuania, i quali benchè raccolgono abondantamente, tuttavia non gliene resta per poter nudrirse et de lore familie, et questi ancora si possono dire ancora felici chi arrivono a poter vivere, in confronto di quelli

chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari. (Relatione di Polonia del clarissimo Pietro Duodo, nel 1598.) (*) Скарга, въ одной изъ сеймовыхъ рѣчей, упрекаетъ пановъ такъ: Dotknąćby i onego złego prawa, którem kmiecie i wolne ludki Polaki i wierne Chrześciany poddane ubogie niewolnikami czynią, jakoby *mancipia* kupieni abo na wojnie sprawiedliwej poimani byli i czynią z niemi drudzy co chcą na maiętności i na zdrowiu i gardle, żadnej im obrony i forum żadnego o krzywdy ich — drugdy nieznośne — nie daiąc i na nich *supremum Dominium* (na które się samy wzdrygamy) stawiąc, etc. etc. (Kazania Sejmowe, str. 95—97).

12.—Стр. 32, ст. 3—6.

Облива́лось па́нство
Дрібними слёза́ми:
»До́бра на́ші, се́ла на́ші!
Що-то буде зъ вами?«

Этими стихами авторъ желалъ напомнить читателямъ слѣдующее простодушно-вѣрное замѣчаніе лѣтописца Грабянки о панахъ украинскихъ, основанное, конечно, на той истинѣ, что, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше: »Въ тихъ часѣхъ Іеремѣй Вишневецкій, послишавши зъ Лубень, зъ войскомъ своимъ и зъ всѣмъ дворомъ, заплакавши по маетностяхъ, до Полщи рушилъ.« (Стр. 51—52). Коронный хорунжій Александръ Конецпольскій писалъ въ своемъ универсалѣ 1648 года, 31 мая: »...когда всѣ мы проливаемъ слезы (wszystkim nam łachrymis prosequentibus), потерявъ всякую надежду,—эти вѣроломные... ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ объ убійствахъ, пожарахъ, опустошеніяхъ и истребленіяхъ.« (*Памятн. Кіевск. Комм.*) II, отд. 3-й, стр. 44. Тамъ же, на стр. 31, см. сѣтованія Адама Киселя о потерѣ ста тысячъ злотыхъ годового доходу на лѣвой сторонѣ Днѣпра. У него оставалось еще, по его словамъ, отъ десяти до двадцати тысячъ злотыхъ годового доходу, но онъ, какъ истинный панъ, восклицаетъ: »Мы будемъ нищими, подобно нашей лифляндской братіи!«

13. — Стр. 32, ст. 7 и 10.

Пре́дки на́ші сла́вні
Королямъ служи́ли,
И пустині Украінські
Людомъ осадили..

Честь и слава имъ за это, а всё-таки не слѣдуетъ ломать стульевъ, хоть Александръ Македонскій и великій человѣкъ. Но, оставляя Гоголя съ его безсмертными насмѣшками, примѣнимыми не къ однимъ Русскимъ, обратимся къ документамъ, которые для автора—а можетъ быть и для его читателей—интереснѣе его стиховъ. Украинскія пустыни отдава́лись королями во владѣніе панамъ съ условіемъ населить ихъ, жить въ нихъ лично и, въ военное время, защищать ихъ отъ непріятелей. Такъ Владиславъ Ягелло пожаловалъ на По-

(*) Эта выписка сообщена авторомъ Н. И. Костомарову для пораженія кого-то изъ рыцарей Польской старины и, вѣроятно, употреблена имъ въ дѣло; но—repetitio est mater studiorum.

дольи (Украина у насъ вездѣ, гдѣ аборигены говорятъ по-украински) Томку изъ Коморникъ село Соколъ. Fia tamen, сказано въ жалованной грамотѣ 1406 года) quod in terra Podoliae, propter defectum hominum, residentiam faciat personalem, et ad singulas expeditiones nobis cum una lancea et duobus sagittariis idem Thomco et ejus successores obsequi tenebuntur et servire, sic etiamcum expeditiones domesticas, utpote circa defentiones terrae cum omnibus hominibus nobis et nostris successoribus venire sint astricti, et dationes, contributiones, laboresque, quibus cunque nominibus vocitentur, quae antecessoribus nostris ducibus, et principibus Podoliae, et possessoribus ipsius solvi solitae fuerant Nobis per kmethones et incolas praedictae villae efficaciter persolvan, tur. (*Zrzódla do Dz. Polsk. wyd. prz. Mich. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego*, I, 154.) Что паны обращали въ населенныя мѣста именно *пустыни*, это видно, между прочимъ, изъ грамоты Витольда, жалованный въ 1383 году. Тамъ сказано: ... ведомо чинимъ — — аже есмо допустили садити село Княжую Луку на сырому кореню у Подольской земли, у Каменецкомъ повѣтѣ, межи реками Морашками, до берега Морашки Сенковской, зъ лѣсомъ, што зовутъ Стрыіовъ Рогъ и Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаетъ Морашка Сенковская у Мурахву Великую, Василеву Корачевскому, слузѣ нашому... (Тамъ же, стр. 144).

ВУСИ.

Пантелеймону Александровичу Кулішу.

Літъ сóрокъ назáдъ, а мóже й бíльшъ, вúбрали менé въ засідателí. Замолоду служúвъ я въ военній, въ кавалéрії ще, такъ знáете, не хотілось мині зробúтьця тимъ крюкóмъ. Ну, дворя́нство стáло прохáть, »послужи́,« кáжуть, »громáді, гóді тобі слúви сушúть, та солúть, та наливáть.» Смію́тця, бáчите, бо я зъ Опóшні; а тутъ ще жінка присíкалась: »лу́чче,« кáже, »служúть, чимъ бáйдики бить, та зъ Мáрьею Улáсовною въ маріяша грать!« (Булá у насъ сусідка такá, знáете, якъ співáють: *иду́ собí, підскáкую...*) Нічого булó робúть, — отъ я й згодúвсь.

Черезъ недíль двí, прислáли мині повістку, що губернáторъ утвердúвъ вúбори, и щобъ я *неукоснительно, зъ полученія сего, прибувъ въ г. Полтаву, для принесенія достодолжной присяги.*« Вúняла жінка зъ скрúні мій милиціóнний козакúнъ; щó порвáлось — позашивáла, та швидéнько й вúпроводила, и зъ Мáрьею Улáсовною не далá попрощатьця; и въ гóлову вонá собі не клáла, якé лúхо менé тамъ стерегló...

Въ неділю, пíсля слýжби, присягáли, и зъ соббру прямíсенько поíхали до нàшого предсідáтеля *учинить явку*. А предсідáтелемъ тоді бувъ той... що прозвáли: »велúке діло—опéньки:« нехóчу ёгó й згáдувать, бо вмеръ,—цуръ ёму, щобъ ще й не вúлаявъ! Приíздимó, ввíйшли въ передню, на двéряхъ стоíть лакéй въ каптáні, въ німéцькихъ галáньцяхъ, не зъ нáшихъ, — зъ предсідáтелемъ зъ Москвú приíхавъ.

»А щó,« питáемъ: »чи прийма́?«

»Нікáксъ нѣтсъ,« кáже: »егó превосходíтельство не извó-

ляться принимать, неугодно ли вамъ росписáться.« И покáзуе пáльцемъ на книгу, що лежúть на столі въ зелéнихъ палятýркахъ.

Гляну́ли ми одúнъ на дру́гого, здвигну́ли плечáми, та й стоімó якъ вкóпані: не знáемо, щó и робúть. Тоді не булó ще у насъ того́ звичáю, що якъ розвóзять ту *визúту*, та приіде мéнший до стáршого, то не дає билéтика, а тільки розпúсуетця.

»Что́ жъ, господá,« кáже лакéй, »ротú пороззявляли, извóльте записываться.«

»На-бíса жъ?« питáемъ.

»Такъ угóдно,« кáже, »его превосходительству.«

Стали совітоватьця, щó воно́ за нечúста мáти ся книга; одúнъ кáже: »се, може, той альбóмъ, що на пáмьять вірші пúшуть, та пробúті стрілáми серця́ малюють;« дру́гий кáже: »мóже схотілось предсідáтелю побáчить, якúй у кóго пóчеркъ.« А лакéй такъ надъ душéю й стоіть: »пишіть та й пишіть!« Отъ Кирúло Онýфріевичъ Пищú-Мýха, якъ грамотніший між нáми, й кáже: »мóже вінъ дýма, що ми й писáть не вміемо?« — взявъ перó, трóшки подýмавъ, та й начеркáвъ:

»При сей вѣрной оказіи, спѣшу выразить душевное мое прискорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишонъ щастя, лично засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и преданность, съ которыми почтеннѣйше честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій....« та й закрутúвъ... (Дé бъ—то ёмý не написáть: самъ тéрся по тихъ Петенбýргахъ!).

Дає пірó,—такъ всі одъ нёго, якъ одъ чóрта, жахáютця. Одúнъ дру́гого штовхá: »берú ти!« »ні, ти берú!« Дáлі до мéне: »починáй,« кáжуть: »якъ тобі не вигадать? ти жъ на всю Опóшню брехýнъ!« Взявъ я те прокля́те пірó, дýмаю: що бъ мині написáть ёмý на пáмьять? Встромлю́ въ чорнúлицю, налáгожусь писáть, и знай стромля́ю: нічóго въ гóлову не лїзе! А тутъ ще кругóмъ обступúли, дúвлятця, а лакéй трóхи въ потúлицю не штовхá. Примірявсь, примірявсь, а дáлі й дýмаю: вїнъ дýже ласúй до дівчáтъ, нехáй же посміетця,»—взявъ та й надрочúвъ:

»И вчóра галушкú и сёгодня галушкú:
»Прийдú, прийдú, сéрденько, на бїлиї подушкú;
»И учóра кулішъ и сёгóдні кулішъ:
»Прийдú, прийдú, сéрденько, мою́ дýшу потішъ.

Пі́дписа́вся, та ще й закарлю́гу загну́въ, якъ хвістъ у хорта́. Тутъ вже за мно́ю и дру́гі почали́, хто написа́въ:

»Спро́бовать пера́ й черни́ла,
»Що́ въ ёму́ за си́ла:
»Такъ перо́ пи́ше,
»Якъ му́ха ди́ше.«

Хто розма́зався тимъ »глубочайшимъ,« а покійникъ Назаръ Семеновичъ Тупу́–Тупу́–Табуне́ць Була́ненький, *при сей вѣрной оказіи*, ще й жа́лобу на свого́ сусіда напи́савъ, що ззівъ у ёго »многопло́дного« инди́ка. Отта́къ запи́суемось, а дия́вольский лаке́й а́жъ мо́рду на бікъ гне та рего́четця.

»Не скажетъ вамъ,« ка́же, »его превосходительство за это писанье спасиба!«

»А що́жъ?« ка́жу: »якъ вмі́ли, такъ и написа́ли; ёму́ жъ схоті́лось на́шого писа́ння, — неха́й и чита́е по суббо́тахъ.«

Пі́сля сёго, розъі́хались гарне́нько по кватира́хъ и ні га́дки собі. Ажъ у ве́чері, принісъ до ме́не пала́тский сто́рожъ бума́гу. »Прочита́йте,« ка́же »и роспишітця.« »Що́ за вра́жа ма́ти,« ду́маю, яку́ мо́ду ви́гадали! такъ ба́чите воно́ й лего́нько роспи́суватьця! Прочита́въ, — тільки й напи́сано:

»Его превосходительство, господинъ статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, предлагаетъ Г.г. членамъ всенепремѣнно явиться къ нему завтрашняго числа въ десять часовъ пополунощи.«

»Се, ду́маю собі, на заку́ску приглаша́,« — та взявъ и росписа́вся: »бу́ду; хліба й со́ли не цура́юсь.« Хто ёго́ въ—біса й сподіва́вся, яка́ тамъ хлібъ-сіль бу́де!

На дру́гий день, якъ разъ въ де́сять часівъ, зібра́лись ми до предсіда́теля. Хо́димо по за́лі; вже й одина́дцять проку́кало,—ні самъ не вихо́дить, ні заку́ски неприготовля́ють, а вже пора́ бъ и червяка́ замори́ть. Отта́къ додержавъ насъ до двана́дцятого ча́су; да́лі лізе зъ кабине́та, въ мундирі, въ бі́лихъ штаняхъ, щось на ши́ї теліпа́етця, ще й пе́рстінь на па́лець настроми́въ. Тілько ви́ткнувсь зъ двере́й, такъ за́разъ на ме́не й ви́тріщивсь, посатанівъ, ажъ зъ ви́ду зблідъ. Тутъ ёму́ кла́няютця; хто бубони́ть: *»честь имѣю явиться,«* а вінъ, ні па ко́го не гля́нувши, прямі́сінько до ме́не, — якъ кри́кне:

— »Къ кому́ вы явились?«

Дивлю́сь на ёго, чи не здурі́въ, ду́маю: чого́ се вінъ такъ гри́ма? а вінъ въ-дру́ге ще ду́жче:

— »Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?«

— »Къ вамъ,« кажу́.

— »А я кто такой?« нита́ и самъ чо́ртомъ на ме́не дивитця.

— »Хведоръ Ива́новичъ,« кажу́.

— »Не Ѳе́доръ Ивановичъ, а ваше превосходительство,« зновъ затріща́въ: — господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!« ажъ запінився зъ се́рця.

Тю на твого́ ба́тька! ду́маю собі: чи ти скази́вся, чи натрі́скався кукульва́ну?... а вінъ скільки гло́тки своє́ співа́: »къ кому вы явились?«

— »Къ вашему превосходительству,« кажу́: неха́й, ду́маю, по твоёму бу́де.

— »А ка́къ вы явились?« зновъ репету́е: — отвѣчайте, милостивый госу́дарь мой! Какъ вы явились?«

Що́ за на́пасть така́? незна́ю, що́ ёму́ й каза́ть.

— »Съ достодолжнымъ уваженіемъ,« кажу́.

— »Развѣ въ такомъ видѣ, кричи́ть, — являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ? Посмотрите вы на себя!«

Огля́нувсь я на се́бе, *все обстоіть благополучно:* меда́лі ви́сять, черво́ний по́ясъ и шабло́ка бі́ля бо́ку. Да́лі оберну́вся до това́ришівъ та й питаю:

— Чи не зна́ете хочъ ви, чого́ одъ ме́не тре́ба ёго́ превосходительству, господину предсѣдателю, нашему начальнику?«

Якъ розсе́рдитця жъ, такъ Бо́же мій милостивий! підска́куе, якъ зінське щеня́, и при́ска — нена́че сукно́ мо́чить!

— »Вы милостивый государь мой, репетуе,— не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія, я васъ въ двадцать четыре часа предамъ суду!«

— »Якъ бу́де за що́,« кажу́, »то мо́жна й за́разъ преда́ть суду́... Позво́льте, кажу́, крутну́вши вуса,— и мині васъ спроси́ть: чого́ вамъ одъ ме́не треба? хиба́, кажу́, дворя́нство на те мене́ ви́брало, щобъ на ме́не крича́ли, якъ на лаке́я?!« Та се ка́жучи, ще й ша́белькою сту́кнувъ. Доса́дно жъ, ій-Бо́гу, ста́ло! що́ за

чо́ртова ма́ти, ду́маю: прили́пъ до ме́не, якъ ше́вська смола́ до чо́бота. Такъ куди́! *пі́пъ свое́, а чортъ свое!*

— Молчать! кричи́ть: — вы еще осмѣливаетесь разсуждать! Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику!

Підві́въ мене́ до дзе́ркала; дивлю́сь: козаки́нъ мій защіпнутий на всі гаплі́ки, меда́лі ви́сять, и про́чее де́ розірва́лось — позаши́вано; *все обстоіть благополучно...*

— Что́, пита́, видите?«

«Нічогі́сінько,—кажу́,—не ба́чу, чого́ вамъ одъ ме́не схотілось!

— Ка́къ — чего! зновъ закрича́въ:—на какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ усахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется.

— Зъ сёго бъ и почали́, кажу:—якъ не роспространя́ється, то й ви́голюсь. Ні́чого було́ й крича́ть, якъ на живі́тъ: се бъ, кажу́,—и губернаторъ и самъ министръ такъ гло́тки не дравъ!«

— Прошу не разсуждать,—ка́же,—а исполнять, что́ вамъ приказываютъ; чтобы сего же дня выбрили усы, а не то — я васъ подъ арештъ посажу!

Далі ви́звірившись на про́чихъ и ка́же: »Я васъ призвалъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вчерашняго числа вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ!«

— Позвольте узнать, ваше превосходительство,—почавъ Пищи́–Муха, — въ чемъ заключается неумѣстный нашъ поступокъ, учиненный вчерашняго числа, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

— Ка́къ—изъ котораго? кри́кнувъ:—а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь: и галушки́ и куліші, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи,—когда вамъ слѣдовало только записать ваши фамиліи... Это просто бунтъ противъ правительства!.....

— На́ши именные списки,—зновъ поча́въ Пищи́–Му́ха (а вінъ вже таки́й бувъ, що хочъ кому́ но́са втре), доставлены уже вашему превосходительству; слѣдовательно мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ,

а полагали, что ваше превосходительство интересовались болѣе на щотъ нашихъ почерковъ и словосочиненія, а потому каждый изъ-среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщился выразить свои чувства и мысли, никакъ не предполагая, чтобы ваше превосходительство...

— Ну, довольно довольно!« (допікъ-такий ёго Пищи́-Му́ха!)—ви, ка́же,—якъ маятникъ въ часахъ: торкни́ васъ разъ, то ви де́сять разъ завиля́ете. Теперь, господа,« каже, повертаючись на всі сто́рони,—извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой—будьте осторожны: я не люблю шутить! А вы, милостивый государь,« ка́же, гля́нувши на ме́не,—»чтобы сію минуту обрились! понимаете?

— Якъ не поня́ть, кажу́:—у ме́не е дурень, що сли́ви стереже́, — такъ и той васъ по́йме.«

На се хотівъ бувъ вінъ обізватыся, та попирхну́вся, скорішъ въ кабине́тъ и зачини́вся: обри́дло вже й ёму́ гри́мать, при́скать и підска́кувать. Ста́ли й ми вихо́дить, похваля́емъ ту га́спедську за́куску, а секретарь нашъ, Ѳома Петровичъ, де́ не взявся, до ме́не й собі:

— Якъ мо́жна, ка́же, — въ граждáнській — ву́си носи́ть!«

— Та хочъ ви мовчіть, кажу́: — чортъ ба́тька зна зъ чо́го таку́ ку́ру підняли́! Не то ву́си, — и борода́ ділу не поміха!«

— А въ визи́тній кни́жці и на объявительному листу́,« ка́же:— що́ ви написа́ли?«

— Поцілу́йте мене́ сёго́дні, кажу́, — а я васъ за́втра!«

Не ставъ зъ нимъ и розгово́рювать и бу́въ ёго гірко на душі, такъ досада и розбіра́, такъ и повертá назáдъ, щобъ хочъ ви́лаять и́продового сина. Скільки на світі живу́, а ніхто́ на ме́не не кричáвъ, ні съ кимъ не ла́явсь,—тільки де-коли зъ жінкою;—а тутъ и не встерігсь, відкіля́ та й сварка ви́рвалась, бода́й ёму́ до сме́рти такъ пїдска́кувать та при́скать! Прийшо́въ на квартиру, за́разъ доста́въ зъ шкату́лки бри́тву, пами́ливсь, черкъ, въ дру́ге... такъ мої ву́си, не на́че ско́шена трава́, и впа́ли на рушни́къ. Якъ гля́нувъ же я на се́бе въ дзе́ркало, такъ ба́течки!... ажъ зляка́вся, самъ себе́ не пізна́въ, чортъ-ба́тька-зна на ко́го й похо́жий, и ротъ кривий, и що́ки позападáли, и нісъ похню́пився: зовсімъ не я, а німець Адамъ Ивановичъ Фрикъ, що въ Кременчу́ку шлёнку розбіра́е!... щобъ мині до за́втрёго не дожи́ть, коли́ брешу́! Въ пе́рший разъ, якъ живу́ на світі, довело́сь мині зголи́ть ву́си; лу́ччебъ

було́ и не дожи́ть до сёго ли́ха! Якъ би́ знавъ, що зроблю́сь таки́мъ паску́днимъ, то Богъ ме́не поби́й, коли́бъ збривъ, хочби́ не то що пі́дъ судъ, — хочби жи́ли зъ ме́не тяглі́! И кому́ зъ то́го прибуло́, що я безъ ву́сівъ?... кому́ вони́ міша́ли: чи їсти, чи пи́ти, чи, якъ ка́жуть, вірою и пра́вдою служи́ти?... Якъ я тепе́рички до жінки верну́ся? Якъ я гля́ну въ ві́чі Ма́рьі Ула́совні?... Згада́въ я й лі́та моі молоди́і: не одна́, було́, гля́нувши на моі ву́си, збира́ла гу́бки на обо́рочку, не одна́ и цілува́ла и милува́ла іхъ!..... Ота́къ журю́ся, а слёзи капъ-капъ!.... Здае́тця, и за ста́ршимъ синомъ такъ не вбивавсь, якъ поме́ръ!... Мій Бо́же ми́лий! поду́мавъ, уда́ривши себе́ въ гру́ди: за́ що ти мене́ такъ лю́то покара́въ?...

Нічого було робить більшъ въ Полта́ві, бо въ до́лжность ве́лено вступа́ть тільки черезъ ти́ждень, отъ я й поіхавъ до-до́му. То було́ якъ ідешъ, то знай гука́ешъ на ку́чера: »торка́й, хло́пче, торка́й,« а тепе́рички сижу́ собі, схили́вши го́лову, пена́чъ мене́ на ши́беницю везу́ть: па́ри зъ ро́та не пущу́, хиба́ якъ шви́дко побіжи́ть, то озве́сся: »не жени́ ко́ней,—пото́мишъ!«—Такъ вже наровлю́, щобъ мині у ночі приіхать, бо жінка тоді була́ не поро́жня, то, ду́маю собі, якъ гля́не ра́зомъ на ме́не, та зляка́етця, то ще (неха́й вінъ ска́зитця) приведе́ Ада́ма Ива́новича Фрика. Підъіжа́ю до свого́ дво́ру, уже́ зовсімъ сме́рклось, и въ буди́нку не світитця, вила́жу зъ бри́чки, а тутъ якъ зага́вкають на ме́не соба́ки! »тю, дурні,« кажу́, »хазя́іна не пізна́ли!« Хотівъ бувъ погла́дить, такъ бі́сові соба́ки гля́нули на ме́не, та въ-ро́стичъ. Війшо́въ тихе́нько въ сіни... такъ яко́сь чу́дно, ма́тері ёго́ бісъ, бу́дьто й не я,—здае́тця й ха́та не моя́, ійже Бо́гу пра́вда!... Ото́жъ, кажу́, якъ зага́вкали соба́ки, жінка й проки́нулась; чу́е — хтось війшо́въ.

— Хто тамъ?« пита́.

— Се я,« кажу́.

— На ко́гожъ тамъ соба́ки га́вкали?«

— Не зна́ю.«

— Та йди́ жъ, — кра́десся!«

А въ ме́не таки́й звича́й бувъ, що, було́, якъ приіду до до́му, то за́разъ, хочъ и вночі, всіхъ розбу́ркаю: зъ дітьми гра́юсь, зъ жінкою ціл'у́юсь, бабу́сю Ори́шку, що за дітьми пригля́дуе, зачіпа́ю; а тепе́рички якъ тать, мовъ той зло́дій, кра́дусь,—не зна́ю, на яку́ й ступи́ть. Підійшо́въ до крова́ті, а жінка протя́гуе до ме́не ру́ки цілува́тьця. Поцілува́лись, а вона́:

— Хто́ се?« та мене́ руко́ю по губа́хъ... Якъ наро́бить ре́петy: »Ой ли́шечко! Зло́дій!... Ори́шко, вогню́, вогню́!«

Я її угово́рюю,—такъ куди́! не слу́ха: и рука́ми й нога́ми відъ ме́не.

— Не підступа́й!« кричи́ть,—не підступа́й!«

Всіхъ дите́й переполо́шила, та вже Ори́шка прибігла зъ свічкою. Ви́тріщились на ме́не, ди́вляться... зда́ється й я, такъ не я жъ: нема́ ву́сівъ!

— Що́ се зъ тобо́ю ста́лось?« пита́ жінка:—чи ти живи́й, чи ме́ртвий?!» а сама́ ажъ нополотніла,—тру́ситця, нена́че тря́сця її трясе́.

— Тимъ то й моє ли́хо,« кажу́, — що живи́й!«

— Що зъ собо́ю зроби́въ?« пита, — оглаше́нний!«

— Се жъ, кажу́,—дя́ка тобі: тепе́риньки вже не бу́ду ба́йдики бить, та зъ Ма́рьею Ула́совною въ марья́ша грать!

— На́ що жъ ти ву́си збривъ?« пита́.

— Тепе́ръ состою́ въ граждáнській,» кажу́,—якъ и мині казали:— а потому́ пра́во ноше́нія усовъ на ме́не не роспространя́ется.«

— Чи вінъ пья́ний, чи здурівъ?« ка́же жінка, гля́нувши на Ори́шку; та якъ заголо́сить, якъ вда́рить себе́ въ гру́ди, а за не́ю дітвора́ й Ори́шка; а бісови соба́ки почу́ли,—ну й собі: и вию́ть и скі́глять, такъ-що Бо́же мій милости́вий, таки́й гвалтъ підняли, хочъ зъ хати,—та що зъ хати!—зъ села́ тіка́й... про́сто кіне́ць світа наступа́е.

Отта́къ цілісеньку нічку рю́мали, и я зъ ними́: сижу́ та пла́чу. До крові гу́би собі подря́павъ: хо́чу, зна́ете, вусъ крутну́ть, хапъ за гу́бу,—нема́ нічо́го, и вдряпу́...

На дру́гій день, така́ напа́ла на ме́не нудьга́, хочъ крізъ зе́млю провали́тьця. Що́ кому́ не ска́жешъ, ніхто́ мене́ не слу́ха: діти одъ ме́не одверта́ютця, жінка хли́па, ні о́дна дворо́ва соба́ка, ма́тері іхъ бісъ, до рукъ не йде. Ду́маю собі—що́ мині на світі робить?... А тутъ ста́ли сусіди навідуватьця и Ма́рья Ула́совна прийшла́, а я одъ нихъ хова́юсь, та лице́ закрива́ю, нена́че, — ка́зна-що́ таке́.... Ій же Бо́гу пра́вда! На тре́тій де́нь зо всімъ таки́ осла́бъ, е́ле ди́шу: гру́ди мині заложи́ло, живі́тъ підвело́, (за три дни шматка́ хліба въ ро́ті не було́), не зна́ю вже, чи голова́ въ ме́не на пле́чахъ, чи мо́же кавуно́ъ. Жінка вбива́етця,

діти пищя́ть! Зовсімъ таки́ нала́годився вмира́ти, хочъ за попо́мъ посила́ть!...

Коли́, на мое́ ща́стя,—такъ вже Богъ милосе́рдний не схотівъ посироти́ть моіхъ діточо́къ,—приізди́ть Григо́рій Григо́ровичъ Заха́рченко, оттой, мо́же чу́ли, що й въ чо́рта ви́гравъ би тяжбу́,—такъ, кажу́, приізди́ть; якъ гля́нувъ на ме́не—и наза́дъ одступи́въ.

— Що́ се зъ тобо́ю, братіку?« пита́.

— Пропада́ю,« кажу́:—се моя́ за мно́ю прійшла!«

— Та не бреши́,« ка́же,—тебе́ ще й поліномъ не добъе́шъ. Тільки,—ка́же пригля́дуючись,—ду́же зпаску́днівъ: чого́ се?«

— Хиба́ вамъ повила́зило?« кажу́.

— Ву́си збривъ?

— Эге́!

— На-біса?« пита́.

— Нечи́ста ма́ти въ гражда́ньску понесла́, — такъ тепе́рички право ношенія усовъ на ме́не не розпространя́етця.«

— Хто се тобі ви́гадавъ?

— Его́ пре.....те́е, кажу́,—щобъ ёму́ добра́ не було́!«

— Бреха́ли ёго́ ба́тька сини́, та й вінъ зъ ни́ми,« ка́же:—тижъ зъ мунди́ромъ въ оста́вці?«

— Такъ що́?

— Такъ коли́ мунди́ръ на тобі, ка́же, спасибі ёму,—такъ и ву́си при тобі!...

— Ій Богу?

— Поба́чишъ,« ка́же:—я тобі й ука́зъ дамъ.«

— Ба́тьку мій рідний,« кажу́:—на світъ ти мене́ народи́въ!« Якъ ско́чу зъ крова́ті,—ну ёго́ обніма́ть та цілувать, а вінъ мене́ пиха́е.

— Ну тебе́ къ бісу,« ка́же:—якъ шпильками шпигаешъ!« Ба́чите, одросли́ тро́шки ву́си, такъ щіти́на й ко́летця.

Тепе́речки, спасибі імъ, понасила́ли тихъ *то́мівъ:* що́ тре́ба, хочъ не ско́ро, а нала́паешъ, а тоді — скорішъ скарбъ изна́йдешъ, якъ чого́ тобі тре́ба. Не у вся́кімъ пові́ті були́ таки́ й люде, якъ сей—що розка́зую—Заха́рченко: шука́ють, було́, шукають, та й плю́нуть... Таке́ ли́хо було́, не повірите: коли́ ска́жуть, що пра́во ношенія—не то ву́сівъ—голови́ на твоіхъ пле́чахъ — не роспространя́етьця, то не турбу́йсь шука́ть,—чи воно́ пра́вда, чи брехня́, стина́й голову, та такъ и ходи́... Щобъ я пропа́въ, коли́ не пра́вда!

Ну, якъ почу́въ я одъ Заха́рченка про той ука́зъ, то де́ въ ме́-

не й сила та взялáсь! повеселівъ, якъ на свiтъ народи́вся. За́разъ жiнка постави́ла намъ заку́ску, ви́пили по ча́рцi, по дру́гiй, староi, бути́лки зо́ дві, сливья́нки, а тимъ ча́сомъ запрягли́ мині бри́чку, та скiлько ви́дно—й заторохтівъ зъ Заха́рченкомъ. Доро́гою, щобъ мене́ не поба́чили, обвяза́вся платко́мъ, тiльки о́чi й блища́ть. Хто не стрiнетця, пiзна́ мене́ по ко́няхъ, и пита́: »чого́ се ти обвъяза́вся?« —Биши́ха,« кажу́, »народи́лась.« Приiхавъ до Заха́рченка. Якъ давъ вiнъ мині той ука́зъ, то пена́че рiдного ба́тька поба́чивъ!.. Ну, тепе́рички, ду́маю, ва́ше пре... те́е... чий чортъ бу́де ста́рший!

Верну́вся до–до́му и два мiсяцi ви́сидівъ въ карантину́, по́ки ву́си не повiдроста́ли такъ, що вже й жiнка зо мно́ю цiлу́стця, и лю́де слу́хають, и соба́ки на ме́не не га́вкають. Вже й зъ Ма́рьеюУла́совною въ марья́ша гра́емось, а тутъ така пiдняла́сь перепи́ска! зъ Полта́ви повiстка за повiсткою: »неукоснительно, съ полученiя сего, имѣете яви́ться.« А я iмъ въ одвiтъ: »по случаю приключившейся внезапно болѣзни!« Ще зъ мiсяць пiдожда́въ, такъ якъ вже ста́ли закру́чуватьця, и поiхавъ въ Полта́ву.

Тiльки приiхавъ, за́разъ пата́гъ на себе козаки́нъ, причепи́въ шаблю́ку и пiшо́въ въ пала́ту, се бъ то *вчини́ть я́вку*. Вхо́жу въ присуствiе... якъ гля́не на ме́не г. предсiда́тель, такъ ёго́ й зжоло́било, ажъ носомъ закрути́въ.

— Что́ это, милостивий государь мой,« крикнувъ, — вы уклоняетесь одъ службы, и вторично осмѣливаетесь явиться ко мнѣ въ усахъ!«

— »Се,« кажу́,—ще не ву́си, а уси́шки, а отъ якъ ви́ростуть, то бу́дуть уси́ща!« А самъ держусь за той указъ, якъ слiпи́й за поводача́.

И!.. якъ закричи́ть, та пiдско́че, та присне: »я васъ, милостивий государь мой, въ двадцать четыре часа...«

— Не гарячiтця,« кажу́:—кровъ спо́ртите, а ось подивiтця!« Та тиць ёму́ въ ру́ки ука́зъ. Диви́сь, ду́маю, хочъ повила́зять.

Прочита́въ, — я́кось чу́дно лу́па очи́ма, гу́би дрижять...

— Ѳо... Ѳома Пе... Петровичъ!—ка́же, запина́ючись:—что́ это такое?

Хома́ наста́вивъ о́ко:

— Высочайший,« ка́же.

— Безъ васъ зна́ю, ка́же предсiда́тель,—а распространяется ли право ношенiя усовъ?«

Хома́ круть-верть, сюди́–туди, нічого робúть.

— Роспространяється,« ка́же.

Това́рищі ди́вляться на ме́не, переляка́лись, ду́мають собі: бу́де мині ха́лепа! А я дивлю́сь на супроти́вниківъ, такъ іхъ очи́ма й імъ, та ву́си кручу́. Предсідатель гля́нувъ на секретаря́, повертілись вдвохъ сюди́–туди́, та й посіда́ли тихе́нько; ні о́динъ и па́ри зъ ро́та не пусти́въ. Що́, ду́маю собі, піймали о́близня?...

Такъ оттака́–то чудасія була́ зъ моіми ву́сами! Якби́ не той ука́зъ, то мо́же бъ довело́сь и ду́теля зсісти! Зга́дуючи про́шле, не разъ ду́мавъ: пра́ву лю́ди ка́жуть, що за Бо́гомъ моли́тва, а за царе́мъ слу́жба нікóли не пропада́е. За пятнадцятилітню безпоро́чну ви́служивъ-таки́ собі те, що тепе́рички ніяке превосходи́тельство на свíті не обри́е мині ву́сівъ,—отъ що́!...

Олекса Стороженко.

1861 г.
С. Жемчужное.

ВЕСНЯНКИ.

I.

Сіло сонце за горою,
Місячéнько сходить,
А мій милий на вулицю
Співать не виходить.

Вийди, вийди, мій голубе,
Вкупі заспіваемъ
Надъ річкою – Коломакомъ
Въ зелен му гаю.

Вийди, вийди, мое серце,
На тиху розмову,
Коли хочешъ мене бачить
Веселу й здорову.

Вийди, вийди, козаченьку,
У вечіръ пізненько,
Пригорну тебе до серця
Щиро и близенько.

Вийди, вийди, лебединку,
Поки світить зóря,
Не завдавай молодому
Ти серденьку горя.

II.

Пішовъ козакъ у лісóчокъ
Калини ламáти,
Зустрівъ дівку – чорнобривку —
И ставъ переймáти.

»Дівчинонько, моя люба,
»Стривай.... поговóримъ;
»Неха́й же я придивлюся
»Та на твої брови.

»Дівчинонько, мое серце,
»Постій — пожартýю;
»Дай–подивлюсь тобі въ очі,
»Стиха поцілую.

»Дівчинонько, моя пташко,
«Ходімъ въ мою хату;
»Я посіявъ грядкй – квіткй...
»Будемъ вкупі рвати.

— »Ой не гараздъ, коза́ченьку,
»Ой не гараздъ робишъ,
»Що ти мене молоде́ньку
»Та изъ ума зводишъ.

»Ой не гара́здъ дівчиноньку
»Въ лісу переймати:
»Треба перше до матінки
»Сватівъ засилати.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини, коло Полтави.
Весною, року 1861.

ВЕСЕ́ЛА УДОВА́.

Сва́тавъ мене́ двічі панъ
Воéнний–вельмóжний;
Сватавъ мене й хліборóбъ —
Чоловікъ замóжний;
А я собі удова́
Та й тимъ не журюся,

Поки ли́чко червоніе
Зо всёго сміюся.
Якъ схо́чу я погуляти —
Зняла́сь, одягла́ся,
Коло мене — и музи́ка
Де́ не узяла́ся;
И підківки відска́кують
Зъ чобіто́къ відъ таньцівъ...
Вийшла зъ ха́ти у-ве́чирі,
Вернулася вранці;
Коза́ченьки чорноу́сі
Зо мною жарту́ють,
А дівчата зави́дливі
Мині ворогу́ють;
Коза́ченьки коло мене
Округи́ захо́дять, —
У госпо́ду, на розмо́ву
До мене прихо́дять;
Чи заболить голівонька,
Зану́дить серде́нько —
Розважають — заглядають
Въ очи́ці пильне́нько.
Одинъ ліки мині ра́дить,
Дру́гий відмовля́е,
Третій сяде коло мене
Ру́ченьки згорта́е;
Поди́витця, приди́витця —
Таку річъ заводить,
Що щастливший — якъ зо мною
Слово проговорить.
Пожалку́ешъ, пожарту́ешъ
Та просто імъ въ вічі:
»Не годи́тця, коза́ченьки,
»Кохатися двічі!
»На́ що мині вінчатися,
»Та губи́ти долю?
»Буду собі удово́ю
»Пильнува́ти волю...

»Після шлю́бу—не до танцівъ!
»Якъ дітки маленьки —
»Той істоньки, той питоньки
»Попросять у неньки.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини.
16 квітня 1861 р.

ХАТНЄ ЛИХО.

I.

На все село́ була́ въ насъ колись Пара́ска Духанівна: весе́ла, мото́рна; бро́ві се́рпикомъ, повновида, кра́ска зъ лиця якъ не присне. А жартовлива жъ! Оце́ було́ сидимо... въ одну ха́ту насъ, дівчатъ натирится, було́, якъ ра́ківъ у я́тіръ, на по́прядки,—отъ и Духанівна мі́жъ на́ми пряде́; и не згле́димось, коли́ вона́ й ви́пирнула: вскочила въ сіни, соро́чку ви́смикала изза запащи́ни, щобъ слободнійше було́, вскочить у ха́ту, візьметця въ боки—гопъ—гопъ! и пішла гупотіть и всякі ка́верзи випро́блювать. Що було́ сміху́! А то́ ще було до ії вваже́тця нашъ Андрій, старий мірошникъ, тро́хи вки́нувши. »Ій Бо́гу«, ка́же, »Пара́ско, ти пійдешъ за мого́ Петруся́: въ ме́не млини́, въ ме́не камені... Хочъ що-дня іжъ паляни́ці й книші. Гай круго́мъ вели́кий. А по́ля—скільки очи́ма заки́нешъ: усе́ вамъ поки́ну». А въ ёго нічо́го не було́,—тільки вітрякъ, да й то па́нський, а вінъ мірошникомъ. Отъ, Пара́ска постерігши ёго й почне́ передъ дівча́тами похваля́тись: »Що въ мого́ Петруся́ добра́! млини́, камені; жита́ які, гречки́! и о́комъ не згле́дишъ; зе́лено, да кра́сно; живи́ собі да мяки́ паляни́ці іжъ. А оде́жи, оде́жи въ мого́ Петруся́! жупанівъ, кужухівъ,—ажъ міль ість! Пійду за ёго. Сёгодні си́ву ша́пку на бакри́нь зве́рне, помолодику́е; на за́втра чо́рну смуше́ву; а ще жъ то якъ дру́жка квітку паши́е! А чо́боти юхто́ві, но́ві, жупа́нъ си́ній, поясъ каламайко́вий, стёжку зъ соро́чки черво́ну ви́пустить,—усе́ село́ зало́мить. Пійду́, пійду́ за Петруся́!«

Оттаке́ було́ коверзу́е Духа́пка, похожа́ючи по ха́ті, да ще й руко́ю підопре́тця да й вигу́турює; да ще нібі й загада́етця. Сміху́

було́! И старі на печі, во́вну скубучи́, кіхкають; а вона́ й не всміхнетця, мовъ сама́ собі въ ха́ті. Да й зновъ почне́: «Засіки по́вні гре́чки, овса́! а свине́й, а корівъ!»

А въ ёго таке́ убо́жество! тілько одна́ свити́на на пле́чахъ. Да почне́ було́ прибіра́тись, мовъ до вінця́, уквітча́етця; якъ ні-чимъ, то хочъ гильечка́ нала́мле зъ сухи́хъ гвозди́кивъ, або кали́-ною вбере́тця да тоді й гука́е на насъ, щобъ ми весільныхъ пі-сень співа́ли. Ми було́ ча́сто й одгуля́емъ весілле, и хлібъ баби́ замість корова́ю поділять: са́ кого́ було́ не підведе! Що то́ була́ за дівчина! зайде въ ха́ту, то мовъ зоря́ зоря́е. Перестýпить че-резъ порігъ—уже́ й сміхъ. Та скóра жъ, та хистка́ якъ та ла́стів-ка. Куди́ вбіжи́ть на годи́ну — хвіть-хвіть, — уже́ боржій и съ хати. »Да гуля́й«, ка́жуть: »чого́ поспіша́есся?« — »Гуля́ла бъ, да хліба не бра́ла, а ви не дасте́.» Да вже тілько запащи́ли кіне́ць поба́-чишь,—уже́ й зни́кла. А хто нагодитця въ ха́ту на по́лудень, чи що́:» хлібъ да сіль!» — вона́ вже й одрізала: «Імо́, та свій, а ти въ порóга постій».

А то́ разъ вона́ спорядила́сь йти храмова́ти до тітки, въ друге село́. По́ки дійшла вона́ до того́ села́, то трёхъ собі женихівъ здо-була́. Оце́ зайде въ яку́ ха́ту по дорозі одночи́ти, (люде все зна-комі),—отъ, привіта́ютця; хазяйський па́рубокъ, те́, да се́, по слову перемо́вились; а по́слі й ка́же:—Чи пійдешъ?«—»Пійду́, сва́тай.« Або́ подру́га, що вкупі зъ не́ю зажина́ла: »Отъ якъ би мій братъ тебе́ взявъ за се́бе: якъ би ми га́рно пожили́! «—»Цуръ ёму́, некъ ёму́! геть ёго сюди! Неха́й сватівъ шле́—пійду́». Така мордо́вана! По́ки дійшла́ до тітки, такъ и тре́тю собі па́ру споружи́ла. Оди́нъ ище въ не́і й питае: «Що жъ тобі, Пара́сочко, подарува́ти? «— «Корко́ві черевики!» ка́же.

II.

На дру́гий день верну́лась на́ша Пара́ся съ храмова́ння до гос-по́ди. Ра́да ма́ти що дочка́ верну́лась: ій той день за два дні зда́вся. Ажъ щось дзеле́нь-дзелень, да підъ двіръ. «Що се таке? чи не при-ставъ іде?» каже ма́ти. «Ворота одчиняютця у нашъ двіръ; тройка ко́ней и іхъ че́тверо сиди́ть на во́зі, мовъ щось не про́сте... Ой огради́ жъ насъ кре́стная си́ла! Чого́ ёго́ до насъ несе?»

Параска виглянула да ажъ зблідла:

— Матінко! се жъ Ларіёненко зъ старостáми. Я за ёго не пійду́, не пійду́.

— Ти жъ по чóму се знáешъ, мой дóнечко? Дай, Бóже, часъ дóбрий! Благослови́ Госпóдь: се хочъ кому́ пáра.

— Не пійду, не люблю! хочъ живу́ въ зéмлю положíть!

А тутъ старости́ съ хлібомъ, зъ сіллю на порігъ и Ларіёненко зъ корковими черевиками підъ плечéмъ. Самъ такий одягний; синій жупáнъ на ёму ажъ вилискуетця, на всіхъ смушéві шапки́,—багатирі! Два дядькú старíі старостáми. Привітáли, якъ повóдитця, мáтіръ.

— Сідáйте, люде добрі.

— Нехáй же зъ сёго чáсу все дóбре у васъ садовúтця.

И питають: — Чи отдастé, чи нехáй ще підростé?

А мáти кáже:

— Випийте по чáрці... Сватъ не сватъ, а дóбрі лю́де.

До Парáски, а вонá давáй одкидáтись, да й заховáлась у запічокъ. А Ларіёненко ій за рукáвъ: «Ти жъ казáла, щобъ приздúли, ти менí сорому́ наробúла! Я зъ гóрода старостівъ напросúвъ, и коня трéтёго підпрягти випросивъ. Тепéръ менé парубóцтво очúма бу́де низáть и вдовшъ и впóперекъ; просвітку менí не бу́де. За мéне нí одна́ дівка тепéръ не піде!

А дядькú нíчóго не сказáли; не випили могоричу́; — за небóжа, за свій хлібъ—да й пішлú съ хáти не попрощáвшись.

Дé-які ще збірáлись іхати до ій съ хлібомъ зъ сілью, да прочýли одъ людéй, якъ вертáлись зъ гарбузóмъ, да й остерегли́сь: цоклáли шапкú.

III.

Пóслі сёго вонá дóвго подівовáла. Дóвго обіхóдили ій парубкú. Ажъ уже́ на двадця́тому гóду дождáлась пáри,—дожартувáлась до свогó лúха. Прикáщицький синъ за себе ій взявъ; и хорóший и замóжний, и вонú давнéнько накидáли óкомъ одно́ на дно́го; вінъ замовля́въ йноді й словомъ, да тілько Параска про себé сé держáла, бо й не сподівáлась: багатúрь, да й на вóлю ёго́ за бáтькову прáцю випустили панú. Ще жъ и те ій трóхи зупиняло, що вінъ сердúтого бáтька синъ, та й самъ мýсить бýти сердúтий. «Не йди, Парасю,» рáдять було ій

дівча́та: недого́дишъ багатире́ві». А вінъ до неі вже й при лю́дяхъ, якъ го́лубъ коло голу́бки бурко́че. Вона й байду́же на людські ре́чі, одкри́ла ёму́ ду́шу: каза́ла, що иногді було́ наси́лу зупиня́е своє се́рце, якъ ёго́ де забача́ть, щобъ не ки́нутись до ёго́. Люблячись вони́ собі й побра́лись, на ди́во лю́дямъ и, здава́лось, на вічну уті́ху ма́тері.

Га́рно ззіла, га́рно й сходи́ла Пара́ска. Було́ піде до це́ркви, да вбере́тця у ёго́ ма́тері ку́нтушъ зъ срібними у́сами, въ старосвітський очіпокъ парче́вий, — намітка ажъ за коліна, — увійде въ це́ркву, почне́ свічку ста́вить, покло́ни покладáти,—лю́де оче́й не зво́дять. Прехоро́ша була́! По це́ркві тілько цокъ-цокъ підківками: мовъ гетьма́нського ро́ду; а у ії тілько дідъ бувъ духо́вного званія,—того́ й вона́ прозива́лась Духа́нкою, або Духанівною.

IV.

Не до́вго жъ вона́ попиша́лася! такъ, годо́чокъ або́ зо два. За га́рного, ка́жуть, пойди́, га́рне й ли́хо бу́де. Правду люде казали, що сердитий буде Петро́, якъ и ёго ба́тько-прикащикъ. Разъ вінъ приіхавъ зъ лу́гу; вона́ ёго́ й не сподіва́лась. Увійшовъ у сіни, а вона́ зо мно́ю да зъ сусідою стоіть, бала́кае. Таки́ щось здае́тця прова́дила своє́, якъ и дівкою була. А вінъ не сказа́въ ій ні здоро́ва була́, ні чо́го, да зъ се́рцемъ до не́і: »А дити́ну поки́нула!» (уже въ іхъ и дити́нка найшла́ся). Зна́ете, при лю́дяхъ, не поздоро́вкався, да бу́цімъ то вже ій дитина не така́ мила́ якъ и ёму́: ура́зивъ ії заразо́мъ двічі въ се́рце. Вона́ такъ и згоріла, да ка́же: «Воно́ гуля́е; я ёго́ на полу́ по́ясомъ припья́ла».

И пішла́ слідо́мъ за Петро́мъ, на́че не своіми.

Ха́ту непричи́нену поки́нули. Я й у́хо приложи́ла; се́рце въ ме́не тілько тёхъ–тёхъ!

Постанови́ла вона́ обідать на стілъ, да вже я́кось безъ привіту, ій и въ ду́шу не йде: сло́во не такъ-то мо́вится. А чува́ть було́ по людяхъ, що вони́ живуть собі мовъ ри́ба зъ водо́ю; тільки я щось помічала, та мовчала. Се впе́рше чу́ла такі незва́жені ре́чі.

Вона́ вже до ёго и те́ и сѐ, да ба! сама себе́ не розва́жить.

Вінъ, тро́хи одійшо́вши, примітивъ вели́кий сму́токъ на виду́ въ Пара́ски, да й спита́въ—такъ щире́нько:

— Чомъ се ти не іси́, Пара́сочко? хиба пообі́дала?

— Ні.

Сказать би пообі́дала: ли́шенько жъ, якъ же ёго́ обмани́ти?

— Чомъ же се?

— Такъ.

— Чого́ жъ се? чи не зобі́дивъ тебе́ хто, Пара́сочко?

— Ні.... такъ.

Жаль·ій зроби́лось ёго́; жаль сказа́ти, що ти́ мене, Мико́лочку, улу́чивъ якъ стрілою́ зъ лу́ка,—бо вінъ на не́і ясне́нько такъ згля́нувъ: а все таки́ въ серці щеми́ть. У насъ не такъ и бійкою, якъ сло́вомъ дійме́шъ. Иногді трапля́лось, що вінъ ій ду́же нала́е, хочъ и безъ люде́й; дакъ послі якъ одійде, пе́стить було́ ій всякъ: и голу́бка мо́я вірная и ожи́нко по́вная и перепілко моя́ утішная: на́че ёму́ рі́дна ма́ти на́ ухо шепче. А якъ коли́ загори́тця, то й ха́та мала́. Було́ ви́плачетця Пара́ска у комо́рі, ви́плачетця до́бре, а одъ людей въ тайні хорони́ла, що щеми́ть се́рденько: пощеми́ть, да й забу́ла Пара́ска. Лю́бо зновъ у іхъ и хо́роше у осе́лі, мовъ солове́йки щебе́чуть! Пара́ска зновъ весе́ла и гомонли́ва и привітна́: й радіе́ дити́ні и чолові́кові. Тілько вже що дальшъ, то вінъ ій то тимъ, то сімъ та й шпигне́, а якъ коли́, то й при лю́дяхъ. По́слі вже не ско́ро, не ско́ро, списа́ла вона́ мені якъ на доло́ні своє́ житте, а то все було́ одмовля́етця. Чи за дити́ну, чи за стра́ву, чи за хлібъ, що зда́етця ёму́ не вдавсь, да й захо́дитця; такъ що вже у Пара́ски й ноги тру́сятця. И вже́ нема́ въ ёго ні́жного сло́ва до не́і: стара́етця вона́ якъ мо́га; ду́мае: «Що́ це я така́ пло́ха зроби́лась! не тільки чоловікъ було́ похваля́етця людямъ мно́ю, а й сусіде, спаси́бі ім, мене́ не обхо́дили до́бримъ сло́вомъ... Яки́хъ буханцівъ, книшівъ було́ удамъ! поздоро́въ Богъ мою́ мату́сю, що всёго́ навчи́ла на про слу́чай сварли́вої свекру́хи; а вінъ таки́ усе́ сіпъ да сіпъ!»

V.

— Охъ, мені ли́шечко, ка́же, убігши разъ до ме́не въ ха́ту Пара́ска. Рука́ въ ме́не боли́ть чого́сь. Учини́, сестри́це, будь ла́ско, паляни́ці на за́втра.

А вона́ вже собі й віри не дойма́е: ій зда́етця, що вони вже іхъ не такъ постановля́е. Що́жъ? и моі не вподо́бавъ.

Жу́ритця Пара́ска по-тро́шку: приміла бъ ду́шу туди́ вдихну́ла, щобъ тільки ёму́ понорову́ було́: ні!... Терпи́ть вона́. Защими́ть тро́шки, да й забу́де. Тільки оце було́ ду́мае: «Сёгодні мій Мико́ликъ таки́ серди́тішенький, ніжъ учо́ра. Що тамъ ёму́ е́? хто ёго́ такъ драту́е́? Я, здае́тця, нічо́го ёму́ не заподіяла и милі́йший вінъ мені, ніжъ світъ Бо́жий.» Да погля́не на свою́ дити́ну да ще й поцілу́е: воно́ на ёго́, ба́чте, ски́нулось.

А вінъ не зна́е іі ду́мокъ таки́хъ щи́рихъ про ёго́, да й гримне́ (було́, все те мені пороска́зуе): «У ха́ті въ те́бе, Пара́ско, якъ у сажу́; ко́мінъ закурівъ, якъ у ви́нниці.« —»Да сёгодні жъ субо́та, а я позавчо́ра іхъ змива́ла... Пійдешъ пообідавши нагляда́ти, якъ сіно скида́тимуть, я й поми́ю и ко́мінъ пома́жу ра́зомъ.« А вінъ за ша́пку да й лясь двери́ма.

Я й ста́ла постерега́ти: якъ вінъ изъ ха́ти, то я й до не́і. Бо́же мій! стоіть Пара́ска середъ ха́ти, ні жи́ва ні ме́ртва: »Го́споди! чи лю́бить мене Мико́ла?« ка́же: »чи такъ же годи́тця гри́мати! Я жъ ёго́ не зобідила ні чимъ, а коли́ хотілось ёму́, щобъ я за́разъ поми́ла, дакъ хиба̀ жъ я коли́ ёго́ не послу́хала? Чого́ ёму́ бажа́лось? Я бъ усю́ ні́ченьку спа́ти не лягла́, да все бъ ёму́ вроби́ла, чого́ ёму́ схотілось. Коли́ жъ ёго́ хто дру́гий зобідивъ,—чимъ же я ви́нна? Що жъ вінъ на мене́ пеню́ злива́е?« Да вже й старе́ на ду́шу сплило́: «А чи можна жъ таки́ при лю́дяхъ не поздоро́вкатьця? Чого́жъ се такъ вінъ до ме́не? хиба ёму́ вдивови́жу, що ко́мінъ чо́рний, якъ ёго́ тру́сять? Хиба́ жъ вінъ не ба́чивъ, що ла̀вку позавчо́ра змива́ла и тепе́ръ хочъ би такъ и къ Вели́кодню зоста́лись, то.. ніхто́ бъ и не примітивъ, що й не ми́ті. Чого́ жъ ёму́? А вінъ же мені таки́й лю́бий, якъ и підъ вінце́мъ бувъ, або́ ще й кра́щий. Дити́но моя́, чого́ жъ твій та́то мене нівечить? хиба́ жъ я не твоя́ ма́ти? го́ренько жъ мое, ли́шенько жъ мені!»

Да такъ почала́ нібі тро́хи й марніти. Почала́ я до не́і пригляда́тись. Гово́рить, було́, гово́рить, да й загада́етця. А ді́вкою су́му тому́, я ду́маю, не пяла́ й віри, що й е́. Було́ іі якъ воро́жку підсила́ли до люде́й, щобъ одво́дила ту́гу одъ се́рця. Такъ и зніме я́сними очи́ма, щи́рими реча́ми.

VI.

Я іі разъ поспитала на самоті: «У те́бе есть щось важке́ на се́рці? Скажи мені.« — »Тепе́ръ,« каже, »пістъ, дакъ чого́ жъ

химороди гна́ти!« А бува́ло и въ мясни́цї поспита́ю: »Нічъ,« каже, »не доспа́ла: хтось на дити́ну нагля́нувъ«, да ще й сплю́не. Така́ була!

И за нимъ тоді ста́ли ми примі́ча́ти, що смі́хъ зъ ёго́ устъ испа́въ. А тутъ ще підско́чила приго́да. Ходивъ по боло́ту та, вто-мившись, на купахъ у очере́тї й засну́въ, дакъ ёму́ щось и ста́лось; поча́въ кво́литись, що въ боку́ боли́ть. Съ того́ ча́су ставъ ще сердитійший. Уже було́ хочъ и зъ людьми́, то не здержитця. Що́ ні зро́бить було́ Пара́ска—усе́ не гара́здъ у ёго. Съ чужими ще постереже́тця, бо ті ёму́ не спу́стять, а ій доганя́е та́къ-що!..

Разъ було́ яке́сь вели́ке свя́то. Такій со́няшний день! Парубки, дівча́та й молоди́ці и старі де-які зійшли́сь за воро́та коло па́нського двора́; посіли на колодка́хъ; и я сиділа. Біжить Пара́ска изъ коро́мисломъ широ́кимъ дворо́мъ підъ воро́та до коло́дязя, така що куди́ вамъ! Сва́то, ба́чте: парче́вий очі́покъ, якъ квітка на голові маня́чить; пла́хта на ій—павли́нове пі́ро; вишива́ні рукавча́та ма́ють; намітку вже зняла́ прийшо́вши зъ церкви. Ви́тягла води́,—ми съ колодо́къ гука́емъ на е́і, щобъ насъ напоіла: вона́ передала́ намъ відро черезъ перела́зъ, щобъ не вихо́дить у очі́пку мі́жъ люде. Ми ій кличемо, щобъ вихо́дила до насъ гуля́ти.

— До́бре, каже: — якъ дити́на проки́нетця, то прійду, а то само́го—якъ ёго́ ки́дати? Мико́ли нема́ до́ма.

А тутъ и Мико́ла, легки́й на вспо́минъ, иде́, за по́водъ коня ведучи́ зъ гу́щі, напроти́ насъ, узе́нькою доріжкою зъ га́ю: чого́сь іздивъ на місто. Поздоро́вкавсь и съ празникомъ, а тоді до Пара́ски: «Чого́ розбала́калась... тамъ мо́же дити́на зайшла́сь?»

Ще жъ вона́ не вспіла зійти́ зъ перела́зу, захили́тись одъ люде́й; а вінъ лясь пу́гою зза́ду по доро́зі якъ на ота́ру; а вона́ ажъ спітикну́лась, моя́ голу́бка, да, забу́вши відро́ й коро́месло, зъ одни́мъ відро́мъ до до́му побігла.

И не вихо́дила на колодки́. Лю́де почали́ бубоніти: »Такъ–то!« ка́жуть: »увірва́лась ни́тка Пара́сці! Отъ тобі й кохана́ па́ра!« Старі хита́ли голова́ми, молоді сти́хли, дівча́та позажу́рёвались; тілько гай шумівъ, пташки щебета́ли.

VII.

Прибігла Парáска зъ одни́мъ відро́мъ до до́му, — тілько на дні́ зоста́лось: всю ви́хлюпала. Поста́вила середъ ха́ти, ки́нулась не до дити́ни, а въ комо́ру, излила́ всю зе́млю гірки́ми; би́лась, якъ объ доро́гу го́рлиця. »Хай би хто дру́гий, да не ти́, Мико́лочку, наглуми́вся надо мно́ю! да ще й пере́дъ людьми́! И тебе́ и мене́ осу́дять, моє́ серце. Чи я жъ сподіва́лась, що хочъ одна́ рісочка, одна́ слёзи́ночка ви́котитця чере́зъ те́бе? Я ду́мала, що й одъ люде́й за те́бе захили́ся, мій сизий о́рле!«

Я поба́чила, що вона́ ажъ спотикну́лась,—посе́діла ще кри́шечку, а да́лі й пішла́ собі сти́ха мовъ у гаі, а тамъ по-за дворо́мъ, да й до ії въ комо́ру. Вінъ ти́мъ-ча́сомъ коня́ припина́въ у стійла да сіно заклада́въ. Дити́на кричи́ть у коли́сці, а вона́ собі по комо́рі убива́етця да прикла́дае. И мене́ не ба́чить, и дити́ни не чу́е. »До кого́ жъ мені прихили́тись?« ка́же. »Кому́ жъ мені тепе́рь всю пра́вду одкри́ти? Се́рце жъ моє́ не приго́рнетця до те́бе, Мико́лочку, о́чі не зглянутця.« Да такъ зблі́дла бідола́шня, подала́сь! а побачивши мене́, уже́ й не хова́лась. »Лу́чче бъ вінъ мені«, ка́же, »го́лову одтя́въ, або́ утопи́въ, ніжъ на ме́не ру́ку зня́въ...« У насъ, ба́чте, до́ма безъ люде́й хочъ ва́зи зверни́. Жінка—якъ та голу́бка: хочъ и тя́жко нару́гу терпіти, а на самоті все снесе́ одъ лю́бого чоловіка, поки́рна бу́де; а при лю́дяхъ—и не посвари́сь!...

Три дні оче́й не пока́зувала лю́дямъ Парáска. Ви́стереже мене́ коло́ двере́й, махне́ мені ведро́мъ, я й догада́юсь: побіжу́, води́ ій унесу́. Парáска рідше до це́ркви ста́ла ходи́ти и га́рно убіра́тись: що въ свя́то, ту и въ бу́ддень оде́жину но́сить, або́ що́ въ бу́ддень, то й въ свя́то. А вінъ ій докоря́е: «Коміръ до соро́чки не до-ладу́ пришйла...« Ну, чи ёму́ жъ те зна́ти? и те́ не такъ, и се́ не такъ; те не присо́лене, те пересо́лене — Господи! Да недо́вго ду́мавши, и за юпчи́ну насми́че и межи́ плечи́ стусоне́. »И не такъ повива́ешъ дити́ну, и ви́соко въ го́лови, и вервечками дуже розма́хуешъ.« Одштовхне́ одъ коли́ски, да самъ и коля́ше: »Не вмієшъ! не хочешъ!«

VIII.

Що́ вона́ попопла́кала, що́ попорва́лась такъ годівъ зо три́ або й съ чоти́рі! Кра́ску зъ лица́ зовсімъ звела́. Було ще на зорю

не здиймется, вона́ съ коро́мисломъ бі́жить за водо́ю, щобъ люде́й ме́ньше зустрінути, а послі цілий день не ви́лізе. Отъ же, було́ й плаче и тужить, и нарекае на до́лю, а ма́тері ні въ світі́ не пожаліется. Оце́ було́ коли́ й ма́ти нагоди́тця въ таке́ время, — що жъ? де́ ті й слёзи подінутця! такъ и проглине́,—а ні рісочки, и така́ собі́ весели́нька, мовъ и нічо́го. Звісно, жаліе ма́тіръ. А и́ногді вінъ ій и бо́ки набье́ такъ, що вона́ бі́жить одъ ёго о́сліпъ, и не постерега́ючись уже́, чи зострі́не кого́, чи ні. Бі́льшъ було́ на те пла́четця, що зъ до́му го́ре й радість тре́ба вино́сить, въ лю́дяхъ виливати. Весе́лее дівова́ние зни́кло якъ сонъ: не пізна́ти було́ тіе́і Пара́ски, що було́ своімъ Петрусе́мъ хва́литця. Було́ прийде мі́жъ лю́де на одну́ годи́ну, сумна́, на́че въ мо́гилокъ, або́ що. Очі́покъ на ій підсу́нутий уго́ру; воло́ссе по щи́і висить; сподни́ця така́ якъ ганчі́рка, а корсе́тъ нови́й галаджо́вий... Зовсімъ ій знівечивъ. Хто ій не зна́въ, що-то була́ спе́ршу за молоди́ця, той величавъ ій придурковатою. «Нечума́зна», ка́жуть–було про не́і, «не хазяйка и зовсімъ не приязна́. Чи таку́ бъ жінку тре́ба було́ бра́ть прика́щецькому си́нові?» Такѣ то слі́пі лю́де прова́дили, а ій го́ре ззі́ло... світъ ій не зми́лився. Спа́ла зъ лица́ дівоцька краса́, якъ изъ трави́ роса́. Бі́льшъ того́ було́ що мовчи́ть; и дити́на уже ій не втіша́ла.

Терпіла, терпіла Пара́ска, пла́кала, пла́кала, а вписля́ — на́че щось собі надума́ла: слізъ не ста́ло, сама́ зробилась ні весе́ла, ни скушна́, да мовъ ій тро́хи съ се́рця спа́ло; говорливійша ста́ла и очі яки́мсь огне́мъ чудни́мъ загорілись. А Мико́ла кво́литця да й кво́литця, а серди́тий, — то ще бі́льшъ упада́е на силі; наси́лу було́ гово́рить, а далі кри́кне на жінку, да й засто́гне. Таке́ ли́хо! Пройшло́ ще ро́ківъ зо́ два,—поховала Пара́ска и чоловіка й дити́ну ма́ло не заразо́мъ. И такъ здаетця спокійне́нька собі ста́ла: дві чи три неділі и слёзи на ій не бачили; а послі все було́ тихе́нько пла́че, все пла́че. Станешъ було́ ій разважа́ти,—вона́ й нічо́го,—слуха́е, на́че й не жу́ритця,—тільки було́ й скаже тобі: «Э, се́стро! за га́рного пійди, га́рне й ли́хо буде», да такъ же то промо́вить тее гірке́ слово, мовъ усі бо́лі ій разомъ у се́рці обізву́тця. Отта́къ-то Пара́счина краса́ й здоро́вьечко сплило́ и нико́му на сімъ світі не знадоби́лось. Иноді сама́ було́ до ме́не обізветця: «Боже мій, Боже!» ска́же було́: «якъ мій вікъ мо́лодій спли́въ! Ні сла́ви, ні вжи́тку. Якъ би ли́шенько скоі́лось одъ люде́й, а въ

госпо́ді любо й ти́хо, то й жалю́ бъ не було́. А то́—ха́тнє лихо—гі́рше ли́хо». Да й замо́вкне.

Ли́хо було́ ій, да й ёму́ жъ не було́ добра́, ди́влячись на ї́ сму́токъ. Вінъ и самъ нуди́въ світо́мъ; та́нубъ, та́нувъ, — мо́вчки и вмеръ.

IX.

Пла́че було́ мо́вчки Пара́ска по ёму́, по дити́ні и по своїхъ молодихъ лі́тяхъ, по своїй красі дівочій, по своему́ се́рденьку весе́лому, щасли́вому; все плаче! Де въ ї́ й слёзи бра́лись! Ажъ страшна́ ста́ла съ плачу́. Отъ ма́ти ї́ перебра́лась до не́і. Бо зъ ї́ добра́ уже́ не було́: коро́ву подо́їть—ми́мо, хлібъ росчи́нить,—стільки наведе́, що черезъ ве́рхъ діжи́ иде́; вона́ не ба́чить, їй байду́же! Пічъ топи́ти—вона́ й віникъ и дни́ще и кача́лку замість поліна въ пічь. Ли́шенько жъ на́ше несподіване й нега́данне! Уже́ й ма́ти, гля́дючи на не́і, крива́вими слізьми схо́дила. Поста́ріла, зогну́лась, голово́ю хита́ти почала́. Иногді було́ й не пла́че, а тільки на Пара́ску вка́же мо́вчки, да за своє́ се́рдце обо́ма рука́ми вхопитця.

Съ того́ жалю́ стара́ незаба́ромъ и ви́простала місце на сімъ світі. Неха́й ца́рствуе! А я́ вже до Пара́ски перебра́лась въ своє́ю семье́ю, ми́ жъ изъ є́ю й дівова́ли. Пара́ска жура́лась тимъ же ходомъ, якъ и спе́ршу: здае́тця мовъ и жа́лю ій бі́льше не прибуло́, а тільки роби́лась зо дня́ на день яко́юсь чудне́нькою, — хай Богъ милосе́рдний нико́го не дово́дить! Не ста́ла зовсімъ нічого тя́мити. Ще на сімъ світі вона одділи́лась одъ живихъ. Світъ для не́і затми́вся. Сиди́ть собі похни́пившись, го́лову внизъ,—на полу́, або́ на долівці, но́ги й ру́ки проста́гши вподо́вшъ,—и не поворухне́тця. Ви́худала, якъ мо́щі. Ча́сто було́ лю́де ди́влятця на не́і, хита́ють головою́ й ка́жуть: »До пори́ се́рденько, злиня́ли — опа́ли твої́ квітки́! прибило́ тебе́ моро́зомъ!« Да оце́ ій и буха́нчикъ унесу́ть, а хто полоте́нка на стано́къ, а хто на рука́ва. Хто якъ спомігся (все пере́дъ ёго́ душе́ю бу́де): даю́ть, да все зъ тако́ю ува́гою, чи кли́шикъ, чи паляни́чку: підійде́ якъ до святої́, поло́жить пере́дъ не́ю, якъ пере́дъ своє́ю душе́ю, укло́нитця ти́хо й ни́зько зъ почо́томъ и пійде собі нічого не мо́вивши, на́че приложи́лось. Було́ по суботамъ дівча́та молоди́і черго́ю хо́дять, нава́рять ма́тлю, голову ій зми́ють, соро́чку чи́сту надінуть, приберу́ть ї́. Ді́ти було́

ій квіто́къ, я́гідъ понано́сять. Бо́же, якъ коло не́і! А якъ хто, то й сплакне́ гля́дячи на не́і. Усе́ Бо́жа во́ля! Що бъ то, я́къ би оттако́го да не було на світі! а все га́рно да ти́хо, да щобъ убо́гихъ не було́, а все бага́ті! то й Бога бъ забу́ли!... А дру́гі ста́нуть, перехре́стятця, моли́тву сотворять и подумають, щобъ іхъ такъ Госпо́дь не наказа́въ, згада́е де про що, посуму́е да й одну́стить, коли́ на к.го свари́вся.

А вона́ собі була́ ти́ха, ти́ха якъ весінній вітере́ць. Оце́ якъ ніко́го нема́ въ ха́ті, то вона́ й голосніше розмовля́е. Отъ разъ було́ лю́де поро́сходились, (се було́ такъ у жнива́, здае́тця, чи въ косови́цю); я до́ма була́, тре́ба було́ де́-що поши́ти.

Я собі ши́ю мо́вчки, а вона́ сиди́ть, простя́гши ру́ки й ноги. Очі́покъ зовсі́мъ зви́съ на о́чі: воло́ссє посіялось по ши́і. У ха́ті ти́хо; ій и здало́сь, що вона́ въ ха́ті сама одна, да й почала́ бубоніти, не підийма́ючи голови́; а я й духъ при́таіла.

«Що́ се́ я?» ка́же: «сижу́ якъ вья́ле зілле́ пони́кла! душа́ моя́ мовъ одлетіла, се́рце мое́ вщу́хло... Охъ!» да й зди́хну́ла, моя́ голу́бка. Да й изновъ почала: «Голова́ моя́ важка́,—те́мно; ніяка́ ду́мка не зася́е! я мовъ во сні сижу́.» Росціпила ру́ки, и тро́хи па́льцями повела́ себе́ по виду́. «Чи до́вго мені ще вікъ свій корота́ти?» да зновъ и вмо́вкла. А я, ма́тінко, и не ди́шу: тільки слёзи своі зупиня́ю. Бо́же! якъ то вона́ свое́ го́ренько чу́е. А передъ людьми тілько чудне́нькою дереви́ною здае́тця. Прислуха́юсь,—вона́ зно́въ: «Чого́ мені світомъ нуди́ти? харчу́ють, зодяга́ють, незобіжда́ють. Чи я сижу́ на ла́ві, чи середъ ха́ти, — вся́ке мене́ обійде, тихе́нько пересту́пить». Да й голово́ю скивну́ла, — спаси́бі бъ то, чи що́? Да й здрігну́ла: (щось на́че зашелестіло). «Чого́ мені ще?» ка́же помо́вчавши. «Уже жъ не болітиме! усе́ похова́ла, усе́ перебула́. О-о-о-о́! я́къ же запекло́ коло се́рця!». Ухопи́лась обома́ рука́ми, голову одки́нула, о́чі заплю́щила: «Згада́ла, згада́ла», ка́же, «у́сіхъ васъ ра́зомъ згада́ла! О-о-о!» застогна́ла наче крізъ сонъ. А голова́ ни́кне на бікъ, ни́кне, а я ні зъ місця, не зорву́сь, на́че прикипіла. «Щось мені світъ мінитця!» ка́же, да руки впере́дъ протя́гуе и на́че кого́ го́рне до се́бе. А послі—бебе́хъ! До іі... не жи́ва. Я до сусіди. Са́ме ко́пи привезли́ въ двіръ: покли́кала чоловіківъ, підняли́, положи́ли іі на пілъ: ді́ти збіглись, поляка́лись; приложи́ла я ру́ку до іі се́рця, ще тро́шечки ма́етця; до ро́та дзе́р-

кало приложи́ла—запотіло. Свічку восковý засвіти́ли, запричасти́ли її. Такъ вона́ ще три дні проле́жала мо́вчки, тільки — води́ці мої́ Явдо́шка ло́жечкою у ротъ впуска́ла. А послі, якъ буйні́ гра́дини, три слёзи́ ви́котилось, и не стало ду́ху. Похова́ли її га́рно — не такъ якъ сироту́. Всімъ вона́ була́ на́че ро́дичка. Зібра́лось люде́й, якъ на весілле, — прикла́дувались до її старе́ й мале́...

А. Нечуй-вітеръ..

ЖУРБА.

Ой саду мій, саду,
Зелений та пишний,
Хто твої кохае
Черешні та вішні?
Рóси тебе миють,
Дощі поливають,
Пташки́ твої віти,
Піснями кохають;
А мині, садочку,
Ні дощі, ні рóси,
Ні люде, ні пта́шки
Щастя не приносять.
Погляну на те́бе,
На твій рястъ пахучий,
Та скорій до хати
Да й плачу идучи...
Ти знаешъ, садочку,
Ти знаешъ, мій брате,
Була доля-щасте,
Вмівъ и я співати...
Зійде місяченько,
Було, середъ неба,
Козакъ та дівчина
Приходять до тебе;
Підъ вишнею сядуть—
Вона іхъ прикрие —
Седять та воркують—
Ажъ серденько мліе.
А въ тебе, зза рясту,
Місяць поглядае,

Та любо да гарно
Соловей співае...
Минулось, садочку,
Друже мій единий!
Козакъ нудить світомъ,
Дівчина — въ могилі...

П. Кузьменко.

1860 року.

ПОЛТАВЩИНА.

(Изъ записной книжки 1856 года).

I.

Зеленая Балка.

....Далеко въ небѣ кричали журавли, летали и жужжали басомъ жуки; на селѣ слышались пѣсни, свистъ, ауканье и гука́нье; не было шагу безъ звука.

Насталъ второй день Свѣтлаго праздника. Я уже нѣсколько дней въ селѣ Кублівкѣ, и все время гуляю, вдыхая въ себя весенній воздухъ.... У пруда, я сѣлъ на изогнутомъ деревѣ. Прудъ былъ покрытъ сильною зыбью и всплескивали небольшія волны. Подъ солнцемъ блескъ воды — невыносимый; двѣ–три пары дикихъ утокъ плавали по пруду; вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Вдали кричалъ удодъ, начинали свистать соловьи. Дівчата, убранныя длинными лентами, которыми игралъ вѣтеръ, — въ шитыхъ рубахахъ, въ яркихъ *запаскахъ*, — плавно шли и пѣли *веснянки*, оглашая село отъ конца до конца. У шинка были устроены качели; оттуда доносились вскрикиванья подгулявшихъ и звуки скрипки...

Изо дня въ день жара томила всѣхъ; зелень распускалась туго, хлѣба пропадали; все жаждало дождя, — и вотъ, къ общей радости, нашла туча. Двери и окна въ помѣщичьемъ домѣ затворились; блеснула молнія, загремѣлъ громъ, и дождь ливмя облилъ землю. Туча пронеслась; проглянуло солнце, но скоро опять набѣгала туча за тучей, и дождь лилъ какъ изъ ведра...

Вечернее солнце освѣтило разорванныя облака; въ одномъ мѣстѣ проглянуло небо своей покойной голубизной и въ немъ блеснула звѣз-

дочка. Воздухъ былъ тихъ и влаженъ, чистъ и упоителенъ. Соловьи свистали; зацвѣла черемуха; вода на прудѣ стояла зеркаломъ; два ныркa, плавая, вели за собой струю; лягушки пѣли въ два напѣва; съ молодой зелени падали и хлопали о листья капли дождя; вдали загоралась молнія....

Стемнѣло.... Кой-когда прожужжитъ ночной жукъ, неловко сталкиваясь съ чѣмъ попало; вскрикнетъ въ берегахъ проснувшаяся утка; а пѣсни селянъ разливаются въ воздухѣ. Дівчата протягивали концы, паробки имъ подтягивали. Когда накрапывалъ дождь, прерывались пѣсни селянъ; только возлѣ господской кухни слышались звонъ балалайки, вскрикиванье и хохотъ дворовыхъ. Едва переставалъ дождь—и снова на селѣ затягивались пѣсни.

Блаженное время! Все, что было тогда кругомъ меня,—жило во мнѣ полною жизнью. Доставало созвучья на все; все восторгало душу; пѣснями я заслушивался, упивался ими. Утро, вечеръ, дождь, мятель,—все наполняло грудь волненіемъ, которое вырывалось пѣсней, и я пѣлъ. пѣлъ громко и цѣлый день... Въ ту пору, войска тянулись съ одного конца Россіи на другой. На утренней зарѣ, меня разбудила непривычная селу военная тревога. Я отворилъ окно; пахнуло свѣжестью, востокъ загоралъ; сѣрая нижегородская дружина шла садомъ; близь дома она свернула вспорону и пошла большою дорогой, затянувъ: »*Ахъ! да не одна то во полѣ дороженька пролегала!*« Долго я слушалъ эту пѣсню, ловя ея уносящіеся, замирающіе вдали звуки.

Мы сидѣли съ дівчатами вокругъ умирающей ихъ подруги и сегодня простились съ нею. Она жила съ управляющимъ-нѣмцемъ; родила; дитя умерло, она грустила, сохла, и вотъ мы ее схоронили.... Бѣдная Марьяна! Еще такъ недавно я съ тебя рисовалъ, еще такъ недавно и такъ твердо ты, слушаясь своего сердца, полная рѣшимости, шла навстрѣчу незаслуженному позору. — Это была уже вторая жертва нѣмца. Годъ тому назадъ такъ же умерла Маринка (*).

Жизнь ваша, бѣдныя созданья, самая грустная повѣсть. Отправляетесь вы со свѣту одна за другой съ тѣми дѣтьми, которыя были

(*) Разсказъ о смерти Маринки помѣщенъ мною во II томѣ »Записокъ о Южной Руси,« П. А. Кулиша.

плодомъ вашей довѣрчивой души и—забывается ваше имя... а управляющій—нѣмецъ ищетъ уже новую любовницу, спокойный и безнаказанный...

Я отправился въ село; зашелъ въ *клуню* и встрѣтилъ тамъ одну глубокую старуху; дѣтки играли подлѣ. Мнѣ послали *рядно́*—и вотъ бесѣда:

— Скільки тобі годъ, бабу́сю?

— А Бо́ (Богъ) ёго́ зна.

— Бабу́сю, а бабу́сю! (*) що́, дідъ той, що живе́ недале́ко одъ Явдо́шки коло проу́лка, Арапъ той,—старійшій відъ те́бе?

Старуха оставила пряжу и смотрѣла на меня.

— Арапъ!?. вінъ бувъ ще мальчишкой, хло́пцемъ, якъ я була́ жінкою.

— Скільки жъ тобі годъ?

— А отъ що́.... я вамъ скажу́ прика́зкою... Я пішла́ за́міжъ двадцяти́-двохъ годъ... Чоловікъ стари́й якъ уме́ръ, то піпъ каза́въ, що ёму́ було́ девьяносто годъ безъ трёхъ; а жени́вся вінъ двадцяти́ семи́ годъ... а живу́ я безъ чоловіка, ба́чте, якъ вінъ уме́ръ,—пройшло́ вже де́сять годъ безъ о́дного.

Она продолжала прясть; дочь ея, уже не молодая, сидѣла подлѣ и тоже пряла; ребенокъ возился около меня, другія дѣти играли у входа, на солнцѣ. Звали бабусю Тетя́ною; она еще была въ разсудкѣ и даже охотно пѣла пѣсни, старческимъ дрожащимъ голосомъ....

Ой иду́ть дівочки́.
Да якъ паня́ночки,
Ой усі въ вінóчкахъ —
А на молодій да на Мару́сеньці
И вінóчка нема́.
— Ой молода́я да Мару́сенько!
Де́ вінóчокъ ділa?
— Ой я вчóра та й звéчора
Пьяне́нька була́,

(*) Старуха была глуха.

И склони́ла та голо́воньку, —
Да й загуби́ла... —
Ой узяли́ да й молоду́ Мару́сю
За-пі́дъ бі́ли бо́ки:
Да й уки́нули да молоду́ Мару́сю
У Дуна́й глибо́кий....
— Оце́ тобі, да Марусенько́,
За хоро́шу вро́ду —
Пла́вай же ти по ти́хімъ Дуна́ю
Да пий холо́дну во́ду.

(Вона́ струі́ла байстря́, що привела́; а її ви́вели дівки́ та й вки́нули въ Дунай глибо́кий... объяснила мнѣ старуха).

Какая сила и сжатость языка въ этой драмѣ! Сколько достоинства въ народной поэзіи!—нѣтъ лишняго слова, какъ и въ пѣніи нѣтъ лишней ноты. Стариной вѣетъ отъ этой пѣсни.—Дунай,—чрезвычайное уваженіе къ дѣвственности,—немилосердная строгость. Теперь, правда, не кидаютъ такой дівчины ни въ Сулу, ни въ Дніпро́, но во многихъ мѣстахъ, если дівчина окажется, во время свадьбы, нецѣломудренной, надѣваютъ отцу и матери хомутъ (и жлу́кто) на шею, водятъ ихъ по деревнѣ, припѣвая срамныя пѣсни, и вымазываютъ ихъ хату грязью. Въ Черниговской губерніи, *плащоватые* цыганы (т. е. носящіе родъ плащей, и перекочевывающіе съ шатрами, а не тѣ, что́ носятъ сельскую одежду и живутъ въ хатахъ) разсказывали мнѣ, что у нихъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ нечестно, то жгутъ колеса у воза ея родителей и, тоже съ хомутомъ на шеѣ, водятъ по шатрамъ, бранясь и насмѣхаясь. У Мордвы и Чувашей сохранилась подобная же строгость. Этотъ обычай сдерживаетъ отъ соблазна, но его гнётъ часто бываетъ причиной убіенія незаконорожденныхъ.

Дочь старухи Тетя́ны спѣла пѣсню очень-хорошую и по словамъ и по грустному напѣву. Въ ней обозначились характеры мужской и женскій, каждый сохраняя свойственный ему оттѣнокъ. Наущаемый навѣтами матери, мужъ убилъ жену свою; онъ не боится суда и расправы, не бѣжитъ скрыться по совѣту матери, а вполнѣ раскаивается передъ своею совѣстью и громадою, хочетъ похоронить жену съ честью, совершить надъ душой ея поминки, готовъ дать и коня, и сѣдло, шитое золотомъ, тому, кто разбудитъ убитую.

Ма́ти си́на да при лю́дяхъ би́ла;
На самоті си́на научи́ла: (*)
Да поідь, сину, у Прилу́ку до то́ргу,
Да купи́, си́ну, дротяни́й віжки —
Да звяжи́ су́ці ще й ру́чки и ніжки;
Купи́, си́ну, дротяну́ нага́йку
Да бий ми́лу зъ ви́чора до ра́нку.
У півно́чі комо́ра звеніла,
А и къ світу вже ми́ла не жи́ва...
Лежи́ть ми́ла якъ ожи́на си́ня,
Стоіть ми́лий да якъ папіръ білий...
— А що́ бу́демъ, матінко, робити, —
Уби́въ жінку,—ні съ кимъ мені жи́ти!..
— Запряга́й, си́ночку, білую кобы́лу,
Да ідь, си́ну, въ чужу́ю краіну.
— Тре́ба, ма́ти, попа́мъ сказа́ти,
Тре́ба ії тіло й похова́ти,
Тре́ба, ма́ти, грома́ду зібра́ти,
Тре́ба ії ду́шу помина́ти.
Колиб́ъ я знавъ, хто ми́лу розбу́дить,
Давъ би ёму́ коня́ вороно́го
И сіде́льце изъ зло́та само́го,
И нага́йку, якъ чо́рную га́лку,
И попру́гу зъ велы́кого ту́гу...
Колибъ бувъ ма́тері не слу́хавъ...

Пѣвицѣ помнилось, что пѣснѣ не конецъ, да она его не знала.

Пришла другая женщина и присѣла возлѣ насъ; одно дитя сосало ея грудь, другое она обняла, и въ такомъ положеніи спѣла слѣдующую пѣсню:

Приня́въ чорне́ць Кузе́мочку за рідну дити́ну,
Да й оженивъ на чужій стороні.
Поіхавъ Кузе́мка у млини́ моло́ти,
Да й заіхавъ до те́стя у го́сті.

(*) По другому варіанту:

Ма́ти си́на наси́льно жени́ла;
На пі́дпитку невістку суди́ла. *Ред.*

Якъ сівъ Кузе́мка мо́веньку мо́вити,
А Мила́шка изъ Ода́ркою соки́ри гостри́ти.
Ой сівъ Кузе́мочка вече́рю ужива́ти,
А Мила́шка изъ Ода́ркою въ вікно́ вигляда́ти.
Да поідьмо, Кузе́мочку, съ ха́ти,
Да поідьмо въ чи́сте по́ле гуля́ти;
Ой сядь же ти, Кузе́мочко, отту́тъ підъ вербо́ю,
А ми поідемо да́лі на розмо́ву.
Сіла Мила́шка Кузе́мочці ська́ти,
А Ода́рка изъ соки́рою ши́ю руба́ти...
У на́шоі у Мила́шечки въ піди́лькахъ мере́жка:
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — кріва́вая сте́жка.
У на́шоі у Ода́рки на за́стібці стрічка,
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — да кріва́вая річка.
— Прода́вай, мій тату́сенько, воли́ та коро́ви,
Визволя́й насъ изъ нево́лі!
Ой продава́й, мій тату́сенько, воли́ та тели́чки,
Визволя́й насъ изъ темни́чки. —
»Прода́въ я, моі до́нечки, воли́ та коро́ви,
Та не ви́зволю изъ нево́лі...
Оце́ тобі, да Ода́рочко, за твою́ розмо́ву
Сиди́ въ піску́, да іжъ тузку́, да пий холо́дную во́ду.

— Вони́ ёго́ уби́ли за те́е, що вінъ обо́хъ ра́зомъ люби́въ (объяснила пѣвицы).

Я отправился на край села, гдѣ стояла одинокая хатка; плетни вокругъ нея были ветхи; на дворѣ пусто; мужское хозяйство было запущено. Близь хаты былъ яръ: — здѣсь я любилъ сидѣть незамѣченный никѣмъ и вслушиваться въ беконечно-грустное задушевное пѣнье молодой женщины. Почти всегда она была одна дома, и работала. Теперь она укачивала ребенка, пряла и пѣла. Веретено гудѣло и наводило невыразимую тоску. Несчастная женщина поетъ, а веретено однообразно стонетъ; прервется стонъ на минуту, и снова вторитъ грустной пѣснѣ. Пѣлась знакомая мнѣ пѣсня:

Да зачу́ла стара́ ма́ти,
Да по тімъ бо́ці сто́я...
»Ой не плачь, доню, не жури́ся,
Бо така́ твоя́ до́ля;

Ой полюби́ла пройдп–світа,
Да при місяцю сто́я.«
— Не я ёго́ полюби́ла,
Полюби́ла моя́ ма́ти:
Ой повеліла мені ма́ти
Білі рушничкй дага́ти...
Чп я въ те́бе, моя́ ма́ти,
Да хлібъ–сіль переіла,
Що ти мене́, моя́ ма́ти,
За бурла́ку затопи́ла?
Затопи́ла голо́воньку
У чужу́ю сторо́ноньку,
У чужу́ю сторо́ноньку
Въ безо́днее мо́ре!..
Ой звяжи́ мені, ма́ти,
Да кита́йкою о́чі:
Ой веди́ — топи́ до річеньки
У темне́ькій но́чи;
Да пристроми́ мене́, ма́ти,
Щобъ я не зрина́ла,
Ой щобъ я сёго́ го́ря
До–віку не зна́ла.

Я оставлялъ занятья и слушалъ пѣсни своихъ подругъ–дівча́тъ, которыя въ сосѣдней компатѣ сидѣли за работой въ пяльцахъ, вышивая панскія юбки, воротнички, платки и прочія тряпки. *Петрівки* смѣнялись другими, и часто пѣли мои, въ то время, любимыя пѣсни. Я никогда не имѣлъ исключительно избранныхъ, любимыхъ пѣсенъ; нравилась болѣе та или другая пѣсня смотря по расположенію духа. Хоръ дівчатъ былъ прелестенъ; мотивъ несся и въ него вливались всѣ маленькія отступленія каждой изъ пѣвицъ. Каждая пѣла по–своему, по собственному вкусу, по сердечному влеченію. На время смолкала одна, прерванная работой, но скоро снова подхватывала пѣсню или на той нотѣ, гдѣ пришлось, или догоняла подругъ, выпѣвая всѣ пропущенные ею стихи. Хоръ былъ неподража́емый. Однѣ и тѣ же дівча́та не всегда одинаково пѣли одну и ту же пѣсню. Какая разница съ хорами ученыхъ пѣвицъ, которыя поютъ стройно, ровно—словно маршируютъ! Дівча́та поютъ потому-что поется. Пѣсня выбирается общимъ располо-

женіемъ духа; тогда—какъ въ ученомъ хорѣ поютъ съ мыслью, что ихъ слушаютъ и чтобъ ихъ слушали. Тутъ хоръ случайный; одни голоса схожіе, другихъ не достаетъ; но отъ этого именно пѣсня получаетъ характеръ правды, жизнь, свѣжесть и прелесть, тогда—какъ тамъ всё подобрано, выравнено, выправлено. Въ этихъ непріятныхъ хорахъ проявился противохудожественный духъ формалистики и солдатчины. Дівóцький наивный хоръ поетъ и вѣритъ въ пѣсню, въ ней живетъ всѣмъ существомъ; а ученые хоры поются, чтобъ щегольнуть, и рѣдко проникнуты содержаніемъ. Моя нелюбовь къ хорамъ подобнаго рода относится не только къ тѣмъ пѣсельникамъ, которые потѣшаютъ публику на островахъ, минеральныхъ водахъ и театральныхъ подмосткахъ; но и къ насильственно—составленнымъ пѣвчимъ при панскихъ дворахъ, къ цыганамъ, которымъ такъ рукоплещетъ Москва и Петербургъ, и которые такъ блѣдны и непріятны, когда вспомнишь разгульныя вольныя пѣсни кочевыхъ цыганскихъ таборовъ. Подобные хоры лишены сердечнаго увлеченія и представляютъ собою жалкое перерожденіе народной музыки. Восхищаться можетъ этими хорами только наше общество, оторванное отъ народа и представляющее собою такую же жалкую его пародію, какъ и пѣсни, которыми потѣшается. Глядя на наше общество, узнаешъ иногда стихіи того народа, изъ котораго оно вышло, — но переродившіяся, изуродованныя, часто смѣшныя, часто отвратительныя и лицемѣрныя. Члены его стоятъ особнякомъ равно чуждые народу и цивилизаціи, потому-что образованіе понято ими ложно; правильное развитіе уяснило бы имъ, что стремленіе, цѣль цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы слить въ одно всю разнородную массу элементовъ, изъ которыхъ сложился весь народъ, и продолжать общее движеніе впередъ цѣльной, мощной массой.

То же бездушіе въ пѣніи парадныхъ пѣвчихъ и на клиросахъ модныхъ монастырей: — отъ ихъ аккордовъ, ихъ выученныхъ соло и въ концѣ пѣнья густо—пущенной октавы — такъ и пахнетъ духами. Не такъ пѣли первобытные монастыри, когда соединяла братію искренняя вѣра. Тогда не спѣвались передъ службой, чтобъ хвастнуть стройно—пошлымъ пѣньемъ à l'italien, а пѣли свободно душевныя молитвы; хоръ прерывался хоромъ; пока одни клали земные поклоны, другіе пѣли. Удары въ доску, или звонъ колокола, сливались въ общую гармонію, и имѣли свое осмысленное значеніе. Хоры первобытныхъ христіянъ не пѣли подъ камертонъ; разладъ въ ихъ пѣніи имѣлъ свою гар-

монію; хоръ селянъ не поетъ подъ взмахъ капельмейстера; пѣсня его раздается сама–собой, и въ его вольныхъ переливахъ, въ его нестройности именно та вѣрная себѣ, упоительная гармонія, которую я слушаю и не наслушаюсь. Такихъ наивныхъ вольныхъ хоровъ положить на ноты нельзя; ноты передаютъ мертво; онѣ не въ состояніи передать физіономію и игру пѣсни. У меня записана звукъ въ звукъ игра бандуриста, но когда мнѣ разыгрывали эти ноты, то рѣдко кто мнѣ могъ напомнить его игру, и я съ досадой слушалъ, какъ игра была точна, вѣрна, безъ фальши, — но въ то же время — мертва, лишена смысла и духовности. У бандуриста жилъ каждый звукъ; онъ собирался съ пѣньемъ, отыскивалъ мотивъ и настраивалъ самого–себя, тогда–какъ по нотамъ мнѣ бренчали отрывисто и безсмысленно. Я уже и не вспоминаю о тѣхъ аккомпаниментахъ, которые придѣланы въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ: они рѣшительно оскорбляютъ и вкусъ и ухо.

II.

Лебединецъ. — Кобзарь Остапъ.

Я ѣхалъ къ Гр. П. Галагану на освященіе *Будинка*. Сельская дорога вела по житáмъ и гречкáмъ; пестрѣли васúльки и макъ; на толóкѣ паслись мериносы; изъ *будяка*, который лѣсомъ укрывалъ степь, вылетали голуби; наконецъ—черезъ массивные ворота, я въѣхалъ въ чистый и обширный дворъ. Съ-боку стояла бѣленькая хатина, смѣясь на солнцѣ, а прямо передъ глазами былъ домъ съ навѣсами, крылечками, подпорами и прúсьбой кругомъ всего дома; высокая соломенная крыша укрывала его, а за нимъ возносились пирамидальныя тополи и рисовались густыя купы деревъ. Вербы свѣсили свои нѣжныя вѣтви къ крышѣ и окнамъ. Съ другой стороны дома садъ съ темными аллеями подходилъ къ самому *поддашью* (комната безъ наружной стѣны, которая (стѣна) вставляется только зимою) и аллеи его на полверсты тянулись и пересѣкались одна другой; то липовая вся въ цвѣту, то изъ орѣшника, то кленовая, то черемховая, то березовая, то вся изъ акацій. Плодовыя деревья, кусты ягодъ, гряды земляники раскинулись по всему саду, окаймленному колючимъ терномъ. Послѣ молебна, обѣдни и освященія этого дома (*будинка*), м обѣдали на старый ладъ, запивали наливками и вен-

герскимъ изъ дѣдовскаго запаса. Всѣ радостно привѣтствовали это старосвѣтское, вновь рожденное дитя. Будинокъ смотрѣлъ такъ уютно, такъ привѣтливо; своею физіономіею онъ переносилъ насъ въ жизнь давно прошедшую, и невольно порождалъ во многихъ присутствовавшихъ желаніе сдѣлать и у себя такой же. Зачѣмъ *такой* же? Гр. П. Галаганъ попытался, и очень удачно, воскресить прошлое; всякою мелочью въ домѣ онъ хотѣлъ напомнить намъ жизнь дѣдовъ и прадѣдовъ; это очень похвально,—шагъ все-таки сдѣланъ, но подражаніе, всегда насъ преслѣдующее, явилось и тутъ. Почему бы не сдѣлать шагъ впередъ и не идти далѣе, чѣмъ могли наши предки?

Когда я заговорилъ о томъ, что слѣдуетъ строиться по остаткамъ старины, по вкусу и потребностямъ народа; то немногіе меня понимали, не многіе мнѣ сочувствовали, всѣ почти считали эту мысль за увлеченіе, за дѣло невозможное; но вскорѣ, подъ моимъ надзоромъ и съ моею помощью, соображаясь съ народнымъ вкусомъ и остатками старины, начерченъ былъ планъ каменнаго малороссійскаго дома архитекторомъ И. В. Штромомъ. Я подарилъ планъ графу А. П. де-Б-ну. Мнѣ хотѣлось, посредствомъ этой попытки, устранить тотъ англійскій котеджъ, который онъ думалъ строить. Удалось ли мнѣ — не знаю.

Мы всѣ ясно видимъ безтолковость нынѣшнихъ домовъ и ихъ разладицу съ жизнью; никто однакожъ не хочетъ изучать настоящихъ требованій, и, основываясь на этомъ изученіи, сдѣлать попытку собственной народной архитектуры. Напрасно думаютъ, что это такъ трудно, что это доступно только генію:—тутъ создавать нѣчего, все уже давно существуетъ;—нужно только внимательное розысканіе и любовь къ дѣлу. Стиль—не прихоть онъ. рожденъ климатомъ, мѣстными потребностями, вкусомъ, который, въ свою очередь, образовался подъ вліяніемъ исторіи. Сообразивъ требованія и условія страны, и обобщивъ ихъ, мы получимъ стиль. Все, что происходитъ не отъ этихъ требованій, — противъ мѣстныхъ условій — непростительная ошибка,—и въ архитектурѣ влечетъ за собой лишнія хлопоты и лишнія траты. Каждый народъ имѣетъ свой вкусъ, свои потребности,—дайте только имъ возможность проявляться, а не подавляйте ихъ.

Чтобы понять народный вкусъ и изучать его, надо обратиться не къ тѣмъ храмамъ и зданіямъ, которые строились иноземными выходцами (они непремѣнно внесли туда свой элементъ,) а къ тѣмъ, которые строились самимъ народомъ. Источникъ народнаго вкуса—его

быть: его-то и должно изучать, вмѣстѣ съ обычаями, обрядами, пѣснями и даже складомъ народной рѣчи. Тогда бездѣлицы, мимо которыхъ проходили прежде, не замѣчая, теперь привлекутъ вниманіе и получатъ для насъ цѣну. Тогда мы увидимъ народную своеобразность, которая откроетъ намъ глаза на новое дѣло народной архитектуры. Пора, наконецъ, выступить впередъ и предъявить свои права въ этомъ искусствѣ. Пора кончить съ чужеземщиной, почти не имѣющей для насъ смысла. Это не бредъ,—это твердая вѣра въ благое начинаніе и уваженіе къ личности народа. Глядя на *хату*, ясно видишь вездѣ мысль и удовлетвореніе извѣстной потребности. Всѣ въ хатѣ утверждено здравымъ разсудкомъ; а мы пренебрегаемъ и не замѣчаемъ этихъ проявленій народнаго разума—по той причинѣ, по которой донынѣ не обращали вниманія на самый народъ. Могутъ возразить, что, съ развитіемъ народа явятся въ немъ и другія потребности. Да, правда: цивилизація мѣняетъ все,—частью измѣнитъ и климатъ, проведетъ сообщенія и уничтожитъ разстоянія,—степи засѣетъ лѣсомъ, доставитъ камень въ черноземную полосу, деревянныя подпоры и балки можетъ замѣнить желѣзными и т. д. Но цивилизація не можетъ уничтожить климатическихъ и мѣстныхъ условій вполнѣ; а они—то и составляютъ законъ народной архитектуры; правда также и то, что истинная образованность дорожитъ личнымъ развитіемъ народа, уважаетъ его особенности и сберегаетъ ихъ. Поэтому нечего опасаться, что наши труды безполезны; обратимъ все вниманіе на разработку своей народности, и этимъ послужимъ человѣчеству, въ его общемъ развитіи. Другая жизнь и другіе народы намъ менѣе знакомы, и дѣятельность ихъ намъ менѣе свойственна. Кто, не укрѣпленный этимъ взглядомъ, начнетъ строить, то сейчасъ же воспитаніе его,—его иностранныя, стѣснительныя для него же привычки,—проглянутъ изъ каждаго окна, изъ каждой части его зданія; это зданіе будетъ жалкимъ трудомъ и непростительною потерею денегъ безъ мысли. Такъ чужеземщина вездѣ втирается къ намъ и насилуетъ насъ; а мы не имѣемъ ни сознанія, ни твердости освободиться изъ-подъ уродующаго насъ гнета.

Для уясненія народнаго вкуса въ постройкѣ, слѣдуетъ собирать и приводить къ одному знаменателю все, что только можно захватить изъ народной жизни. Образцомъ для общихъ формъ дома должна служить хата, въ ней есть всѣ данныя, во всей ихъ чистотѣ, старосвѣтскіе же *будинки* и *каменицы* должны разсматриваться съ ог-

лядкой, потому что и туда внесена порча. Для архитектурныхъ украшеній слѣдуетъ изучать рѣзьбу: на карнизахъ, окнахъ, дверяхъ, *сволокахъ*, *млинахъ* и *вѣтрякахъ*, *воротахъ*, *коморахъ*, подпорахъ, ярмахъ и чумацкихъ *мажахъ*, коромыслахъ, прачахъ, скамьяхъ, столахъ, солонкахъ, божницахъ, *полицяхъ*, рѣчныхъ *дубахъ* (судахъ); шитье рубахъ, *рушниковъ*, *хустокъ*; рисунки: *плахтъ*, *крашанокъ*, *писанокъ*... и этихъ матеріаловъ безъ конца. Обо всемъ этомъ стóитъ подумать, этимъ стóитъ заняться... Но вернемся къ празднику.

Съ *рундука* (крыльца) бросали пряники, дарили шапки, платки; народъ только-что пообѣдалъ,—начались пляски, танцы; пьяные упали гдѣ кто былъ, ловко раскинувшись. Я сидѣлъ на *присьбѣ*, съ своимъ старымъ другомъ *Остапомъ* (*); надъ нами было рѣзное дубовое окно.

— Подивúсь, Остапе,—рукóю облáпай,—якъ гáрно рiзано вiкнó.. Я взялъ его руку и приложилъ къ рѣзьбѣ.

— Такъ щóжъ! нá що менi дивúться? ще панú бýдуть лáятьця. Щó менi дивúться?.. Та воно гáрно!.. Колú бъ булó гáрно й на тiмъ свiтi...

Мнѣ была отведена чистая хата. Утромъ, меня разбудилъ шорохъ у дверей: Остапъ ощупывалъ входъ. Онъ вошелъ съ бандýрою подъ полой и сѣлъ возлѣ моей постели; женщина, которая его привела и съ которой живетъ онъ, стала у дверей и, подперши щеку рукой, слушала умильно нашу бесѣду.

Бесѣда была коротка; она скоро перешла на думы и пѣсни. Очень жалѣю, что не могу привесть тутъ голосъ думы, которую, въ этотъ разъ, пропѣлъ мнѣ Остапъ; но сохраняю ее со всѣми остановками (которыя я обозначаю посредствомъ точекъ), такъ ясно передающими состояніе духа пѣвца и глубоко-трогательный смыслъ думы (**).

Ой у недiлю та бáрзо рáно—поранéнько,
Ой то не въ усi дзвóни дзвонúли,

(*) Портретъ бандуриста *Остапа Вересая* находится въ числѣ рисунковъ (именно XIII-й) *Живописной Украины*. Біографическія свѣдѣнія объ немъ помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

(**) Я записывалъ обыкновенно слово-въ-слово, буква въ букву, не дозволяя себѣ никакихъ поправокъ, и потому читатель не рѣдко встрѣтитъ въ пѣсняхъ ошибки противъ выговора и языка; но самыя ошибки весьма важны въ этнографическомъ отношеніи. *Л. Ж.*

Якъ у крáйнёму дóмі отéць и мáти гомоніли,
У чужý сторóну сúна випровожáли:
«Ой идú жъ ти, сúну, между лю́де,
Бо тамъ тобі лу́чче бу́де!»
— Якъ то менí, мáти, не хотілося
У чужій стороні пробувáти;
Бу́дуть менé *прошéниемъ* называ́ти.
До то́ сестрá стáрша коня́ ведé;
Сестрá середу́льша збру́ю несé;
Найменша сестрá брáта випровожáе,
Словáми промовляе,
Гірко слезáми ридáе...
«Братíку мій мúлий,
Якъ голу́бонько сúвий!
Відкіля́ тебé, братíку, въ гóсті виглядáти?
Чи зъ бу́йного вóю,
Чи зъ чúстого пóля,
Чи зъ слáвного лю́ду Запорóжжя?»
— Ой не виглядáй менé, сéстро,
Ні зъ бу́йного вóю,
А ні зъ чúстого пóлю,
Ні зъ слáвного лю́ду Запорóжжя..
Возьмú, сéстро, жóвтого пíску,
Посíй на білому кáменю,
Устáвай ранéнько,
Да поливáй пісóкъ частéнько
Ранніми, вечірніми зорями —
Усé своіми дрібни́ми слезáми..
То якъ бу́дуть, сéстро, о Пéтру ріки замерзáти,
А объ Роздві калúна у лу́зі білимъ цвітомъ процвітáти,
Объ Васúлю я́годи зрожáти,
Жóвтий пісóкъ на кáмені схожáти,
Сúнімъ цвітомъ процвітáти,
Хрещáтимъ барвінкомъ кáмень устілáти:
Дакъ тоді я бу́ду, сéстро, до васъ у гóсті прибувáти.

Остапъ остановился и сказалъ:

(*Се, бачте, вінъ гарну казку казавъ; а вона ему й о двíча*:

«Якова́ я, бра́тіку, у світі ста́ла,
Що я сёго́ одъ старихъ люде́й не чува́ла,
Щобъ о Пе́тру — ріки замерза́ли,
А объ Різдві — кали́на у лу́зі процвіта́ла,
А объ Васи́лю — я́годи зроста́ли,
И щобъ жо́втий пісо́къ
На ка́мені схожа́въ,
Си́нимъ цвітомъ процвітавъ,
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень устіла́въ
Щобъ–то тоді братъ до сестри́ у го́сті прибува́въ».

. . . . . .

. . . . . .

(Остапъ прервалъ пѣнье и игралъ въ раздумьи на бандурѣ).

— А ище́ жъ бо ти, се́стро, бо сёго й не догада́есся?
Уже́ о Пе́тру, се́стро, рика́мъ не замерза́ти,
Кали́ні у лу́зі объ Роздві — не процвіта́ти,
А объ Васи́лю — я́годъ не зрожа́ти,
И жо́втому піску́ на камені не схожа́ти
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень не устіла́ти...
До такъ–то мені, се́стро, у ва́шему до́мі го́стемъ не бува́ти...

Онъ снова игралъ безъ пѣнья довольно продолжительно. Въ думѣ ясно выражались суровость и гнетъ отца, покорность жены его, которая не отвѣчаетъ сыну изъ боязни, и грусть сестеръ, безмолвно снаряжающихъ брата въ путь. Только юность, забывъ все, даетъ волю своему чувству... Еслибы не было тутъ повтореній, еслибы разсказъ развивался далѣе, я былъ бы не удовлетворенъ. Мнѣ не хотѣлось еще перейти къ другимъ чувствамъ, къ другимъ впечатлѣніямъ. Эти повторенія удерживали вниманіе на главномъ предметѣ и давали время вполнѣ углубиться въ сцену разставанья. Бандуристъ былъ переполненъ чувствомъ; онъ прервалъ пѣнье, продолжая играть въ тѣхъ же мотивахъ и подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Эти, то переливающіеся, то прерываемые звуки металлическихъ струнъ сильно дѣйствовали на сердце, мысль глубже вникала въ думу, и живая картина носилась передъ глазами.

Остапъ продолжалъ:

. . . . . .

Ой то до́бре, братіку, зна́ти (?) у се́бе ма́ти,

И у чужій стороні, у дорогúхъ кармáзинахъ похождáти.
То бýдуть тéбе дóбрі лю́де знáти,
Бýдуть у тéбе кýми й побратúми...

. . . . . .

А якъ пришибé, тебé, брáтіку, на чужій стороні
Злáя годúна,
Лихáя хуртовúна,
Тоді одречéтця одъ тéбе усяка назвáна родúна.

. . . . . .

Тутъ Остапъ заигралъ проворно и чуть не рвалъ струны...

. . . . . .

И кумú й побратúми,
И товáришъ вірнéнький...

. . . . . .

Начавъ нѣсколько тихо, онъ игралъ уже громче и громче, — и запѣлъ:

Якъ то трýдно рúбі на суходóлі,
Звіру, птúці, безъ пóля и безъ дібрóви,
До такъ-то трýдно на чужій стороні пробувати—
Безъ рóду и безъ сердéшної родúни.

. . . . . .

Якъ-то трýдно изъ сирóі землі білий камéнь изняти,
То такъ-то тяжко-вáжко у чужій сторóні
Безъ рóду, безъ сердéшної родúноньки помірáти...

Тутъ Остапъ забылся и игралъ долго, долго. Быть-можетъ, онъ вспомнилъ собственную жизнь, — вспомнилъ, какъ его выгналъ зять, вмѣстѣ съ его же дочерью, изъ его же хаты, и какъ придется ему умирать на чужой землѣ, *безъ сердéшної родúноньки*. Онъ игралъ грустно, разрывалъ душу на части. Наконецъ, запѣлъ припѣвъ, обыкновенно заканчивающій думы:

Услúши, Гóсподи, у прóсьбахъ и у молитвáхъ:
Лю́ду цáрському (*)

(*) Въ старину пѣли:

Люду гетьмáнському,
Нарóду християнському.

Но съ перемѣной правленія, народъ замѣнилъ это, для него уже отжившее, выраженіе близкимъ и понятнымъ. *Л. Ж.*

И наро́ду христия́нському.
И усімъ го́ловамъ слуха́щимъ —
На мно́гі літа,
До конця́ віка,
На мно́гі літа
До конця́ віка...

Женщина, которая все время стояла у окна, по окончаніи пѣнія отошла къ двери и плакала. На нѣсколько минутъ наступило въ хатѣ молчаніе; только было слышно ея всхлипываніе. Поговоривъ со мной немного, Остапъ снова запѣлъ въ ладъ съ ощущеніями, вызванными прежней думой:

Ой го́ре, горе на сімъ світі жи́ти!
Боро́нь, Бо́же, сме́рти, бу́деть Богъ суди́ти. 2.
Якъ чоловікъ здоро́въ, до уся́къ ёго́ коха́е,
А при лихій годи́ні, ёго́ й рідъ цура́е. 2.
Що при до́брій годи́ні — куми́ й побрати́ми,
А при лихій годи́ні — нема́ й роди́ни. 2.
А ма́ти старая зъ жа́лю умира́ла...
Діти жъ моі, діти, я васъ годува́ла! 2.
А якъ то трудно а ка́мень жува́ти,
А ще гірше дітей годува́ти. 2.
А діти на те́е—нітъ–ні ма́ло не дба́ють,
Да ще гірше отця́ й ма́тку слова́ми огорча́ють. 2.
Коли́бъ то ми ма́ли у не́бі пробува́ти,
Було́ бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не огорча́ти. 2.
Коли́ бъ же могли́ ми у небі проживáти,
Було́ бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не зневажáти. 2.
Кого́ жъ то Богъ любить, того́ й награжда́е,
А за отця́ й ма́тку Синъ Бо́жий кара́е!.. 2.
Ой Ісу́се мій, 'Су́се крижова́ний!
Утіша́й и помилуй наро́дъ правосла́вний!
Ой Ісу́се мій, Ісу́се Назаре́йський!
Утіша́й и помилуй уве́сь міръ христия́нський.

. . . . . .

Поигравъ еще немного, Остапъ остановился, опя́стилъ руки, вздохнулъ и сказалъ: «Честь Богу и хвала́!.. Ся пісенька до ліри сла́вна. Боро́нь Бо́же, яка́ га́рна!»

— Остапе, давно́ вже́, підъ Полта́вою, дідъ співа́въ мені на сей гласъ пісню про смерть. Вона́ почина́лась та́къ:

Ой уже смерть до воріть прихо́дить: —
Ой не хо́четця уме́рать мені:
Діти мої, да просіте ви її,
Що́ бъ мене́ младо́го не взяла́ собі?

Чувъ ти сю пісню?

— Ні, не зна́ю... ні, не чувъ.

— Жаль, а га́рна пісня. Дідъ мені співа́въ, співа́въ та й запла́кавъ.

Остапъ захохоталъ.

— Що́ жъ, *він*ъ запла́кавъ, а не запла́кали *лю́де*?!.. ха, ха, ха!..

— Чи давно́ вже ти ослі́пъ, Оста́пе?

— Мені було́ годъ чотирі.—Коли́бъ я ослі́пъ більшимъ, тоді́ бъ я знавъ, що́ таке́ со́нце та ого́нь, та й яке́ воно́ — кра́сне або́ жовте; ато́ я нічо́го не зна́ю. Се, ба́чте, мені роска́зують оте́ць та ма́ти, що такъ було́: (літъ де́сять якъ уме́ръ оте́ць, а ма́ти пятна́дцять — я іхъ й поховавъ у Калюжицяхъ)... Обучавсь я въ Ло́хвицькімъ уїзді, у старика́, грать и співа́ть, да й вінъ вже вмеръ. У ме́не е́ дочка́, — тамъ же, у Калю́жицяхъ. Я до е́і зя́тя—прийма́ка прия́въ, та вінъ ставъ мене́ зневажа́ть, худи́ми слова́ми называ́ть; та, напослідокъ, и сказа́въ дочці, щобъ вона́ мені не дава́ла й істи, и що коли́ вона́ бу́де йти до ба́тька, то вінъ ій го́лову одруба́е. Такъ я жа́лувавсь Димитрію Ивановичу, да.. Богъ імъ судья́! поки́нувъ іхъ, да й пішо́въ блуди́ть, та сюди́ й зайшо́въ жить. Дай, Го́споди, ща́стя пана́мъ, що ми́лують... Якби́ я бувъ роботя́щий, то зять би мене́ уважа́въ...

— Що́ жъ, ти ніко́ли не ба́чишъ ні зя́тя, ні дочки́?

— Ні.

И онъ заигралъ:

Коти́лися вози́ зъ гори́,
На доли́ні ста́ли,
Люби́лися, коха́лися,
Да вже й переста́ли...

Потомъ переставъ играть и сидѣлъ, сложа руки.

— Оста́пе, чи було́ бъ лу́чче, коли́бъ ти бувъ видющий? Мені

здаётця, що такъ лучче. Тепéръ ти вільний, а тоді заробля́въ би гро́ші панáмъ, або́ ходи́въ би що-дня́ на па́нщину.

— Вамъ здаётця, що на́ша жисть лу́чча?.. ні.. на́ша жи́сть, те́мнихъ люде́й, пога́на; доро́жше оче́й нема́ въ світі нічо́го... Куди́ пройти́ тре́ба, то наймú,—проси́, щобъ провели́, куди́ тре́ба. У ха́ті хо́лодно: — дру́гі що ба́чать, вони́ пі́дуть въ лісъ, нару́ба́ють та й то́плять; а мені не мо́жна та́къ: тяга́йся по світу въ митіль, иъ моро́зъ, зароби́ гро́ші, та наймú на́ймита, щобъ дровъ нару́ба́въ да привізъ, та затопи́въ пічъ,—якъ у па́на; а тамъ зно́ву роби́, щобъ топи́ть.—Хазя́инъ, ба́чте, наймáвъ грать на весілля, — я імъ поста́вивъ на 20 коші́ёкъ горілки, а вони́ пропили́ ще й мою́ гре́чку.

— А де́ твій поводи́рь, Оста́пе?

— Та вінъ тепéръ ушúвся, та лежúть якъ мéртвий.

— Якъ!... вінъ же ще мале́нький?

— Воно́ не ду́же мале́; се не той вже поводи́рь, що ви зна́ете: той утікъ; вінъ лінúвий, нічо́го не хо́че робúть, ні грать, ні співа́ть; звісне діло, — я его́ уда́ривъ, для его жъ по́льзи, а вінъ и втікъ до ба́тька та до ма́тері; вони́ его́ ба́лують. *Гарна мазана паляниця, а не дитина.*

Оста́пъ, жела́я подтвердить свои слова и сильнѣе закрѣпить ихъ въ моей вѣрѣ, сказалъ:

— Усе́ такъ було́, якъ кажу́. Коли́ я брешу́, то ба́чте — я не ба́чу, то коли́бъ ще я й онімівъ! Отъ що́!...

— Тре́ба тобі навча́ть дру́гого хлопця...

— А якъ же! Тре́ба іхъ навча́ть. Усе́ жъ вони́ кускóмъ хліба розживу́тця. Я, сла́ва Бо́гу, хочъ пога́но, та граю на банду́рці, а якъ не вмівъ би, то пропáвъ; хоть візьми́ та въ во́ду и лізь. Воно́ до́бре, що даю́ть научáть съ моло́дства, отъ я — що́ почу́ю ра́зівъ зо́ два, то вже й заспіва́ю. Пісня хоро́ша, якъ гласъ хоро́ший; якъ-по́ки я бувъ моло́дшимъ, то бувъ у ме́не гласъ—такъ — такъ! А тепéръ не то,—літа прохо́дять, не такъ співаю, зубівъ нема́.

Его сожительница, стоя у дверей, разхваливала поведеніе своего Остапа; она между-прочимъ говорила: отъ у ме́не въ ха́ті двое синівъ слúпихъ, да якъ вінъ ста́не моли́ться у ве́чері за люде́й, що ему́ даю́ть ми́лостину, — то якъ почне́ молитця та помина́ть, такъ моі діти плачуть, и я пла́чу... А лю́ди ре́мствують!

Остапъ сидѣлъ, сильно задумавшись, перебирая на бандурѣ пѣсню за пѣсней. Суровое его лицо выражало много мысли. И вотъ онъ

запѣлъ стиха. Входя все болѣе и болѣе въ смыслъ пѣсни,—съ каждымъ стихомъ онъ воодушевлялся, и спѣлъ превосходно мою, всегда любимую пѣсню, которую я только отъ него и слышалъ: «Нема въ свiтi правди!» Тѣ стихи, которые Остапъ повторялъ, я отмѣчаю; тамъ, гдѣ онъ прерывалъ пѣнье и только игралъ, я ставлю точки:

Нема въ свiтi правди! правди не зiйськати!
Уже теперъ правда стала въ неправдi жити.
Уже теперъ правда у панiвъ въ темницi!
А щира неправда съ панами въ свiтлицi. 2.
Уже теперъ правда у панiвъ у порога!
А щира неправда—сидить конець стола.
Уже теперъ правда у панiвъ пiдъ ногами!
А щира неправда сидить изъ панами.
Уже теперъ правду ногами топтають!
А щиру неправду медомъ—виномъ наповають.
Уе теперъ правда у панiвъ у долi!
А щира неправда въ добрiй волi.

(*У неї грошi є, такъ її й воля*, объяснилъ Остапъ).

Уже теперъ правда, правда умирае!...
А щира неправда—весь свiтъ пожирае!...
Уже теперъ правда, правда вже померла!...
А щира неправда—увесь свiтъ пожерла!... 2

. . . . . .

Нема въ свiтi правди! правди не зiйськати!...
Тiльки въ свiтi правди—якъ отець, рiдная мати. 2.
Були колись дiтки,—стали сирiтки,
Не мають вони помiчi собi нi вiдки.
Плачуть вони, плачуть, не можуть пробути,
Своєї рiдної мати не можуть забути.
Дежъ то її взяти? Її увидiти?!..
Її ні купити, а ні заслужити!
Весь свiтъ исходити—правди не зойщити!...

. . . . . .

Ой орлице-мати!... Дежъ намъ тебе взяти?...
Тебе ні купити, а ні заслужити,
Весь свiтъ исходити—правди не зойщити!!...

. . . . . .

Хотя́ бъ то ми мали а́нгельскіі кри́ли,
То ми бъ полетіли, тебе́ увиділи!
Бо вже́ коне́ць віку уже́ приближи́вся...
Хочъ рідного бра́та тепе́ръ стережи́ся. 2.
Изъ нимъ въ су́ду ста́ти, пра́вди не зійська́ти!
Тільки сріблomъ, зла́томъ панівъ насища́ти.... 2.

. . . . . .

Кото́рий би могъ чоловікъ а ще пра́вду сполня́ти,
До да́сть ёму́ Го́сподь зъ небесо́въ що день благода́ти.
Бо самъ Го́сподь свяги́й—пра́вда, соміря непра́вду,
Сокруши́ть гординю, вознесе́ть святи́ню,
Отнині до віку, отни́ні до віку!

Остапъ и самъ любилъ эту пѣсню; пропѣвъ ее, онъ говорилъ: «якъ у я́рмарку ста́нешъ іі співа́ть, то пани́ й одойду́ть... вони́ іі не люблять!... теперъ більшъ брехне́ю живу́ть!... тепе́ръ же воно́ и пра́вда е!... Ба́чте, мене́ поби́ли *титарь* (церковный староста) та ку́черъ... да пана́мъ набреха́ли и мене́ жъ зроби́ли винова́тимъ... Бу́де Богъ суди́ти... Объ сій пра́вді, якъ хи́дишъ по селу́ та заспіваешъ, то мно́го люде́й пла́чуть. Тепе́ръ такъ ста́ло, що братъ бра́та нена́видить... Усе́ хо́че, щобъ ему́ було́, а потому́ не було́... Ти, ка́же, моло́тишъ, — ти, ка́же, ба́чишъ (*)... Ахъ Бо́же мій, Бо́же мій!...

Тутъ Остапъ засмѣялся и заигралъ на бандурѣ... Кончилъ и громко вздохнулъ: охъ!

Пѣсня о правдѣ и неправдѣ, была нѣкогда сообщена мною П. А. Кулишу, которымъ и помѣщена въ *Записках о Южной Руси*; но мнѣ кажется, что, передавая ее здѣсь съ остановками и повтореніями бандуриста, я передаю ее осязательнѣе.

Не много погодя, Остапъ снова взялъ въ руки бандуру и снова началъ:

Пресвятая Діво-ма́ти, помо́шнице на́ша!
Помагай намъ, нещасли́вимъ, когда ми́лость тво́я. 2.

(*) Остапъ, для молотьбы, нанималъ наймита, *какъ панъ*, по его выраженію; но дѣло работника, кромѣ молотьбы, состояло еще и въ томъ, чтобы подкладывать снопы подъ цѣпъ Остапа, который тоже молотилъ. Вслѣдствіе этого и былъ на селѣ слухъ, будто бы Остапъ—зрячій. *Л. Ж.*

Ти бо еси́ перворо́дна; бо Ти пе́рва й зачата́;
Передъ а́нгела ажъ до не́ба Ти одъ по́ла взята́.
И въ Бо́га созда́на грішнимъ помага́ти,
Бо Ти мо́жешъ Хри́ста́ й Бо́га за миръ ублага́ти
Ублага́й, Царице, у престо́лахъ Его́,
Созда́тиля не́ба й зе́млі у Си́на Твоего.
Алилу́йя, алилуйя, сла́ва тобі, Бо́же;
Не забу́дь насъ, Влади́чице Марія Госпо́же!
—Не́ забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до Си́на моли́ти;
А тілько ви переста́ньте Го́спода гнівити.
Не забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до Си́на блага́ти,
А тілько жъ ви переста́ньте гріхівъ достава́ти.
Бу́де и́мя Госпо́днее вся преблагословенна
И во віки вико́въ, амінь, уся́ превозноше́нна.

Затѣмъ, пѣсни, уже не божестве́нныя, стройно, мягко лились у него съ бандуры, а голова его все еще была серьезна и задумчива; но вдругъ онъ дернулъ рукой струны и на секунду остановился. Снова машинально заигралъ, игралъ долго; лицо его стало проясняться; онъ улыбнулся, бросилъ игру и вздохнулъ.

Я ему началъ читать *Україну*, П. А. Кулиша. Остапъ обрадовался, услыхавъ, что основатель Запорожской Сѣчи былъ тоже Остапъ. Очень ему нравились походы козацкіе, нравилось то, что шли на войну по своей волѣ. Когда я кончилъ чтеніе, Остапъ вздохнулъ и сказалъ: «До́бре було́! чому́ тепе́ръ нема́?»

Далѣе я ему прочелъ думу про смерть козака-бандуриста, гдѣ такъ картинно изображена смерть кобзаря въ степи, послѣ сраженія, и прощаніе его съ своей бандурой. Остапъ заплакалъ, ощупалъ бандуру, и сказалъ: «Коли́ бъ не розби́лась!... Кого́ и́ноді розвеселя́шъ, кого́ засму́тишъ... Хоть жінка: пішла́, и нема́ ії! А банду́ру візьмешъ під по́лу; куди́ ни підешъ,—такъ банду́ра дасть гро́ші... Якъ же ії не жа́лко?... Кому́ ти доста́несся?...

И снова заигралъ мою, тогда любимую, пѣсню:

Скажи́, скажи́, се́рце, пра́ву —
Неха́й же я буду зна́ти:
Чи зъ вели́кою мині ра́дістю
Та до те́бе прибува́ти....

И продолжалъ играть далѣе безъ пѣнія...

— «Мóжна ще жалібнійше заспівáть»...

И чудесно спѣвъ эту жу пѣсню, онъ вдругъ заигралъ веселаго козачка. Потомъ:

Добри́й вечíръ, дівчино, чи ти спишъ, чи ти спишъ?
Ой дай мені паляни́цю, або́ книшъ, або́ книшъ.
. . . . . .
. . . . . .
Ой дівчино, дівчино, відчини́й, відчини́й:
Сама́ собі кри́вдоньки не вчи́ни, не вчини́й.
—Нѣ бу́ду я, каза́ченьку, одчи́нять, одчиня́ть
Бо ти бу́дешъ, се́рденько, ночува́ть, ночува́ть. 2.
Ой не бу́ду, дівчино, не бу́ду, не буду́:
Заспіва́ють півники,—я й пі́ду, я й пі́ду...
Ой изійшо́въ місяць и зоря́, и зоря:
«Бува́й, бувай, дівчино, здорова, здоро́ва!...

Далѣе Остапъ только игралъ.

Въ слѣдующей книжкѣ я сообщу ноты одной думы, которая находится между собранными мною пѣснями. Долго не могли попасть на фортепіано въ тонъ бандуры; Остапъ нѣсколько разъ повторялъ намъ мотивъ; наконецъ, видя, что я не довольствуюсь приблизительной съ него копіей, остановился, и велѣлъ намъ взять нѣсколько отдѣльныхъ нотъ. Когда это было исполнено, онъ настроилъ свою бандуру въ одинъ съ нами тонъ, и до-тѣхъ-поръ не бралъ слѣдующей ноты, пока мы совершенно-вѣрно не передавали ее на фортепіано и не записали; тогда онъ заставлялъ насъ играть и самъ игралъ на бандурѣ. Провѣривъ подобнымъ образомъ и не найдя уже болѣе ошибки, Остапъ остался нами доволенъ.

Остапъ особенно хорошо пѣлъ эту думу, когда вспоминалъ свое семейство, и всегда прерывалъ эту думу плачемъ. Онъ, сколько я замѣтилъ, избѣгалъ случая пѣть ее при другихъ.

Кстати разскажу, ка́къ бандуристъ учитъ пѣть и играть *поводиря́*. Я самъ узналъ на собственномъ опытѣ пріемы этого ученія, взявъ урока два у Остапа на *лиру* (бандура казалась мнѣ слишкомъ мудреною). Бандуристъ сажаетъ рядомъ съ собой ученика, даетъ ему въ руки лиру, кладетъ ее какъ удобнѣе для игры и устанавливаетъ

руки ученика на мѣсто. Затѣмъ, бандуристъ своей лѣвой рукой беретъ его лѣвую же руку, и обнявъ ученика черезъ спину, накладываетъ свою правую на его правую руку, такъ, чтобы каждый изъ его пальцевъ приходился на соотвѣтствующемъ пальцѣ ученика. Установившись такимъ образомъ, начинаетъ своей лѣвой рукой вертѣть лѣвую руку ученика, а правой перебираетъ съ нимъ вмѣстѣ клавиши. Это продолжаетъ учитель до-тѣхъ-поръ, пока наловчитъ и разомнетъ пальцы ученика; послѣ того, онъ заставляетъ его-самого играть ту же самую пѣсню, приказывая ему со всѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ игрѣ учителя, (который въ то время беретъ такой же инструментъ и играетъ туже пѣсню).

Я часто видѣлся съ Остапомъ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ полное удовольствіе...

Какъ часто, Остапъ, я тебя вспоминаю, — какъ часто душа моя ищетъ бесѣды съ тобой, и какая грусть овладѣваетъ мною при мысли, что я далекъ отъ тебя и не скоро уже услышу звуки твоей чудной бандуры!

Когда стемнѣло и началъ выплывать красноватый мѣсяцъ, я оставилъ будинокъ Гр. П. Галагана и всѣхъ добрыхъ знакомыхъ; народъ, еще хмѣльной послѣ праздника, бродилъ партіями и пѣлъ; я сѣлъ въ экипажъ и отправился обратно въ свое пристанище.

Дороги, проторенныя селянами, насъ не сбивали съ пути и мы ѣхали по степи — какъ съ компасомъ. Вотъ и знакомая крутая гора, по которой я прошелся пѣшкомъ; потомъ брелъ въ вербовой аллеѣ по гати. Вѣяло свѣжестью утра; свѣтъ мѣсяца пришелъ въ уровень съ свѣтомъ начинающагося дня; настали утреннія сумерки. Я подъѣзжалъ къ хутору. Крыши хатъ, верхушки садовъ и лѣсовъ окрасились восходящимъ солнцемъ; запѣли пѣтухи; зарумянилось небо. Люди еще спали. Я прошелъ подъ навѣсъ коморы, и на мѣшкахъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Л. Жемчужниковъ.

ПРАВДА ПОЛЯКАМЪ О РУСИ.

(По поводу новой статьи въ Revue Contemporaine).

Добре речéшъ, та въ громáду не берýть.
Народная пословица.

Въ началѣ нынѣшняго года намъ пришлось опровергать недобросовѣстныя выходки Revue Contemporaine, писанныя подъ вліяніемъ узкаго польскаго патріотизма, который имѣетъ въ виду не современныя потребности и дѣйствительно-осуществимыя надежды своей націи, а утѣшается мечтами о возвращеніи былаго, въ настоящее время невозвратимаго, потому что сдѣлалось анахронизмомъ, несообразнымъ съ современными понятіями о народныхъ правахъ. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала нынѣшняго года напечатана однимъ Полякомъ статья (lettre d'un Polonais) подъ названіемъ: «La vérité sur l'esprit russe». Она направлена противъ всѣхъ Русскихъ, которые осмѣлились бы заявлять, что во всякое время, во всякомъ случаѣ, при всякомъ возможномъ измѣненіи обстоятельствъ, управляющихъ судьбами Русской Земли, притязанія Поляковъ на принадлежность имъ юго-западныхъ русскихъ областей, возбудятъ негодованіе и противодѣйствіе всего русскаго народа. То же, какъ и прежде, наглое извращеніе исторической истины, тѣ же іезуитскія увертки, умышленное невѣдѣніе общеизвѣстныхъ событій, насильственныя сближенія и распространенія; тѣ же, однимъ словомъ, замашки безсильной злобы, пустаго хвастовства и суетнаго высокомѣрія. Мы никакъ не хотимъ считать такихъ произведеній голосомъ всей вообще польской націи, какъ нѣкоторые у насъ позволяютъ себѣ смотрѣть на нихъ; мы почитаемъ ихъ дѣломъ партіи, для которой истина не имѣетъ святости, дѣломъ тѣхъ, которыхъ узкому разсудку кажется возможнымъ дать выигрышъ своимъ политическимъ видамъ,

посредствомъ напущенія тумана въ Европѣ, мало знакомой съ частностями исторіи славянскаго сѣвера. Ихъ надежды напрасны, потому что опираются на лжи, *а брехнею*—говоритъ наша пословица—*світъ пріїдешъ—та назадъ не вернесся.*»!

Мы не станемъ шагъ за шагомъ опровергать эту статью, ибо авторъ не знаетъ, или притворяется, что не знаетъ азбуки—русской и своей, польской—исторіи. Мы укажемъ только на особенно-разительныя выходки единственно для того, чтобы наши земляки знали, какую паутину плетутъ для нихъ эти *паны-ляхи*, которые либо насъ считаютъ невѣждами и простаками, способными попасть въ нее, либо сами такъ невѣжественны и простоваты, что эта искусственно-сплетенная паутина имъ кажется чѣмъ-то крѣпкимъ.

Ссылаясь на какихъ-то премудрыхъ своихъ историковъ, доказавшихъ, между прочимъ, не-славянизмъ Москалей (ктожъ это? ужь не Мицкевичъ ли—такой же плохой историкъ, какъ великій поэтъ), авторъ *Письма* увѣряетъ, что между названіемъ Русскіе и Русины (les Russes et les Ruthénes, en polonais Roussini)—большая разница, и что имя Русиновъ издревле служило названіемъ народа, находившагося подъ властію Поляковъ, и всегда добровольно стремившагося къ слитію съ польскимъ; Москвитянъ онъ признаетъ народомъ другаго—отличнаго—племени, враждебнымъ Русинамъ; говоритъ, что отъ Московитянъ Пясты и Ягелоны защищали Русиновъ оружіемъ, и что эти Московитяне, назвавшись русскими, навязали Русинамъ свою вѣру, языкъ и національность (*).

Авторъ съ умысломъ не обозначаетъ положительно, къ какому времени относится такое положеніе дѣла, но упоминовеніе о Пястахъ и Ягеллонахъ дастъ намъ право видѣть, что все это признается суще-

(*) Vous trouverez partout le mot *Ruthènes* (en polonais *Russini*), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la même vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de *Russes* et de *Russie*. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien des *Moscovites*,—les chroniques en parlent souvent,—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque, où régnaient chez nous les Piasts et les Jaguellons, à défendre les Ruthènes autrement, que par les armes contre les empiétements de leurs voisins les Moscovites et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes Moscovites s'appelleraient *Russes*, pour imposer à des *Ruthènes* leur foi, leur langue et leur nationalité.

ствующимъ съ древнихъ временъ до половины XVI в., когда прекратился домъ Ягеллоновъ. Здѣсь все ложно. Пясты не могли защищать Русиновъ отъ Московитянъ, потому что при Пястахъ имени Москвитянъ не было и быть не могло. Слово *Московія* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточныя и сѣверныя русскія земли и составило единодержавное государство. Никакія хроники того времени не упоминаютъ о Москвитянахъ и не могли упоминать о томъ, чего на свѣтѣ не было. Если что въ тѣ времена было *совершенно неизвѣстно* (complétement inconnu), такъ это имя Московитянъ.

Но полюбуемся нашимъ *сочинителемъ*.

«Русь всегда была и теперь остается родовымъ именемъ для областей, которыя отъ Карпатскихъ горъ простираются на сѣверо-западъ до Днѣпра и Двины и даже за Двину. Была Русь Бѣлая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этихъ областей назывались *Русины*, по-латинѣ изъ этого слова сдѣлалось *Рутены*. Но это не имѣетъ ничего общаго со словомъ *Россія* новаго изобрѣтенія. Первый Петръ Великій окрестилъ Москвитянъ именемъ Русскихъ. Прежде того Москвитяне были Московитянами и не помышляли быть чѣмъ-нибудь другимъ. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь изъ этой подмѣны. Она схватилась за эту идею; благодаря же друзьямъ ея энциклопедистамъ, стало возможно ввести слово *Россія* (Russie) во французскій языкъ и чрезъ то сдѣлать употребительнымъ. Они съ такимъ усердіемъ повели свое дѣло, что успѣхъ превзошелъ собственныя ихъ ожиданія. Слово пошло въ обращеніе съ варіантомъ—*всероссійскимъ*. Вотъ точная истина. Слово это, какъ видите, родилось съ первыми притязаніями и съ нимъ распространилось. Оно осталось въ дипломатическомъ словарѣ, какъ иронія надъ исторіей (*), какъ вызовъ на брань къ потомству.«

(*) *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'étendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (*т. е., на сколько нужно автору, для своихъ видовъ, растянуть или укоротить эту границу*). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appèllent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Rutheni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (Russie), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les Moscovites du nom des *Russes*. Avant lui les Moscovites n'étaient que des Moscovites et ne songeaient

Авторъ знаетъ нѣсколько *Русей*, но очевидно игнорируетъ Великую Русь... не можетъ же быть, чтобы онъ ея не зналъ. Что не Петръ выдумалъ имя Россіи, пусть заглянетъ этотъ авторъ въ безчисленное множество предъидущихъ актовъ, гдѣ найдетъ титулъ царей—при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ присоединенія Малороссіи: *всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*, а прежде: *всея Россіи*; въ болѣе древнія времена *всея Русіи*: такъ именно писалъ еще въ XIV в. князь Симеонъ Ивановичъ. Имя Руси еще въ XI и XII в. употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ тѣсномъ для кіевской земли, въ обширномъ для всего материка, состоявшаго въ одной удѣльной федераціи, подъ управленіемъ князей Рюрикова дома. Въ этомъ смыслѣ нашъ первоначальный лѣтописецъ, перечисляя славянскіе народы, жившіе на этомъ материкѣ, говоритъ *се токмо словенескъ языкъ въ Руси*. Слова *Русь, Русскіе*, въ этомъ обширномъ значеніи для всѣхъ жителей славянской Россіи, употреблялись всегда и внутри Русской Земли, и внѣ ея иностранцами, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ. Такъ, нѣмецкіе лѣтописцы, говоря о войнахъ Ордена и Шведовъ съ Новгородцами и Псковитянами, называютъ ихъ Русскими. Говоря о томъ, что, въ исходѣ XIII столѣтія, ханъ Батый сдѣлалъ князя Ярослава старѣйшимъ между князьями, лѣтописецъ выражается такъ: И рекъ ему: *Ярославе, буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русскомъ языцѣ* (Лавр. Лѣт., 201). Очевидно, здѣсь русскимъ языкомъ лѣтописецъ называетъ совокупность племенъ, составлявшихъ нѣчто цѣлое, подъ общимъ именемъ Руси, Русскихъ, и въ этомъ числѣ восточную, т. е. великую Русь, гдѣ княжилъ Ярославъ. Въ XIV вѣкѣ, когда начала Москва брать первенство надъ удѣлами, восточная Русь, по отношенію къ иноплеменникамъ, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Димитрія, онъ, по извѣстію лѣтописца, говорилъ: *пойдемъ на русскаго князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на *московскаго* князя и

pas à être autre chose. L'impératrice Catherine eût le mérite de voir tout le parti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies*. Voila l'exacte vérité. Le mot, comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

не на *московскую* землю. Точно также, при описаніи нашествія Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествіе на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую*. Не станемъ нагромождать другихъ подобныхъ указаній: и этого довольно, чтобы видѣть, какъ лживо мнѣніе, будто Петръ (а иные говорятъ даже—Екатерина) навязали Москвитянамъ имя *Русскихъ*. Имя—*московская земля* имѣло значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ, такъ же Русскимъ, какъ и въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдующее время, означало русское государство, имѣвшее столицу въ Москвѣ, въ отличіе отъ другаго русскаго государства — литовскаго великаго княжества. Слово *Москвитяне* было совершенно неизвѣстно у насъ; нѣсколько сходное съ нимъ было названіе *Москвичи*, но оно означало жителей города Москвы—и въ самомъ обширномъ смыслѣ—ея земли, ея пригороды, но никогда не имя великорусскаго народа. Никто бы не назвалъ Суздальцевъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ—Москвичами, но всѣ равно звались Русскими. Очень характеристично высказалось значеніе русскаго и московскаго государства въ смутную эпоху: тогда московское государство отличалось отъ великороссійской державы. Первое было видъ, часть послѣдняго, что́, напримѣръ, видно изъ такихъ выраженій: *Великія Россійскія державы Московскаго государства*. (Акт. Арх. Э. N 256, 262). Тогда существовало понятіе о новгородскомъ государствѣ (Акт. Арх. Э. N 268 318), о казанскомъ государствѣ (328); съ московскимъ вмѣстѣ они составляли одно россійское государство (269) или россійскую державу. Царь потому и назывался царемъ всея Руси, а не московскимъ, что дѣйствительно управлялъ не одною московскою землею, но и другими. Уже владѣя, напримѣръ, Владиміромъ или Бѣжецкомъ или Бѣлозерскомъ, онъ не былъ московскимъ государемъ, а русскимъ.

Обращаясь къ церковной сторонѣ прошедшей русской жизни, авторъ говоритъ:

«Вы знаете, что съ XVI вѣка русская или, скорѣе, московская церковь возъимѣла поползновеніе къ независимости. Это поползновеніе возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались отъ восточной церкви... Если для насъ, католиковъ, греческій обрядъ не болѣе какъ расколъ, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый расколъ въ большомъ. Что́ же значитъ это имя православія, которымъ вы рисуетесь, при всякомъ случаѣ, и въ чемъ его значеніе? Западные протестанты (надобно отдать имъ справедливость) никогда не

претендовали на званіе православныхъ: откуда же такія притязанія у восточныхъ протестантовъ (*)?«

Этотъ странный для насъ, русскихъ взглядъ, поясняется нѣсколько, если примемъ во вниманіе, что авторъ—католикъ и смотритъ на нашу церковь подъ угломъ римско-католическаго воззрѣнія. Для паписта все, что вышло изъ подъ власти папы есть не только расколъ, секта, но даже какъ-бы недостойно называться истиннымъ христіанствомъ. Единство іерархіи считается на равной степени съ единствомъ догматики. Авторъ воображаетъ, что тотъ же духъ, тѣ же основанія и въ восточной церкви,—что не желая подчиняться папѣ, она имѣетъ своего папу и этого папу авторъ видитъ, кажется, въ константинопольскомъ патріархѣ. Зная, что великорусская церковь находилась отъ него въ зависимости, а въ концѣ XVI вѣка вышла изъ подъ этой зависимости и получила своего патріарха, но не зная и, можетъ быть (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшія это событіе, авторъ представляетъ его въ такомъ видѣ, будто бы великорусская церковь, по неудовольствію, оторвалась отъ патріаршей зависимости и поставила себя въ положеніе, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимаго главы, или единаго начальника, какого признаетъ у себя западная. Патріархи: Константинопольскій, Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій считались равными между собой, каждый въ своей части, а отношенія и предѣлы ихъ управленія установлялись соборами; іерархическія положенія не имѣли абсолютной важности догмата и, смотря по потребностямъ, границы ихъ могли измѣняться съ общаго согласія. Единство церкви этимъ не нарушалось. Такимъ-образомъ, въ концѣ XVI вѣка, по общему согласію всѣхъ патріарховъ, великорусская церковь, входившая прежде въ константинопольскую діэцезію, получила самостоятельное управленіе; въ Москвѣ

(*) Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des velléités d'indépendance. Ces velléités grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complétement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

учреждено патріаршество и патріархъ признанъ равнымъ прочимъ четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Съ тѣхъ поръ, имѣя свое управленіе, независимое отъ вселенскихъ патріарховъ, великорусская церковь сохраняла строгое и полное единство съ восточною: важныя дѣла рѣшались по совѣту съ восточными патріархами, самая тѣсная нравственная связь неослабно поддерживалась съ христіанскимъ востокомъ. Замѣна званія патріарха, коллективнымъ учрежденіемъ Сунода, совершилась при Петрѣ Великомъ, съ согласія восточной церкви. Сунодъ признанъ восточными патріархами какъ бы однимъ лицомъ, братомъ патріарховъ. До сихъ поръ, не только въ догматахъ и въ законоположеніи, но и въ церковномъ чинѣ богослуженія, церковь русская не допускала существенныхъ перемѣнъ, которыя бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни противъ чего, что принимала восточная, какъ равно и восточная не выражала неодобренія чего-нибудь такого, что вводила русская церковь. Полнѣйшее согласіе и единство съ христіанскимъ востокомъ ненарушимо существуетъ у насъ до-сихъ-поръ; Русскій на востокѣ молится въ церкви точно такъ же, какъ и въ своей на Руси; пріѣзжающіе къ намъ съ востока вступаютъ въ наши храмы съ одинакимъ благоговѣніемъ и ничѣмъ не соблазняются. То, что говоритъ польскій авторъ—есть совершенная ложь—и если это не слѣдствіе умышленной злонамѣренности, если въ самомъ дѣлѣ авторъ думаетъ такъ, какъ говоритъ, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, съ какою онъ, круглый невѣжда въ общеизвѣстныхъ данныхъ исторіи, (каковы сущность восточной церкви и отличіе ея отъ западной), рѣшился выступить въ печать и взять на себя роль объяснителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ великое современное значеніе.

До-сихъ-поръ мы приводили мѣста, касающіяся болѣе Великой Руси; теперь взглянемъ, что говоритъ авторъ, собственно о Южнорусской народности.

«Національность Русиновъ, также какъ и ихъ языкъ, и теперь тѣ же, чѣмъ были прежде: безъ особности, безъ опредѣлительнаго характера въ исторіи. Она никогда не будетъ ничѣмъ другимъ, какъ только чертою (примѣтою) соединенія: это поле битвы между двумя соперничествующими національностями, для которыхъ она служитъ, такъ-сказать, переходною ступенью. Ея прошедшее, ея стремленія и преданія—

все склоняетъ ее къ Польшѣ и отлучаетъ отъ московскаго элемента, который она всегда отъ себя отбивала и отвергала (*).»

Далѣе, авторъ говоритъ о нашемъ языкѣ:

«*Русинскій* языкъ отличается отъ русскаго, также какъ и національность. Этотъ языкъ скорѣе нарѣчіе и почти непонятенъ для Русскихъ; по своему славянскому происхожденію, онъ имѣетъ всѣ особенности нарѣчія польскаго. Греческая азбука, введенная вначалѣ, скоро была замѣнена Кирилловскими буквами, которыя окончательно и усвоились. Письменный языкъ, такимъ-образомъ составленный, оставался въ употребленіи въ оффиціальныхъ актахъ до конца XVI вѣка и служилъ даже для дипломовъ нашихъ королей, когда они назначались для русскихъ провинцій. Признаки его встрѣчаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ библіяхъ и лѣтописяхъ этой эпохи. Въ началѣ XVII вѣка, латынь замѣнила почти повсюду, въ публичныхъ актахъ, русинскій языкъ и, такимъ-образомъ, онъ потерялъ ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Онъ еще болѣе слился съ польскимъ и сдѣлался, такъ-сказать, *перевертью*, различною, смотря по провинціямъ. Этотъ характеръ его сохранился до нашихъ дней, не смотря на вторженіе московскаго элемента» (**).

Билиберда о языкѣ показываетъ въ авторѣ такого же круглаго

(*) La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivalles, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions, tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

(**) La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialècte, est à peu près inintelligible à des Russes et par son origine slave elle a tous les caractères d'un idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrilliques, qui furent adoptées difinitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fû même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVII siècle, le latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'a nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

невѣжду въ азбукѣ славянскаго языкознанія, какимъ онъ оказался въ вопросахъ церковной исторіи. Толкуя о языкѣ, онъ смѣшиваетъ три нарѣчія въ одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое произвольное смѣшеніе повело къ представленіямъ, которыя, по ихъ крайней нелѣпости, опровергать нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя и понять, къ которому изъ нарѣчій можно отнести то, что говоритъ авторъ, признавая существованіе только одного. Языкъ славяно-церковный былъ книжнымъ и письменнымъ языкомъ со времени введенія христіанства, но съ XV вѣка началъ брать верхъ въ письменности языкъ западно-русскій; въ него входили формы и славяно-церковнаго, и польскаго, и народнаго. Славяно-церковный языкъ не исчезалъ и послѣ; оставаясь неизмѣнно языкомъ богослуженія, онъ иногда имѣлъ по разнымъ предметамъ и сочинителей, предпочитавшихъ его западно-русскому, который вообще былъ въ-ходу. Западно-русскій языкъ исчезъ, мало-по-малу замѣняясь польскимъ и образовавшимся уже книжнымъ великорусскимъ; народное нарѣчіе долго оставалось за предѣлами письменности и только, такъ сказать, ненарокомъ, вторгалось въ письменный языкъ, а между тѣмъ подвергалось, незамѣтно для письма и, слѣдовательно, неуловимо для исторіи, вѣковымъ измѣненіямъ, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовавшими на судьбу народа. Не прежде, какъ наступила всеобщая потребность въ образованномъ мірѣ приблизиться къ живому народному образу выраженія, и оно вступило въ область письменности. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, исторія языка нашей Южной Руси. О греческой азбукѣ, замѣненной кирилловскими буквами, мы знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ. Что касается до относительной близости къ польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому. Сходство народнаго языка нашего съ польскимъ выражается нѣкоторыми словами и оборотами: изъ нихъ, одни, быть-можетъ, дѣйствительно заимствованы изъ польскаго, по взаимодѣйствію народовъ, соединенныхъ нѣкогда одной политической связью; другіе же, хотя сходные съ польскими, въ то же время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли, неподвергавшихся польскому вліянію и особенно въ сѣверной Руси, древней Новгородской землѣ, гдѣ, вмѣстѣ со сходствомъ выговора, служатъ съ одной стороны свидѣтельствомъ о древнемъ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ между собою южной Руси и славянскихъ поселенцевъ на сѣверѣ, образовавшихъ республику Великаго Новгорода, а съ другой

доказываютъ, что въ южно-русскомъ языкѣ многое, что съ перваго взгляда можно почесть слѣдствіемъ вліянія польскаго, въ самомъ дѣлѣ есть собственное древнее достояніе. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать южно-русскій языкъ нарѣчіемъ польскаго уже и потому, что первый не терпитъ признаковъ, составляющихъ наглядное отличіе польскаго говора отъ русскихъ нарѣчій вообще, какъ напр. носовыхъ звуковъ, стеченія согласныхъ, смягченія шипящими и свистящими и т. п.

Имѣетъ-ли южно-русская національность *особность и опредѣлительный характеръ въ исторіи*, мы предоставляемъ судить каждому, кто сколько-нибудь знаетъ нашу исторію. Положеніе автора, будто прошедшее южно-русскаго народа, его стремленія и преданія склоняютъ его на сторону Польши и отвращаютъ отъ элемента великорусскаго, иначе называемаго московскимъ, не выдерживаетъ критики, и противорѣчитъ всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русскаго народа въ концѣ XIV ст. была покорена оружіемъ Польшѣ, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ в. кн. литовскимъ составляла государство русское, какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство. Уже въ XV в., князья литовскіе, будучи королями польскими, расположили высшій классъ дружелюбно къ польскому порядку, раздавая ему выгодныя привиллегіи, которыми прежде пользовался высшій классъ въ Польшѣ. Когда наконецъ дошло дѣло до рѣшительнаго акта, по которому западно-русскій край долженъ былъ составить навсегда съ Польшею одно политическое тѣло, въ дворянствѣ пробудились національныя опасенія. Онѣ были заглушены не иначе какъ съ увѣренностію Русскихъ въ продолженіи своего особнаго политическаго существованія. Но въ то же время, когда вел. княжество литовское соединялось съ Польшею на федеративныхъ началахъ связи двухъ самобытныхъ государствъ, Южная Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ этомъ дѣлѣ со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то не все: и въ дворянскомъ сословіи отзывались противудѣйствіе и ропотъ. Народъ осужденъ былъ на совершенное безмолвіе. Его участь рѣшали на вѣчныя

времена, не спросившись у него, потому—что государственныя понятія не признавали за нимъ права сказать свое мнѣніе. Скоро, однако, народъ заявилъ свой голосъ и протестъ: безграмотный, неученый, онъ заявилъ его не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Около двадцати лѣтъ предъ началомъ XVII в., уже встрѣчаются въ польскихъ конституціяхъ извѣстія о замѣчательномъ появленіи вооруженныхъ шаекъ изъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Вражда народа къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разросталась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее Южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорація козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи. Эта корпорація стремилась разшириться и захватить въ себя народныя силы. Польское правительство старалось удержать ее въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной пограничной стражи. Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остраninъ — оканчивали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежемъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы,—и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о Люблинской Уніи, когда народа не спрашивали, и гдѣ не думали не гадали, что онъ на нее отвѣтитъ черезъ 80 лѣтъ. Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіею. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы; Хмельницкій угадалъ ея побужденія. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ Хмельницкаго, когда передовые люди, путаясь въ политическихъ комбинаціяхъ надъ неяснымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ своего отечества, задумали—было соединяться съ Польшею, на федеративныхъ началахъ особности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала ихъ и заявила себя въ пользу московскаго государя. Неумѣнье московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось въ руки: западная часть Южной Руси по Днѣпръ была уступлена Польшѣ. Народъ энергически противодѣйство-

валъ насильственному андрусовскому договору и, послѣ тяжелой, но безуспѣшной борьбы, Южная Русь досталась снова Польшѣ, но неиначе какъ почти безлюдною. Остатки прежняго населенія современемъ разрослись, страна облюднѣла, дѣдовскія воспоминанія передавались отъ родителей къ дѣтямъ, тлѣли какъ искры подъ пепломъ въ сердцѣ народа, всегда готовыя вспыхнуть прежнимъ пожаромъ, когда случай представится. И этотъ случай пришелъ: *Колѣивщина* напомнила Полякамъ, что въ южно-русскомъ народѣ, повидимому порабощенномъ, забитомъ, безропотно покорномъ своей участи—еще можетъ проявиться прежняя саможизненность. По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе колѣивщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія Поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность.

По нашему общему убѣжденію, международные споры съ Поляками, въ настоящее время, должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетаніе Ягейла, ни Городлянскій сеймъ, ни Люблинскій съ его политическою уніей, ни Брестская церковная унія, ни дэулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служащія польскимъ патріотамъ доводами правъ Польши на Югозападную Русь, въ настоящій вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе также точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современныя понятія о народныхъ пра-

вахъ не допустятъ называть Люблинскую унію добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ-сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впослѣдствіи свое несогласіе рядомъ отзывовъ, которые ревнитель послѣдняго соединенія постарался пройти *скромнымъ молчаніемъ*, по ясной причинѣ: эти отзывы не слишкомъ пріятны его патріотическому сердцу и вовсе не говорятъ въ пользу его патріотическихъ цѣлей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старыя погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствіе въ настоящее время всякихъ правъ польской народности на нашъ южно-русскій край; пора обращаться съ нами, какъ съ народомъ равнымъ себѣ, уважать наше стремленіе къ самостоятельному и независимому развитію нашихъ народныхъ силъ, а не считать насъ массою, которая не имѣетъ, по выраженію автора *Истины о русскомъ духѣ*, ни особности, ни опредѣлительнаго характера, только для того и годною, чтобъ служить сырымъ матеріаломъ для польской національности;—пора искать съ нами не прежней — истлѣвшей отъ древности, внѣшней — но той внутренней, духовной, нравственной — на справедливости основанной — связи, которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія.

Если, вмѣсто обманчивыхъ и извилистыхъ тропинокъ, Поляки изберутъ этотъ прямой путь отношеній къ нашему народу, то изъ того возникнутъ благіе плоды какъ для насъ, такъ и для нихъ. А тотъ путь, по которому хотятъ вести свой народъ гг. сочинители, строющіе карточные домики въ Revue Contemporaine, — это путь погибельный. Мы вполнѣ сознаемъ это. Дай Богъ, чтобъ и Поляки сознали тоже.

Н. Костомаровъ.

ПРАВДА МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Вознесеся оумомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, величаяся гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори...

(Изъ житія Моисея, архіепископа Новгородскаго: »Чудо о Сергіи архіепископѣ«. Рукоп. XVII вѣка).

Въ 6 № *Дня* появился критическій разборъ моей статьи »Двѣ Русскія народности« , помѣщенной въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Основы*. Какъ видно, это только начало цѣлаго ряда статей. Мы рѣшились возражать автору послѣдовательно, не ради пустого словопренія, часто скрываемаго авторскимъ самолюбіемъ, а изъ видовъ отстоять тѣ убѣжденія, которыя мы считаемъ истинными, либо согласиться съ противникомъ нашимъ, если онъ представитъ убѣдительныя противъ насъ доказательства.

Критикъ, полагая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность добросовѣстно изучать коренныя стихіи его народности, говоритъ: »Но именно исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе то неразумѣніе народовъ, о которомъ мы говорили выше, ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ, — образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ.«

Далѣе онъ говоритъ:

»Тѣмъ не менѣе исцѣленіе возможно. *Изученіе исторіи* дѣлаетъ его возможнымъ. Подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій, исторія указываетъ внутреннія качества, которыми опредѣляется сущ-

ность (субстанція) народнаго духа до такой степени, что народъ никогда успокоиться не можетъ, пока не найдетъ себѣ быта и обстановки (формъ и ассоціацій), соотвѣтствующихъ его духовной сущности. Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ въ немъ личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ.«

Дѣйствительно, національныя привычки вносятъ въ науку самолюбивый партикуляризмъ, и наглядным доказательствомъ этой правды служитъ статья нашего критика, который, подъ вліяніемъ самолюбиваго національнаго партикуляризма, дѣлаетъ погрѣшности противъ историческихъ свидѣтельствъ и очевидной истины.

Придираясь къ моимъ словамъ »о силѣ неизвѣстныхъ обстоятельствъ«, критикъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ-будто бы я, на основаніи этихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ выводъ о колонизаціи Новгородскаго края съ Юга. Нѣтъ, я говорю только о существованіи какихъ-то неизвѣстныхъ обстоятельствъ, давшихъ, въ свое время, поводъ къ факту, который мнѣ извѣстенъ вовсе не на основаніи неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ нашей лѣтописи (которую авторъ называетъ Несторовою и которая не какъ сочиненіе, а какъ составъ, должна скорѣе называться Сильвестровскою) видно, что Новгородскіе Славяне вмѣстѣ съ другими пришли съ Дуная, слѣдовательно—съ Юга. Подвигаясь на сѣверъ, они естественно разселялись такъ, какъ указывало положеніе страны, а не такъ, какъ нужно московскому критику для своихъ славянофильскихъ тенденцій,—именно, помѣстившіеся далѣе къ сѣверу пришли на свое мѣсто позже, чѣмъ тѣ, которые заняли свои новыя жилища южнѣе. Еслибы лѣтописецъ этого не сказалъ, то это необходимо было бы принять само собою, въ особенности потому, что земли болѣе южныя гораздо плодороднѣе и привольнѣе, а потому не могли же переселенцы только пройти черезъ нихъ, а для жилищъ искать холодныхъ дебрей и топей. Въ нашей лѣтописи такъ перечисляются народы въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потомъ уже Славяне Ильменскіе. Зайти на берега Ильменя колонія Славянъ переселенцевъ могла только вслѣдствіе какихъ-нибудь побудительныхъ обстоятельствъ, которыя бы по-

мѣшали имъ жить на югѣ. Эти обстоятельства намъ неизвѣстны. Объ этомъ я и сдѣлалъ намекъ. Впрочемъ въ одной сказкѣ, вошедшей въ разныхъ варіантахъ въ списки нашихъ хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, разсказывается, что именно эти Ильменскіе Славяне пришли съ юга Россіи, вслѣдствіе разрушительныхъ потрясеній, заставившихъ ихъ искать убѣжища; что на берегахъ Ильменя и въ окрестностяхъ его они нашли уже Славянскій народъ, говорившій бѣлорусскою рѣчью (Кривичей), и что рѣка, близъ которой пришельцы основали поселеніе, называлась Мутная и переименована новыми колонистами въ Волховъ, а озеро, изъ котораго истекала рѣка, прежде называлось Мойско, и переименовано въ Ильмерь. Сказаніе это сильно обезображено мудростію книжниковъ, но что оно не выдумано и что кое-что въ немъ взято изъ народныхъ преданій, доказываетъ то, что до сихъ поръ осталось въ народѣ мѣстное преданіе о томъ, что прежними жителями Волховъ назывался Мутною, а Ильмень — Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими изъ далека. Вѣроятность, что страна, гдѣ поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила съ обитаемою Кривичами (Бѣлоруссами), подтверждается тѣмъ, что бѣлорусское нарѣчіе дѣйствительно вторгается въ глубину Новгородской земли. Говоръ бѣлорусскій, по увѣренію мѣстныхъ наблюдателей, слышенъ уже на Шелони и попадается въ сѣверныхъ провинціяхъ Великаго Новагорода, въ Архангельской губерніи. Съ перваго взгляда видно достаточно, что въ Новгородской землѣ Бѣлорусское нарѣчіе столкнулось съ другимъ нарѣчіемъ, Новгородскимъ. Особенности этого послѣдняго (новгородскаго) нарѣчія даже и до сихъ поръ сохранили довольно яркіе оттѣнки, не смотря на много-вѣковое смѣшеніе съ восточно-русскимъ. Они-то показываютъ, что пришлая колонія принадлежала къ той группѣ Славянъ Русскаго населенія, отъ которой произошла нынѣшняя народность Малорусская. Я уже говорилъ, и теперь повторяю, что нашего мнѣнія не слѣдуетъ понимать такъ, что Новгородцы — чистые Малороссы въ томъ видѣ, какъ послѣднихъ мы себѣ воображаемъ по настоящему типу. Тогда, въ отдаленную эпоху, разумѣется, не было такихъ Малороссовъ, какъ теперь: ихъ нынѣшній типъ выработался подъ послѣдующими историческими условіями. Но мы утверждаемъ, и увѣрены въ томъ твердо, что Славяне Ильменскіе принадлежали первоначально къ такой народности, которая была родоначальною для Малороссовъ и Новгородцевъ одинаково и ближе къ нимъ относительно, чѣмъ обще-Славянская, а потому древніе Новгородцы и Малороссы состоятъ

между собою въ ближайшемъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ Бѣлорусскою и Великорусскою вѣтвями. До сихъ поръ по берегамъ Волхова, въ Новоладожскомъ уѣздѣ и вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли Великаго Новагорода, слышится это сродство въ языкѣ, до-того поразительное для Южнорусса, что съ перваго раза онъ можетъ счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящаго по-великорусски, или уже нѣсколько обмоскалѣвшаго (1). Вотъ на какихъ основаніяхъ, а не по силѣ »неиз-

---

(1) Вотъ на выдержку свадебная пѣсня, записанная въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мы соблюдаемъ для нея правописаніе малорусское: *о* за *о*, *и* и *е* — твердо, *ѣ* за *і*, но *г* за *g*, а не за *h*.

Хто у насъ хорошой?
Хто у насъ пригожой?
Ой люшеньки люли!
Омельянъ свѣтъ хорошой,
Свѣтъ-Федотовичъ пригожой.
Іонъ по горниці ходи,
Сапогъ не ломае,
Сапогъ не ломае,
Чулокъ не марае;
Сапожки козлови,
Чулочки коврови.
Іонъ коня сідлае,
Конь подъ імъ играе.
На коня садиться,
Конь подъ імъ бодриться.
Іонъ плёточкой маше,
Подъ імъ коникъ пляше.
Къ лужечкамъ подъізжае,
На іхъ травка зеленіе;
Къ річки подъізжае —
Вода розливае;
Къ терёму подъізжае,
Его дівиця стрічае,
Его Олепушка стрічае,
Свѣтъ-Ивановна стрічае.
»Поди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой!
Долго тебя ждала,
Долго дожидалась:
Со білого лиця спала,
А румянець потеряла,
Теперь увидала —
Серцемъ свеселилась.«

вѣстныхъ обстоятельствъ«, какъ говоритъ критикъ, я признаю Новгородцевъ вѣствію Южнорусскаго племени.

Авторъ замѣчаетъ, что Ильменскіе колонисты не приняли никакого мѣстнаго видового названія, какъ произошло съ другими, а назывались просто: Славяне. Это онъ приписываетъ тому, что славянство сохранилось въ своей чистотѣ на самомъ сѣверѣ.

Еслибъ такъ было, то надобно предположить, что Ильменскіе Славяне, прежде чѣмъ постановили и рѣшились навсегда называться Славянами, принимали мѣры для сравненія себя съ другими одноплеменными народами. Но такъ не бываетъ у народовъ, стоящихъ на слишкомъ малой степени развитія, на какой, безсомнѣнія, стояли древніе Славяне. Не думаемъ же мы, чтобы Ильменскіе поселенцы отправляли этнографическія экспедиціи съ цѣлію сравнить себя съ другими и упрочить за собою почетное наименованіе. А иначе какъ могли они удостовѣриться въ своей относительной чистотѣ? И гдѣ же доказательства, что они назывались такъ именно по той причинѣ, по какой хочется автору? Развѣ онъ думаетъ, что, коль скоро представится примѣръ, что гдѣ-нибудь горсть народа называется общимъ племеннымъ названіемъ, то это свидѣтельствуетъ о его особенной чистотѣ? Но вотъ я представлю ему противное. Есть въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ, нѣмецкая колонія Рибенсдорфъ. Названіе ея рѣдкій знаетъ, а зоветъ обыкновенно *колонокъ*, а жителей ея просто—Нѣмцы; да и сами себя передъ Русскими они иначе не зовутъ, какъ такъ же. Но у нихъ вовсе не самая чистая нѣмецкая народность. Случаи, когда народныя группы удерживаютъ, вмѣсто видового, родовое названіе, обыкновенно означаютъ то, что эти группы были отброшены среди иноплеменнаго поселенія,—что, вѣроятно, было поводомъ и къ тому, что Ильменскіе поселенцы назывались Славянами: кромѣ Кривичей, они видѣли вокругъ себя Финскіе народы, съ которыми приходили въ столкновеніе и надъ которыми шагъ за шагомъ брали господство. Впрочемъ, могли быть и другія причины, намъ теперь неизвѣстныя, но никакъ не сознаніе своей особой племенной чистоты.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Радимичей и Вятичей не слѣдуетъ причислять къ группѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная. Но къ такимъ же, по моему мнѣнію, Славянамъ-аборигенамъ въ Россіи слѣдуетъ причислить и Кривичей, ибо ихъ, точно также, какъ Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ отдѣляетъ ясно: онъ наравнѣ, съ Радимичами и Вятичами, умалчиваетъ о нихъ, когда перечисляетъ народы собственно

Славянскіе, то есть пришлые съ Дуная. Напримѣръ: »Се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане«. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, описывая разселеніе Славянъ, лѣтописецъ не поминаетъ Кривичей наравнѣ съ Радимичами и Вятичами: »Словяне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ...« (П. С. Лѣт. т. 1. стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колонія пришлыхъ, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Лѣтописецъ не указалъ его точныхъ границъ: мы видимъ ихъ у него только на верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, но извѣстно, что они простирались далеко и сохранили свое мѣстное названіе долѣе, чѣмъ другіе русско-славянскіе народы. Оно заходило и въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую, какъ это видѣть можно изъ бѣлорусскаго говора, очевидно, составляющаго оттѣнокъ этого племени. Оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи Великорусской-Московской народности, ибо измѣненіе *о* на *а* есть принадлежность его говора, какъ и Великорусскаго-московскаго; *дзыканье*, другая своеобразная черта нарѣчія Кривичей, попадается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Москали въ историческую эпоху не находились въ возможности усвоить себѣ его отъ Бѣлоруссовъ. Это тоже можно принять, какъ одинъ изъ слѣдовъ распространенности Кривичей по Русскому материку. И потому очень вѣроятно извѣстіе въ сказаніи объ основаніи Новгорода, о переименованіи пришельцами въ Волховъ названія рѣки Мутной, и озера Мойско въ Ильмень: старыя, замѣненныя названія—бѣлорусскія. Пришельцы Славяне очевидно внѣдрились въ племя Кривичей; на дальнемъ сѣверѣ, на окраинѣ ихъ земли, сѣли Славяне Ильменскіе, по рѣкѣ Полотѣ среди Кривичей усѣлись Полочане, а между Припетью и Двиною — Дреговичи. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ Бѣлорусское нарѣчіе; но по близости къ Припети до сихъ поръ видны слѣды Южнорусскаго языка въ поднарѣчіи, имѣющемъ нѣкоторыя свои мѣстныя особенности и которое можно назвать переход-

нымъ. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что лѣтописецъ подъ Ляхами, отъ которыхъ ихъ производитъ, разумѣетъ не Поляковъ-Ляховъ, а другихъ Ляховъ, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ Поляковъ словомъ *друзіи* и которыхъ, должно думать, онъ также не причисляетъ къ пришедшимъ съ Дуная: въ Польскомъ мірѣ также точно, какъ и въ Русскомъ, пришедшіе съ Дуная встрѣтили Славянъ аборигеновъ. Поселенцы подъ именемъ Полянъ были родственны Южнорусской вѣтви, и теперь это сродство сильно видно; но лѣтописецъ, говоря, что есть »Ляхове друзіи: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне«, отдѣляетъ послѣднихъ рѣзкою чертою отъ Полянъ, и когда, въ другомъ мѣстѣ, онъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, въ противоположность пришедшимъ съ Дуная Славянамъ, то этимъ даетъ знать, что считаетъ ихъ происходящими не отъ Поляковъ, также прибылыхъ съ Дуная, а отъ такихъ Ляховъ, которые съ Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцевъ, то мы соглашаемся съ критикомъ, что ихъ слѣдуетъ причислять къ группѣ Дунайскихъ Славянъ, хотя они и не были въ числѣ пришедшихъ съ Дуная въ страны Русскаго материка отъ насилія Волоховъ. Древнія жилища Улучей и Тиверцевъ, прилегая къ Дунаю, ставили ихъ въ ближайшее сродство съ Дунайскими переселенцами, ибо и послѣдніе, еще прежде своего переселенія на русскій материкъ, жили по сосѣдству съ первыми, по теченію Дуная, и бѣжали отъ Волоховъ (Италіанцевъ) вѣроятно тогда, когда Римская имперія покорила эти страны (при Траянѣ).

Авторъ забавно не расположенъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, и называетъ ихъ искаженнымъ уже Ляшскимъ элементомъ. Это всё отъ нерасположенія къ современнымъ Полякамъ. Критикъ не даромъ же печатаетъ въ такой газетѣ, которая вскорѣ послѣ своего появленія обратилась къ Полякамъ съ высокомѣрною рѣчью. Конечно, для людей этой партіи, которой органомъ служитъ *День*, все, что̀ Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! По дѣломъ и Радимичамъ и Вятичамъ! Вольно было ихъ праотцамъ, Радиму и Вятку, заходить изъ Ляшской земли въ нашу Русскую!...

Критикъ приписываетъ при-Ильменскимъ Славянамъ колонизацію восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи, береговъ Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днѣпра. Вотъ что̀ говоритъ онъ: »При-Ильменскіе поселенцы съ Дуная прямо назывались Дунайскимъ своимъ именемъ: »Словѣне«. Они раскидывали свои колоніи по всей центральной области нынѣшней Россіи, т. е. по верховьямъ

Двины, Волги и Днѣпра, владѣя узломъ главныхъ жилъ нашей территоріи; далѣе они своими колоніями спускались по лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ, что вся область Десны до Трубежа была занята ими къ Югу, а на Востокъ ими колонизовано было по-Волжье до устьевъ Оки. Хотя такая обширная колонизація не могла не разбиться на новые, меньшіе округи, которые приняли свои мѣстныя названія, но члены ея даже на Югѣ помнили о своемъ корнѣ, о своей старшей, коренной метрополіи, и выразили связь съ нею въ самомъ названіи своего округа: »Сѣверъ« или »Сѣверяне«. Вотъ какъ очерчиваетъ эту сѣверную колоніальную систему лѣтописецъ: »*Словѣни* (держати почаша княженье) *свое* въ Новѣгородѣ, »а *другое* на Полотѣ, иже Полочане. *Отъ нихъ же* Кривичи, иже сѣ»дятъ на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; »*туда бо* (т. е. въ ту сторону отъ Новгорода) сѣдятъ Кривичи, таже »Сѣверъ *отъ нихъ*«, говоритъ лѣтопись.«

Критикъ умышленно поставилъ Славянъ Новгородскихъ сначала и не сказалъ, что въ лѣтописи передъ ними говорится: *И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревьехъ свое, а Дреговичи свое;* вслѣдъ за тѣмъ у лѣтописца слѣдуютъ слова: *а Словени свое въ Новѣгороди, а друзіи на Полотѣ, иже Полочане.* Такимъ образомъ очевидно, что лѣтописецъ даетъ извѣстіе о томъ, что каждый Славянскій народецъ имѣлъ свою автономію, а между ними, наравнѣ съ прочими, и Славяне Новгородскіе. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ эти Словени были какими-то колонизаторами. Выраженіе *отъ нихъ*, здѣсь употребленное, двусмысленно; можно разумѣть, что лѣтописецъ думалъ указать на происхожденіе Кривичей и Сѣверянъ, но можно думать, что онъ употребилъ слово *отъ нихъ* только въ географическомъ смыслѣ. Намъ кажется вѣроятнѣе послѣднее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмыслiе. Можно сказанныя слова разумѣть: или 1) въ смыслѣ одноплеменности Кривичей и Сѣверянъ съ другими, то есть, что Кривичи и Сѣверяне одного Славянскаго корня съ Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) въ смыслѣ происхожденія отъ одного изъ Славянскихъ народцевъ, именно такъ, какъ критикъ хочетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ выйдетъ, что Кривичи и Сѣверяне происходятъ отъ Полочанъ, а не отъ Ильменскихъ Славянъ. Но принять послѣднее, то есть происхожденіе отъ Полочанъ, невозможно, потому что: 1) лѣтописецъ, исчисляя два раза Славянскихъ переселенцевъ съ Дуная, о Кривичахъ не упоминаетъ;

2) что онъ, причисляя Сѣверянъ къ переселенцамъ, говоритъ о поселеніи ихъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, наравнѣ съ другими народами, и въ числѣ ихъ съ Полочанами, а не производитъ ихъ отъ этихъ Полочанъ, да и ни отъ какого-нибудь другого изъ Русско-Славянскихъ народцевъ.

Критикъ справедливо думаетъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ указываютъ своими именами на Славянское заселеніе Веси и Мери издревле, и полагаетъ, что призывавшіе, вмѣстѣ съ Новгородцами, Варяговъ Весь и Меря были Славянскіе поселенцы этихъ Финскихъ краевъ. Подробное мнѣніе объ этомъ вопросѣ я изложилъ уже въ статьѣ »Начало Руси«, въ 1 книжкѣ *Современника* на 1860 годъ.

Авторъ противопоставилъ строй жизни и политическую организацію сѣверныхъ Славянъ южнымъ и ссылается на мѣсто изъ лѣтописи XII вѣка: »Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вси власти, якоже на думу, на вѣче сходятся; на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть«. Авторъ неправильно переводитъ слово *власти* словомъ *метрополіи: власти* значитъ—*волости*, земли; односторонне слово *пригородъ* переводитъ онъ словомъ *колоніи*. Дѣйствительно, колоніи дѣлались пригородами, но не всѣ пригороды были колоніи главнаго града. На это нигдѣ указанія нѣтъ, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы въ древности Славяне, разселяясь по Русскому материку, непремѣнно сбивались въ кучки и изъ этихъ кучекъ расходились въ страны, сознавая зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ первой разъ собрались въ кучку. Не только односторонне, но противно исторіи и смыслу лѣтописи, критикъ говоритъ, будто изъ этого мѣста лѣтописи видно, что иной былъ строй жизни у южныхъ Русскихъ Славянъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Какъ же это, когда въ этомъ мѣстѣ лѣтописи помѣщаются Кыяне за-урядъ съ сѣверными народами? Между тѣмъ вотъ какъ критикъ импровизируетъ о судьбѣ южныхъ Славянъ: »Южныя племена не стояли между собою въ такой генетической связи, какъ Сѣверная группа. Это были спорадически, отдѣльными группами, расположившіеся выходцы. Это было, если угодно, нѣсколько метрополій, раскинувшихъ около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этихъ первыхъ актахъ колонизаціи и остановившихся. Каждая метрополія произошла сама по себѣ. Это отсутствіе связи и энергіи выразилось на Югѣ въ слабомъ развитіи городовой жизни. Въ то время, какъ Сѣверные Славяне при Ильменѣ прямо садятся городомъ Новгородомъ и отту-

да городами выдвигаются въ другія мѣста (Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ и др.), на Югѣ, въ самомъ представительномъ племени, у Полянъ, еще нѣтъ города и, долго уже спустя, три брата — Кій, Щекъ и Хоривъ — »сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ«. Такой спорадическій характеръ поселенія не много обѣщалъ для политической и соціальной жизни Южныхъ племенъ«.

Откуда извѣстно, что у южныхъ Русскихъ Славянъ былъ такой строй?

»На югѣ, говоритъ авторъ, было слабое развитіе городской жизни«. А между тѣмъ въ глубокой древности у Улучей и Тиверцовъ были города на Днѣпрѣ и по Черноморскому поморью: *сьдяху по Дньстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне.* Да въ XII вѣкѣ на югѣ городовъ было болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и о многихъ извѣстно, что они были значительны по своему времени, на примѣръ Кіевъ, Владиміръ, Галичъ, Перемышль. Критикъ увѣряетъ, будто въ тѣ времена, когда уже существовали, кромѣ Новгорода, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ (въ фантазіи славянофила—населенные изъ Новгорода!), еще не было Кіева. Откуда это ему извѣстно? Развѣ годъ или даже вѣкъ основанія Кіева извѣстенъ кому-нибудь точно также, какъ и другихъ упомянутыхъ городовъ? Желательно знать, какихъ читателей авторъ воображалъ передъ собою, когда писалъ подобное. Не ужели ему неизвѣстно, что теперь прошли добрыя времена *Маяка* и Савельева-Ростиславича? Вѣдь теперь эти вещи достаточно извѣстны и гимназистамъ высшихъ классовъ; и тѣ засмѣются, услышавъ, что кто-то пытается доказать, какой городъ построенъ прежде другого изъ числа тѣхъ, о которыхъ имъ уже самимъ по источнику извѣстно, что нѣтъ возможности этого сдѣлать.

Питая постоянную злобу къ бѣднымъ Радимичамъ и Вятичамъ, критикъ приписываетъ грубость нравовъ у Сѣверянъ вліянію Ляшскихъ колонистовъ — Радимичей и Вятичей. »Это огрубляющее вліяніе отдѣльности отъ единокровныхъ братьевъ оказалось и на Сѣверянахъ, какъ скоро Ляшскіе колонисты Радимичи и Вятичи поселились возлѣ нихъ.« Все эти Ляхи! эти несносные Ляхи! Одно прикосновеніе ихъ вредно Русскому человѣку! Что я говорю — прикосновеніе? — Сидѣть близко насъ имъ не слѣдуетъ! Это язва здѣшнихъ мѣстъ! За тысячу слишкомъ лѣтъ Русскіе Славяне жили въ любви и согласіи между со-

бою, имѣли кроткіе обычаи, цивилизацію, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцаніемъ своего племеннаго единства и чистоты Ильменскихъ Славянъ... Какъ хорошо тогда было! И почему бы такъ не оставаться! Такъ нѣтъ же!—принесъ бѣсъ этихъ Радимичей и Вятичей, этихъ досадныхъ Ляховъ! Какъ усѣлись они подлѣ Сѣверянъ, такъ сейчасъ Сѣверяне и испортились и огрубѣли: завелись у нихъ »игрища межю селы, бѣсовское плясанье, завелось сожиганіе мертвыхъ, срамословіе предъ отцами и снохами (на послѣднее Ляхи замѣтить могутъ буквально тоже, что въ баснѣ замѣтилъ бѣсъ отшельнику о яйцѣ, испеченномъ на свѣчкѣ). А какъ Сѣверяне испортились, — все блаженство Русскихъ Славянъ пропало!

Было-бы очень кстати, еслибы какой-нибудь наставникъ юношества, читающій своимъ питомцамъ басни Крылова и Хемницера, прочиталъ имъ тираду славянофила о Радимичахъ и Вятичахъ и въ заключеніе сдѣлалъ бы такое объясненіе: Сія басня, любезныя дѣти, поучаетъ насъ, что въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуется славянолюбцами; но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ, они хотятъ воспитывать въ своемъ народѣ непріязнь противъ другаго славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этой цѣлію они, сіи такъ-называемые Славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданья старины глубокой, прибавляютъ къ разсказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и тѣмъ показываютъ, что не уважаютъ истины. И такъ, любезныя дѣти, когда возмужаете и будете встрѣчаться съ писаніями выше-означенныхъ Славянолюбцевъ, то не довѣряйте ихъ историческимъ теоріямъ: знайте, что они создаютъ ихъ не по любви къ истинѣ, а изъ желанія удовлетворить національному тщеславію, отъ котораго, любезныя дѣти, старайтесь сохранить себя, аки отъ злыя заразы: она тѣмъ опаснѣе, что очень прилипчива. Вотъ, эти Славянофилы—добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ нея не могутъ избавиться.—О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Конисскаго, который, описывая солдатъ великорусскихъ, «бывшихъ еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычаныхъ лаптяхъ, не бритыми и въ бородахъ, то-есть во всей мужичей образинѣ», замѣчаетъ, какъ «они имѣли однако о себѣ непонятное высокомѣріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя на-

званія, напримѣръ: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки и такъ далѣе.« (Кониск. 145). Много налгалъ Конисскій въ своей исторіи, но въ этомъ мѣстѣ сказалъ сущую правду, да и сказалъ мѣтко.

Задавъ себѣ фальшивое, ни на чемъ не основанное, положеніе — наваливать на Ляшское поселеніе все, что́ можно выдумать худое и зловредное для древней Руси, именно потому, что они—*Ляхи*, критикъ, ни съ сего, ни съ того, въ покореніи Сѣверянъ Козарамъ обвиняетъ Вятичей!

Взявшись, такимъ образомъ, за перо съ цѣлію—доказать невѣрность моего взгляда на двойственность Русской народности, критикъ создаетъ прежде всего цѣлыхъ три теоріи совершенно мечтательнаго и произвольнаго свойства, и на своихъ положеніяхъ зиждетъ свою систему, которая имѣетъ претензію уничтожить мой взглядъ на древнюю нашу исторію и вообще на сущность Русской народности; онъ, произвольно, безъ всякихъ основаній: 1) признаетъ чуть не всю Русь колонизаціею Новгорода; 2) произвольно находитъ особыя свойства строя у сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и приписываетъ сѣвернымъ Русскимъ Славянамъ исключительно, еще въ древнѣйшую эпоху, мысли политическаго единства, отрицая ихъ у южныхъ, — въ глубокой древности видитъ у сѣверныхъ какой-то особенный городовой строй и цивилизацію, чего не было у южныхъ; 3) произвольно приписываетъ Радимичамъ и Вятичамъ какое-то враждебное и вредное вліяніе на другихъ Славянъ, на томъ основаніи, что они Ляхи. Первое и второе выводится съ цѣлію проповѣдывать превосходство сѣвера надъ югомъ, изъ мѣстнаго высокомѣрія передъ южноруссами и притязанія на право власти первыхъ надъ послѣдними, — третье — съ цѣлію унижать Поляковъ, къ которымъ не благоволитъ вообще газета *День*.

Не ясно ли, что критикъ хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этотъ критикъ хочетъ обвинить меня въ тѣхъ качествахъ, которыя имѣетъ самъ и заявляетъ самымъ рѣзкимъ и ребяческимъ образомъ. Употреблять науку для постороннихъ цѣлей! это недостойно честнаго ученаго. Было бы извинительно, еслибы авторъ только заблуждался невольно; нѣтъ, онъ *не заблуждается* невольно: онъ сочиняетъ, онъ напускаетъ туманъ.

Далѣе у автора произвольныя фантазійки слѣдуютъ одна за другою. Что́, напримѣръ, скажетъ всякій, занимающійся русскою исторіей, о та-

кой фразѣ: «во время варяжскаго владѣнія и подъ его вліяніемъ нарушена была та *правда*, та честность отношеній, какая изначала была между *властями*, или метрополіями, и *пригородами*, или колоніями«? Откуда автору извѣстно это, и гдѣ есть современныя свидѣтельства или свѣдѣніе о такой правдѣ и честности передъ нападеніемъ Варяговъ? Далѣе авторъ говоритъ: »Въ призваніи князей Новгородцы увидѣли средство умирить колоніи съ старшею метрополіею«. Въ лѣтописи говорится объ усобицахъ между родами, а не между колоніями и метрополіей; можетъ быть, и такъ было; можетъ быть, колоніи (исключая самобытныхъ Кривичей) дѣйствительно входили въ раздоръ съ Новгородомъ; но все это можетъ быть, а можетъ быть, этого и не было. Авторъ же свои выдумки выдаетъ за несомнѣнную историческую истину.

О походѣ Олега въ Кіевъ авторъ разсказываетъ такія небылицы: »Олегъ идетъ искать себѣ дѣла на югѣ. Его движеніе изъ Новагорода привлекаетъ множество охотниковъ изъ сѣвернаго населенія, и вотъ сѣверная цивилизація движется съ нимъ на югъ. Юговосточная отрасль Кривичей, посдѣ занятія Смоленска и Любеча, присоединяется опять къ Новгородской системѣ — и населеніе ея, увеличивъ новыми сѣверными повольниками массу идущихъ съ Олегомъ, увеличиваетъ только имѣющее начаться вліяніе сѣвера на югъ. Теперь должна установиться прочная связь юга съ сѣверомъ, и самый югъ, при помощи сѣвернаго колоніальнаго начала, сплотится своими доселѣ разрозненными членами въ одно цѣлое. Сѣверное начало встрѣчается съ югомъ (уже не впервые) на землѣ Полянъ. Освобожденные-было вольными дружинниками, Аскольдомъ и Диромъ, отъ власти Козаръ, Поляне устроиваются теперь по сѣвернымъ началамъ. Аскольдъ и Диръ, образчики тѣхъ Варяговъ, благодаря которымъ между едиными во всемъ сѣверными Славянами »не бѣ правды«, умерщвлены. Слабые Поляне принимаютъ Олега и пришедшую съ нимъ сѣверную систему безъ сопротивленія. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизаціи, приводимая въ исполненіе массою сѣверныхъ повольниковъ, двинувшихся изо всѣхъ сѣверныхъ центровъ при движеніи оттуда Олега и тѣсно къ нему примкнувшихъ: это та Русь-Новугородцы, о которыхъ слишкомъ прямо говорить лѣтопись, чтобы не знать этого кому-нибудь, а тѣмъ болѣе г. Костомарову«.

Что охотники сѣверные были у Олега — это такъ: это видно въ лѣтописи; но тамъ нѣтъ и слѣда какой-то сѣверной цивилизаціи. И откуда

взялась эта сѣверная цивилизація, и въ чемъ она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацію, то скорѣе на югѣ, по близости къ Греціи, съ которою Южноруссы были въ сношеніяхъ. Правда, что съ покоренія Кіева Олегомъ, Кіевъ и за нимъ южная Русь вошли, такъ-сказать, въ ту систему связи, которая возникла на сѣверѣ, вслѣдствіе однако не какихъ-нибудь прежнихъ началъ, а чужеземныхъ покореній; но гдѣ доказательства, что Олегъ приходилъ туда съ заранѣе-сознанною системою колонизаціи? Мы видѣли прежде, что самая система эта на сѣверѣ, по отношенію сѣвера къ другимъ Русскимъ Славянамъ, есть мыльный пузырь, исчезающій отъ малѣйшаго дуновенія критики. Если историкъ-изслѣдователь по слѣдствіямъ историческихъ явленій будетъ искать сознанія такихъ слѣдствій въ головахъ тѣхъ, которые были виновниками этихъ явленій, то его изслѣдованіе будетъ въ большей части случаевъ ошибочно. О Руси-Новгородцахъ я положительно не знаю и не вѣдаю, хотя критикъ и думаетъ меня пристыдить такимъ незнаніемъ; а я знаю только то, что имя Руси въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка (когда складывалась лѣтопись) принималось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ Кіевской Земли и въ смыслѣ вообще федераціи земель, состоявшихъ съ Кіевомъ подъ управленіемъ одного рода. Новгородъ, въ послѣднемъ смыслѣ, былъ Русь, но въ первомъ никогда; напротивъ, и послѣ того нерѣдко противополагался Руси, когда говорилось объ отношеніяхъ его къ Кіеву. Извѣстіе, что отъ Варягъ прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказываетъ, чтобы Кіевъ отъ Новгорода назвался Русью, когда самъ Новгородъ сдѣлался Русскимъ отъ призванія Русскихъ князей, а эти пришельцы не Новгородцевъ послали, а сами перешли въ Кіевъ; слѣдовательно, если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно отъ тѣхъ пришельцевъ, которые пришли къ нимъ, а не отъ Новгородцевъ, которые, какъ и Поляне, заимствовали это имя такъ недавно въ сравненіи съ послѣдними. Притомъ, мы видимъ, что Новгородцы его мѣстно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы Новгородъ назывался Русью въ мѣстномъ значеніи! Самъ Новгородъ почти исчезаетъ изъ лѣтописей до самого избранія Владиміра.

На первый разъ довольно. Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьёзно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая

ихъ отъ истинныхъ *элементовъ народности*. Такимъ-образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ — къ истиннымъ *элементамъ* народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ на примѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена. Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ* — это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы, — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ.

Н. Костомаровъ.

25 ноября, 1861.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книжкѣ *Основы* будетъ помѣщено продолженіе общедоступной исторіи Украины, на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша, подъ заглавіемъ *Выговщина*. Начало ея вышло особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Хмельни́щина*.

СВІЙ ШЛЯХЪ.

Ой воли́ мої круторо́гі,
Та звертáйте изъ доро́ги.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ой собъ, воли́ полови́і,
Да не старі — молоди́і!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Кінéць шляху вамъ чужо́му,
Ста́немъ за́разъ на своёму.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

На на́шому шляху́ су́хо,
Не істимуть тамъ васъ му́хи.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Попасу́ васъ на роздо́лі,
На коза́цькімъ рі́днімъ по́лі.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ще й напи́тись дамъ води́ці —
Не зъ боло́та, а зъ крини́ці.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те жъ ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Собъ, воли́, со́бъ-собъ!

Ѳ. Бойчукъ.

25 мая, 1861 р.
Ахметъ-горское ущелье.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

Івану Пилиповичу Хильчевському.

Якъ съ тобо́ю ми зустрі́лись
На шляху́ широ́кімъ,
Ти загля́нувъ мині́ въ ду́шу
Своїмъ до́брімъ о́комъ

И пора́дивъ мене́ що́ро,
Куди́ прямува́ти...
До́вго йшовъ я, та й прибі́вся
До рі́дної ха́ти.

Не пі́йду́ я да́льше ха́ти,
Мій кохани́й бра́те;
Бу́ду въ ха́ті я співа́ти,
На банду́рі йгра́ти.

Ой чи въ насъ же въ рі́дній ха́ті
Нічого згада́ти,
Нічимъ ту́гу розігна́ти,
Вго́ру духъ підня́ти?

На́ша ха́та була́ зда́вна
На всімъ сві́ті сла́вна, —
Съ того́ да́вна, якъ вітала
Короля́ Степа́на.

Убіра́лась на́ша ха́та
Пи́шними квітка́ми;
Облива́лась на́ша ха́та
Кро́вью и слёза́ми.

Вилі́та́ли зъ не́і въ по́ле
Орли́ за орла́ми;
Обгорта́ли на́шу ха́ту
Литвини́ зъ Ляха́ми.

Обгорта́ли, та втіка́ли
Усіма́ шляха́ми
Передъ на́шими шабля́ми,
До́вгими списа́ми.

На́шу ха́ту Ту́рки и Ні́мці
За моря́ми зна́ли,
Въ на́шу ха́ту зъ усіхъ зе́мель
Подару́нки сла́ли.

Було́ гу́чно, було́ бу́чно,
Та вставъ братъ на бра́та, —
Ой замо́вкла, похили́лась
На́ша рі́дна ха́та.

Ой німу́е, ой сумує
На́ша бо́га ха́та,
Що багатий одура́вся
Убо́гого бра́та.

Задзвоніть же въ німій ха́ті,
Банду́рниі стру́ни!
Роскрива́йтеся свяні́і,
Пре́дківськиі тру́ни!

Оживи́, красо́ дівоча,
Въ кобза́рському се́рці!
Неха́й се́рце усміхне́тця —
И слізми заллється.

Оживи́, коза́цька сла́во,
У банду́рних струнахъ, —
Неха́й пре́дки звеселя́тця
У забу́тихъ тру́нахъ;

Неха́й мо́влять живе́ сло́во
На всю Украіну —
И ззову́ть усю́ роди́ну
У се́мью еди́ну.

Ати́, дру́же мій Ива́не,
Прийми́ мою́ дя́ку,
Що коли́сь пора́дивъ щи́ро
Мене́ середъ шля́ху.

За пора́дою твое́ю,
Я прибу́всь до ха́ти, —
Го́ді по́ світу блука́ти,
Доро́ги пита́ти!

ЗАСПІВЪ ДО ПОЭМИ.

Неха́й місяць изъ зоря́ми
Ди́вится у во́ду,
А я гля́ну — задивлю́ся
На дівочу вро́ду.

Лю́бо місяцю зъ зоря́ми
Въ во́ду виглядатись:
Мині лю́бо дівочою
Красо́ю впива́тись.

Лю́бо місяцю зъ зоря́ми
Въ во́ду порина́ти:
Мині лю́бо въ дівочее
Се́рце прозира́ти.

Нема́ ліпшого на не́бі
Надъ зо́рю въ пого́ду:
Нема́ кра́щого на світі
Надъ дівочу вро́ду.

Нема́ ви́ду пишні́йшого
Надъ зо́рі въ півночі:
Нема́ ди́ва дивні́йшого
Надъ се́рце дівоче.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Уроди́лася Насту́ся —
Лю́бо подиви́тись,
Изъ ли́ченька румя́ного
Хочъ води́ напи́тись.

Уроди́лася Насту́ся —
Се́рце голуби́не...
Хто жъ то е́ї кохатиме,
Якъ ма́ти дити́ну?

Роспущу́ крила́ті ду́мки
По всій Украі́ні —
Нема́ па́ри стате́чної
Коха́ній дівчи́ні!

Нема́ се́рця ласка́вого,
Ні ти́хої мо́ви
До лю́бого залиця́ння,
Дру́жнёї розмо́ви!

Шкода́, шкода́ чорнобрівця
По степа́хъ шука́ти,
Щобъ зъ ро́жею садо́вою
Доку́пи звяза́ти!

По Вкраі́ні огні горя́ть,
Під'ъ не́бо сяга́ють;
Потягну́ло степи́ ди́момъ,
Крюки́ въ диму́ гра́ють.

Поміжъ ба́локъ Жо́вті Во́ди
Кро́вью червоніють;

По городáхъ обгорíлі
Двóрища чорніють.

Повкладáлась середъ пóля
Шляхта спочивáти;
Похожáють въ пúшнихъ шáтахъ
Козакú чубáті. [2]

II.

Процвітáе въ садý квітка...
О трáво висóка!
Закрúй ії, сховáй ії
Відъ лю́дського óка.

Нехáй éі сóнце стúха
Світомъ обливáе;
Нехáй бжілка, Бóжа втіха,
Надъ нéю літáе.

Нехáй éі зóрі крóплять
Чúстою росóю...
Не дóвго ій пишáтися
Своéю красóю.

Не сховáе филáстая
Пúшноі квітúни:
Не застýпить старá мáти
Лю́боі дитúни.

III.

Ой у вдовú Обушúхи
Сіни на помóсті.
Наіхали до вдівоньки
Козáченьки въ гóсті.

Молоди́і до присінокъ
Кони́ченьківъ вя́жуть,
А стари́і господи́ні
Добри́-вечіръ ка́жуть. [3]

»Добри́-вечіръ, паніма́тко,
У твою́ світли́цю!
Неха́й Бо́гъ святи́й изъ не́ба
Назира́ вдови́цю.

»Пізнава́й госте́й незва́нихъ,
Че́сна господи́не,
Що зда́лека завіта́ли
До те́бе въ гости́ну.

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той весе́лий ве́чіръ,
Якъ ми съ твоімъ Опана́сомъ
Вели́ дру́жні ре́чі, —

»Дру́жні ре́чі таемни́чі
Про коза́цьку зра́ду,
Що хотіли відомсти́ти
Шля́хті за непра́вду?

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той ра́нокъ пону́рий,
Якъ ти въ військо виряжа́ла
Воло́виі ху́ри?

»Обуши́хо паніма́тко,
Си́зая орли́це!
Не ду́рно ти злила́ слізми
Но́вую світли́цю.

»Тобі се́рце говори́ло
Про коза́цьку до́лю:

Вúросли нові могúли
По чúстому пóлю!

»Щó въ Кумéйкахъ, въ Боровúці
Задéржалось сúли,
Те въ Сулі зеленолýгій
Ляхú потопúли.

»Потопúли полохлúвихъ,
Завзя́тшихъ напа́ли,
Постріля́ли, поруба́ли,
Кіньми потопта́ли.

»Пішла́ ту́га по Вкраíні
Одъ ха́ти до ха́ти,
Та не вмéрла съ того́ жа́лю
Коза́цькая ма́ти.

»Вона́ сúрітъ на отéцькі
Могúли водúла,
Якъ встава́ти, воюва́ти —
Пíснею учúла.

»И крівáвимъ слідомъ діти
Въ степú простува́ли,
Безъ гарма́тъ на Жóвтихъ Вóдахъ
Ворогівъ стрічáли.

»Добува́ли козача́та
У шля́хти гарма́ти...
Помоло́дшала старéнька
Коза́цькая ма́ти.

»Зазива́ла пúшну шля́хту
Підъ Кóрсунь въ гостúну... [5]
Про ту ýчту слáва трýбить
На всю Украíну.

»Панімáтко Обушúхо,
Сúзая орлúце!
Знай же й ти про слáвну ýчту
У своíй світлúці.

»Ой твогó ми Опанáса
Дóбре поминáли:
Пúшну шляхту, якъ тихъ рáківъ,
Рукáми побрáли.

»Привітáй же насъ, якъ мáти,
Чéсна господúне:
Ми съ Кóрсуня простувáли
До тéбе въ гостúну.«

IV.

Гýчно, гýчно у світлúці
Батькú розмовлáють.
Лю́бо іхъ синú Настýсю
Въ піддáшші вітáють:

»Ой дівчúно, дай намъ, сéрце,
Водúці напúтись.
Гóді згáгою у пóлі
Козакáмъ томúтись!

»Нехáй шляхту добивáють
Яструбú дзюбáті;
Нáша втіха — кáрі óчі,
Чóрні бровенята.«

Хúлить вітеръ, хúлить бýйний
Въ дубрóві квітúну:
Вáблять рéчі молодúі
Вродлúву дівчúну.

Исхиля́ютця въ дубро́ві
Верхи́ изъ верха́ми:
Иззира́ютця въ розмо́ві
Очі изъ оча́ми.

То загра́е, то зани́е
Се́рце голуби́не...
Стережи́ся, Насту́сенько,
Лихо́і годи́ни!

Схамени́ся, не диви́ся
На коза́цьку вро́ду;
Иди́ лу́чче зъ мо́сту ки́ньсь
У холо́дну во́ду.

Тамъ до су́ду пла́вать бу́дешъ
Ти́хими нача́ми,
И коза́цтво необа́чне
Ва́бити реча́ми.

Тамъ, руса́лкою, смія́тись
Бу́дешъ изъ кохáння,
А тутъ, щи́ро покоха́вши,
Зва́нешъ въ безтала́нні.

Шкода́ квітку одъ лихо́і
Бу́рі закрива́ти:
Му́сить бу́ря зъ не́і пи́шне
Ли́стя обірва́ти.

Процвіта́йте жъ и зника́йте
Квітка́ми, дівча́та:
На те ро́дить васъ, серде́шнихъ,
У бо́лістяхъ ма́ти.

Процвіта́йте, не впиня́йте
Се́рденько коха́ти.

На те ва́ми, що зоря́ми,
Любу́етця ма́ти.

Процвіта́йте и намъ да́йте
Ва́шихъ чаръ напи́тись:
Тільки й ща́стя на сімъ сві́ті,
Що на васъ диви́тись.

ПІСНЯ ДРУГА.

I. [6]

Ой давно́ була́ —
Въ непа́мять пішла́ —
Нещасли́ва годи́на,
Що коза́цькою
Кро́вью свято́ю
Червоніла Вкраіна.

Ой би́ли Ляхи́
На́шихъ козаківъ
Одъ Дністра́ до Стари́ці,
По всіхъ города́хъ,
Се́лахъ, хутора́хъ
Голоси́ли вдови́ці.

Ой була́, була́
Глибо́ка Сула́
На́шимъ тру́помъ зага́чена.
По́льщі служи́ли —
Шля́хті годи́ли,
Тамъ за все намъ запла́чено.

II.

Покида́ли на́ші
Воло́вні ху́ри,
Манівця́ми та терна́ми
По дома́хъ сипну́ли.

Покида́ли въ ло́захъ
Спіжо́ві гарма́ти,
У безлю́дний степъ Моско́вський
Му́сили втіка́ти.

Покида́ли въ ба́гнахъ
Ворони́і ко́ні;
Сла́ли сви́ти черезъ ба́гна,
Втіка́ли 'дъ пого́ні.

III.

Тільки Дми́тро Гу́ня [7]
На Сулі зоста́вся
Між Сулою и Славу́томъ
Ва́ломъ обкопа́вся.

Би́вся Дми́тро Гу́ня
Пять неділь зъ Ляха́ми.
Не заги́не ёго́ сла́ва
Поміжъ козака́ми! [8]

Би́вся Гу́ня, би́вся,
На си́лі знемігся;
Похили́вши корого́вки,
Съ Пото́цькимъ мири́вся.

Су́мно на́ші, су́мно
По дома́хъ верта́лись,
Що брати́ іхъ надъ Сулою
Спа́ти повклада́лись.

IV.

И ти, Опана́се,
Хоро́брий Обу́ше,
Середъ бо́ю крива́вого
Одда́въ Бо́гу ду́шу.

»Помира́ю, бра́ття,
За рідну Вкраіну, —
Ой приглéдьте вдову́ мою
И малу́ дити́ну.

»Ой Моро́зе дру́же,
Мій назва́ний бра́те!
Назпра́й орли́нимъ о́комъ
Спрітську́ю ха́ту.

»Не попусти́ шля́хті
Надъ не́ю глуми́тись,
А я бу́ду на тімъ світі
Бо́гові моли́тись,

»Щобъ пзно́въ воскре́сла
Коза́цькая си́ла
И шляхе́цькимъ кля́тимъ тру́помъ
Дніпро́ загати́ла.

»Ма́ешъ си́на, бра́те,
Я — дочку́ еди́ну;
Якъ дійдуть літъ, испару́й іхъ,
У до́бру годи́ну.

»Неха́й кровъ Моро́зівъ
Зъ мое́ю зіллетця;
Звесели́тця на тімъ світі
Гірке́ мое́ се́рце.«

V.

Де́сять рікъ мину́ло
Після то́го бо́ю,
Якъ Опана́съ надъ Сулою
Полігъ голово́ю.

Щи́ро на тімъ сві́ті
Бо́гу вінъ моли́вся,
А стари́й Моро́зъ изъ си́номъ
По комиша́хъ кри́вся.

Неволею на́шимъ
Ляхи́ миръ дава́ли;
Роспусти́вши по домівкахъ,
По оди́нцю бра́ли.

Бра́ли, закида́ли
У замко́ві гли́бки;
Не става́ло въ нихъ кайда́нівъ,
Забива́ли въ ди́бки.

Ой дубо́ві ди́бки,
Залізні кайда́ни!
По степа́хъ ви, по комиша́хъ
На́шихъ розганя́ли.

Розліта́лись різно
Орли́ сизокри́лі,
Молоди́хъ орля́тъ на здо́бичъ
Налі́та́ти вчи́ли.

До́бре жъ вони́, до́бре
Ви́махали кри́ла,
По́ки зно́ву Украіна
Бу́нтомъ закипіла.

Дóбре жъ вонú, дóбре
По степáхъ шугáли, —
Роспорóшене козáцтво
Докýпи скликáли.

Трúста кóней зъ дóму
Зъ Гýнею втікáло; [9]
Три тúсячі до Богдáна
У Січъ прибувáло.

Дві сóтні зъ Морóзомъ
По Днiпрý спускáлось:
Дві тúсячі съ Турéщини
До Січи вертáлось.

Вернýвсь Гýня съ пóля,
А Морóзъ изъ мóря, —
Розлилáся по Вкраíні
Козáцькая вóля.

VI.

»Ой ти, слáвний Гýне,
Дрýже мій едúний!
Давъ намъ Госпóдь обнятися
На вóльній Вкраíні.

»Дóбре послужúла
Намъ старáя сúла:
Утікáла вiдъ насъ шляхта
Штанú погубúла. [10]

»А тепéръ, мій дрýже,
Прошý тебé дýже:
Iдьмо — сúнові моéму
Знáйдемо подрýжже.

»Ка́жуть, въ Обуши́хи
Дочка́ — якъ кали́на.
Ой то жъ си́нові моє́му
Назва́на дружи́на.

»Попару́емъ дітокъ,
Молоди́хъ орля́токъ,
Та й засі́демъ по пасіка́хъ
На ввесь лі́тъ оста́токъ.

»Неха́й свіжимъ цвітомъ
Земля́ процвіта́е,
А ми бу́демъ молитва́ми
Добува́ти ра́ю.

»Неха́й рі́дъ нашъ ро́дить,
Ворога́мъ на ли́хо,
А ми собі, ді́ду́ючи,
Повмира́емъ ти́хо,

»И бу́демъ дивитись
Изъ Бо́жого ра́ю,
Якъ нашъ рі́дъ лука́ву шля́хту
Пі́дъ ко́рінь руба́е.«

VII.

До́бре ді́ди́ си́ві
Між собе́ ряди́ли,
Ща́сну до́лю молоди́мъ суди́ли;
У свя́ту́ не́ділю,
Въ обі́дню годи́ну,
Въ Обуши́хи за столо́мъ сиді́ли.

За столо́мъ сиді́ли,
Покріпля́ли си́ли
Изъ сина́ми, гостьми́ молоди́ми.

Сини́ мовчязли́ві,
Батьки́ говірли́ві,
Мовъ голуби́ си́ві-буркотли́ві.

»Обуши́хо не́не!
Сіда́й біля ме́не«,
Обізве́тця Гу́ня довгоу́сий.
»Якъ ти горюва́ла,
Дочку́ згодува́ла,—
Про все ти намъ росказа́ти му́сишъ.

»Одъ твое́і ха́ти
Несі́тої шля́хти
Не змогли́ ми, не́не, одганя́ти:
Зъ мали́ми сина́ми
Луга́ми, терна́ми
Одъ напа́сти му́сили втіка́ти.

»Ди́во, ди́вне ста́ло —
Недо́битки вста́ли,
Та й задали́ Ляха́мъ прочуха́на;
А ще намъ дивні́йше,
Що вдовина́ кри́ша
Де́сять рікъ напа́сти не дозна́ла.

»Ой хочъ одъ напа́сти,
Ка́жуть, не пропа́сти,
Та не дай нико́му зна́ти ії, Бо́же!
Ато́ жъ то вдови́ці,
Ма́вши у світли́ці
Лю́бу до́ню, що въ горо́ді ро́жу!«

VIII.

—»Коза́ченьки, батьки́ мої,
Крила́тиі орли́ мої!
Коза́ченьки-небожа́та,
Молоді мої орля́та!
Такъ суди́ла Бо́жа во́ля,
Щобъ дави́ла насъ недо́ля,
Щобъ шляхе́цька своя-во́ля
Гна́ла насъ изъ ха́ти, съ по́ля,
Нашъ доста́токъ забіра́ла,
Нашъ насу́шний заіда́ла,
На́шихъ дітокъ-малолітокъ
Зъ до́брого пути́ збива́ла.
Та не всіхъ же хи́жа си́ла
Людоідствомъ застраши́ла,
Не всімъ о́чі засліпи́ла,
Не всімъ се́рце задави́ла.
Не зада́вить тому́ се́рця,
Чий рідъ зъ да́вности веде́тця,
Хто, якъ пта́шка, съ клітки рве́тця,
Чия́ кровъ лила́сь и ллється
За Вкраінське ща́стя-до́лю,
За святу́ наро́дню во́лю...«

Пи́льно слу́хавъ си́вий Гу́ня
Зъ Моро́зомъ ззира́вся:
До́брымъ сло́вомъ більшъ, ніжъ ме́домъ
Соло́дкимъ впива́вся.
А мото́рна господи́ня
Ку́хлівъ доліва́е,
Медову́ кипу́чу си́лу
Сло́вомъ заправля́е:

IX.

»Одъ Прúпети до Синю́хи
Вслáвили себé Обýхи, [11]
Та й не злóтомъ рабóванимъ,
Не гонóромъ купóванимъ,
Не гербáми-клейнóдами,
А своіми пригóдами.
Воні́ въ пóлі воювáли
И въ невóлі бідувáли;
Воні́ въ мýкахъ жартувáли,
Жáртомъ сéрце гартувáли.
Щó ми чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ прямувáли.
Булá бýря — хилúлися,
Булó лúхо — молúлися,
Булó гóре — горювáли,
Та прáвдоньку шануváли.
Въ кóго срібло, въ кóго злóто
Та шляхéцькиі клейнóди,
А въ насъ прáвда, прáва вóля —
Найлюбíйша въ свíті дóля.
Згúне срібло, згúне злóто,
Занедбáютця клейнóди,
Тільки прáвда на Вкраíні
По вікъ вічний не згúне,
Тільки прáвда, прáва вóля
Бýде всімъ жадáна дóля...«

Похитáли головáми
Сúвими старúі:
»Ой слýхайте та навчáйтесь,
Діти молодúі!

Такъ намъ пра́діди мовля́ли,
Одъ пра́щурівъ чу́вши, —
Не глухе́ въ насъ було́ се́рце,
Не глухи́і у́ші.«

X.

—»Що змогли́, Ляхи́ зъ насъ дра́ли,
Худібоньку забіра́ли,
На́ші бжо́ли піддира́ли, [12]
На́ші ни́ви продава́ли,
Бідни́ли насъ посто́ями,
Харчува́ннямъ, напо́ями. [13]
Де насъ лю́де шанува́ли,
Тамъ вони́ зъ насъ глузува́ли,
По-шляхе́цькій гордува́ли,
По-збое́цькій жартува́ли.
Якъ ви въ по́лі ста́ли лу́ка,
Ста́ла до́ма жінка́мъ му́ка.
Якъ ви въ по́лі ста́ли о́рця, [14]
Не ба́чили жінки́ со́нця.
Ой не зна́ли жъ ми одра́ди,
Опрічъ пре́дківськоі пра́вди.
Ой не ма́ли жъ ми пора́ди,
Ні нау́ки, опрічъ пра́вди.
Мовъ свята́ небе́сна си́ла,
Вона́ се́рце намъ живи́ла,
Якъ на світі жи́ти — вчи́ла,
Одъ напа́сти борони́ла.
Була́ бу́ря — хили́лися,
Було́ ли́хо — моли́лися.
Хили́лися, та й не впа́ли;
Моли́лися — во́лі жда́ли.
Ой дожда́лись — изорну́ли
Съ того пе́кла, де тону́ли.
Ой що насъ по-во́вчій рва́ли, —

Вóвчимъ слідомъ повтікáли.
Ой що крóвъ живýю ссáли, —
Влáсних скáрбівъ одбігáли.
Що надъ нáми насміхáлись, —
Самí слізми обливáлись. [15]
Все жъ то прáвда поробúла,
Нáша прéдківська сúла,
Зъ дáвних дáвенъ завіщана,
Награ́да намъ обіщана
Замість срібла, замість злóта,
Замість гóнору-клейнóдівъ...«

Стрепенýлись дідú сúві
Одъ живóго слóва:
Розогріла старé сéрце
Гаря́чая мóва:
»Такъ, паньмáтко рідна сéстро!
Дя́куемъ за мóву!
Вúпъемо жъ за нáшу прáвду,
Наро́дню оснóву!
Наливáй намъ кýхлі пóвні
Мéдомъ, пъя́нимъ-чóломъ; [16]
Нехáй въ сéрце рáдість лля́тця
Съ твоімъ лю́бимъ слóвомъ!«

XI.

—»Козáченьки, батькú мої,
Крилáтні орлú мої!
У васъ очі прозірливі,
А въ насъ дýші покірливі.
У васъ рáда середъ пóля,
А въ насъ дóма — вáша вóля.
Ви бъетéся, — ми чýемо,
По домівкахъ бідýемо,
Бідýемо, працю́емо,
Малúхъ дітокъ доглядáемъ, —

Доглядáемъ, въ чúсте сéрце
Прáвду, вóленьку вливáемъ, —
Доглядáемъ, годýемо,
Підмóгу вамъ готýемо.«

—»Золоті у тéбе ýста!«
Ще Гýня озвáвся.
»Знавъ Обýхъ, де въ свíті щáстя,
Якъ съ тобóю брáвся.
И щаслúва, пéвне, бýде
По-вікъ того́ дóля,
Кому́ сýдитця подрýжжямъ
Любá твоя́ дóня.«

А у дóні горúть лúчко,
Що въ лýзі калúна:
Передъ нéю — Морозéнко,
Гáрний, якъ картúна.
»Ой закрúй же менé, нéне,
Нехáй вінъ не знáе,
Якъ сéрденько трепéчетця,
Мліе-омлівáе!«

XII.

—»Козáченьки-небожáта,
Молоді мої орля́та!
Пóки вúросли въ васъ крúла,
Рідна мáти васъ учúла, —
Ой учúла, наставля́ла,
Прáвихъ прéдківъ спомúнала.
Щó ви чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ полинýли.
Козакýйте жъ, процвітáйте,
Та й намъ слáви уділя́йте.
Козакýйте жъ, прославля́йтесь,
На насъ любо оглядáйтесь.
Якъ до насъ ви завітáли, —

Мовъ зъ могúли ми устáли.
Якъ до насъ ви налетíли, —
Нáче світъ намъ освітúли.
Ой світíть же по світлúці
Бідолáшній удовúці;
Мéдомъ кýхлі исповняйте,
Її мýжа споминáйте.
Пúйте пúво, іжте стрáву,
Споминáйте єгó слáву.
Ой нашъ рідъ ведéтця здáвна;
Нáша слáва здáвна слáвна;
Нáша прáвда здáвна прáва, —
Чúста, слáвна нáша слáва!«

П. Кулішъ.

Трéтю пісню поэми надрукýемо въ *Основі* за місяць Ноябрь.

Ред.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

1. — Стр. 5, ст. 25.

Поміжъ ба́локъ Жо́вті Во́ди

На рѣчкѣ Жовтихъ Водахъ козаки впервые разбили коронное шляхетское войско. Рѣчка эта дѣйствительно протекала по степнымъ долинамъ, балкамъ. Теперь она, говорятъ, изсякла.

2. — Стр. 6, ст. 6.

Похожа́ють въ пи́шныхъ ша́тахъ
Козаки́ чуба́ті.

Одѣться въ платье побѣжденнаго врага считалось у козаковъ рыцарскою честью. Это видно и изъ думъ народныхъ, какъ напримѣръ:

Чо́боти Татарські истяга́въ,
На свої коза́цькі но́ги обува́въ;
Оде́жу истяга́въ,
На́ свої коза́цькі пле́чі надіва́въ;
Ба́рхатний шликъ издіймае,
На свою коза́цьку го́лову надіва́е.

Современный лѣтописецъ говоритъ, что когда козаки-сермяжники возвращались съ походу на Поляковъ, то, одѣтые въ добычныя одежды, съ высоты казались массами движущихся цвѣтовъ.

Эпитетъ *чуба́ті* взятъ изъ народной думы:

Що не ви́дно чуба́тихъ
Не то по степа́хъ,
Не то й по луга́хъ...

3. — Стр. 7.

Форма этого куплета взята изъ народной пѣсни:

Прихало до дівчи́ни
Два козаки́ вго́сті.
Оди́нъ стоіть коло сіней,
Коні́ченька ва́же;
Другі́й стоіть пі́дъ віко́нцемъ,
Добри́-вечі́ръ ка́же.

4. — Стр. 8, ст. 3.

Щó въ Кумéйкахъ, въ Боровúцi

Подъ Кумейками и подъ Боровицею, ниже Канева, близъ Мошенъ, козаки были разбиты Потоцкимъ въ 1637 году. Въ слѣдующемъ году было новое возстаніе и новыя пораженія козаковъ надъ Сулою.

5. — Стр. 8, ст. 28.

Пiдъ Кóрсунь въ гостúну...

Угощеніе состояло въ кровопролитной битвѣ, которая была напередъ хорошо соображена, обезпечена засадами и потому окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ шляхты.

6. — Стр. 6.

Въ I-й и II-й строфахъ дѣло идетъ о первыхъ козацкихъ войнахъ и потомъ о пораженіи козаковъ въ 1638 году, когда гетманъ Остряниnъ бѣжалъ съ *комóнникомъ* въ Московскія степи.

7. — Стр. 12, ст. 13.

Тiльки Дмúтро Гýня

Слѣдовало бы напечатать Дмитрó; но народъ говоритъ и Дмúтро. Напримѣръ, въ пословицѣ: *До Дмúтра дiвка хúтра, а пiсля Дмúтра, якъ стрiне собáку, то й питáе:* »*Чи не въ старостú ви, дя́дюшка, йдетé?*« Т. е. невѣста переборчива до тѣхъ поръ, пока минуетъ время сватовства, опредѣляемое осеннимъ праздникомъ св. Дмитрія.

8. — Стр. 12, ст. 19, 20.

Не загúне ёго слáва
Номiжъ козакáми!

Неудачная война Остряниna была искуплена Гунею, который, оставшись только съ пѣхотою, выдержалъ продолжительную осаду соединенныхъ силъ Потоцкаго и князя Іереміи Вишневецкаго. Онъ доказалъ, что доведенные до отчаянья козаки страшнѣе для коронnаго войска, нежели во время великихъ надеждъ своихъ. Войны Остряниna и Гуни, равно какъ и Павлюка, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ окончанія новаго труда Н. И. Костомарова — подробнаго изображенія времени, предшествовавшаго Хмельнищинѣ, которымъ трудомъ нашъ несравненный историкъ занятъ въ настоящее время. Чтобы дать читателямъ понятіе, до какой степени можетъ быть интересна художественно обработанная повѣсть объ этомъ періодѣ, приведу небольшой эпизодъ изъ неизвѣстной еще лѣтописи Лукомскаго, писанной въ 1770 году и сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ. Немногіе читали Diariusz Okolskiego, откуда заимствованъ лѣтописцемъ этотъ эпизодъ, потому что эта драгоцѣнная книга составляла большую библіографическую рѣдкость и появилась только недавно въ обширномъ собраніи историческихъ матеріаловъ: Biblioteka Polska.

«Гетманъ Потоцкій (говоритъ Лукомскій со словъ Окольскаго, очевидца войны) крайне на томъ постановилъ, чтобы козаковъ — — перемѣнными хорунгвамы безпреривно доставать, на нихъ наступать и вылазки дѣлать до десяты дней, и прытомъ близъ шанца нѣмецкаго сдѣлать батарею изъ дубовъ, а на верху оной изъ земли блокгаузъ, съ котораго съ пушекъ въ окопъ козацькій мочьно бъ было стрѣлять цѣльно, повелѣлъ. — — Козаки, усмотря, что речепая батарея и блокгаузъ поляками совсѣмъ сдѣлани и что изъ онаго блокгауза всѣ мѣста и лица ихъ въ окопѣ выдѣть не трудно, однѣ утѣкають, другие сквозь полское войско пробыватысь хотѣли, а черпь къ гетману объявление послалы, что оны поддаться ему готови; старшини жъ такой хитросты употребили. Юля 11 числа ноччю отправили они нѣсколько козаковъ къ шанцу, состоящому близь оной батареи, съ наставленіемъ, дабы они противъ нихъ льстыли такою рѣччю, бутто они для словленія языка идуть до окопу, и подъ тѣмъ прыкровеніемъ дабы провѣдали, какой у поляковъ лозунгъ. Тѣ козаки, подъ выдомъ реестровихъ (т. е. преданныхъ Потоцкому), въ обозъ къ нимъ же, реестровымъ, прышли, соглашаються съ онимы, какимъ образомъ языка достать въ окопѣ (Гуни), а между тѣмъ соглашеніемъ и о лозунгѣ провѣдали и оній къ своимъ прынеслы. Потомъ, спустя полчаса, нѣсколкома десяткамы козаковъ засаду учынили и опять къ шанцамъ возвратылись. Какъ же ихъ спрошено: кой лозунгъ? они съказали; а одынъ изъ козаковъ реестровихъ спросилъ: достали ль языка? Они отвѣтствовали: и не одного досталы. Между тѣми самимы разговорамы засадние козаки на разговаривавшихъ неосторожнихъ реестровыхъ нападши, нѣсколько десятковъ, тутъ же пры нихъ нѣкоторую частицю пѣхоты нѣмецкой высѣкли и выкололи. Къ тому жъ, намѣрывая еще и оній батарей истребыть, блокгаузъ разрушыть и пушки изъ оного искатыть, и уже были на оній взълѣзли; но, какъ во всемъ обозѣ полскомъ окрикъ учинился, а поляки къ оному батарею сближатысь началы, то оніе козаки, чтобъ поляки ихъ не захватыли, съ того батарея ескакивая, спасенія своего щастыемъ искали. Въ тую жъ ночъ учынилось въ полскомъ обозѣ великое замѣшательство, такое, что все войско чрезъ всю ночъ пры ружжу стояло. Въ тое жъ ночное въремя козаковъ изъ окопу нѣсколко тысячъ въ обозъ полскій вскочивъ, многихъ поляковъ въ ономъ померствили и въ окопъ съ побѣдою возъратились.«

9. — Стр. 13, ст. 5, 6.

Извѣстіе о бѣгствѣ Гуни съ тремя-стами козаковъ въ степи къ Острянину сохранилось въ рукописяхъ С. Петербургской публичной библіотеки. Николай Потоцкій, отъ 19 сентября 1639 года, съ офиціальною наивностію, увѣдомляетъ короля, что Гуня ушелъ *безъ всякой причины* (Hunia, który hetmanił swawolstwu przeciwko woysku WKM, y z kilka innych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy, przes wszelky przyczyny, uciekł.) Поэма объясняетъ эти причины, на основаніи извѣстныхъ уловокъ магнатскаго полноправства въ Украинѣ.

10. — Стр. 13 ст. 23, 24.

Утіка́ла відъ насъ шля́хта,
Штани́ погуби́ла.

Изъ народной пѣсни объ Уманской рѣзнѣ:

Утіка́ли Ума̀нчики,
Штани́ погуби́ли.

11. — Стр. 19, ст. 1, 2.

Одъ При́петі до Синѓхи
Вслáвили себѣ Обýхи,

Украинскій народъ не чуждъ понятій объ аристократизмѣ, но онъ до сихъ поръ держится коренного значенія слова ἄριστος (лучшій), не прибѣгая къ внѣшнимъ, искусственнымъ, механическимъ пособіямъ превосходства одного человѣка передъ другимъ. Самая слава имени соединялась въ его понятіяхъ не съ успѣхомъ, а съ значеніемъ дѣяній общественныхъ. Это всего ближе мы можемъ видѣть на Гонтѣ, Котовичѣ и другихъ участникахъ Коліивщины, заклейменныхъ и до сихъ поръ клеймимыхъ даже со стороны людей Русскихъ названіемъ *разбойника*. Какъ поступаетъ у Квитки любящая дѣвушка, цѣлуя руки у грязнаго, опозореннаго колодника, такъ поступалъ Украинскій народъ, въ своихъ пѣсняхъ и воспоминаніяхъ, съ тѣми, на кого онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ народной правды. Вотъ почему авторъ вкладываетъ въ уста Обушихи горькое воспоминаніе о предкахъ, которые прославились бѣдствіями и несчастіями. Упрекъ Пушкина: »Друзья минутнаго, поклонники успѣха«, къ нашему народу не относится. Были случаи, когда онъ въ пѣсняхъ своихъ проклиналъ торжествовавшаго Богдана Хмельницкаго и называлъ *козáцькими батькáми* такихъ людей, какъ Зализнякъ и Гонта, которымъ печатная исторія (съ немногими исключеніями) отводила до сихъ поръ самое позорное мѣсто. Тотъ же самый народъ не отозвался ни единымъ словомъ сочувствія къ Мазепѣ, падшему якобы за Украину. Вообще его сердечная логика достойна изученія. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателей на тотъ аристократизмъ нашего неграмотнаго (и слѣдовательно чуждаго грамотныхъ заблужденій) простолюдина, который выражается въ его бесѣдахъ и семейныхъ сдѣлкахъ словами: *чѐсний рíдъ, дитúна чѐсного рóду*, и пр. Уваженіе къ богатству у насъ есть, но богатство вообще такъ заподозрѣно, что даже молодая чета, получивъ въ приданое рогатый скотъ, лошадей, овецъ, часто обращаетъ все это въ деньги, суевѣрно утверждая, что не пойдетъ въ прокъ добытое чужимъ трудомъ, а впослѣдствіи покупаетъ на трудовые деньги другой домашній скотъ, и уже вѣруетъ, что можно съ него разжиться. Этимъ объясняется отчасти и убожество нашего народа, и та странная для иностранца гордость въ убожествѣ, уваженіе къ самому себѣ въ крайней нищетѣ и равнодушіе къ обогащенію, которыя такъ часто можно еще и въ наше политикоэкономическое время встрѣтить въ Украинѣ. Что касается до понятія о честномъ родѣ, то своеобразный аристократизмъ этого понятія такъ силенъ въ нашемъ простонародьи, что простые козаки и вообще поселянки-невѣсты доступны у насъ только для немногихъ образованныхъ и богатыхъ паничей, которые бы вздумали на нихъ жениться. Тутъ останавливаетъ родителей и самихъ невѣстъ въ ихъ выборѣ не страхъ новаго положенія въ свѣтѣ, не стыдъ своего мужичества, т. е. необразованности между дворянами, — вовсе нѣтъ. Народу нашему вѣчно чудится несчастье, неизбѣжно соединяющееся съ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ, какъ онъ выражается, *Богъ ёго знáе, якъ*. Смыслъ этого страха тотъ, что, по его нелегко объяснимой логикѣ, человѣкъ — самъ

самъ по себѣ, а богатство — само по себѣ, и что смѣшивать эти понятія до нераздѣлимости для него такъ же дико, какъ смѣшивать вѣчное съ временнымъ, живое съ мертвымъ, несомнѣнное съ призрачнымъ. Такимъ образомъ и при своемъ аристократизмѣ, любящемъ углубляться въ область преданій, народъ нашъ остается глубоко демократическимъ: остается всегда и во всемъ *народомъ*, а не классомъ, выдѣливающимся изъ народа. Зная это по живымъ представителямъ простонародного Украинизма, мы легко можемъ понять, какъ это сынъ владѣтельнаго князя, какимъ de facto былъ Богданъ Хмельницкій, de jure былъ только реестровой козакъ, т. е. рядовой воинъ; какъ воины, подобные кошевому Ивану Сірку, по сложеніи съ себя войскового званія, были въ глазахъ народа только простыми пасічниками, хотя ихъ знакомствомъ и дружбою каждый гордился; какъ въ уголовныя обвиненія противъ гетмана Самойловича (измышленныя канцелярскимъ умомъ Мазепы) внесены простодушно жалобы козаковъ на то, что, прійдя къ нему, надобно было стоять у порога, и пр. и пр. На основаніи всего этого, я заставляю счастливаго и конечно обогатившагося побѣдителя Поляковъ, Мороза, вмѣстѣ съ прославившимся Гупею, относиться къ женѣ Обуха такъ, какъ-будто она вовсе не обѣднѣла и не унижена шляхтою до уровня служенія шумнымъ постояльцамъ-жолнерамъ, а ее самое — говорить съ гостями тѣмъ же языкомъ, какимъ говорила бы и жена гетмана Хмельницкаго. Мнѣ случалось входить въ короткія отношенія съ бродячими бѣдняками, лирниками, кобзарями или просто нищими. Никогда я не замѣтилъ, чтобы они, во время предлагаемаго имъ гостепріимства, стѣснялись своею нищетою и низостью своего положенія, или выражали лакейское уваженіе къ моимъ житейскимъ преимуществамъ. Гомеровскій Пріамъ въ шатрѣ Ахиллеса никакъ не былъ проще, естественнѣе и благороднѣе ихъ въ обращеніи. Благодарность свою они выражали даже съ какимъ-то милымъ для меня упрекомъ: *Тільки се й твоє, що ти своєю рукою подаси, а то все не твоє.* Видите, какъ у нашего народа актъ душевной дѣятельности отдѣляется отъ матеріала, который употребленъ для этого акта! Невольно приходитъ на мысль, во что оцѣнилъ Христосъ чашу воды холодной. Не смотря на то, что въ житейскихъ счетахъ за вещи она не стóитъ и самой дробной единицы матеріи,— въ области духа онъ дѣлаетъ незабвеннымъ дѣломъ актъ употребленія этой матеріи. Украинской народъ, относясь къ міру вещей и явленій жизни непосредственно, безъ той искусственности, которая у насъ часто выдается за усовершенствованіе жизни, — сохранилъ простой, здоровый взглядъ на исторію, на народное право, на достоинство личности человѣческой и на многое, о чемъ приходится намъ спорить съ учеными и неучеными кабинетными людьми. Само собою разумѣется, что не всѣ простолюдины и даже не очень многіе простолюдины могутъ служить намъ представителями того, что мы называемъ истинно украинскою народностію. Но въ томъ-то и подвигъ народоизученія, чтобы отличать главное отъ второстепеннаго, общее отъ частнаго, постоянное отъ случайнаго, внутреннее, самородное отъ внѣшняго, пришлаго, самобытное, первоначальное отъ наброшеннаго извнѣ, подражательнаго, искаженнаго.

12. — Стр. 20, ст. 7.

Наші бжоли піддирáли,

Въ печатающихся нынѣ Археографическою Коммиссіею *Актахъ Западной и Южной Россіи* часто идетъ дѣло о заграбленныхъ или опустошен-

ныхъ пасѣкахъ. Это показываетъ, что въ XVII столѣтіи пасѣки составляли еще одну изъ главнѣйшихъ статей сельскаго хозяйства и промышленности. А *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7) иронически выводитъ изъ подобныхъ грабежей даже причину войнъ Богдана Хмельницкого: »...натрапили (сказано въ чей) на чоловіка на одного, у которого одняли пасіку, которая всій землі Польской начинила біди, а тимъ способомъ....« (и начинается повѣсть о самихъ войнахъ). Кстати обращу вниманіе читателей-спеціалистовъ на темное мѣсто въ современной рукописи одного шляхтича (приведенной мною въ примѣчаніяхъ къ *Дунайской Думѣ*), указывающее на какой-то неизвѣстный намъ грабежъ подстаростія Чаплинскаго: A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi (очевидно, этотъ козакъ — Хмельницкій) od jednego Vkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się...

13. — Стр. 20, ст. 9, 10.

Бідни́ли насъ посто́ями,
Харчува́ннямъ, напо́ями.

Въ универсалѣ своемъ гетманъ Остряница (*Записки о Южной Руси*, II, 297) жалуется всему народу, что начальникъ квартировавшихъ въ Острѣ жолнеровъ, Геродовскій, требовалъ отъ его отца доставлять для его, Геродовскаго, собакъ ежемѣсячно по три ведра творогу и по ведру масла, не говоря ужъ о томъ, что остерскіе козаки и мѣщане поставляли для корму самимъ постояльцамъ. Изъ этого можно заключить, съ какимъ горькимъ чувствомъ должна была вдова Обуха вспоминать о своей беззащитности послѣ неудачной войны гетмана Остряница. Самый стихъ: *Харчуваннямъ, напоями* взятъ изъ *Лѣтописи Самовидца* (стр. 11), гдѣ говорится, что въ началѣ войнъ Хмельницкаго мѣщане должны были вступать въ козаки, чтобы освободиться »отъ побоевъ, напоевъ и кормовъ незвычайныхъ«.

14. — Стр. 20, ст. 17.

Якъ ви ста́ли въ полі о́рця,

Выраженіе *ста́ти о́рця* употребительно у черноморскихъ байдачниковъ. Это значитъ — повернуть байдакъ противъ вѣтру. *Постáвъ о́рця!* говорятъ они другъ другу въ извѣстномъ случаѣ. *Ста́ти лу́ка* — почти то же, что и *ста́ти ця́па*, т. е. воспротивиться какой-нибудь силѣ.

15. — Стр. 12, ст. 5.

Самі слізми облива́лись,

См. 12-е прим. къ *Дунайской Думѣ*.

16. — Стр. 21, ст. 21.

Ме́домъ, пъя́нимъ-чо́ломъ.

Медъ подъ названіемъ *пъяне́-чоло́* упоминается въ извѣстной думѣ о Ганжѣ Андыберѣ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

III.

Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ.

Багáтому хазя́їну послáвъ Богъ чи-мáло дітóчокъ. Всі жъ покірни, трудя́щі, помагáють бáтькові й мáтері у всякій робóті; однá тільки дочкá (Палáжкою звáли) удалáсь тáка лінúва! тільки й робóти ій, що сидúть згорнýвши рýчки. Ні на сорóчку собі не напряде́, ні водú не принесе́, ні корóви не вúдоіть. А дівка жъ такá— гля́нуть на нéі, здáсця за двохъ зробúть—висóка, гладкá, и зъ виду— не взявъ ії врагъ — чорня́венька, хорошá–прехорóша!

Мóже бъ вонá и не булá такá лінúва, колúбъ бáтько й мáти, нá лихо ій, такъ въ нéі не кохáлись. Нікóли булó не палáють — не то щобъ вдáрить — лінúву дитúну.

— Дóнечко мóя!—булó почнé бáтько: —чомъ ти нічóго не рóбишъ?.. Якá жъ зъ тéбе хазя́йка бýде?... Та тебé жъ ніхтó не візьме за сéбе. Кому́ трéба такýпáньску пихý, якъ ти? Чи не сóромъ тобі дáрмо хлібъ íсти?

То мáти зáразъ и заступáетця.

— Годі тобі, скáже, — грúмать на дитúну! Якъ до чóго прúйдеця, то бýде зъ нéі и хазя́йка... Аджежъ не чужúй хлібъ íсть, а нашъ.

Вже й подрýженьки Палáжчини повихóдили зáміжъ, а до нéі и старостівъ не засилáють, хочъ такá дівчúна, кажý, що крáщоі въ селі немá: бíла, пóвна, тіло пíжне, — якъ пáнночка! бó нічóго не рóбить: не печéтця на сóнці, не мéрзне й на морóзі.

Ду́мавъ, стари́й, ду́мавъ, що́ ёму́ на сві́ті робúть зъ лiни́вою дочко́ю, та й ка́же:

— Якъ би́ знайшо́вся таки́й чоловікъ, щобъ не бúттемъ, а пова́жнимъ сло́вомъ, зроби́въ зъ не́і роботя́щу молоди́цю, то я-бъ зъ не́ю віддáвъ би ёму́ третúну всії худо́би, що ма́ю.

Знайшо́вся таки́й чоловікъ зъ дру́гого села́; прийшо́въ до Пала́жкиного ба́тька, и си́на зъ собо́ю привізъ. Зна́тний па́рень, дівчúні підъ па́ру.

— Віддáй, ка́же,—твою́ дочку́ за мого́ си́на, то поба́чимъ, яка́ зъ не́і бу́де невсипу́ща хазя́йка.

— До́бре, ка́же ба́тько,—віддáмъ; и зъ не́ю, якъ сказáвъ, третúну худо́би; тільки гледи́, щобъ не би́ли моє́і дитúни...

— И па́льцемъ, ка́же чоловікъ, — до не́і не доторкну́сь!

Одружи́ли Палажку зъ па́рубкомъ, и, до́бре погуля́вши на весіллí, све́коръ забра́въ молоди́хъ и повізъ до се́бе. На дру́гий день вся семья́ проки́нулась ране́нько и ко́жний принявся за робо́ту, а Пала́жка до́вго ще воро́чалась зъ бо́ку на бікъ, по́ки не обри́дло лежáть, а да́лі вста́ла, сіла собі биля вико́нця та й погляда́е на ву́лицю, и радабъ то, раде́нька, що ії ніхто́ не си́луе до робо́ти. Къ обіду зібра́лась вся сімья́; поста́вили на столъ борщъ; отъ, све́коръ и пита́:

— А хто що́ роби́въ?

Вся́кій, хто що́ роби́въ, розка́зуе, а Пала́жка мовчúть.

— А ти, невістко, що́ роби́ла? пита́ све́коръ.

— Нічо́го не роби́ла, одвітила Пала́жка, — и звича́ю того́ не ма́ю, щобъ роби́ть.

— Якъ нічо́го не роби́ла, то нічо́го и не істимешъ: и у насъ нема́ звича́ю да́рмо годова́ть ле́жнівъ!

Такъ серде́шна цілісенький день не івши и сиді́ла: нема́, ба́чите, рідної не́ньки; нікому було́ и шмато́чокъ хлібця дать небо́зі.

На дру́гий день, сиділа, сиділа, а да́лі згада́ла, що ту́течка, якъ не поро́бишъ, то й істи не даду́ть,—вхопи́ла відра и принесла́ води́. Якъ посіда́ли обідать, зновъ све́коръ пита́:

— А хто́ що́ роби́въ?

— Всі роби́ли, одвіту́е свекру́ха.

— А невістка?

— Вона́ води́ принесла́.

— Дайте жъ ій ку́хликъ води́.

Ви́пила той ку́хликъ небо́га, попла́кала, пожури́лась и зновъ голоду́е.

На тре́тій день Пала́жка принесла́ води́, и якъ свекру́ха по́ралась биля пе́чи, то вона́ помогла́ ій ви́мішать ка́шу.

— А хто що́ роби́въ? пита́ све́коръ сіда́ючи обідать.

— Всі роби́ли, одві́ту́е свекру́ха;—а невістка и води́ принесла́, и кашу вимішувала.

— Да́йте жъ ій гру́дочку ка́ши.

Не наілась Пала́жка тие́ю гру́дочкою. Нічого роби́ть; якъ ка́жуть: го́лодъ — не тітка, не нагодуе. Отъ вона́ го́ді вже сидіть, згорну́вши ру́чки; потро́шку, потро́шку, та й ста́ла така́ жъ робо́тя́ща, якъ и всі. Мину́въ ти́ждень и дру́гий; отъ Пала́жчина ма́ти и ка́же своє́му чолові́кові:

— Що́-то діється зъ на́шою дити́ною? Мо́же, вона́ кулака́ми слёзи втира́е; мо́же, ії товчу́ть и бьють нещасли́ву?... Запрото́рили ажъ у дру́ге село́, та й до́сі вісточки объ не́і не ма́емо. Хочъ би ти, чоловіче, навідавсь до не́і.

У неділю пішо́въ стари́й до своє́і дочки́. Прихо́дить — нема́ нико́го: вся семья́ пішла́ до це́ркви, тільки одна́ Пала́жка оста́лась и по́раетця біля пе́чі.

— А що́, до́нечко, пита́ стари́й, — я́къ тобі живе́тця?

— До́бре, та́ту, одві́ту́е Пала́жка, — спаси́бі Бо́гу й лю́дямъ.

— Не бьють тебе́?

— Ні, не бьють.

— Спаси́бі імъ! ка́же стари́й, перехрести́вшись.

Сівъ ба́тько на ла́ву, та й ди́витця на свою́ дочку́, а вона́ такъ тимъ рогаче́мъ ору́дуе! то́ горшки́ переставля́, то жа́ру підгребе́, то ви́біжить зъ ха́ти, дрове́ць врубать, то́ вхо́пить відра и збігае за водо́ю. Що́ се зъ не́ю ста́лось? ду́мае стари́й: оча́мъ своїмъ віри не йме. То́ було и до пе́чи бли́зько не підійде, а тепе́речки — глянь, яка́ роботя́ща ста́ла!

Ажъ ось поверта́ютця зъ це́ркви све́коръ зъ жінкою, зъ дітьми, а Пала́жка якъ ухо́пить шкурато́къ та ба́тькові въ ру́ки:

— Мніть, та́ту, ка́же,—ато́ ту́течки такі га́спедьски лю́де, що якъ хто нічо́го не ро́бить, то вони́ ёму́ и шматка́ хліба не дадуть!

Ба́тько уза́въ той шкурато́къ та й мне, а ту́тъ війшо́въ у ха́ту све́коръ зъ жінкою и зъ дітьми.

— Здоро́въ бувъ, сва́те! ка́же све́коръ,—а що́ се ти ро́бишъ?

— Шкурато́къ мну, ка́же стари́й, усміха́ючись, — щобъ не гуля́ть, бо дочка́ мині сказа́ла, що тутъ такі лю́де чудні, що якъ хто нічо́го не ро́бить, то ёму́ й шмато́чка хліба не дадуть.

— Э, въ насъ такъ, сва́те! ка́же сві́коръ, гля́нувши на невістку. — Не збреха́ла твоя́ дочка́. Бачъ, яка́ ста́ла роботя́ща! Тепе́речки дава́й, якъ обіща́въ, тре́тину, бо й па́льцемъ я до не́і не доторкну́вся.

— Якъ же ви її навчи́ли? пита́ ба́тько.

— А такъ: *вчи ли́вого не мо́лотомъ, а вчи го́лодомъ.*

IV.

Не впусти рака зъ рота.

Летіла воро́на по-надъ мо́ремъ; ди́вится—лізе ракъ. Вона́ хапъ ёго́, та й понесла́ черезъ лима́нъ у лісъ, щобъ, сівши де-не́будь на гіллі́, гарне́нько поснідать. Ба́чить ракъ, що приходитця пропа́сти, и ка́же воро́ні:

— Эй, воро́но, воро́но! знавъ я твого́ ба́тька и твою́ ма́тірь: сла́вні лю́де були́!

— Угу́, одвіту́е воро́на, не розявля́ючи ро́та.

— И братівъ и се́стеръ твоіхъ зна́въ, ка́же ракъ:—що́ за до́брі лю́де!

— Угу́, гугни́ть воро́на, а ра́ка кріпе́нько держи́ть.

— Та вже хочъ вони́ и га́рні лю́де, ка́же ракъ, — а тобі не рівня. Мині здае́тця, що й на сві́ті нема́ розумні́йшого надъ те́бе.

— Эге́! кря́кнула воро́на, на ввесь рітъ, та й упусти́ла ра́ка въ мо́ре.

Отъ тимъ-то, якъ кого одурять похвальбо́ю, або́ лести́вою річчю, то лю́де й ка́жуть: »*Упусти́въ ра́ка зъ ро́та.* А якъ кого́ остерега́ють, то ка́жуть: »Гледи́! *не впусти́ ра́ка зъ ро́та.*«

Олекса Стороженко.

V.

Вороний кінь.

Бу́въ у на́съ на Чорномо́ріі коза́къ стари́й, на прі́звище Кульба́шний; зживъ сві́й вікъ сиротою; сидівъ Зімівнико́мъ на рі́чці Саси́ці Ейськоі Пала́нки, мавъ ду́же бага́то худо́би вся́коі и бу́въ грошови́тий ду́же. Він, умера́ючи, всі гро́ші одказа́въ на Бо́жі церкви́.

Разъ, у Ростовському я́рмарку, де Чорномо́рці стано́влятця осо́бне та́боромъ, вінъ продава́въ лошакі́въ, не́уківъ, а мошенники (якъ ярмарки́ безъ і́хъ не бува́ють) давно́ ве́штаютця між возами́ та й підгля́діли, що стари́й Кульба́шний, прода́вши своіхъ лошаківъ, бідкаетця де́бъ ёму́ купи́ти, на ста́рість, ізджа́лого, сми́рного коня́ підъ ве́рхъ? Оди́нъ чума́къ, почу́вши се́е — »я́ тобі, ба́тьку, ка́же, найшо́въ би коня́ до́брого, такъ дале́ко тре́ба йти.

— А де́? спита́въ Кульба́шний.

— Ажъ та́мъ, де коле́са продаю́ть; та таки́й, ка́же, ба́тьку, кінь, що й мала́ дити́на поіде. Якъ би я́, ка́же, не чумакува́въ, то су́чий си́нъ, коли́бъ некупи́въ для се́бе! та́мъ скоти́на надиво вдала́сь!...

— А яки́й на ма́сть?—переби́въ ёго Кульба́шний.

— Ворони́й, ба́тьку: та́мъ, що́ за кінь! ска́зано—запоро́зький.

— А, запоро́зький! ка́же Кульба́шний:—ходімо за́разъ.

Пішли́.

— Та́мъ жи́въ, неподалеці Саву́ръ-моги́ли, въ байра́ці, Запоро́жець, роска́зуе йду́чи чума́къ, та неда́вно вме́ръ. Чумаки́, на той ча́съ тра́пилось, поховали́ старо́го козарлю́гу, а коня́ взяли́, щобъ прода́ть та ві́дда́ть гро́ші на церкви́ Бо́жі, за ду́шу покійного.

— Э! се́ благе́ діло; и міні вже ча́съ умира́ти, Кульба́шний ка́же.

Та, зна́й, доро́гою оби́два и́дучи, терева́ні пра́влять. А того стари́й Кульба́шний и не візьме собі въ товкъ, що се вінъ зъ мошенникомъ счени́вся. Вікъ приви́къ берегти́ся москалівъ (та пра́вда, хто іхъ и не бережётця), а щобъ зъ чумаківъ та були́ моше́нники, Кульба́шному и не сни́лось. Уже́ оці на́ші ходаки́ давно́ вийшли зъ Чорномо́рського та́бору, перейшли Бахму́тський пошто́вий шля́хъ; перей—

шли́ вози́ зъ коле́сами, ажъ ось недале́ко й Темерни́къ. Ту́тъ, на сій ба́лці, стоя́ть осо́бне вози́ чума́цькі съ запря́женими воля́ми. Чумаки́ мо́тляютця поміжъ воза́ми, и якъ уздрі́ли свого́ това́риша, що йде́ зъ Кульба́шнимъ, за́разъ ви́ступили на зу́стрічъ.

А що́, Трохи́ме! чи росплати́вся? спита́въ оди́нъ прихо́джого зъ Кульба́шнимъ чумака́.

— Ні, ка́же, нема́ коло во́за..пішо́въ десь до крамарі́въ... Що́ це ви зду́мали? переізди́ти чи-що? Ось старий ба́тько коня́ купу́е.

— Не ку́пить, сказа́ло ра́зомъ чолові́къ съ пьять. Сі Чорномо́рці наро́дъ скупи́й з-бі́са; та й і́здять усе́ на зли́хъ ко́няхъ.

Ся́ бъ то оста́ння мо́ва й понорови́лась Кульба́шному; такъ ота́, що сказа́ли—*не купить*, спроти́вилась ёму́: мо́въ би въ ёго чортъ-ма́ гро́шей.

— Чо́мъ не куплю́? ка́же Кульба́шний. Я й вози́ ва́ші зъ воля́ми мо́жу купи́ти.

— Ки́хъ-ки́хъ-ки́хъ! засмія́лись чумаки́.

Кульба́шного взяла́ о́злість: що ще́ не ймуть ёму́ й ві́ри.

— Де́ той кінь? — пита́е.

— Ось де! обізва́вся яки́йсь чума́къ за воза́ми, одвя́зуючи того́ коня́ одъ полу́драбка.

Згля́нувъ на ёго Кульба́шний, и жи́жка въ старо́го затруси́лась. Обійшо́въ ёго́.

— Кінь въ літа́хъ, ка́же Кульба́шний, - та й я́ немолоди́й,—поду́мавъ... А що́ за ёго?

— Дві со́тні съ полови́ною.

— До́рого, поду́мавъ стари́й, та й ка́же:—щобъ не хлопота́тьця, півтори́ со́тні.

Та вступа́йте, бра́ття! примо́вивъ прихо́жий чума́къ.

— Хіба́ для те́бе!.. дві со́тні та й го́ді, одві́тивъ одинъ стари́й чума́къ.

— Дава́й, ба́тьку, гро́ші, ка́же прихо́жий зведе́нникъ: упу́стимо сёго́ коня́, другого́ не зна́йдешъ такого́, бо вже таншъ не бу́де.

Підступи́въ стари́й, озира́ючи коня́. Взя́въ за по́відъ коло мо́рди; погла́дивъ по голові, повівъ ру́ку по ши́і, поля́павъ доло́нею по спи́ні, отступи́всь, зайшо́въ зза́ду, гля́нувъ вздовшъ спи́ни.

— Хоро́ша скоти́на... Неха́й же я, ка́же Кульба́шний, на ста́рість поізджу таки́мъ коне́мъ, якъ змо́лоду въ ме́не бувъ: бери́ть гро́ші.

Підійшо́въ до то́го, що торгова́вся, знявъ ша́пку, перехрести́вся,

вда́рили по рука́хъ. Ви́нявъ Кульба́шний зъ кеше́ні ху́стку, знайшо́въ гро́ші, одлічи́въ дві со́тні й одда́въ продавце́ві, взя́вши коня́ за по́відь поло́ю.

— Тобі, ба́тьку, суди́вся сей кінь, пожива́й на здоро́вья! віддаючи́ коня́, продаве́ць сказа́въ.

Заки́нувъ Кульба́шний поводи́ коне́ві на шию, взя́вся за гриву, посилкува́вшись підско́чивъ—уже́ й на коне́ві. Проіхавсь геть відъ возівъ шла́птю, зкрутну́въ повода́ми коня́, кінь, якъ у казані, окрутну́вся наза́дъ. Попусти́въ поводи́—пішо́въ ворони́й ри́стю;—добігъ до возівъ, спини́въ коня́, зхопи́вся зъ ёго—не надя́куетця продавце́ві за до́брого коня́, подовба́всь ще́ разъ у кеше́ню, тя́гне карбо́ванця: отъ вамъ, пано́ве чума́ство, на могори́чъ.

— Спаси́бі! не бу́дешъ ба́тьку, ла́яти за сёго коня́; зга́дуватимешъ по́ки живъ на́ сзіті... А пода́йте, хло́пці, бо́клагъ,—загули чумаки́:—по́ки ба́тькова бу́де, то ми своѐю почасту́емо.

Доста́ли бо́клагъ, знайшли́ рогову́ ча́рку—пішло́ частова́ння!—Тутъ, звича́йно, було́ пи́то й бала́кано про вся́чину, а білшъ—про Запоро́зця, що ви́кохавъ тако́го коня́, и де́-що про́чче. Почу́вшись стари́й Кульба́шний, що вже закрути́ла чума́цька горілка въ его́ лобі:

— Не хо́чу,—ка́же,—сіда́ти на коня́ о́хляпъ, бо то́ козако́ві со́ромъ безъ кульба́ки іхати по я́рмарку на коне́ві, мовъ на кра́деному.

— Э! э! — загули́ чумаки́:—пра́вда!

— Ходімо, ка́же прихо́жий зведе́нникъ, ра́зомъ, ба́тьку: бо міні по шляху́ тре́ба бу́де зайти́ за сво́імъ ді́ломъ.

Пішли́, понесли́ ги́лі, доро́гою йду́чи. Стари́й Кульба́шний и не тю́тьки, що зза́ду ро́битця!.. Ось и шля́хъ Бахму́цький, уже́ й ви́йшли на ёго. Зведе́нникъ якъ збідкаетця:—що́ се я, дурни́й, наробивъ? мині тре́ба бъ шви́дче лю́дямъ гро́ші нести́, щобъ не назва́ли моше́нникомъ... а я́ зъ ва́ми, ба́тьку, заговори́вся та й байду́же! побіжу́ лишъ чапке́нько попе́реду.

Та й потю́павъ попере́дъ его. Необа́чний Кульба́шний ще вслідъ ёму́ гука́въ разівъ скілько: »захо́дь же, спра́вившись, до на́шихъ возівъ на могори́чъ!«—поки́ ёго́ зо́всімъ не ви́дко ста́ло.

Прійшо́вши ще тро́хи, зду́мавъ Кульба́шний на коня́ подиви́тьця. Гу́лькъ наза́дъ: святъ еси́, Го́споди!.. замісць коня́—че́рнець зану́зданий, стоя́въ у підка́пку, обша́рпаний, тру́ситця мовъ несамови́тий.

— Ду́хъ святи́й зна́ми! проговори́въ Кульба́шний, перехрести́вшись. Погля́нувъ круго́мъ—ніко́го не ви́дко: самъ зъ ченце́мъ середъ по́ля, коня́ нема́е, мовъ и не було́.

— Эй батьку й бра́те! я́къ ма́ю тебе́ зва́ти? заговори́въ чернець:—спаси́бі тобі на сі́мъ світі́, а на тімъ світі ца́рство!

Та бу́ць Кульба́шному въ но́ги: реве́, ле́жачи, мовъ зарі́занний, и відъ плачу́ сло́ва не промо́вить. Кульба́шний, схопи́вши зъ ченця узду́, ки́нувъ до до́лу, знявъ ша́пку, та взя́вши ченця підъ ру́ки, підніма́е, пла́че й про́сить: уста́нь, чолові́че до́брий, уста́нь, пано́че, будь ла́скавъ, та роскажи́ мині́, що́ ти є́ таке́є.

— Я бувъ ченце́мъ годъ двадця́токъ, и зроби́вся грі́шникомъ вели́кимъ, — зазна́вся съ кля́тими жида́ми; за те й мене́ про́клято на сі́мъ го́дъ и зробле́но коне́мъ, щобъ спокута́въ гріхи́ свої́. Я й чу́въ усе́: якъ ти бала́кавъ съ чумака́ми, — та не мігъ нічо́го сказа́ти, бо бу́въ коне́мъ. У сю́ са́ме по́ру кіне́ць клятби прійшо́въ, и я́ зно́въ ста́въ чолові́комъ, —проговори́въ черне́ць, та зно́въ Кульба́шному въ но́ги. — Тепе́ръ я тобі́ доста́вся, поможи́ міні, ба́тьку, грішми: я́ й за се́бе и за те́бе бу́ду Бо́га блага́ти!

— Ну́, вже коли́ тебе́ про́щено, то го́ді плакатись;—встава́й, пано́че! Отъ тобі на обіхі́дку.

Да́вши ему карбо́ванцівъ зъ па́ру, взявъ узду въ ру́ки й пійшо́въ до свого́ во́за, въ Чорномо́рський та́буръ...

А що́? не оброби́ли Кульба́шного га́спидські моше́нники? Чи не можна́жъ було́ догада́тьця, що то́ бу́въ не черне́ць, а кля́тий моше́нникъ? такъ ту́тъ дві́ причи́ни ма́ли си́лу на Ку́льбашного. Пе́рша: що чумаки́ моше́нники, а не москалі, бо сихъ увесь рідъ укра́інський стереже́тця, а того́ въ тя́мку й не ві́зьме, що я́къ укра́інець навчи́тця моше́нства, то трехъ москалі́въ пере́йде; якъ та́ ві́дьма вче́на бува́е завжде́ злі́ша одъ роди́мої. Дру́га: якъ би́ не ченце́мъ підмі́нено коня́, то вкру́ть Кульба́шний ки́нувсябъ наза́дъ до чума́цького та́бору. А все́ таки́ хоть нешви́дко, тре́ба бъ Кульба́шному за ро́зумъ взя́тьця, такъ ніжъ бо: крі́пка віра вели́ку́ си́лу ма́е!..

Прийшо́въ Кульба́шний въ Чорномо́рський та́буръ, сівъ на віі свого́ во́за. Зійшло́сь до ёго товари́ство: ди́во роска́зуе імъ Кульба́шний! Всі объ по́ли вда́рились рука́ми, диву́ютця, ажъ не тямлятця одъ Кульба́шного при́шти. Пішли́ други́хъ роска́зи: яке́ вели́ке ді́ло кля́тба. То́ й ка́же, що я́къ прокляли́ Мазе́пу, и якъ ёго́ засти́гла та кля́тба въ Бенде́ряхъ, то вінъ та́къ и лу́снувъ. Дру́гий

ка́же: було́ коли́сь, якъ прокляла́ ма́ти си́на, то вінъ одъ не́і та́къ и побі́гъ вовкула́кою. Пішли́ вся́кі тереве́ні. Повали́ло коза́ство зъ усёго та́бору роспи́тувать про ди́во несказа́нне.

Прійшло́ дні́въ зо́ два; уже́ изъ я́рмарку пора́ руша́ти; пішо́въ Кульба́шний на росто́ржа купи́ти дігтю на доро́гу. Спра́вившись якъ слідъ, иде́ стари́й зъ мазни́цею наза́дъ; гу́лькъ — продаетця той са́мий кінь, що въ ёго вінъ ченце́мъ зроби́вся. Що́жъ ви ду́маете, пано́ве?.. адже́жъ того́ продавця́ съ коне́мъ за шти́мъ, та й до оба́хти? Такъ ніжъ бо! не та́къ Кульба́шний віривъ, щобъ усу́мнитьця! Поста́вивши мазни́цю на зе́млю, підійшо́въ до коня́, нахили́всь ёму́ до у́ха, та й ка́же ни́шкомъ: *а що́, паноче! чи впьять оце́ ти согрі́ши́въ? Кайсь, небоже!*

Да вхопи́вши мазни́цю въ ру́ки, ми́ттю въ та́біръ и, запрі́гши во́лики у візъ, та гей шви́дче додо́му.

Я. Кухаренко.

ЛЮДСЬКА ПАМЬЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ. (1)

I.

Шворинъ рідъ.

Не тепе́рішніхъ людей бувъ Шво́ра, Іо́сипъ,—ца́рство Бо́же, вічний поко́й. Тепе́ръ чоловікові сяка́-така приго́да лу́читця,-уже́ вінъ и нісъ похню́пивъ, а на ёго напа́въ Крижанъ,—не аби-якій, бачъ, и чоловікъ. Крижанъ бувъ таки́й, що вся око́лія его жаха́лась. Давня річъ сёму́, якъ воно́ діялось! Шво́ра Іо́сипъ,—ца́рство Бо́же—та бувъ за управи́теля у того Крижана́. Се мій ба́тько поко́йний було́ роска́зуе, що той Крижа́нъ (его́ зва́ли и Крижано́вськимъ) (2) живъ, худо́бою, у Кра́сному Коля́дині; а Швора Іо́сипъ бувъ Красноколя́динський козакъ; такъ-ото́, бачъ, и договори́въ его́ Крижанъ за управителя, отъ, вінъ и правивъ худобою; а самъ Крижановський, чи на сій худобі живъ, чи, може, й на другій,—сёго тобі не докажу́. Пра́вивъ вінъ тое́ю худо́бою щось до́вго... Крижано́вського худо́ба перейшла́ багато ру́къ. Була́, ка́жуть, після Крижановського, у яко́гось генорала Пота́пова, а по́тімъ доста́лась Демчи́нськимъ. Ка́жуть бито, Крижанъ

---

(1) До́бре той ро́бить, хто зъ старосвітськими людьми розмовляе та все старода́вне спи́суе: се вінъ готуе на да́льші ча́си скарбъ таки́й, що дае́тця не вся́кому. Ба́гато де-чого й не до-ла́ду́ старі люде пле́щуть, та все те тре́ба вислухо́вати, поки дороге́ яке́ зе́рнято тобі зъ іхъ оповіда́ння ви́паде. Таки́хъ зе́рнятъ есть дово́лі у писа́нні па́на Но́са, которе подаемо до уваги людямъ, до старовини́ охо́чимъ. Може й и́нші письме́нні люде, вслідъ за Носомъ, що такъ гарно вміе старого чоловіка роспитати, те́ жъ са́ме чини́тимуть, и ви́хоплять, мовля́въ изъ Ле́ти, що до́сі ще не потону́ло. *Ред.*

(2) Се чи не той пере́христъ, що въ Коніського, въ *Исторіі Руссовъ?* *Ред.*

да хо́тівъ Іо́сипа закріпости́ть, дакъ не аби́-який бувъ той и Шво́ра,— ле́гко ёму́ лежа́ть,—ви́пручавсь одъ ёго, поки́нувъ управи́тельство, та й живъ ху́торомъ підъ Поно́рами. Его́ й осе́ля сто́яла у тій лева́ді, де́ па́нова па́сіка стоіть. Живе́ собі Шво́ра, не ду́мае, не гада́е, а Крижана́ скребе́ за се́рце, якъ би убрать Швору въ шо́ри. У ра́нці, невспіло со́нце підби́тьця, такъ тобі и вроди́всь, якъ изъ землі ви́рисъ. Самъ на винохо́ді, и пьятьдеся́тъ підвідъ изъ собою веде!

— «Здоро́въ бувъ, сяки́й-таки́й, си́ну! Я приіхавъ росквита́тьця зъ тобо́ю!

А вінъ, бачъ, та приіхавъ, щобъ ограбува́ть ёго́, забра́ть усю́ худо́бу. По́ки судъ да діло, по́ки вони́ склада́ли худо́бу на вози́, ажъ тутъ та̀къ ціле село и вроди́лось. Таки́й-то бувъ чоловікъ Шво́ра! якъ огласи́въ, такъ цілий куто́къ и підня́всь. И лю́ди жъ були́ не тепе́рішніхъ люде́й: Кгни́пи, Головки́, Хорошки́,—все народъ здоро́вий. (Ище́, ка́жуть, Миха́йлівъ ба́тько, Кгнипъ, живи́й бувъ, чоловікъ невисо́кий, завзя́тий, та сміливий.) Тілько вспівъ Крижа́нъ изъ Мище́нкового ярка́ ви́братьця, тутъ іхъ и нагна́ли, одби́ли усю́ худо́бу, а съ-підъ само́го Крижа́на коня-винохо́да, та ще, въ прида́чу, и само́му ре́бра до́бре перелічи́ли. Отакі-то були́ коли́сь у Поно́рахъ лю́де!

Ну, вже, нехай не верта́етця та пора: тепе́ръ, слава Богу, хочъ не гра́блять! А про-те́, якъ почне́ зъо́рювать обніжокъ, та зъ обніжка гляди́—и всю ни́ву зъоре́, а піди ти зъ нимъ позива́тьця: *судъ, ка́жуть, не заклика, да́ й не випуска́... Ста́не шку́рка за ви́чинку... Си́льного руку Бо́гъ оди́нъ су́дить:* и земля́ твоя́ пропаде́, и коли въ кеше́ні яка́ копійка му́лить, то й тоеі не ста́не!...

Та й живъ же, ка́жуть, Шво́ра сла́вно! сказать що славно! Тамъ, де тепе́ръ, у па́на, вишни́къ у лева́ді, та грушья́, тамъ бувъ до́брий садъ, и гли́ви, и ду́лі, и підгливки; и вже таки́й бувъ чоловікъ, що ціле село́ его слу́хало... сказа́ть, що голова́ всёму́: що́ скаже Іо́сипъ, такъ тому́ й бути. Хочъ яки́й бла́зень и цвірінькне проти ёго, дакъ и ротъ загоро́дять. Тілько го́лосъ підня́въ Шво́ра,—такъ цілий куто́къ и вставъ, якъ оди́нъ чоловікъ.—Було въ ёго два сини́, а до́чокъ небуло́. Андрій бувъ ста́ршій, а Ѳе́доръ—ме́нший. Андрія, ка́жуть, не злюби́въ за́ щось: ви́дно-то не вмівъ шанова́тьця, дакъ вінъ его́ й ви́синовивъ—прогна́въ зъ дво́ру: «Иди́, сяки́й-таки́й си́ну, съ-передъ моіхъ оче́й, щобъ твоя й нога́ небула́ у дворі, щобъ твій и духъ не па́хъ!» Дакъ вінъ и пішо́въ по́-миру; хо́дить, було, ходить, а да́лі ду́мае: чи не огля́нетця батько? при́йде у двіръ, піди́йде підъ вікно́, да й ста́-

не моли́тву чита́ть: «Моли́твами свяги́хъ отець на́шихъ, Го́споди, Іису́се Христе́, поми́луй насъ!» То, отсе, було старий якъ зачу́е го́лосъ, якъ ки́нетця, мовъ на ёго хто жа́ромъ ссипле: »Се вінъ, сякий-такий синъ, ось я ёму́ дамъ! Женіть ёго́ зъ дво́ру соба́чого сі́на!« Було́, якъ закричи́ть, то ажъ су́мно ста́не у ха́ті,—такъ усі й помертвіють...

Синъ тоді зъ дво́ру скорій, та по́-миру й хо́дить.. Такъ, ка́жуть, й поме́ръ, и до сме́рти не прия́въ. Ну, да й запе́кли́й же бувъ! и не огля́нувся.

Такі були́ старі́нні лю́де. И въ ме́не поко́йний бувъ серди́тий. Якъ посіда́емъ, було́, за стілъ—цеха́й-же тілько засмі́ється хто, такъ по́ лобу ло́жкою й лу́сне. Серди́тий бувъ, сказать що серди́тий, та вже й пра́вдивий! ні–въ–світі нікого́ було́ не оби́дить; чужо́го було́, ні въ світі неза́йме, іще́, було́, и засту́питься за пра́вого.

Такі-то були старі люде! А тепе́ръ, дожили́сь, що вже синки́ и за гру́ди батькі́въ держа́ть: «вінъ, ка́же, старий, дурний.» Тепе́ръ лю́ди розумніші ста́ли, тепе́ръ и мала́ дити́на старо́го оду́рить! Пра́вда, що оду́рить, а на до́бре не пита́й! Усе́ тепе́ръ пішло́ ши́воротъ–нави́воротъ.

Дакъ, ото́, Андрій, кажу, такъ собі исчезъ, а Ѳе́дора злюби́въ старо́го, и всю свою худо́бу, умира́ючи, ёму́ приручи́въ: ви́дно-то вінъ умівъ шанова́тьця и ба́тька чтить. Ѳе́дора старий ви́учивъ и гра́моті. За́-молоду, Ѳе́доръ служи́въ у полковій Прилуцкій канціля́рії, за писаря пра́вивъ. —Ка́жуть, Ѳе́доръ на рістъ и на обли́ччя уда́вся у ба́тька, да тілько не таки́й бувъ серди́тий,—чоловікъ бувъ сердобо́льний. Ніко́ли ти ёго́ не поба́чишъ, щобъ вінъ на кого́ роскрича́вся, або́–що,— ні въ вікъ-вічній. Якъ було́ росе́рдится, насу́не бриль на лобъ, такъ собі й посу́не съ ха́ти. Ѳе́доръ бувъ ста́ршій за ме́не. Було́ хлібъ и сіль імо вку́пі. Сла́вний бувъ чоловікъ,—ле́гко ёму́ лежа́ть, перо́мъ землю держа́ть! Роска́зуе, було́, якъ вінъ служи́въ, які́ оказії ему́ лучали́сь на слу́жбі. Усе́ було́ роска́же, мовъ изъ кни́жки бере. Чоловікъ бувъ сожённого ро́сту. Семи́ конівъ зъіздивъ, за слу́жбу. Після полково́і канціля́рії, служи́въ вінъ значкови́мъ това́ришемъ. Якъ бувъ значкови́мъ, дакъ за ба́тька, що ста́рий такъ одбоя́ривъ Крижана́, хтось, изъ ро́дичівъ Крижано́вихъ вимеща́въ на ёму. Терпівъ ду́же покійний; о́тже и витерпівъ: дослужи́всь свого́, іще й до́ма пожи́въ чима́лу части́ну. Роска́зуе, було́, що вінъ служивъ при Румя́нцову, якъ Румя́нцовъ пра́вивъ нашою сторо́ною. Кажуть би-то, вінъ живъ у Вишень–ка́хъ, дакъ и Ѳе́доръ служи́въ при ему; бувъ ча́сто у по́силкахъ, по діла́мъ.—Бувъ спра́вний чоловікъ, настоя́щий коза́къ; за се Румя́нцовъ

и любивъ его. Росказуе було покійний, якъ зберутця усякі старшині козачі у Вишеньки, до Румянцова, звісно по службі,—то отсе и обідають за одним столомъ, и Ѳедоръ, було, тутъ обідае; дакъ отсе Румянцовъ, у-шутя, сміючись, до Ѳедора: «Іжъ свині мняео!» (чи лаетця, чи просить істи,—якъ хочъ, такъ и розбірай). То всі такъ и зарегочуть... Дакъ отодіжъ-то Ѳедоръ и семи конівъ зъіздивъ...

Та й було жъ кому: махинний бувъ чоловікъ, та видно-то и служба не легка. Дали ёму чинъ войскового товариша, дакъ вінъ, після того, не довго й служивъ,—прийшовъ на житте додому, оженився на дочці діякона Андріевського. И діякопъ бувъ не поганий: живъ у Талалаевці, дунъ 40 людей було, посилавъ паръ дванадцять у дорогу, за сіллю, та за рибою; зъ Мазуракою—на що який бувъ панъ—веде було дружбу. Мазурака бувъ хрестнимъ батькомъ жінці Ѳедоровій, Ганці.

Якъ ставъ Ѳедоръ дома жить, та який же вийшовъ зъ ёго хазяінъ! и вінъ и вона таки невсипущі, що й сказать не можно. Якъ стали хазяінувать, такъ де та й конійка набралась! зразъ и почавъ скуповувать землю. Не вподобалось ему жить у хуторі, дакъ вінъ, накупивши грунтівъ у Понорахъ, перейшовъ на житте у село. Якъ прийшовъ, изъ служби, додому, бувъ смотрителемъ на тихъ маетностяхъ, котрі були підъ манастирями,—тоді вже якъ поодбірали іхъ одъ ченцівъ. Отсе, що тепъръ казенні крестяне у Понорахъ та въ Коронецькій, то все були черпечі, Крупицького манастиря. Була и чернеча гребля черезъ Роменъ, якъ їхать зъ Романівки. Ще недавно були ті вікопиці, що вінъ попривозивъ одъ ченцівъ. На нихъ були намалёвані архангели. А шафа и досі есть та, що була у ченцівъ. Було липівокъ понавозить, а у ченцівъ були ліса липові; були такі липи, що въ три обіймища на-силу обхватишъ. Де тепъръ и подівалось те! мовъ у сні снилось!

Ще за моєі памьяти були такі ліса, що тілько шумлять, дубья таке, що треба паръ дванадцять волівъ, щобъ повезти; и гриндзолъ було не прибереш. Що скотять, то вони тілько—хропъ! И тепъръ ще викопують валежникъ. Недавно у лісі, на березі, викопали дуба; у землю врісъ зовсімъ, ажъ почорнівъ, та крінкий такий, що й сокира не бере. *Минулись ті роки, що роспірали боки.* Преже и земля була ні почімъ: у Швори есть нива, зовется Индичкою. Кажуть, чоловікъ убивъ индичку, та за индичку оддавъ ниву, чотірі упруги; тоді ще индики були за рідкость (*). И земля такий була дешева тоді. Звіс-

(*) Навряд, чи такъ! Ми знаемо, що оддавали нивн за одного кавуна зъ баштану. Не *рідкость* робила се диво, а дужа воля и безсильне право. *Ред.*

но, менш'ъ було́ наро́ду, а тепе́ръ люде́й намно́жилось,—а земля́-то не росте́ вшир'ъ.

Про́стий бувъ чоловікъ Шво́ра,—хай царствуе,—дарма́, що войсковий това́ришъ. Лю́де було́ ка́жуть: «Уже́ якъ у насъ панъ—поздоро́въ ёго́ Бо́же!» Зимо́ю ходи́въ у нагольному тулу́бі. Тулу́бівъ було́ три, своіхъ овець. Ша́пка зъ сивою околицею, изъ пъятако́мъ у денці, чо́боти було́ Мики́та поши́е; такъ, було, и въ це́рковъ иде́; лі́томъ у чимерці си́нёго сукна́, або́ чо́рноі ба́йки, або́ у карсе́тці, по́ясомъ си́нім підпер'занний; штани́ пайстро́ві, у брилі поярко́вому, лю́лька здорове́нна, така́, якъ горщи́,—Левко́, було́, зате́ше. Лі́томъ, якъ у це́рковъ иде́,—надіва́е кафта́нъ. А Шво́риха, лі́томъ, у спідни́ці, у ю́пці баевій, зъ му́шками, платко́мъ завьяза́на, лі́томъ бо́са; а чобі́тъ паръ три стоіть, и святні и буде́нні. Якъ у це́рковъ иде́, дакъ и чо́боти надіва́е, и хала́тъ. А черевиківъ не було́ й зва́нія. Пре́же Шво́риха ходи́ла у запаска́хъ, и въ серпа́нку: запа́ска пере́дня—си́ня, а задня—чо́рна; зімо́ю у нагольнімъ кожу́сі, підъ ла́стки. Такі-то були́ пани́! Коли́бъ сказа́ть ні-съ-чого, ато́ добра́—ажъ комо́ри трещя́ть. Не такъ, якъ тепе́ръ, пове́лось, що послідня копійка, да й та стоіть ру́бомъ; намота́ется такъ довгівъ, що й само́ не сто́іть; усе́ у крамно́му,—у білій ю́пці и не хо́че ходи́ть; одно передъ о́днимъ дме́тця, *якъ ло́пухъ на оні*, якъ кажуть; *зве́рху блищи́ть, а въ сере́дині свисти́ть*.

Отъ, якъ уже одста́въ Шво́ра одъ тихъ маетно́стей, що були́ підъ манастиря́ми, то все до́ма живъ; бувъ ти́таромъ при Понірській це́ркві щось до́вго и дяковавъ, до ёго́ и панахи́ди було́ при́носять. Тоді піпъ да панъ—тілько й гра́мотнихъ було на все село́. Співа́въ сла́вно на кри́ласі, уве́сь поря́докъ було́ зна́е церко́вний. Вінъ и попа́ було́ у́чить: у це́ркві, було́, якъ тілько помилитця піпъ, вінъ такъ, у го́лосъ: «бре-шешъ!» А піпъ, отець Іо́синъ, бувъ братъ рідний его́ жінці, Га́пці, вінъ же его́ и попо́мъ пристро́івъ, ще́ хотівъ и худо́бу ему́ приручи́ть, бо у Ѳе́дора покійного не було́ діте́й; вінъ и посели́въ его́ на висо́кому горо́ді, щобъ вінъ и живъ при ёму́. Ду́мка така: «Поба́чу я́къ буде шановáтьця!» [А да́лі, поба́чивъ, що не тимъ ди́ше, ба́чить що лука́вить: у вічі таки́й, якъ лиси́чка, а за́ очі, то, було́, й осужда́,—дакъ вінъ узя́въ, да й прогна́въ ёго́: ви́просивъ у-въ обчества́ ёму́ місто, вінъ и посели́вся тамъ, де тепе́ръ живе́ дякъ, Мусій Іосиповичъ.

Балакли́вий бувъ, покійний Ѳе́доръ! отсе́, чи додо́му, було́, при́й-

дешъ, то вже и поведе́ річъ; чи на доро́зі зустрінесся, або́, взя́вши па́лицю, піде у по́ле, нікого́ не мене́. Разъ вінъ Бабичёвого Ула́са ви́державъ щось съ півдня́. Той ора́въ на́ полі; вінъ підійшо́въ:—Здоро́въ Ула́се!

— «Здоро́ви, па́не!»

— «Боже поможи́!»

— «Спаси́бі, па́не!» тпру! (на волівъ).

Воли́ й ста́ли; ставъ биля́ плу́га, и цілкомъ опе́рся на плугъ, та й почáвъ бала́кать. Бала́кае та й бала́кае:

— А що, Ула́се, чимъ лу́чче ора́ть: чи вола́ми, чи коро́вами? Ма́буть, коро́вами лу́чче. Якъ коро́вами оре́шъ, дакъ на́ нічъ и додо́му прийдешъ до жінки: корівъ до теля́тъ треба. А якъ вола́ми, дакъ и на́ полі тре́ба ночува́ть! А що? пра́вда, Ула́се?

— «Пра́вда, па́не!»

Якъ сівъ на граділь, якъ почáвъ гу́торить, дакъ уже́ Ула́съ слу́хавъ, ажъ но́ги заболіли,—уже́ й на со́нце ставъ поглядáть. Лю́де вже й на по́лудень повипряга́ли. То́ було́ со́нце надъ голово́ю, а то́ ста́ло на вечірнімъ упру́зі, а вінъ все бала́кае.

— Ну, да й розбала́кався жъ я съ тобо́ю, Ула́се! пора́ йти. Прощáй Ула́се!

— »Щасли́во, па́не, (а день—на́че вінъ и не виздúвъ на ни́ву.)

Про́стий бувъ панъ,—ле́гко ёму́ лежáть. Теперъ таки́хъ и нема́! Живъ собі хозяіномъ таки́мъ, що и бли́зько не було́; добра́ вся́кого: и поля, и лісівъ, и скоти́ни, и овечя́тъ. И чоловікъ бувъ у почо́ти: усе село́ слу́хало Шво́ру. Усе́ въ ёго придбáне пра́вдою, трудáми; и вінъ на люде́й світлимъ о́комъ дивúвся, и лю́де на ёго та́къ. Якъ би́ не по пра́вді нажи́те, то бъ ёго́ худо́ба ростекла́сь, а то, бачъ, и до́сі стоіть. Не такъ, якъ дру́гий: нагáрбае худо́би всякими непра́вдами; не вспіе очéй заплю́щить, уже́ и почну́ть шáрпать, та шматувáть, або́ синки́, або чужі лю́де. Звісно, не да́ромъ, воно́ гово́ритця: *по пра́вді роби́, до́брого й кінця́ сподіва́йсь.*

Усімъ бувъ Ѳе́доръ дово́ленъ; одно́ ёго вбива́ло, що не давъ ёму Богъ дітóкъ. Ду́мка така́: »тре́ба-жъ кому́сь приручи́ть свою́ худо́бу, щобъ на ста́рости літъ було́ кому́ води́ пода́ть.« Ото́, якъ прогна́въ отця́ Іо́сипа одъ се́бе, дакъ щось не до́вго прожили́ старі удвóхъ; дава́й ра́дитьця изъ старою: «а що, Гапличе, (такъ, и́ноді, Ѳе́доръ звавъ свою́ жінку Га́пку): якъ помремо́, нікому бу́де и рукъ зложи́ть, нікому бу́де при ста́рості літъ и худо́бою верну́ть. До́бре, ще тепе́ръ

при си́лі, а тамъ загля́не и ста́рость у вічі, або́ и бо́лість спости́гне,— нікому бу́де и води́ пода́ть. Пора́дились, да й приняли́ за дити́ну Дома́сю, Га́пчину небо́гу, сестрину́ дочку́.

Га́пчина сестра́, Ва́рка, та була́ за́міжжю, у Свиридовці, Ло́хвицького повіту, за Челюко́мъ Миха́йломъ. Челюки́, ка́жуть, були́ пани́, а отсе́й Челю́къ, що Га́пчина сестра́ була́ за нимъ, люби́въ, ка́жуть, укида́тьця у горілку,—гуля́ка бувъ покійний. А ще коли́сь-то, давно́.. звісно, не теперъ діялось, да́вня річъ сёму́... ще, ка́жуть, якъ пе́рва реви́зія писа́лась... отъ, и запи́сують люде́й; а люди тоді боя́лись запи́суватьця у реви́зію... вінъ и прибега́е туди́, де запи́сували: »Чого́ ви ду́рні боіте́сь запи́суватьця? яко́го біса? пишіть мене́, я не бою́сь!« Узяли́ и ёго́ записа́ли у реви́зію, — дакъ вінъ и поду́шне ставъ платить.

Му́чилась, кажуть, Га́пчина сестра́ за Челюко́мъ: пи́въ горілку не на́живо, а на́ смерть. Вінъ, ка́жуть, пре́же и не пивъ, да ёму́ поробила Лито́вка. Десь бувъ у доро́зі,—отъ, у шинку́ и зъіхались,—звісно, съ хо́лоду; мо́же, бувъ и підъ ча́ркою. Якъ присікавсь до Лито́вки, ухопи́въ іі за нами́сто, та все шмо́рга коло ши́і: «Дакъ ти примі-ча́ешъ, дакъ ти примі́ча́ешъ!» та все іі шмо́рга за нами́сто. А вона́ тоді: «Посто́й же, згада́ешъ мене́!» Дакъ після то́го, якъ поча́въ пить, якъ поча́въ пить, дакъ пивъ не на́живо, а на́ смерть. Бідна Га́пчина сестра́, не зжила́, а зму́чилась!

Дакъ, ото́, стари́й Ѳе́доръ, пора́дившись изъ старо́ю, узяли́ за дити́ну небо́гу, Ва́рчину дочку́, дівчинкою невели́чкою, леліли іі, пести́ли, такъ якъ свое́ рідне дитя́. Ду́мка така́: якъ ви́росте, отда́ть за міжъ за путя́щого чоловіка. Виростае Дома́ся, а старі приуча́ють іі до хозя́йства. Та хиба́ ні биля чо́го, Бо́же мій, світе мій! Тре́ба-жъ и овечя́тъ подоіть, и корівокъ. А якъ у літку, було́, то й косаря́мъ и гребця́мъ тре́ба істи навари́ть. Хоть у Ѳе́дора и люде́й було́ душъ 20, було́ кому́ и попо́ратьця, було́ кого́ и пристанови́ть до пе́чи, та, бачъ, стара́ люби́ла та́къ, щобъ усю́ди було́ іі о́ко,—такъ и молоду́ Дома́сю приуча́ла.

Люде́й було́, кажу́, у Ѳе́дора душъ двадцять, все зъ підсусідківъ. Було́, роска́зуе мій покійний ба́тько: »Пре́же, ще давно́, мо́же літъ сёму́ сто, або й більше, во́льнимъ людямъ, гірше було́ жить, ніжъ таки́мъ; во́льнихъ люде́й було́ гірше обіжда́ють ніжъ таки́хъ; дакъ ста́ли сами́ припи́суватьця до панівъ, бо підъ пана́ми було́ лу́чче жить. Колись-то було́ лу́чче, за стари́хъ панівъ; ду́мали, що и за молоди́хъ такъ буде, а молоді, якъ ста́ли нажи́лювать, дакъ тоді бъ и наза́дъ,—

та ба, й не мо́жно. И Гатьма́на старо́го тро́хи не вписа́ли, дакъ вінъ несхотівъ. Ка́жуть, неділь дві хова́вся по болота́мъ, по́ки мину́ла за́пись.

Уже́ хто знае косови́цю у покійного Ѳе́дора, той нікóли не забу́де. Неха́й тілько оди́нъ коса́рь блисне́ косо́ю, та лопа́ткою ша́ркне, такъ ці́ле село́ и підніметця до Шво́ри, на косови́цю, и нікóли пла́ти не беру́ть. Уже́ було́ істи й пить—хоть очку́ръ розвьяжи: всіхъ, було́, вдоволни́ть, всякъ, було́, піде, дя́куючи, одъ его. Вінъ и сло́во прибере́ до чоловіка, и шу́тку. А якъ иду́ть у ве́чері, додо́му, съ по́ля, співи такі — ажъ село́ розляга́етця. Ко́си, ажъ хо́дором хо́дять. Ті співа́ють, а ті на ко́сахъ вигрива́ють, а ті по до́розі отдира́ють трояна́, та навприсі́дки, мовъ ці́ле село́ на весіллі гуля́е. Прийдуть у двіръ, а въ дворі до́шки поло́жені, а на до́шкахъ стра́ва поста́влена, са́ма хазя́йка часту́е. Повечеря́вши, опьять співи да та́нці, ажъ до світа. На дру́гий день, ура́нці, приходять: »Поправляй, пані!« Тре́ба и вра́нці дать по чарці.

Дакъ у такому хазяйстві не ле́гко було й Домасі. Сказа́ть би: нема́ дітей, и чого́ бъ такъ побива́ться, да труди́ться? а въ нихъ не така́ була́ ду́мка: труди́лись покійні кріпко, цілу нічъ на нога́хъ, було, ви́топцюе покійна коло люде́й; отъ же и труди ма́рно не пропа́ли, и худоба стоіть перуши́ма, бо вона́ пра́ведно доста́лась.

А Дома́ся підроста́ла. Уже́ й лю́ди знаходились, дакъ старі при́кро поду́мували; и́ноді зъ старою, у ночі, и дава́й ра́дитьця: »Якъ ти ду́маешъ, стара́, чи воно до-ладу́ бу́де?« Посу́дять собі, пора́дятця, а да́лі й порішя́ть: »Неха́й ще́ підожде́: ii не втекло. « Ду́мка така́, щобъ не впусти́ть леда́чого чоловіка у ха́ту. Тро́хи зго́домъ, ставъ присва́туватьця Буле́женко. Старі поду́мали, погада́ли: воно бъ и до-ладу було: *Одчиня́й, ка́же, две́рі якъ одчиня́ютця, бо якъ и зачи́нятця—нескоро одчи́нишъ.* Не до́ки й держа́ть. Взяли да й порішили.

А ба́тько сёго Буле́женка та захожий бувъ. Ка́жуть, вінъ Січови́й яки́йсь бувъ, и мені довелось ёго разівъ двічі ба́чить. Вінъ и чинъ мавъ полкового хору́нжого, та по-січовому и одяга́вся: ходи́въ у сапьяницяхъ чирво́нихъ, у плисовихъ чорнихъ шта́няхъ, и въ голубій бекеші; да тамъ и сукно було на бекеші! зъ одного боку голубе́, а зъ дру́гого чирвоне, таке́ що й вода́ не про́йде: яки́мъ бокомъ хочъ, таки́мъ и надівай, чи зъ голубого поля, чи зъ червоного; а голова́ була́ го́лена, тілько осели́дець спе́реду, (ёго черезъ те и прозва́ли Буле́гою, що въ

ёго голова́ бу́ла, такъ якъ бу́лка, обго́лена); при пистоля́хъ, и ша́бля у бо́ка. Було якъ иде́ по Кра́сному, дітво́ра такъ юрмо́ю за нимъ и бі́жить, а вінъ, було, роскида́е імъ оріхи та фиги. Здоровий бувъ чоловікъ. Да въ Запорозцівъ и не було пога́нихъ. Запорозці були́ лю́де одли́чніі: у нихъ и соба́ки безъ пастуха́ сами́ ове́ць па́сли. Винъ би сюди́ и не зайшовъ, дакъ приста́въ у прийми до полкового писаря, Миха́йла Карповського. Ка́жуть, синъ Миха́йлівъ, Климъ, да лікарува́въ у Хоролі, а той Запорожець, (ёго звали Грицькомъ), якъ неблагополу́чно ста́ло у Сі́чі, прийшовъ на отцёвщину, у хорольский повітъ, дакъ ото и зазна́всь изъ Кли́момъ, а Климъ та й ви́сватавъ за ёго свою́ сестру́; отъ вінъ и перейшовъ жить на жінчину худобу, у Красний Коля́динъ; а пи́сарь Миха́йло чоловікъ бувъ бага́тий, на все Кра́сне, за аби́-якого чоловіка и не отда́въ би дочки́; дакъ ви́дно-то Була́ga прийшо́всь по ёму. Чоловікъ таки́й бувъ що кулакомъ вовка вбивъ, — су́чий синъ, коли́ брешу́. Іхавъ вінъ, не зна́ю вже вітки,—чи зъ Хорола, чи може коло близу́ де бувъ, у гостя́хъ, черезъ Грицівку, у ночі,—зімою дія́лось; ди́влятця, коли́ вовкъ за са́нками бі́жить: вінъ іхавъ изъ своимъ джу́рою січови́мъ Бу́йваломъ,—вовкъ и увяза́вся до нихъ. Отсе́ вони́ зостано́влятця, дакъ и вовкъ ста́не да й кла́ца зуба́ми; ста́нуть іхать—и вовкъ бі́жить за ни́ми. »Чи вінъ ви́голодавсь, чи може здурівъ? отсе́ пресу́чого си́на, зла личи́на! де вона́ и взяла́сь? Стій, хлопче, ось я ёму́ дамъ! більше не бу́де бігать за саньми́!« А самъ бувъ у нагольному кожу́сі. Вставъ изъ сане́й, ру́ку ліву всу́нувъ у рука́въ, та до вовка. Вовкъ стоіть. Вінъ до ёго, а вовкъ ні зъ місця. Вінъ тоді рукавомъ до ёго, а вовкъ за рука́въ, да й ухопи́въ. Вінъ, тоді, ви́пручавъ ру́ку, та за язи́къ, а тамъ правою рукою якъ учесавъ, дакъ вовкъ тілько гепъ на зе́млю! небагато и вдаривъ, тілько двічі, та й ре́бра поламавъ. «А привяжи́ ёго, хло́пче, до саней!» Джу́ра привяза́въ до сане́й. Узяли́ да й поіхали. Приіхали додо́му, ухо́дить у ха́ту поздоро́вкавсь.» А хло́пці до́ма?» — «До́ма.« —« А підіть, лишъ, унесіть за́йця у ха́ту. Тамъ на са́няхъ лежить.»

Ті ду́мали спра́вді заець,—ви́бігли; прибіга́ють до сане́й, — ажъ вовкъ привя́заний біля сане́й. Хло́пець злика́вся такъ, що тро́хи на́взнакъ не впавъ: »Отсе́ пресу́чого си́на яки́й здоро́вий, диви́сь, яка́ лома́ка! а голова? ну, се такъ!« Сміху́ було́ такого, що ли́хо. Дакъ отакий–то бувъ Запоро́жець, Була́ga. Неда́рмо ка́жуть: Запоро́жці були́ люде одли́чніі. Вінъ не що́ й старимъ чоловікомъ уме́ръ. Брови́ха покійна роска́зувала, що въ ёго кровъ хля́нула ро́томъ, а ми,

ка́же, саме макъ різали на Маковія. Сюди́–туди забігались: чого не роби́ли,—нічо́го не помогло́сь; дакъ вінъ и друго́го дня не дожи́въ, и ду́ба давъ. Звісно, не ле́гко ёму́ прихо́дилось у Запоро́жцяхъ, тілько те й роби́въ що воюва́въ. Бувъ, ка́жуть, и підъ Оча́ковимъ и підъ Хаджибе́емъ, — де́ ёго́ не було́?

Дакъ отцёго́–то Булеgи стари́й Ѳе́доръ уподо́бавъ си́на. У Буле́gи старо́го було́ два сини́, та й оби́два Ива́ни. Учи́лись зъ–ма́лу у Черніговський бу́рсі. Ста́рший бувъ середнёго ро́сту чоловічокъ, служи́въ десь у Калу́зі, а жона́тъ бувъ у Васьківця́хъ, Прилуцького повіту, а ме́нший, що посва́тавъ Дома́сю, бувъ чоловікъ махи́нний: було̀, гово́рить такъ то́всто, якъ у бо́чку, горта́нь була́ товста́, а си́ла така, що одніе́ю руко́ю було́ зво́дить сорокову́ бо́чку, по́вну, на́–сторчъ; люби́въ таки́ Иванъ похва́стать си́лою — черезъ те и віку не дожи́въ.

Отъ, якъ ви́дали за ёго Дома́сю, стари́й Ѳе́доръ посели́въ свого приймака́ на Низькому Горо́ді, приуча́въ ёго́ до хазя́йства: ду́мавъ–то стари́й зроби́ть ёго́ хазяіномъ. Иванъ и слу́хавъ старо́го зъ годъ. Було́ куди́ пошле́, то вінъ и спра́витця гара́здъ; а по́слі якъ опустивсь, якъ уки́нувсь у горілку,—набра́лась бідна Дома́ся зъ нимъ го́ренька и стари́хъ си́льно запеча́ливъ, та нічого було роби́ть, терпіли старі. Звісно, приро́да не оковзне́тця: ма̀ти ёго, ка́жуть, люби́ла ви́пить. Набравсь изъ не́ю покійний Запоро́жець чикави́ці. Стари́й Ѳе́доръ ду́мавъ, чи не пока́етця таки́,—мо́же таки́ оду́маетця. Пошле́ зъ косаря́ми, щобъ до́бре коси́ли, да погри́винъ не пуска́ли, то вінъ було́ напье́тця, да тамъ и зва́литця. Таки́й–то бувъ прийма́къ Шво́ринъ! *Якъ би знавъ чоловікъ де спасти, то бъ и солімки підмости́въ.* Не ду́мавъ стари́й Ѳе́доръ нажи́ть тако́го зя́тя та дожива́тъ тако́го кло́поту, та ви́йшло не по ёго! А Дома́ся красу́ свою́ утопи́ла у безо́днє мо́ре; завязала, серде́шная, голо́воньку на віки. Була́ покійна хоро́ша, якъ на карти́ні намалёвана: якъ убере́тця, було,—якъ со́нечко ся́е. Ли́чко біле—якъ папіръ, бро́ви—якъ шнуро́чокъ; коса́ ру́са—ажъ до по́яса; ро́стомъ—якъ топо́ля,—такъ и вигина́етця. Дала́, ка́же, красу́, та не не дала́ до́лі.

Терпіла го́ренько бідная Дома́ся; ра́но й ве́чіръ було́ умива́етця дрібними слёза́ми. То Шво́риха було́: «Чого́ ти, Дома́сю?» А вона́ гля́не на ма́тіръ, та ще й гірше запла́че. Ви́плачетця було такъ, якъ тінь,—такъ одъ вітру и валя́етця! А го́лосъ прія́тний да тонки́й, такъ мовъ ни́точкою поведе́, якъ заспіва́е, такъ во́лосъ и вя́не, хочъ ве-

сéлий бýдешъ, а то зрáзу такъ и похолóне у душі... Отака–то несчáслива уродúлась Домáся. Недаромъ кажуть: *Не вродúсь хорóша, а вродúсь щаслúва*. Вонá и косú не роспліта́ла, такъ и ходúла, якъ дівка. Мýчилась бідна, а старі, дúвлячись на нéї, собі зажурúлись: не знáють що робúть, що й почáть; а дáлі положúли прогнáть съ-передъ очей Ивáна. Мóже, поспитáвши гóря, чи не пошанýетця.

Перейшлú вонú жить у Крáсне, на батькíвщину,— стáли жить самú. Не помогló и се Ивáну; не покúнувъ и тутъ своéї вдáчи. А бідна Домáся горювáла, та страждала, пóки зъ журбú и лúшенько ій не приключúлось. Заболíла тя́жко, такъ счорніла, мовъ землú, ужé й повернýтьця нездýжа; а якъ погля́не на Ивáна, та на дітóкъ, то такъ и обомліе, и óчі підъ лíбъ попýстить, такъ и нежúва стáне;— такá то булá душá чúста, та прáведна! Бáчить, що ужé ій недóвго мýчитьця, недóвго животíть, — насúлу вонá зобрáла духъ вúмовить: »Поíдте, да попросíть татуся́, да матýсю, нехай вонú на мéне огля́нутця, да прúдуть, бо я вже умірáю!» Якъ почýли старі, такъ и обимліли; увійшлú у хáту, вонá якъ смерть лежúть. Стара́ не вúдержала, такъ и залилáсь; а Домáся, побáчивши, давáй махáть рукáми, та повертáтьця: хотíла устáть, дакъ не здýжае, — сýнетця, сýнетця съ пóлу, та бухъ до дóлу, та въ нóги, и почалá лáзить у ногáхъ, у старúхъ, та цілýе въ нóги, щось хóче говорúть, дакъ гóлосу не протя́гне, тíлько шéпче губáми, насúлу мóжно розибрáть: «Татýсю, не покúнте моíхъ діточóкъ, огля́нтесь на нихъ! Вамъ Гóспідь на тімъ свíті запла́тить; я за васъ на тімъ свíті буду Бóга молúть! »Узялú ії, звелú на пíлъ; старі пообіщáли забрáть діточóкъ, а вонá на другúй день и Бóгу дýшу оддалá. Захáрій бувъ тоді у грудéй.

Старі поховáли ії, якъ довгъ христіянський велúть, а дітóкъ забрáли до сéбе у Понóри; іхъ булó тройкó, якъ трóе зéрнятокъ. Мéншому Швóриха мáмку договорúла зъ-пáнськихъ людéй, у Крáсному; дакъ вонá все на пáнщині, нíколи булó годувáть; отъ Швóриха узялá и мéншого до сéбе, та самá кýклою и вúгодовала.

Ужé якъ и Домáся вмéрла,—царство Боже! — то булó старúй Челю́къ, бáтько покíйної Домáсі, íздить до Θéдора въ гóсті. Що за невгомóнний бувъ покíйний! Отсé булó у Гриців‌ці колéса погýбить; дивúсь,—на двохъ колéсахъ и катáе до Швóри. Якъ тíлько убíгъ у двíръ: «Здоровъ, Θéдоръ Íосиповичъ! А я у проклáтій Гриців‌ці и колéса погубúвъ!» Иноді булó погýбить и драбúни, та безъ драбúнъ и іде. Ужé въ ёго немá сёго, щобъ прíхавъ у гóсті да тихéнько,

по́–ладу, а вінъ підніме гвалтъ таки́й, мо́въ несча́стя яке́ лучи́лось,– повенъ двіръ нашуми́ть, та накричи́ть! Таки́й–то бувъ горлови́й, покійний Челю́къ. Погостю́е собі, тай поіде.

Ото, якъ приня́въ Шво́ра тро́е діто́къ покійноі Дома́сі: були три синки́, мовъ три кача́нчики, такі,—одно́–'дно́го ме́ньше. Вони́ іхъ жаліли, пести́ли такъ, якъ своіхъ діто́къ; такі–то доброду́шні були́ лю́де. Вироста́ли вони́, а старі зде́ржували худо́бу, та ще къ тому́ й прикупа́ли,—дба́ли на сирітъ; ду́мали: якъ повироста́ють, приручи́ть імъ усе́ свое́ добро́. Прийма́ли старі багато труда́. Вони́ й шинкува́ли сами́; у-ночі було́ прийде че́дядь за горілкою, то покійна й не лінуетця: уста́не, да й уси́пле. Горілки було́ навезу́ть съ Коропа бо́чокъ скілько, да й шинку́ють. У Ко́ропі горілка була́ деше́ва̀ и га́рна; а въ Но́вихъ Млина́хъ була́ пога́на,—туди́ стари́й не посила́въ; було́ каже: «Новомли́нка—води́ полови́нка, а Коропська́—су́ща.» Стоіть було́ бо́чокъ скілько горілки; шинку́ють, по́ки но́воі не підвезу́ть. Збере́тця було́ наро́ду съ цілого села́, у пра́зникъ або́ въ неділю; посіда́ють було́ ку́пками, у дворі, та й пьють горілку, и стари́й Ѳе́доръ насу́не бриль на лобъ, та й при́йде до нихъ,—люби́въ покійний пошуткова́ть. Уже́ вінъ було́ зна́е задира́куватихъ, такъ и зведе би́тьця: » Диви́сь, Ива́не, онъ Васи́ль на те́бе морга́е. » — »Хто? Василь?.. ота́ сліпа́ соба́ка?!« Такъ и схо́питця, и почали́ за чуби́ води́тьця. То було́ стари́й и розбороня́е. Білани́, Драчі, Васи́ль Жовту́нъ—се все такі, що було́ ча́сто бьютця. Було́ ча́сто зво́дить іхъ покійний; ко́жному покійний пода́е призвіща́: Миро́ненка Ива́на прозва́въ Ойкаломъ. Було́ той ка́же: »Ой ку́мочку, ой ку́мочку!« дакъ вінъ ёго́ и прозва́въ Ойкаломъ. А Корнія, мали́мъ хло́пцемъ, прозва́въ протопо́помъ. Той мали́мъ хло́пцемъ надівъ сви́ту до́вгу, по́рвану; дакъ вінъ якъ сказа́въ: «Де се взя́вся протопо́пъ?» такъ и ста́ли звать протопо́помъ.

И Ги́рманъ було прихо́дить до старо́го. Той и самъ було шинку́е. Якъ при́йде и ся́де у кумпа́ніі,—отсе́ й підопье́; да таки́й бувъ: чимъ більше ви́пье, тимъ хитріший, и почне́ за́разъ присіда́ть до кого–не́будь, підъ пьяну ручъ: «Ти бъ міні земе́льки наділи́въ, Ива́не.» — «Такъ щожъ? и купи́!» Було виманить за–ніза́що, оду́рить було́ пья́ного чоловіка, такъ якъ самъ зна́е; а самъ чимъ більше пье, тимъ хитріший ро́битця. Тоне́нько було́ гово́рить; *генъ–те́е*—ёго при́мовка: «Генъ–тее, ку́мочку, до́рого такъ, генъ–те́е, неха́й бу́де такъ, генъ–те́е.»—«Та чи такъ, той такъ!» Такъ и оду́рить. А яку́ ху-

до́бу збивъ вели́ку покійний! Отъ же якъ воно́ пу́сто дойшло́сь, пу́сто и пішло́, такъ ма́рно и пропа́ло: тепе́ръ ажъ су́мно, якъ иде́шъ бі́ля ёго́ дво́рища. Въ однімъ мі́сті було́ комі́ръ три, пі́дъ одні́єю кри́влею, та на́–різно дві; а тепе́ръ усе опусті́ло. *худо́ба*, ка́жуть, *перехо́дя живе́!*

Шво́риха покійна люби́ла балува́ть: назбира́ється изъ села́ жіно́къ три, або чоти́рі, почотнихъ; (вона́ люби́ла, Оверчу́чку, Мироне́нчиху, Голуби́ху); балу́ють, балу́ють у Шво́рихи, а тоді кли́чуть и до се́бе.

Зъ Комли́ками було́ зна́ються. Воні́ жъ такі́ були́ мосціви, що люби́ли до панівъ рівня́ться. По́ти топта́ли, поки втопта́ли свою́ Ва́рку за отця́ Іо́сипового си́на, Мусія. Старий іхъ не люби́въ. Було́ ка́же: «Се винова́тці, сякі-такі сини́!» А воні́, бачъ, люби́ли въ довгі вла́зить! Комли́ки ходи́ли на Дінъ; понаво́зять було́ ри́бьячого жиру, кавья́ру, осятри́ни, соми́ни,—вимо́чують було́ у Ромні; кавья́ръ було́ нико́ли й невибува́ у Шво́рихи, по́венъ я́щикъ стоїть. Бува́ло у се́реду, або́ въ пья́тницю не зна́ють своє́і олії; ка́шу масті́ять жи́ромъ. Чи зва́рять ю́шку, то такъ жиръ и плава́. Люби́ла покійна зъ людьми́ поділи́ться: и до люде́й було́ піде и сама́ пришану́е. Покійна, було́, и не сяде: такъ и то́пчется бі́ля сто́лу: усе́ подае́, да припро́шуе! А, було́, на храмъ якъ зберу́тця до нихъ,—Бо́же, світе! Храмъ бувъ на Вше́стя, такъ якъ и тепе́ръ,—и почну́ть балува́ть: отсе́, сёго́дня бу́де храмъ, за́втра хра́мівъ ба́тько, а після за́втрёго хра́мова ма́ти; такъ и почну́ть води́тьця цілий ти́ждень; такъ-то въ старину баловали.

Була́ покійна и серди́та, любила щобъ по ії робилось. А Ѳе́дора трудно було́ розсе́рдить, тре́ба було́ ду́же розсердить; то вінъ тоді: »Ось я тебе́ па́лицею!« А разъ ёго́ лю́ди напили́сь, да й дава́й би́ться, дакъ стари́й своє́ю лю́лькою якъ защиди́въ Василя́, дакъ лю́лька такъ у шма́точки й розлетілась, а зъ Василя кровъ такъ и хля́нула. Здоро́вий бувъ старий, вінъ тимъ и боявся бить. Здорові люде завсігда смирні,—тимъ що боя́тьця бить!

Ѳе́доръ пі́дъ ста́рість учи́въ дітей гра́моті. Звісно, ходи́ть, було́, гара́здъ нездужае; дакъ вінъ, си́дя до́ма, щобъ не скуча́ть, та й у́чить дітей. Комли́къ Степа́нъ, Ива́нъ Пи́сарь, се ёго́ були́ учени́ки. Вінъ, у хребті, покійний и нічо́го бувъ, та на но́ги слабъ: у Гудевіщіни рубали дубину, дакъ дубъ и накоти́вся ёму́ на но́гу и потрощи́въ у прахъ; дакъ ёго́ до́вго лічи́ли, старі пьятаки́ те́рли, да ёго́ напова́ли,—

нога́ и зросла́сь; отъ, вінъ и попра́вився; а після то́го, опья́ть, літъ черезъ скілько, підновйло: наверта́въ млинъ покійний, дакъ ёго́ пільга опьять по нозі уда́рила; тимъ вінъ и слабий бувъ на но́ги, а все таки́ на девяно́стому годі умеръ.

Стари́нні лю́де були крішкі. Тепе́ръ не вспіе на но́ги зопьястйсь, а поспита́й ёго́,—чого́ воно́ не зна́е! Пре́же лю́де лучче шанова́лись, тимъ и здоро́вье лучче держа́лось. Бага́то було́ таки́хъ у селі, котрі цілу зиму прохо́дять обосоніжъ, и онучо́къ незна́ють; та й моро́зи жъ були́ не тепе́рішніхъ!

Поко́йний Ѳе́доръ, кажу́, на но́ги бувъ слабий, тілько и роботи ёго́ бу́ло, що у башта́ні сидіть, та любйвъ па́сіку. У ёго па́сіка вела́сь, була́ до́бра па́сіка,—бо́чокъ дві, було́, набива́е ме́ду.

Старі дожили́ ста́рости, а затимъ и ону́ки підроста́ли. Ста́ршого Петруся́ одружи́ли, та не ра́довавъ вінъ стари́хъ ні самъ собо́ю, ні жінкою свое́ю. Покійний Петру́сь недо́вго й пожи́въ,—у молоди́хъ лі-тахъ такъ и поме́ръ бездітний. Мали́мъ хло́пчикомъ таке́ було́ пеще́не, да шале́не. Покійна Дома́ся приіхала до старої у го́сті и ёго́ узяла́; щось роска́зує и пла́че, а Петру́сь усе́ ска́че; вона́ на ёго:

»Сядь!« та й згрізну́лась; а вінъ усе ска́че. »Сядь, сата́но, щобъ ти про́клятий бувъ!« Дакъ вінъ и недожи́въ віку, такъ и счезъ. Ма́теринське се́рце звісно яке́: тамъ нала́е, а тамъ у слідъ и поду́ма: »Го́споди, прости́ мене́, що я такъ нала́яла!« Отже, проклінъ ма́тері да́ромъ нікóли не мина́ється. Такъ Петру́сь недо́вго й пожи́въ, молоди́мъ исчезъ.

Серед у́льший ону́къ, Дани́лко, ожени́вся на Мовчані́вні. Зъ Мовчано́мъ покійний зазна́вся, ще якъ ходи́ли ра́зомъ підъ сарану́, да й уподо́бали одинъ о́дного. Прочу́въ покійний, що у Мовчана́ старо́го есть дочка́,—вінъ и написа́въ пісьмо: »У те́бе, ка́же, есть дочка́, а у ме́не ону́къ, чи не бу́демо свата́ми?« А Мовча́нъ, тожъ, бувъ стари́нний чоловікъ, по тодішнёму, замо́жний,—войсковий това́ришъ. А воно й доладу́. Старі пора́дились, да такъ и положи́ли. Що́ тамъ було́ за весілле, Бо́же, світе! наро́ду, ска́зано, нігде й пу́чкою ткнуть: такъ и гоготи́ть, такъ мовъ фи́ля коли́шетця. Шво́ру й Шво́риху вози́ли на ґринджо́лахъ по селу́, и ти́ква варе́ної зъ ни́ми.

Тоді ще прида́ного и не чува́ть було́. Буває́ло якъ же́нитця, за́разъ пита́: яко́го ба́тька, да яко́ї ма́тери? чи хазя́йка? а тепе́ръ, *хоть и*

въ голові пу́сто, аби було́ гро́шей гу́сто. А було́, неха́й спитае про прида́не, то не потра́пить, куда́ й тіка́ть. Було́ ска́же: »Ото́ Богъ, а то две́рі, иди́ не огляда́ючись. У ме́не дочка́ не коро́ва, а ти прийшо́въ торгова́тьця, такъ якъ за коро́ву; ти хочешъ брать не мою́ дочку́, а прида́не. У ме́не всі діти рівні!«

При старости лі́тъ, покійний Ѳе́доръ ра́дувався съ свое́ю старо́ю, дивля́чись на своіхъ онуківъ; ёго се́рце молоділо одъ ра́дости, поба́чивши, що Дани́лко бу́де хазя́іномъ. Жа́лувавъ Га́лю, такъ якъ рідну дити́ну, а Га́ля угожда́ла стари́мъ яко–мо́га. Иноді стара́ хоть и розсе́рдитця, и попрекне́ чимъ, то вона́ собі ни́шкомъ запла́че та й забу́де. То було́ Шво́риха, на сто́роні и ка́же: »Мовчанівна бу́де хазя́йка; вона́ здержить худобу!« А стари́й Шво́ра ніко́ли було́ и ко́со не погля́не. Радъ бувъ таки́й, що по ёго нату́рі прийшли́сь ону́ки. Стари́хъ вони́ зва́ли ба́тюшкок и ма́тушкою.

Була́ у старо́го одна́ ха́та про́ста, и світли́ці, на–о́тшибі, (світли́ця и черезъ сіни пека́рня), дакъ вони́ у світлиці и не жили, а жили́ усі вмісті, у въ одній ха́ті. Га́ля но́сить, було́, у па́сіку старо́му обідать, то вінъ ій поса́дить, и почне́ роска́зувать: якъ коли́сь діялось, які́ пре́же були́ лю́де, якъ тре́ба жить на сві́ті, все наве́ртуе покійний на те, що Га́ля молода́ люди́на, щобъ слу́хала, бо ій тре́ба жить на сві́ті. Зорве́тця було́ ити́, то вінъ: »Поси́дь ще́, Га́лю, ось я тобі стільника́ підріжу!« Візьме да й стільника́ ій підріже, то вона́ тоді и піде.

Га́ля, звісно, по тодішнёму, и грамоти не уміла. Стари́й Мовча́нъ, було́, ка́же: »На́ що ій грамоті учи́ть? щобъ до паничівъ писа́ла пісьма? аби́ умі́ла Бо́гу помолитьця, та хазя́йство зна́ла!« А ій ма́ти, ка́жуть, зъ–ма́лку учи́лась у паня́ньскому (*) манастирі гаптува́ть, и Бо́гу зъ кни́жки уміла помоли́тьця, да тільки писа́ть не уміла.

Насту́пить ве́чіръ, стари́й Ѳе́доръ прийде зъ баштану́, або́ зъ па́сіки, Дани́лко съ по́ля; стара́ зъ Га́лею по́раютця біля пе́чи: вече́рю ва́рять; стане смерка́ть на дво́рі; збіра́ютця у ха́ту; Ѳе́доръ тільки увійде въ ха́ту, за́разъ и річъ на́йде: и почне бала́кать то просе, то про те. Люби́въ покійний до всёго доглада́тьця: чи всі ове́чки

(*) Паня́ньский манасти́ръ, значить, жоно́чій.

съ по́ля прийшли́, чи полічена скоти́на, а зимо́ю якъ ста́нуть коти́тьця овечки́, щобъ ягня́тка були́ полічені:

»А скільки дочко ягнять?« —»Не зна́ю, батюшка!« —»Э, пога́ножъ, до́чко, що не лічишъ. Трудись, дочко, то не будешъ ли́ками кожу́ха шить!« Тілько ёго й сло́ва; а щобъ росе́рдивсь — сохра́ни Го́споди! ні до віку! Зимо́ю, підъ довгі вечори́, нали́гачку сплете́, або́ оброть. У ёго житіе́, було́ на цілий годъ; було́ помісяшно житіе́ читае.

Якъ посла́въ Госпо́дь синка́ Дани́лку та Га́лі, то було́ стари́й, бо-зна якъ утіша́етця; якъ ста́ло підроста́ть дитинча́, візьме було́ ёго стари́й, та й поса́дить у ша́пці. Звісно, ша́пка старо́го вели́ка, а воно́ мале́; поса́дить ёго́, та й ста́не забавля́ть, то воно́ що не́будь ёму́ и дава́й вимовля́ть або́ сміятьця. —

Такъ-то стари́й Фе́доръ доживавъ віку свого́, а вже стари́й бувъ: голова́ якъ молоко́ біла, и на но́ги дуже кво́лився. По́ки до́йде було́ зъ баште́ну додо́му, — отдиха́е на доро́зі разівъ скілько. У ху́торі було́ нарочито коло́дочка поло́жена, то вінъ, идучи́, якъ уто́митця, и сіда́е на тій коло́дочці; насбира́ютця, було́, до ёго діти хрестя́нські, вінъ іхъ жа́луе, и роздае́ імъ по огіро́чку. Такъ, було́, и біжя́ть слідо́мъ, то вінъ и дава́й жа́лувать: »Ти жъ мій бара́нчичокъ, ти жъ моє́ ягня́точко!« А вони́ все біжя́ть слідо́мъ за нимъ.

Передъ сме́ртю покійного Фе́дора найшли́ пацюки́ на ёго́ дво́рище, да тако́го, що такъ и бігають ватага́ми — а здоро́ві — такъ якъ кітъ до́брий; люди такъ и кри́кнули: »Се жъ не передъ добро́мъ!« —Того́ жъ го́ду и вмеръ Шво́ра. Слабівъ покійний зо дня на день. Вінъ и не болівъ, щобъ такъ сказа́ть, обложною бо́лістю, а такъ, одъ ста́рости лі́тъ, та одъ вели́кихъ трудо́въ: звісно, прийшла́ пора́. Зга́савъ покійний, якъ свічечка. *Одъ сме́рти*, ка́жуть, *и въ печі́ не зама́жеся*. У два́дцять-сёмому го́ді переста́вився покійний, якъ по́ломья догоріло: горіло-горіло, а по́слі, блись, та й зату́хло. Такъ прехо́роше умірав, що Бо́же! При па́мьяти, при чу́ствію, попрощався зъ усіма́, поблагослови́въ усіхъ, та й Бо́гу ду́шу одда́въ.

Прійхавъ и дру́гий ону́чокъ Заха́рочко, съ Коното́пу, усі були́ передъ сме́ртю; усіхъ вінъ благослови́въ, зъ усіма́ вінъ проща́вся, уся́кому вівъ напу́тствіе прочита́въ. Стара́, ону́ки и лю́де залива́лись слёза́ми, не ба́чили и не вірили сами́ собі, що зъ ни́ми діетця! Упо-

кóй, Господи, душу старóго Óдора со святúми! Щобъ ёго́ дíла́ передъ Гóсподомъ стоя́ли, я́ко свíчи сія́ли!

Ищé, пíсля старóго Óдора, стара́ пожила́ щось годкíвъ съ чотúрі; прийшла́ пора и íй виступáть у дорóгу, и íї здолíла старíсть: покúнула стара́ на хазя́йстві Данúлка, та Гáлю, а сама́ пíшла́ до старóго.

Степанъ Пісъ.

Сíчень, 1860 рóку.
Швóринъ хýторъ.

НАДЪ МОГИЛАМИ.

Не скинути окомъ ті степú широкі,
Що Днíпръ облягають íзъ обохъ бокíвъ;
По степáхъ усюди могúли високі
Надъ білою кістю козацькихъ дідівъ.

Траву вíтеръ хилить, хмара хмáру гонить;
Инпаче могúла зъ другою гомонить...
Ні, тó не могила,—то будякъ надъ нею
Съ перекотúполемъ сýмно розмовля:

«Лягли тутъ навіки дружнёю семьею
«За ту славу люде... а слави нема!
«Ніхто не згадае, ніхто не поплаче...»
—Перикотиполе: «Чудний ти, козаче!..
«Нехай спочивають! на щó íмъ та слава
«И нá що íмъ слёзи, гíркі та крíваві?..
«Щобъ марно котились?.. Свое добули —
«И долю и волю въ могилахъ знайшли...»

Будякъ похилився, и самъ себе коле;
У степъ покотилось перекотúполе...

Л. Ящепко.

11 августа
1861.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЪ.

(По поводу Быта Подолянъ,—Шейковскаго. Выпускъ 1-й 1860 г. Кіевъ.)

Загадка: Сімь миль мóсту, а на кінці мóсту квіточка зацвілá.—Сімь миль мóсту, а на кінці—квітъ наввесь світъ.

Отгадка: Великдень.

Въ стародавнее время, въ предѣлахъ Украины, жили, какъ извѣстно, разные народцы, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои обычаи и законъ свой. Разность народовъ, отъ которыхъ произошло нынѣшнее населеніе Украины, чувствуется еще и въ наше время. Сопоставивъ Подолянъ, напримѣръ, съ Полтавцами, съ перваго взгляда узнаемъ, что они принадлежатъ не къ одной мѣстности. Кромѣ случайнаго отличія—одежды, ихъ отличаетъ другъ отъ друга и самое *облúчча:* между Подолянами очень и очень мало *кирпáтихъ*, тогда-какъ преобладающій типъ Полтавца—*кúрпа;* Подоляне преимущественно *довгобрáзі*, между Полтавцами рѣдко встрѣчается *довгобрáвий*, а все *круглови́ді*. Самые обычаи народные, повѣрья, предразсудки, празднованія, будучи разсматриваемы въ подробностяхъ, обнаруживаютъ, хотя и не всѣ, своеобразные оттѣнки, а нѣкоторыхъ подолянскихъ обычаевъ вовсе нѣтъ нигдѣ въ другихъ частяхъ Украины. Все это, очевидно, въ давнее время было рѣзче и нагляднѣе, но больше или меньше сгладилось; объединилось же только подъ вліяніемъ позднѣйшаго хода исторіи,—того, подъ которымъ сложилась и окрѣпла наша украинская народность.

Такія и подобныя отличія существуютъ не только между Подолянами и Полтавцами, правою и лѣвою стороною Днѣпра, но и въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Напримѣръ, на Подоли въ теперешнихъ ея границахъ, кромѣ многаго другого, замѣчаемъ ту особенность, что въ Балтскомъ уѣздѣ,

между Бугомъ и Днѣстромъ, Кодымою и Днѣстромъ, существуетъ праздникъ *русáли*, который совпадаетъ съ первымъ днемъ Петрова поста, совершается *молодúцями*, безъ участія мужчинъ и *дівчатъ*, подъ открытымъ небомъ (*на стéнку*) и, если можно, близь воды. Въ Ольгопольскомъ, въ Гайсинскомъ, Брацлавскомъ и другихъ уѣздахъ, къ Волыни, даже нѣтъ слова русалка (*). Въ Гетманщинѣ, вмѣсто русалъ, существуетъ другой праздникъ — *рóзигри* (Полт. Губ. Вѣд. № 25 1861 г.), который отбывается однѣми *жінкáми* и въ тотъ же самый день. Если бы было возможно опредѣлить границы, за которыя не выходитъ извѣстное празднованіе, обычай и т. п., то можно было бы узнать и границы, въ которыхъ жилъ тотъ или другой народецъ.

Раздробленіе этихъ народцевъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, наложило особенную печать на разныя мѣстности и способствовало къ образованію новыхъ различій въ нашей народности, изгладивъ нѣкоторые признаки единства и создавъ новые, несуществовавшіе прежде, оттѣнки. Отсюда произошли тѣ именно особенности, по которымъ мы одни другихъ (справедливо или несправедливо) дразнимъ разными именами. Такъ Гетьманцы дразнятъ Подолянъ *недóляшками*, а Подоляне Гетьманцевъ—*моско́вськими недоло́мками* и т. п. Даже жители маленькаго пространства, иногда и одного города, имѣютъ свои прозвища, и не всегда по особенно-важнымъ признакамъ, тѣмъ не менѣе по признакамъ, бросающимся въ глаза. На Подоли, напр., Бужане дразнятъ *мадзýрами* (*мáдзуръ-мадзури*, а *мадзурí* по тамошнему тоже, что́ въ Гетьманщинѣ *щурí*) тѣхъ крестьянъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. И тамъ же дразнятъ *вíштяками* тѣхъ, кто живетъ ближе къ Каменцу, по ихъ обычаю кричать *вíштя*, погоняя лошадей. Любечанъ (г. Любечъ) ихъ сосѣди и Кіяне передразниваютъ заимствованной отъ нихъ же фразою: »мы люди торговые, народъ промышленный.« Въ этомъ прозвищѣ не маловажную роль играетъ мѣстное нарѣчіе, на которомъ говорятъ Любечане. Для Любечанъ нѣтъ большей обиды, какъ вопросы: *Почóму кíзка? Якъ пíзнáти, чи жúрна коза́?* и т. п. Вообще при Любечанинѣ заговорить о торговлѣ козами—значитъ обижать его (**).

(*) Русалокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, называютъ *росалками*. Это названіе, судя по повѣрьямъ, вѣрнѣе перваго.

Украинскія слова и цѣлые разсказы относятся къ нарѣчію Подолянъ бывшаго Уманскаго и отчасти Ладыжинскаго полковъ.

(**) Стоитъ упомянуть и о томъ, что Бѣлоруссовъ, называя Литвинами, дразн-

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ необходимыми частныя описанія разныхъ мѣстностей нашего края. Безъ такихъ спеціальныхъ трудовъ, мы никогда не будемъ обладать знаніемъ его и его особенностей. Полнота, очевидно, должна быть непремѣннымъ условіемъ этихъ работъ, потому что они должны служить матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій и замѣнять личное наблюденіе читателя. Но и не совсѣмъ полныя работы не могутъ быть признаны совершенно безполезными по той причинѣ, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, лишь бы это *что-нибудь* въ самомъ дѣлѣ проливало свѣтъ на избранный уголокъ. Но въ этомъ случаѣ должны быть описываемы если не всѣ, то за-то главныя особенности.

Спеціальнымъ этнографическимъ трудомъ въ глазахъ нашихъ и самого издателя является *Бытъ Подолянъ*. Г. Щейковскій намѣренъ ознакомить съ бытомъ Подолянъ особенными статьями, дополняя ихъ матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь, говоритъ онъ, найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи (т. е. нисенітницы) и т. п. Такъ-какъ эти »матеріалы« будутъ обнародованы на томъ языкѣ, которымъ говорятъ Подоляне, то *Бытъ Подолянъ* будетъ имѣть важность »и для разработывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи.«

Какъ видимъ, цѣль изданія Быта Подолянъ обширна; но одной задачи недостаточно для того, чтобы трудъ вышелъ полезнымъ; (нерѣдко на самомъ дѣлѣ все оканчивается однимъ намѣреніемъ). Къ-сожалѣнію, *Бытъ Подолянъ* — то же, что *грáйморе вѣ мúщині*. Прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная неполнота фактовъ и какая-то странная увѣренность автора въ непреложности своего взгляда. Кажется, будто г. Щейковскій имѣлъ въ виду только обнародовать свои личные выводы, а не изобразить, какъ говоритъ, картину быта Подолянъ. Очень можетъ быть, что я имѣлъ бы другое мнѣніе объ изданіи г. Шейковскаго, если бы познакомился съ Подолянами только по этому изданію, а не лицемъ къ лицу, будучи самъ Подолянином. Теперь же, при знакомствѣ съ Подолянами не по книгамъ, я не могу быть имъ доволенъ, и долгомъ для себя считаю пополнить трудъ г. Шейковскаго и кое-что въ немъ поисправить.

нятъ *бацькунами*—отъ ихъ слова *бацька*—отецъ, батька. До сихъ поръ считается какимъ-то удальствомъ побить бацькуна—остатокъ древней племенной вражды къ Литвѣ. Случается, что байдаки причаливаютъ къ берегу для этой цѣли

Г. Шейковскій началъ свое изданіе съ *гаівокъ* по той только причинѣ, какъ говоритъ самъ, что у нашихъ изслѣдователей народнаго быта гаівки не описаны. Но развѣ однѣ гаівки не описаны? Гдѣ у насъ хоть что-нибудь о народныхъ *парубо́чихъ* играхъ на Великдень? Гдѣ у насъ хоть слово про *колодій*? Да мало ли чего не описано! Что́ касается Великодня, то гаівкамъ предшествуетъ обычай *віддава́ти колодкй*, вмѣстѣ съ гаівками идутъ *парубо́чі* игры; надо было поэтому начинать не съ середины, а съ начала— съ того самого начала, гдѣ замѣчается уже Великдень. Такъ слѣдовало бы поступи́ть тогда, если бы Великдень былъ началомъ и концемъ задуманнаго изданія. Но преднамѣрившись описать бытъ вообще—полный бытъ, слѣдовало бы доискаться того общаго пункта, откуда, какъ изъ клубка, развиваются всѣ празднованія. Такой начальный пунктъ непремѣнно *долженъ быть* и *есть* на самомъ дѣлѣ; потому-что народныя празднества—остатокъ религіи нашихъ предковъ, и не могли быть натыканы въ году, какъ тычки на огородѣ, безъ всякой связи между собою. Въ противномъ случаѣ, религія нашихъ предковъ была бы непослѣдовательна. Такого недостатка не можетъ быть въ религіяхъ, какъ твореніи цѣлаго народа, а не одной личности. И въ самомъ дѣлѣ, народныя празднованія такъ тѣсно вяжутся одно съ другимъ, идутъ цѣлый годъ въ такой строгой послѣдовательности. Сто́итъ только посмотрѣть на нихъ не по-одиночкѣ, а обнять взглядомъ весь ихъ годовой кругъ. Не обративъ на это вниманія, г. Шейковскій нашелся вынужденнымъ предпослать всему общія мѣста и, подъ вліяніемъ университетскихъ лекцій археологіи профессора П.—, толкуетъ о разныхъ культахъ. Все это та́къ; все это правда; но въ *Бытѣ Подолянъ* всему этому не стоило бы давать мѣста: это археологія, а не бытъ. Оттого г. Шейковскій и перескочилъ отъ гаівокъ на похороны...

Но принимаясь дополнять изданіе г. Шейковскаго, безъ всякихъ заднихъ мыслей, я долженъ предупредить читателей, что не имѣю никакихъ источниковъ, и буду писать по памяти — что́ видѣлъ и знаю. Степень моего знанія увидитъ каждый, кому угодно будетъ прочесть мои нехитрыя строки. Что́ же касается до меня, то я и не притязаю на полноту, но не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сказаній моихъ о народѣ. Все мы покончимъ на Великоднѣ и достигнемъ своей цѣли, если укажемъ ему мѣсто въ годовомъ циклѣ народныхъ празднованій.

Великдень, какъ и должно быть, для Подолянъ самый радостный праздникъ въ году. Его, какъ и всѣ праздники, бывающіе разъ въ годъ, называютъ *врочи́стимъ* (въ рікъ) *Свя́томъ.—Микола́й* также врочисте свято, хотя празднуется и два раза. Слово *врочи́стий* прилагается только къ праздникамъ, а въ другихъ случаяхъ, въ смыслѣ *годовой*, употребляется слово *роковий* (роковій я́рмарокъ). *Висі́лля* и т. п. торжества называются *врочи́стими ока́зіями*. Великодня ожидаютъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, нежели всякаго другаго праздника, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ радость неугомоннѣе. Запорожцы, въ одной виршѣ, объясняютъ эту радость какъ бы тѣмъ, что

»Тепе́ръ усякъ наістця въ смакъ свячёноі па́ски.«

Но мы не повѣримъ *чуба́тимъ*. Не тому мы радуемся, что *наі́мось па́ски*; хотя мы и *голо́днї*, однако удовлетвореніе этого чувства у насъ не играетъ первой роли. Мы радуемся просто тому только, что Великдень *на грани́цї*, потомъ *въ ді́лницяхъ* (1), потомъ *въ воро́тяхъ*, наконецъ *на поро́зі* и *въ ха́тї*. *Въ ве́рбну недїлю* (ваій) Великдень чуть видно изъ-за горы, а мы уже поздравляемъ другъ друга и съ неописаннымъ восторгомъ приговариваемъ: *верба́ бье, не я бью: за ти́ждень Вели́кдень*! Иной еще прибавитъ: *будь здоро́въ, якъ вода́ и бага́тий, якъ земля́*.

Вода не случайно вошла въ это поздравленіе; она имѣетъ огромное значеніе въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Прослѣдимъ это, сколько можемъ. Начнемъ съ *жи́лного* (великій) четверга,—онъ близокъ Великодню, а мы про Великдень и говоримъ. Въ *жи́лний* четвергъ купаются *вїдъ чорноі хороби*. *На руса́лки* купаются, *шобъ не було́ посу́хи*. Замѣчательно, что на русалки купаются не раздѣваясь. Такъ же во всей одеждѣ купаютъ и тѣхъ, кто въ руки попадется. Я слышалъ, какъ купали попадью, дьячка, проѣзжаго купца, управляющаго, перевозчика при паромѣ и т. д. Обычай этотъ такъ держится, что выкупанные не только не сердятся, но сами мѣшаются въ гуртъ и съ азартомъ бросаются купать другихъ. На *Купа́йла* ходятъ купаться съ извѣстнымъ обрядомъ, и самъ Иванъ *купався*. На *Зелені свята* ходятъ на поле *кропи́ти збо́же и святя' криниці*; на *Маковія* тоже *свя́тя криниці*. *На Ордань* купаются *вїдъ*

(1) Ділниці—ровъ вокругъ села, за которымъ начинается ца́рина—посѣвы. Царинѣ противоположна толо́ка.

коро́сти. При этомъ берегутся, *аби́ хто не кри́кнувъ: шобъ така́ була́, якъ дубо́ва кора́; бо вона́, хай счезає, и спра́вді коро́ю визьметця на ті́лі*. Тогда же умываются, *щобъ о́чі не боліли*, а дівчата—*щобъ румя́ною бу́ти*. Надо замѣтить, что въ воду, приготовленную для умыванья, бросаютъ иногда *кали́ну* или *кора́лі* (дороге́ намисто), *щобъ черво́ному бу́ти*,-*щобъ лице́ ча́сте було́*. *Коралі* также совѣтуютъ мужчинамъ носить на шеѣ, какъ женщины, *відъ оста́дъ*. Вода употребляется въ различныхъ шопотахъ—(примо́вахъ): *якъ воню́ скида́ють* (и огонь разомъ), *якъ що виливаютъ—отъ перелѣ́сника, або́ що...* Въ разныхъ гаданьяхъ также употребляется вода; напр. *на Андрея вилива́ють во́скомъ, о́ливомъ*. Тогда употребляется вода холодная,—лучше, если *непочата́*. Но и горячая вода употребляется, напр. *якъ вилива́ють плаксі́виці, якъ покрива́ють молоду́* (на Подоли не водятъ въ церковь *скрива́ти*, а покрываютъ дома—завиваютъ *въ наміткy; до це́ркви* ходятъ на ви́відъ); *садовля́тъ її на осли́нъ, чи що, а пі́дъ ослоно́мъ ві́дро зъ водо́ю, щобъ здоро́ві були́ якъ вода́*. (Послѣ употребляется и огонь). *Якъ ви́лупятця гуся́та або́ ко́ченята, то, щобъ здоро́ві росли́, гніздо и шкарлу́пи вино́сятъ на во́ду. Якъ упа́де дити́на съ колиски або́ що, що здо́рово забьѣтця, то те мі́сце зливаютъ водо́ю, щобъ не ва́дило*. Воду, между прочимъ, ставятъ на окнѣ, но выносѣ покойника изъ хаты—для души, которая прилетитъ въ видѣ мухи и *буде і́сти й пи́ти*. Посредствомъ воды узнаютъ чисто или нечисто мѣсто. Погребая утопшаго, иногда поливаютъ его водою, *шобъ дощъ був*ъ, — *шобъ не було́ посу́хи*. Вода употребляется и въ чарахъ, особенно въ отношеніи къ любви. На воду (на Бігъ) выносятъ и первыя скорлупы писанокъ, крашонокъ въ томъ убѣжденіи, что онѣ поплывутъ къ Рахма́намъ и укажутъ имъ, что пора праздновать Великдень (*). Что́ касается того, что желаютъ быть богатымъ *якъ земля*, то это проистекаетъ изъ представленія народнаго о богатствѣ ея: *хто жъ бага́тчий, коли́ вона́ всіхъ году́е*! Землю также называютъ *сильно́ю, бо вона́ всіхъ на со́бі но́се*.

(*) Рахма́ны—это народъ, неумѣющій ни читать, ни писать, но крещенный. Они такъ далеко живутъ, что скорлупа заплываетъ въ ихъ страну только къ Преполовенію. Тогда они и празднуютъ Великдень. Потому-то Подоляне Преполовеніе знаютъ подъ именемъ *Рахманського Великодня*.

Свячéну лозу прячутъ и *котúки* употребляютъ какъ лѣкарство отъ лихорадки и для скота, *якъ, бувá, здýетця.*

Отъ *вéрбної неділі*, кромѣ обыкновенныхъ хлопотъ — *шúти білúти*, кромѣ приготовленій *на паскú* и т. п., я ничего не замѣтилъ до *жúлного четверга—до страстí*. Для *страстí*, хлопьята задолго впередъ приготовляютъ *довбешкú;* съ звономъ собираются къ церкви съ этими стуколками и когда звонятъ во время самой *страстí*, *тарабáня* ими въ колокольню, гдѣ деревяная, или въ церковную ограду, или просто въ доски, разумѣется, если не запретятъ. Это повторяется каждый разъ при звонѣ колоколовъ, начинаясь и оканчиваясь вмѣстѣ съ звономъ, и продолжается до конца страсти. Рокотъ этихъ *довбешóкъ*, сливаясь съ звономъ колоколовъ въ одинъ гулъ, производитъ невыразимое впечатлѣніе: повторяясь во всемъ околоткѣ, отражаясь тысячами перекатовъ эха въ лѣсахъ и горахъ, до глубины души поражаетъ человѣка, и такъ уже настроеннаго къ печали. Нельзя сказать, что это печаль; это совсѣмъ не печаль, но какое-то необъяснимое—*тихосýмне* чувство: сердце такъ и расплывается. Особенно мнѣ врѣзалась въ память одна страсть, когда я былъ еще дитятею лѣтъ восьми-девяти. Я вышелъ изъ церкви *провітритись*. Ночь была темная, туманная и какъ будто *мрáка йшла*. Яркій свѣтъ, пробиваясь сквозь окна, золотыми столбами наискось, стремился къ небу, будто указывая дорогу молитвамъ, и далеко-далеко исчезалъ въ туманѣ, постепенно ослабѣвая. Кажется даже, я видѣлъ радужные цвѣты. Внизу другая масса свѣта, сквозь растворенную дверь маленькой деревянной церкви, золотитъ молящихся. (Смѣсь радости и печали, на важно-спокойныхъ лицахъ стройнаго, краснаго народа, стоятъ кисти живописца-художника). И все это теряется въ дали, во мракѣ, и на извѣстномъ разстояніи, кажется, не люди ходятъ, а духи, пришедшіе вмѣстѣ съ нами праздновать страсти господни; то вырѣзываются изъ мрака, то снова погружаются въ мракъ, то опять покажутся, и снова исчезнутъ. Отъ сверканья свѣчъ и лица ихъ представляются сверкающими. Общая тишина, подъ равномѣрное журчанье весеннихъ ручейковъ, прерывалась по временамъ трескомъ довбешокъ, да звономъ въ колокола и на время заглушала то заунывную *самолíвку* старика-дьячка, то протяжное чтеніе страстей господнихъ нараспѣвъ. И за горой тотъ же трескъ и звонъ, и та же картина мерещится, и за лѣсомъ тоже. А вотъ чуть слышно изъ-за *Бóгу* отдаленный гулъ: и не вѣрится, звонъ ли это дѣйствительно и есть ли тамъ *хлóпці*, прежъ-

нее ли впечатлѣніе продолжается, или эхо на эхо отзывается. И снова звонъ, и снова трескъ, и потомъ тишина; такъ и хочется вмѣшаться въ гуртъ, да довбешки не было, а *патикú мóкрі*. Такъ и стоялъ бы очарованный; забылъ и гдѣ я, и для чего тутъ; сердце словно таетъ; но старикъ стáроста (разумѣется, церковный: тамъ иныхъ старостъ нѣтъ) помогъ мнѣ опомниться: *годі стояти, паничу; казали панотець, щобъ уже до цéркви йшли*, сказалъ онъ. И я пошелъ, озираясь и прислушиваясь, какъ сердце билось. Почему тогда не въ послѣдній разъ оно билось!..

Народное суевѣріе соединяетъ съ этимъ торжественно-печальнымъ вечеромъ разныя вѣрованія о вѣдьмахъ. Но объ этомъ будетъ отдѣльно разсказано мною въ *Основѣ*.

Употребленіе *страстнóї свічки* извѣстно.

Отъ обѣда въ четвергъ до разговѣнья старушки ничего не ѣдятъ, т. е. ничего ровно и въ ротъ не берутъ. Въ эти дни хлопоты въ самомъ разгарѣ: женскій полъ такъ занятъ, что даже нѣтъ времени и заснуть; ночь и день работа: *паскú печýть, порося́та.. А пóки ще нáчинки заготóвить! Тамъ писанкú пúшуть, крашанкú крáсять; дивись—и витúрати порá. А тамъ... не óглянулась, а вже й Христá дочитáлися. Хапáйся-хапáйся! пора вже святúти...* Боже-*Бóже! отýть-то колотні, яка не вправилась, або що! Платúну*, которою писанки вытираютъ, прячутъ и *підкýруютця вíдъ бишúхи, якъ въ вусі стрикáе, або-що*. Но мы забѣжали впередъ. Еще есть *дія́ние*. Но пока дойдемъ *до дія́нія*, займемся передачею легендъ, основанныхъ на событіяхъ, въ эти три дня совершившихся.

Въ молитвахъ Подолянъ есть примѣсь уніатства (отъ Отца и *Сына*); между молитвами считается сонъ *богорóдиці* и *бурлáцький оче-нашъ* (*). Что́ касается свящ. исторіи, то Подоляне имѣютъ ее свою отъ

(*) Къ сожалѣнію, я его незнаю; знаю только, что онъ раздѣленъ на прошенія; нѣкоторыя изъ нихъ передаю: *не дай, Боже, съ козú кожуха, а зъ свинú чобітъ; избави, Боже, вíдъ Барськóї греблі; избави, Боже, вíдъ Кулакíвського справи; избави, Бóже, вíдъ служби въ Китайгорóдського попà*. Что́ касается объясненія этой молитвы, то я знаю слѣдующее: 1) *Барська-грéбля* обыкновенная плотина въ г. Барѣ. Она очень длинна, идетъ извилинами и весною до-того заплываетъ грязью, что ѣзда по ней въ высшей степени затруднительна и даже опасна. Кромѣ того, что можно *загрузнути*, страшныя про-

сотворенія міра до Р. Х. и далѣе. Есть даже мнѣнія о будущемъ, ничуть не основанныя на христіанствѣ. Кромѣ чисто-религіозныхъ легендъ, есть и бытовыя. Бывъ собраны, онѣ могли бы пролить много свѣту на минувшую жизнь нашу, незапамятованную исторіею. Легенды, относящіяся къ страстной недѣлѣ, такого значенія не имѣютъ: это евангельскія событія, украшенныя народною фантазіею. Безъ сомнѣнія, это было когда-то полнымъ зданіемъ, но не бывъ поддержано воспитаніемъ, мало-по-малу затемнялось и теперь представляетъ жалкіе обломки, показывающіе ясно, насколько небрежно было духовенство въ дѣлѣ образованія народнаго, даже религіознаго. Эти разсказы не должны умалять чести нашего народа; несмотря на нихъ, онъ строго нравственъ.

Юмористическихъ разсказовъ, которые касались бы страстной недѣли, нѣтъ, хотя юморъ народный шагнулъ и въ небеса, и за облаками нашелъ для себя предметы и матеріалы. Духъ событій не таковъ, чтобы можно было потѣшаться. Иное дѣло лысина у ксендза (korónka), многоженство у магометанъ... Разсказы, относящіеся къ страстной недѣлѣ, всѣ серьезны и вотъ тѣ, которые и знаю.

вàлля (по-тамошнему—прірви) съ глухой стороны *грéблі*, глубокія и наполненныя водою, такъ и ждутъ жертвы. Лѣтомъ ухабы и т. п. до-того надоѣдаютъ, что дѣйствительно надо просить Бога объ избавленіи отъ этой *грéбли*. (Я разъ всего по ней проѣзжалъ лѣтомъ и не захочу больше). 2) *Кулаковського спрàва*. Былъ помѣщикъ на Подоли п. Кулаковський (Кулаковскій) изъ поповичей, отличавшійся несправедливымъ рѣшеніемъ жалобъ. Говорятъ, онъ наказывалъ и истца и обидчика. Наказаніе состояло въ неумѣренномъ денежномъ штрафѣ *на цèркву*; для обидчика прибавлялись *нагаі*. 3) *Китайгорóдського попà служба*. Китайгородъ—село, не знаю котóраго уѣзда. Тамъ, въ свое время, былъ на приходѣ священникъ о. *Семенъ*. Онъ-то увѣковѣченъ въ бурлацкомъ *оче-наші*. Причины объяснитъ слѣдующій истинный фактъ. У него была крѣпостная дѣвка, кажется, Настя или Явдоха, собою полная, низенькая, при полнотѣ, очевидно, и тяжелая. Этотъ ея панъ о. Семенъ каждую ночь заставлялъ ее танцовать. При этомъ бралъ въ руки длинный кнутъ и безустанно стегалъ по икрамъ, *щобъ дрібніще ногами виробляла*. Разумѣется, она должна была подбирать платье выше колѣнъ. Его соблазняли мясистыя икры: «а якъ пристаé»! говаривалъ онъ. За протанцованную ночь, онъ платилъ по *карбованцю*. Несчастная Настя, протанцовавъ ночь за деньги, день должна была работать по своей обязанности, и также терпѣла стеганье по икрамъ. Неудивительно, что эта служба вошла въ бурлацкій *оче-нáшъ*. Подобнымъ образомъ онъ обращался со всѣми. Но жаловаться было некому, потому что и судьи были таковы же. И угнетенные обратились къ Богу и составили молитву, которую читаютъ и теперь, хоть смыслъ ея уже не имѣетъ значенія въ жизни. О *чоботяхъ зъ свині, кожухъ съ козы* и говорить нечего. Такъ объяснялъ мнѣ этотъ *оче-нашъ* священникъ о. Писпячевскій.

»Якъ шука́ли Христа́ згуби́ти, то вінъ утікъ та й схова́вся и найпе́рше въ я́сла ми́же воли́. Жиди́ такъ ёго́ шука́ють, такъ шука́ють! А во́лики ідя́ собі па́шу, та все мо́рдою пригорта́ють схо́ванця—вибира́ ніби, котро́ лу́чче стебло́, и все пригорта́ютъ.

»Ви́ховався Христо́съ на цей разъ и поблагослеви́въ волівъ, щобъ ма́ло і́ли и си́ті були́.

»На другий разъ прийшло́сь хова́тись. Куди́ тутъ? Вже Жиди́ зна́ють, що бувъ ми́же вола́ми... Взявъ та й схова́вся ми́же ко́ні. Та ко́ні, ска́зано худо́бина па́жирлива, якъ почали́ і́сти, то й ззіли й те, чимъ Христосъ самъ себе́ бувъ—накри́въ. То Жиди́ и́ заба́чили и взяли́ Христа́. За це Богъ прокля́въ ко́ней, щобъ і́ли ціли́й вікъ, и все голо́дні стоя́ли.« (Существуетъ слѣд. поговорка: воло́ві дай поло́ви та жени́ пово́лі, а коневі вівса́, та жени́, якъ пса́).

»Якъ привели́ Христа му́чити, то наробили цвяхівъ (гвіздківъ) зо всякоі деревини, ті́лько зъ ги́ви—ні. Та котрій побро́буютъ забити підъ на́ність, вінъ такъ и зігне́тця, на́че зъ во́ску зліпляний. Що тутъ роби́ти? чимъ тутъ му́чити? Ажъ въ го́лову захо́дя. Ду́мали-ду́мали та й пора́дились: затешімъ, ка́жуть, ще зъ ги́ви. Якъ той не поліе, то хто ёго зна, що вже й каза́ти!.. Затеса́ли изъ ги́ви, а вінъ и пішо́въ, якъ залізний. Отъ и дава́й му́чити Христа́ ги́вовими кілка́ми (*). За це Богъ и прокля́въ ги́ву, щобъ черви́ва була́. Тимъ вона́ й черви́віе такъ, що Богъ закля́въ її черви́віти до́ки світа та со́нця.«

Извѣстно, что́ дѣлаютъ воробьямъ за мнимое ихъ участіе въ дѣлѣ умерщвленія Христа. Когда ослѣпятъ, »бідна пташи́на не лити́ть, якъ видю́ща, куди́ по́сомъ; и знесе́тця вго́ру, скі́лько ви́дно, складе́ кри́льця и пуска́етця до землі́, якъ камінець. Впа́де й розібье́тця.«

Народъ вѣритъ, что стража, приставленная къ гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы, и »якъ мі́сяць стари́й, то й вони́ старі–старе́зні, ажъ тру́сятця, а якъ мі́сяць молоди́й, то й вони́ молоди́, на́че імъ по двадця́тому годо́чку.« На вопросъ: »коли́ ви прийшли́«, они отвѣчаютъ: »вчо́ра«.—А коли́ пі́дете?—Взавтра.«

»Такъ уже імъ Богъ давъ, щобъ жи́ли до са́мого стра́шного суду.«

Объ Іудѣ разсказываютъ: »повішусь, ду́мае собі, пі́ду въ пе́кло.

(*) См. 1 коляда господа́реві.

А Христо́съ, якъ буде визволи́ти лю́дзькі ду́ші, то й мою визволитъ. Прийшо́въ до ідно́ї деревйни, перекйнувъ мо́тузъ, чи що, и тілько опустився, вона́ й ги́ля поспуска́ла. Вінъ до дру́гої, и дру́га такъ; и тре́тя такъ; ажъ до осйчини прийшовъ, и завішався на осйчині. Того́-то хоць (*) якъ и ти́хо на дворі, а на осйчині все листъ кйвается, на́че живи́й.« Другіе говорятъ, что онъ *завішався на бузині* и она оттого не годится теперь для построекъ. *Бузи́нкъ* почитается жилищемъ чорта.

»Завішавсь Юда та такъ и ви́сівъ, ажъ доки самъ не ввірва́вся— Тоді вже впавъ и гнивъ у яру́.» Изъ разлагающагося тѣла его выросъ *тютю́нъ*. Впрочемъ насчетъ тютюну есть и другой разсказъ, въ который входитъ Христосъ съ апостолами. »Тіло Юди тутъ зітлі́ло, а душа́ въ пе́клі пропада́. Бо якъ Христо́сь пішо́въ визволи́ти ду́ші, то й его́ ду́шу хотівъ ви́звольти: »иди́ вонъ,« каже; та Люцйпіръ навчи́въ: »кажи́, сину, не хо́чу«, Юда й ка́же: »не хо́чу.« — »Кажи́, си́ну, мині й тутъ до́бре«, намовля изновъ Люцйпіръ. »Мині й тутъ добре,« озвавсь Юда. Христо́съ изно́въ: »иди́ вонъ.« А Юда все за Люцйпіромъ говори́въ. Такъ и тре́тій разъ було́. И зоста́всь Юда найвірні́щимъ си́номъ у Люцйпіра и сидйтъ въ нёго на колінахъ, и свою́ кали́тку въ руці́ держи́тъ.« Въ одной вирші запорожской вотъ-что говорится:

»А сей Юда съ того студа, звіродивий макуха,
То синіе, то красніе, бо братъ злого духа.
Вельми вінъ злякъ (**), ажъ міхъ заклякъ зъ грішми за плечима.
За ёго гріхъ той клятий міхъ все передъ очима.
Въ землю вкопавъ, щобъ міхъ пропавъ, та окаменіла —
Посо́хъ и цвітъ и трави нітъ—більш не зеленіла.
Въ воді рибу міхъ изъ глибу роспужавъ и раки, —
Вернувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.
Злую мару пікъ у жару, да не загорівся —
Вогонь потухъ, а цей злий духъ въ печі й не нагрівся.
Кріпко пошитъ, чортомъ підбитъ, що и не деретця;
Зъ води, зъ печі впять на плечі до Юди беретця.
И зъ ци́мъ мішкомъ ходитъ пішкомъ у пеклі повсюду;
Панъ повелівъ, щобъ міхъ не тлівъ до страшного суду.«

(*) *Хоць* Подоляне употребляютъ въ значеніи хотя, а *хочь* — сокращенное хочешь—*що хочь, роби*—вм. що хо́чешь роби; или—*роби, що хо́чешь*—и *роби, що хочь*. *Хочь* повелит. вм. *хотй*; *що хотй и що хочь*—одно и тоже.

(**) Увидавши Христа.

Любопытны народные разсказы объ изобрѣтеніи водки, о происхожденіи лысыхъ, кривыхъ и т. п. Но такъ-какъ эти разсказы могли бы войти только въ полный бытъ Подолянъ, то мы и оставимъ ихъ, потому-что они не относятся къ Великодню. А между-тѣмъ вотъ *дія́ние* передъ нами. Оставимъ *жінкамъ та дівчатамъ ходи́ти коло мі́ста, коло си́ра то́-що;* а сами—*наше ді́ло парубоцьке*—пойдемъ *за парубками*.

На Подоли нѣтъ *у́лиць*—перевелись; нѣтъ, кромѣ *вечерни́ць и оде́нькі́въ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, никакихъ сходокъ молодежи. Лѣвая сторона Днѣпра ночью имѣетъ больше жизни и поэзіи, чѣмъ днемъ: до полночи отъ сумерекъ вы слышите пѣсни, говоръ, смѣхъ... На Подоли въ это время развѣ собака залаетъ да пропоетъ пѣтухъ. Иногда волки завываютъ. Лѣтомъ, покрайней мѣрѣ, *ночлі́жники* поютъ, идучи на поле; иной и *на сопі́лку*. Но все это въ одиночку. Женскаго голоса ночью тамъ никогда не услышите. А зимою *ти́хо та су́мно, якъ у домови́ні*. Это, очевидно, зависитъ не отъ народнаго характера—народъ нашъ вездѣ одинаково *співо́чий*; причиною тому постороннее вмѣшательство. Въ этомъ отношеніи, особенно отличается духовенство. Въ послѣднее время, оно съ особеннымъ жаромъ стало преслѣдовать Купайла, Андрея, Маланку и т. д. подъ видомъ ревности о вѣрѣ, а *вечерни́ці*—подъ предлогомъ противодѣйствія разврату. Между-тѣмъ, народныя празднованія имѣютъ значеніе только игръ, а *вечерни́ці* суть вечернія сходки молодежи,—не что́ иное, какъ вечера у пановъ, только безъ участія старыхъ. Старики—или лучше мужья и жены—отдыхаютъ, или дома работаютъ, имъ не *до гости́ни*, не до *весе́лости*; а молодые сходятся въ одинъ домъ, съ тою цѣлью, чтобы не скучать за работою въ длинные осенніе и зимніе вечера. Этимъ-то именно и отличаются *вечерни́ці* отъ вечеровъ: здѣсь работаютъ, дѣло дѣлаютъ, а тамъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, театральничаютъ, проигрываются и т. п. Не безъ того, разумѣется, что бы не было нехорошихъ случаевъ въ народѣ; но развѣ то же самое не случается и въ высшемъ сословіи? хотя *панянки на вечерни́цяхъ* не бываютъ. Да кто скажетъ, что и въ простомъ народѣ это отъ вечерницъ? Такой дѣвушки даже не принимаютъ на вечерницы. Я очень хорошо знаю вечерницы, знаю дівчатъ, знаю народные обычаи и взгляды, и то знаю, что *хазя́йський синъ* не посмѣетъ *занять* съ нехорошею цѣлію *хазя́йську дочку́*. Для этого есть *жидівські наймички́, рекрутки́, московки́* (солдатки) и т. под.

пригуль. Притомъ, дѣвицы такъ связаны обрядомъ первой ночи, что только пьяная или крайне-безстыдная можетъ поддаться обольщенію; но если въ ея сердцѣ останется хоть не много стыда, если въ ея головѣ не перевелось сознаніе себя и чести, то такая можетъ уступить только *силѣ*, и добровольно ни за что не согласится *підтоптáти підъ нóги отця-нéньку*. Парубки очень хорошо понимаютъ это, понимаютъ это и родители, а потому и позволяютъ своимъ дочерямъ не только ходить на вечерницы, но и *приймáть на білі подушкú*, какъ поется въ пѣсняхъ. Не понимаетъ или притворяется, что не понимаетъ этого, только духовенство, — разумѣется не безъ исключенія, — и назначаетъ штрафы за участіе въ томъ или въ другомъ. Штрафы эти состоятъ въ денежныхъ взысканіяхъ *на цéрквy*, или въ отработкѣ священнику, преимущественно во время говѣнья, также передъ сватьбою. Болѣе ярые употребляютъ и другія болѣе радикальныя мѣры убѣжденія, сопровождаемыя синими впечатлѣніями. Въ этомъ помогаетъ духовенству и благоразуміе пановъ. (*)

Грустно, тяжело, невыносимо становится, что народъ, вмѣсто своихъ высоко-поэтическихъ сходокъ, долженъ собираться въ корчму, откуда никто не гоняетъ нижé словомъ, не только палкою или кнутомъ. Удивительно ли, что лѣтъ тридцать назадъ, и для парубковъ, разсказываютъ, считалось позорнымъ являться въ шинокъ; а теперь и дівчата ходятъ туда, словно *до нанáшки, такъ до шінкáрки*. Что можно выпесть изъ этого дома, кромѣ разврата? *пьяному и мóре по колінá*. Но этого не хотятъ видѣть, и годъ-отъ-году сильнѣе бросаются на народные обычаи, яростнѣе становятся во взысканіяхъ. Можетъ, покажется несообразнымъ, что я такъ разговорился о запрещеніяхъ, а между тѣмъ имѣлъ же время изучить обычаи: гдѣ плоды тѣхъ преслѣдованій?— На это я скажу, что не все удалось перевести: народъ очень упоренъ въ своихъ привязанностяхъ къ чему-либо. Притомъ,-я изучалъ народъ въ приходѣ своего отца, который самъ недоволенъ запрещеніями и остался украинцемъ. Онъ такъ правильно смотритъ на народныя игры, что не только не запрещалъ ихъ для народа, но и дѣтямъ своимъ-*хлóпцямъ и дівчáтамъ*—позволялъ ходить на Купайла,

(*) У Подолянъ остался до-нынѣ *громáдзький судъ*: всею громадою выбираютъ *судцівъ* изъ стариковъ—не больше семи, не меньше четырехъ, и они рѣшаютъ дѣла общимъ приговоромъ на сходѣ подъ открытымъ небомъ, куда призываютъ и спорящихся. Обычай этотъ поддерживали и нѣкоторые помѣщики.

гдѣ *справляли Андрéя* и т. п. Только на *вечернúці* не пускалъ насъ,—очевидно, потому, что ни для насъ, *хлóпцівъ*, ни для сестеръ нашихъ тамъ не было пары. Спасибо ему за это!.. Да и что намъ дѣлать было на вечеринцахъ, гдѣ всѣ за работою? Кромѣ того, благодаря семинарскому воспитанію, я былъ настолько глупъ, что могъ бы надѣлать проказъ и быть вытолканнымъ, какъ выражаются, *втрúшия*. Спасибо за запрещеніе; этимъ я спасенъ отъ мучительныхъ воспоминаній. А на вечеринцахъ паничамъ такъ часто достается!.. Счастливцы-паничи — кого не бьютъ? за-то ужъ и ихъ, — кто не хочетъ.—По данному слову, пойдемъ за парубками. Вотъ ужъ дѣянія: пора.

Съ какимъ нетерпѣніемъ цѣлую страстную недѣлю ждутъ Великодня, съ такимъ же, если не съ большимъ, нетерпѣніемъ *въ великóдну суботу* ждутъ вечера. Не потому вечеръ играетъ такую роль, что отъ Великодня онъ отдѣляется только ночью, нѣтъ—этотъ вечеръ имѣетъ свое собственное значеніе. Ни пѣсенъ, ни игръ въ это время не бываетъ; но обычай *вогóнь клáсти* включаетъ его въ число народныхъ празднованій и разжигаетъ сердца. *Вогóнь клáсти* имѣетъ что-то поэтическое само по себѣ; посмотрѣли бы вы, какъ ночлижники заботятся объ этомъ, какъ собираетъ ихъ огонь въ кружокъ, какъ они веселы вкругъ огня. Съ какимъ воодушевленіемъ послѣ разсказываютъ о тѣхъ ночахъ, когда на полѣ *вогóнь клáли*! и какъ завидуютъ этимъ счастливцамъ тѣ, кто по чему-либо не могъ имѣть удовольствія развести огонь! Кажется, что̀ можетъ быть обыкновеннѣе огня, разведеннаго лѣтомъ въ саду, вмѣсто кухни, а между тѣмъ, такіе дни оставляютъ въ душѣ какія-то торжественныя воспоминанія. Даже тѣ *потрáви* ѣдятся съ бóльшимъ аппетитомъ, которыя приготовлены въ саду. Не смѣшно ли? старики любятъ полежать, посидѣть, побалакать возлѣ этого огня... Нѣтъ, не смѣшно. Посмотрите, съ какимъ торжественнымъ видомъ они разсказываютъ *дíтворі* про давнія лѣта, про разныя *пригóди* изъ своей молодости!.. Все это навѣялъ огонь. Къ этому огню выходитъ не только мать семейства, отецъ, но, если есть, и *дíдъ потурбýе свою стáрість*. Любо посмотрѣть на этотъ кружокъ! румяная *молодúця* стряпаетъ, отъ огню еще болѣе зарумянившись, а тамъ отецъ нѣсколькихъ дѣтей самъ *дровця збирáе*; *а старий дíдъ* сидитъ въ тѣни, и вѣтеръ балуется его сѣдымъ чубомъ. А *дíтвора?* шныряютъ сюда—и—туда *голомóзики*, пищатъ, кричатъ, забавляются, или тѣснымъ кружкомъ

сидятъ возлѣ дѣдушки, слушая каждое слово его, ловя каждое движеніе чувства. Но вотъ пробѣжало неудовольствіе по всѣмъ лицамъ вразъ—и всѣ заворушились—что́ это? это хозяйка зоветъ кушать. Несмотря на то, что обѣдъ этотъ—словно *хлібъ відъ за́йця*, но всѣ не охотно принимаются за ложку, какъ будто жалѣя, что огонь болѣе ненуженъ, что они оставятъ его одного и сверхъ того еще и водою залютъ. Огонь—великое дѣло: безъ удовольствія и ту *карто́плю* копаютъ и ту *кукуру́дзу* ломаютъ, гдѣ огню не разводятъ; безъ огню и *баштана́* не выберутъ; безъ огню, подъ открытымъ небомъ, никакая *ока́зія* не обходится. Праздникамъ огонь придаетъ торжественности. Но огонь *на дія́нія* имѣетъ свою собственную важность;—это огонь *на дія́нія*. Никакъ я не могъ добиться, для чего разводятъ этотъ огонь. На всѣ мои вопросы отвѣчали: *бо дія́ніе сёго́дня*, или: *бо взавтра Вели́кдень*.—»Ну! то взáвтра Вели́кдень, а вогóнь сёгóдня на́-що?«—Та прóсто на-то, що взáвтра Вели́кдень. —»То на щожъ вогóнь кладéте?«—А на що такъ спокоївку ведéтця?—Какъ видно, народъ самъ не знаетъ, для чего этотъ огонь нуженъ, и ему особеннаго значенія не придаютъ; но съ какимъ неудовольствіемъ отказываются разводить его, когда кто-либо не позволяетъ! какимъ *го́номомъ* встрѣчаютъ запретителя!

Но я много наговорилъ уже, а еще не сказалъ, гдѣ и кто разводитъ огонь *на дія́нія*. Парубки разводятъ его недалеко отъ церкви, гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ: женскаго пола при этомъ огнѣ не бываетъ, а мужчины могутъ быть всѣхъ возрастовъ и сидятъ обыкновенно до благовѣста *на всено́шне*. Тогда идутъ къ церкви, а огонь остается незалитымъ, чего не позволяютъ себѣ въ другихъ случаяхъ.

Замѣчательно, что ради этого огня забывается право собственности: кто что́ можетъ и у кого можетъ взять, все предаютъ огню. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, по совѣту одного *чёсного господаря—роздобу́ти па́лива по шопа́хъ* (повѣтка, сарай)—у него самого унесли *кругъ* довольно порядочныхъ колесъ и въ его же глазахъ положили на огонь.

— Бра́во! бра́во! сказалъ онъ.

— Та це, дя́дьку, ва́ше! замѣтилъ кто-то.

— А ду́маешъ, я не пізна́въ... Щобъ зъ ме́не за госпо́даръ, якъ би я сво́го добра́ не пізна́въ? Та щожъ робúти?—хай хма́ру нагрівáе...

Не будетъ ли это указаніемъ на празднованіе съобща, на праздникъ всего народа, на богослуженіе, при которомъ, какъ въ одной

семьѣ, не было ни моего, ни твоего, но все *наше*, какъ Богъ *нашъ*? Вѣдь у Славянъ можно же было воспользоваться чужимъ добромъ для угощенія чужестранца; можетъ-быть, такимъ же образомъ богатые заступали неимущихъ и въ дѣлѣ жертвоприношеній—что́ очень возможно. Сѣкиры не употребляютъ при этомъ огнѣ въ это время потому, что *вза́втра свя́то*, но, въ древности, очевидно это имѣло и другое значеніе,—быть-можетъ, то же самое, что́ и при кострѣ для сожженія вдовъ. Спать при огнѣ не позволяется, а кто уснетъ, тому непремѣнно *ли́са піджену́тъ*, развѣ отца побоятся. Не только, впрочемъ, у этого огня, но и въ домахъ противъ Великодня стараются не спать цѣлую ночь и цѣлую же ночь не тушатъ огня въ домахъ, разумѣется, кто имѣетъ возможность. Огонь, разведенный парубками, горитъ и на Великдень, иногда и до вечера, но уже поддерживаютъ его только дѣти. Не безъ того, что и парубокъ придетъ но не надолго, и это не считается уже обязанностію, какъ въ предшествовавшую ночь.

Казалось бы, сидя у этого огня, какихъ разсказовъ не наслушаешься! ими, вѣдь, такъ богатъ нашъ народъ. Между тѣмъ, выходитъ иначе: всѣ сидятъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи, только изрѣдка слышно: *піджаръ! попра́въ!* и т. п. Безъ разговоровъ, правда, не обходится, но они ведутся въ-сторонѣ и почти безъ исключенія, имѣютъ предметомъ своимъ старину, прошедшія празднованія... Разъ я слышалъ предлинный и презанимательный разсказъ о бѣгствѣ нѣсколькихъ душъ изъ турецкой неволи—началось оно на Великдень, а потому и было передано старикомъ. Случаются и юмористическіе разсказы, но смѣяться непозволительно: »що́ ти коло́ волівъ, чи що! гаму́йся!« такъ и загремитъ.

Когда я видѣлъ этотъ огонь, разгулъ уже исчезъ; но разсказываютъ, что *въ-давнину́ не такъ бува́ло*. Это, впрочемъ, ничего не отнимаетъ у самого характера празднованія, кромѣ роскоши, богатства, живости, а потому и пройдемъ это молчаніемъ.

Такъ-то парубки проводятъ на Подоли ночь противъ Великодня:— говорю проводятъ!... Можетъ-быть, слѣдовало бы сказать проводили? Можетъбыть тѣ, кому, по обычаю, слѣдовало бы провести ночь у огня, ожидая благовѣста на всенощную, *не одно дія́ние проспа́ли;* быть-можетъ у огня они не разъ видѣли, въ эту ночь, искрившіеся глаза какого-либо *паліводи;* можетъ-быть и то, что не од-

ному соколу ясному приснилась въ эту ночь *си́вая голу́бка*, чо́рні о́чі, якъ тере́нъ, чо́рні бро́ви, якъ шнуро́къ, личко́ бі́ле, хоць пиши,

»Зубки, губки перломъ чи́сти,
Шия біла ще й въ намісті...«

Да чего не можетъ быть? все можетъ быть; только *сонъ мара́, а Богъ ві́ра*, и въ дѣйствительности отъ этого не лучше.

Предразсудки и суевѣрія неразлучны съ Подолянами и въ церкви. (О вѣдьмахъ будетъ разсказано мною въ *Основѣ*).—Но на чемъ основано слѣдующее повѣрье: »якъ піпъ—ото́ въ притво́рі—ска́же пе́рший разъ: Христо́съ воскре́съ, то не відка́зувати ёму́, я́къ слідъ: во истину воскресъ, а що хочь, щобъ найлу́чче вело́сь... Якъ скажешь, напр., щобъ мині худо́ба найлу́чче вела́сь, або́: щобъ у ме́не гро́ші не перево́дились; то такъ воно й буде ціли́й рікъ.« Мнѣ ничего такъ не хотѣлось, какъ учиться лучше всѣхъ, и я страхъ хотѣлъ сказать: *щобъ я вчи́вся лу́чче всіхъ*; но чувство радости преодолѣвало меня, и я, вмѣсто того, всегда отзывался: воистину воскресъ, и волосы ежились, *ажъ моро́зъ піде поза плечі*. Такъ, должно быть, поступаютъ всѣ, кто, какъ и я нѣкогда, вѣритъ въ справедливость этого суевѣрія. Счастливое время — дѣтство; тогда всему вѣришь, всему радуешься. Отчего бы и до смерти не быть такимъ довѣрчивымъ, такимъ беззаботнымъ? Отчего бы свѣту и въ самомъ дѣлѣ не быть такимъ, какимъ дѣти представляютъ его? Какъ бы хорошо было жить въ такомъ свѣтѣ! Кажется, на дѣтей и солнце не такъ свѣтитъ, для нихъ и соловьи не такъ поютъ, и все для нихъ лучше, пріятнѣе, восхитительнѣе... Или они глупы, или мы разучились быть счастливыми?... Отчего бы, въ-самомъ-дѣлѣ, и въ тридцать, и въ сорокъ лѣтъ, и во сто, не радоваться такъ хоть бы и Великодню, какъ радуешься ему еще въ десять лѣтъ, а счастливцы и немного позже? *Святи́й зна́е*... А между тѣмъ Великдень все такое же *свято* и ничуть не меньшее... Но посмотримъ, какъ его проводятъ Подоляне—разумѣется, тѣ, которые и женятся, и умираютъ въ состояніи дѣтства. Какъ они счастливы! Но кто пожелаетъ такого счастія своимъ дѣтямъ?

На перши́й день Вели́кодня не топятъ, не варятъ и въ гости не ходятъ; все это почитается неприличнымъ для такого праздника. Но на Різдво́, напр., этого нѣтъ. На другой день мужчины (чоловіки) ходятъ поздравлять попа, пана и другъ друга. При этомъ

христу́ются, обмѣниваясь *писанка́ми* или *крашанка́ми*. На третій день — женщины ходятъ поздравлять попадью, паню и однѣ другихъ. Ходятъ онѣ съ *калача́ми*, также *христу́ются* и *мі́няются писанка́ми* или *крашанка́ми* (*). Родъ *христова́ния* между молодежью—обычай *віддава́ти колодку́*. Онъ состоитъ въ томъ-же: *христу́ются*, т. е. цѣлуются трижды, но не мѣняютъ писанокъ, а дѣвушка даетъ ихъ парубку, — на томъ и конецъ. Парубокъ, получившій писанки, остается у этой дѣвушки въ долгу и обязанъ *найняти танёць*. Прежде, нежели разскажемъ обширнѣе объ этомъ обычаѣ—*віддава́ти колодку́*, объяснимся, что́ значитъ *найня́ти танёць*. На Подоли нѣтъ деревни, въ которой не было бы нѣсколькихъ душъ музыкантовъ. Обыкновенные инструменты: *скри́пка*,—иногда двѣ и три, *басъ*, *бубонъ* и *цимба́ли*. Встрѣчаются флейты, кларнеты, чеканы. Это не то, что́ панская музыка: панская сама-по-себѣ, а эта сама-по-себѣ, и сливетъ подъ именемъ свободнаго оркестра—*во́льна капе́лія*. Эта вольна капелія иногда играетъ превосходно (напр. бр. Верши́нські въ м. Крутыхъ Балтскаго уѣзда. Тульчинецкая вольна капелія, извѣстная подъ именемъ Тога́нъ—Togáни, состоитъ изъ цыганъ и евреевъ), и съ достоинствомъ замѣняетъ Чеховъ и другихъ музыкантовъ. Такіе замѣчательные музыканты, очевидно, ждутъ панскихъ призывовъ, а всѣ остальные—*тирли́дачі* по воскресеньямъ и праздникамъ собираются въ сельскій шинокъ, если попъ играть позволяетъ; не то—выходятъ въ тѣ корчмы, которыя стоятъ за селомъ и извѣстны подъ именемъ »вольныхъ« (на вольну йдутъ). Разумѣется, на вольной одни подорожніе да нѣсколько пастуховъ заходятъ въ корчму; охотниковъ погулять между ними едва ли отыщется. Поэтому вольна не веселитъ, и музыканты стараются задобрить попа и играютъ въ деревнѣ. Обычай тамъ такой, что попъ посылаетъ причетниковъ, тѣ отнимаютъ инструменты и приносятъ къ настоятелю. Музыканты должны выкупить ихъ; сумма назначается священникомъ и идетъ въ пользу церкви. Это еще ничего; но иногда причтъ получаетъ приказаніе побить инструменты, и исполняетъ это съ ожесточеніемъ, со всеусердіемъ. Тогда что́? Очевидно, что бѣднымъ музыкантамъ легче ударить челомъ пастырю, нежели, разсердивъ его, допустить кого ударить инструментомъ *о́бъ-землю*, или *объ ла́ву* и т. п. Получив-

(*) Разумѣется, гдѣ панъ и паня, попъ и попадья дозволяютъ это себѣ. Большею частію обходится *безъ христования*, только поздравляютъ.

ши разрѣшеніе, вольна капелія отправляется въ шинокъ и тамъ садится за столъ и играетъ по найму отъ штуки, какъ шарманщики. Каждая штука извѣстна подъ именемъ *танця*, и платится двѣ, три до пяти копѣекъ мѣдью. Такую-то сумму парубокъ долженъ выбросить изъ кармана въ пользу дивчины, отдавшей колодку. Но не въ количествѣ дѣло, а въ чести: та дѣвушка значнѣе въ селѣ, для которой больше *танцівъ наймáють*; равнымъ-образомъ, тотъ парубокъ важнѣе, которому отдаютъ больше колодокъ. Охотницы къ танцамъ, дѣвицы еще и честолюбивы: оттого нанятый танецъ морально дорогъ, хоть дешевъ платою. Откупаться надо, какъ можно скорѣй; потому вольна капелія зарабатываетъ преимущественно весною. Это разумѣется о вольныхъ танцахъ, въ шинкѣ. Та дівчина, для которой танецъ нанятъ, первенствуетъ въ немъ, но можетъ позволять и запрещать танцовать другимъ только съ согласія нанявшаго. На Подоли танцуютъ непремѣнно парами и *пóмішь*—мужчины и женщины. Танцовать *бовкупóмъ*, какъ я видѣлъ въ г. Миргородѣ, на Подоли не водится. Кстати, тамъ въ танцахъ первенствуютъ дівчата, и парубки заискиваютъ—*галіцáютця*, а здѣсь парубки все, а дівчата ничего, такъ-что можетъ пройти *гуляння*, а танцуютъ только парубки, дівчатамъ не дадутъ. Это по-подольски невѣжество, а здѣсь удальство, молодечество. На Подоли вообще дівчата пользуются уваженіемъ парубковъ, хоть и должны остерегаться обидѣть кого изъ нихъ, и не имѣютъ гуртоваго прозвища, даже по одиночкѣ дразнятъ тамъ не каждую, и большею частію по отцу, какъ отца продразнятъ.

Въ Миргородѣ дівчата ровно ничего не значатъ, а парубки всесильны, грубы въ обращеніи съ ними, даже въ извѣстной степени нечестны, и всѣхъ вообще дівчатъ дразнятъ овцами—*шлёнські вівці-бррр*. Вообще говоря, Подоляне привѣтливѣе, развязнѣе, здоровѣе и больше развиты. Это я объясняю тѣмъ, что тамъ нѣтъ пановъ—*дрібнóти*, которые бы слѣдили каждый шагъ крестьянина (*). Не было тамъ и тайной экспедиціи. Далѣе тамъ народъ ничуть не сошелся съ солдатами и дѣтямъ своимъ не позволяетъ. Оттого тамъ разврата, сравнительно съ лѣвой стороною, можно-сказать, нѣтъ, и пѣсни прекрасны, цѣльны. Не такъ, какъ, напр., въ г. Миргородѣ, гдѣ поютъ

(*) На Подоли даже не употребляютъ слова крестьянинъ, какъ въ Гетманщинѣ—тамъ зовутъ себя піддáними, а *кріпосними*—дворовыхъ.

просто чортъ знаетъ какія гадости, отвратительно слушать. Уже не говоря о языкѣ, который до крайности изломанъ на *москóвське*, самое содержаніе безнравственно; иная пѣсня просто лишена смысла. Особенно это надо сказать о парубочихъ пѣсняхъ и тѣмъ болѣе гуртовыхъ. Я не знаю, чѣмъ объяснить то, что парубки не стыдятся во все горло пѣть неприличныя пѣсни, даже въ присутствіи женщинъ. Это, должно быть, отзывается дружба съ солдатами... Нѣтъ, на Подоли не недоляшки, а чистые украинцы, безъ примѣси. Но возвратимся къ колодкамъ.

Обычай *віддавати колодкú* имѣетъ связь съ *великопістнимъ пущинемъ* или кажется, вѣрнѣе, *съ пущúнемъ* передъ *мáсницею* — точно сказать не могу. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ этихъ заговинъ парубки нанимаютъ танцы для своихъ дівчатъ, и онѣ обязываются *віддáти колóдку* именно тому, кто танецъ нанималъ. Какъ я сказалъ, можно отдавать и нѣсколько колодокъ, слѣд. нѣсколько парубковъ могутъ нанимать танецъ для одной дѣвушки; но не всѣ вразъ, а каждый порознь. Но чтó же такое самая колодка?

Въ понедѣльникъ, на сырной недѣли, Подоляне празднуютъ *Колодія*. Этотъ *Колодій* (*)—*бабське свято*. Я видѣлъ, что для празднованія его собираются у попадьи; ни священникъ, ни другой мужчина, на этомъ празднованіи не присутствуетъ. Не знаю, куда отнести обычай *знóсити мітки попадí на колодія*,—къ позднѣйшимъ ли установленіямъ, или это остатокъ старой старины? Но носятъ *мітки* только въ томъ приходѣ, въ которомъ попадья пользуется любовью *парафіянъ*. Колодій—не *ильнóванія: льнýючи* попадья въ старину сама ходила по хатахъ *съ пляшичкою*; теперь, когда уже позоромъ считаютъ сближеніе съ народомъ, — молодыя попадьи, посылаютъ довѣренную женщину и уже *безъ пляшечки* — а простодай; на Колодія же молодиці сами сходятся къ попадьѣ, которая дѣлаетъ для нихъ ýчту; на *ильнóванія* ропщутъ, жалуются, а Колодій празднуютъ съ радостью и недовольны молодыми попадьями, что онѣ *и Колодія не справляють*. Давно я былъ очевидцемъ этого празднованія и не помню причитаній—будто снится мнѣ, что поминаютъ коноплю. Какъ у себя дома празднуетъ народъ Колодія, не знаю; знаю только, что неженившемуся парубку, который попадется въ руки, молодиця, или и старуха, привязываетъ къ рукѣ или къ ногѣ

(*) Ножъ *колодій* по-Подольски *колодáчъ*.

кусочекъ дерева,—преимущественно *качáлку*, какъ бы въ наказаніе за то, что не женился. Это и называется *вязати колодку*. Кому привяжутъ колодку, тотъ долженъ відкупитись — заплатить привязавшимъ, и того называютъ *нелюдянимъ*, *незвичайнимъ*, кто не *відкупитця*. Привязать колодку могутъ только однажды въ годъ.

Легко понять, что оставшіеся отъ прошлаго года парубки, становятся ватажками вновь подросшихъ, какъ опытнѣйшіе. Не трудно понять и то, что они *захóдя* только съ отборнѣйшими изъ дівчатъ и преимущественно съ оставшимися отъ прошлаго года. Разумѣется, мы не должны причислять сюда *вúбірки*: бракованныя дівчата ждутъ вдовцевъ. Подъ оставшимися отъ прошлаго года дівчатами, должно разумѣть тѣхъ, которыя не вышли замужъ по извѣстнымъ видамъ своимъ или родительскимъ, а также еще очень молодыхъ. Этимъ-то парубкамъ и эти-то дівчата *віддаю́ть колодкú*. Молодыя дѣвушки колодокъ *не віддаютъ*, а молодые парубки не получаютъ ихъ —и очень просто—потому, что *на пýщиня* они были незамѣчены, когда должаютъ на колодки.

Судя потому, что вяжутъ колодки неженившимся, что имъ же отдаютъ ихъ, притомъ за прошлыя услуги, и тѣ дівчата, которыя прошлый годъ *дівувáли*, можно заключать, что Колодій есть остатокъ праздника любви. До весны парубки и дівчата какъ бы разъединяются; но связываетъ ихъ *колодка*. Отдачей колодки начинаютъ праздникъ весны и новую связь съ парубками. Если обратимъ вниманіе на содержаніе нѣкоторыхъ гаивокъ, то окажется, что съ весны начинали мечтать о замужествѣ, слѣд. и о женитьбѣ. Поэтому можно предположить, что Колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна начальнымъ.

Обычай *віддавáти колодкú* не есть что-либо выдѣляющееся изъ общаго хода празднованія; но не выдѣляясь самъ, онъ не препятствуетъ и другимъ обычаямъ идти своимъ чередомъ, и составляетъ только одну изъ частей Великóдной обрядности. Притомъ онъ, какъ видимъ, принадлежитъ обоимъ поламъ, соединяетъ ихъ обязательствами. Между тѣмъ, все остальное строго дѣлится на двое—на *парубоче* и *на дівоче*.

Для празднованія Великодня, сходятся въ церковную ограду— *на цвúнтаръ*. Только первый день, впрочемъ, празднуютъ *на цвúнтарі*—всѣ безъ исключенія; на второй уже собираются въ шинокъ, и только не многіе—на *цвинтаръ*; на третій день—кто въ шинокъ идетъ,

а кто и дома сидитъ. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ про молодежь. Въ давнее время, говорятъ, праздновали долѣе вообще и долѣе въ церковной оградѣ; но теперь панщина и т. п. ослабила этотъ обычай и сжала празднованіе въ три дня свѣтлой недѣли — *Великóдного тúжня*.

Ан. Свидницкій.

(Слѣдуетъ продолженіе)

ОТВѢТЪ

КІЕВСКОЙ КОММИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, приступая къ изданію собранныхъ ею историческихъ матеріаловъ, неоднократно приглашала публику содѣйствовать ея трудамъ доставленіемъ актовъ, а также указаніемъ и открытіемъ историческихъ матеріаловъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, вмѣсто содѣйствія, Коммиссія, по выходѣ въ свѣтъ II–й части Архива югозападной Руси, встрѣтила въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ клеветы и обвиненія ея членовъ въ недобросовѣстности, не имѣющія никакого основанія. Не смотря на то, мы считаемъ долгомъ благодарить нашихъ критиковъ, такъ–какъ ихъ обвиненія подали намъ поводъ объяснить съ большею точностію цѣль и направленіе Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть ложныя мнѣнія, изложенныя въ статьяхъ нашихъ обвинителей.

Въ 1860 году, Коммиссія, заботясь о возможной полнотѣ и разносторонности своихъ изданій, исходатайствовала своему главному редактору г. Иванишеву разрѣшеніе отправиться въ Варшаву, для извлеченія историческихъ матеріаловъ изъ Главнаго Архива Царства Польскаго. По этому поводу, г. Совинскій напечаталъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ слѣдующее извѣстіе: «сюда (т. е. въ Кіевъ) возвратился изъ ученой поѣздки въ Царство Польское профессоръ Иванишевъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи. Онъ хвалится огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи Рѣчи Посполитой. Наибогатѣйшій рудникъ онъ нашелъ въ Піотрковѣ. Г–нъ

Иванишевъ—любитель судебныхъ скандаловъ. Въ своихъ поискахъ онъ особенное обращаетъ вниманіе на тѣ жалобы и манифестаціи, которыя подавались противъ давняго польскаго правительства; книгъ декретовыхъ избѣгаетъ какъ огня». [1])

Во всемъ этомъ извѣстіи г. Совинскаго нѣтъ ни одного слова правды. Г. Иванишевъ не только не открывалъ никакого рудника въ Піотрковѣ, но даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Г. Иванишевъ никогда не хвалился огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ; извѣстіе о его открытіяхъ только недавно было напечатано въ отчетѣ университета Св. Владиміра за 1860–61 учебный годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, что г. Иванишевъ, во время трехмѣсячной командировки въ Варшаву, разсмотрѣлъ 220 книгъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго и извлекъ изъ нихъ матеріалы для исторіи церкви въ Югозападной Руси, для исторіи мѣстной администраціи, акты о Козакахъ, жалованныя грамоты Кіеву, Чернигову, Владиміру-Волынскому и войтамъ Кіевскимъ, также ревизіи нѣкоторыхъ городовъ и старостъ. Изъ этихъ актовъ уже напечатаны во II–й части Архива, издаваемаго Коммиссіею: договоръ дворянъ Волынскихъ о защитѣ Люблинскаго православнаго братства, два бреве папы Климента VIII, статьи, постановленныя на избирательномъ сеймѣ 1632 г. для успокоенія православной церкви, списокъ западнорусскихъ дворянъ, присутствовавшихъ на этомъ сеймѣ; прочіе акты будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Коммиссіи. Неужели всѣ означенные акты, открытые г. Иванишевымъ, можно назвать юридическими скандалами?

Что касается до книгъ декретовыхъ, отъ которыхъ г. Иванишевъ, по выраженію г. Совинскаго, бѣжитъ какъ отъ огня, то подъ этимъ названіемъ разумѣются тѣ актовыя книги, въ которыя вносились судебныя дѣла и состоявшіяся по этимъ дѣламъ судебныя рѣшенія, или декреты. Такими судебными дѣлами и декретами наполненъ почти весь второй томъ изданнаго г. Иванишевымъ въ 1849 году сборника подъ заглавіемъ: Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Нѣсколько такихъ же судебныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ декретами, помѣщено въ I–й части Архива Югозападной Руси. Если г. Совинскому извѣстны декретовыя книги, которыхъ боится Коммиссія или ея главный редакторъ, то благороднѣе было–бы съ его стороны публи-

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г., № 75, стр. 795.

ковать объ этомъ съ большею опредѣленностію, обозначивъ, что онъ разумѣетъ подъ декретовыми книгами, и гдѣ эти книги находятся. Коммиссія почла-бы долгомъ воспользоваться указаніемъ г. Совинскаго; а до-тѣхъ-поръ мы имѣемъ право считать его объявленіе умышленною клеветою.

По выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива Югозападной Руси, достойнымъ продолжателемъ ложныхъ обвиненій, вымышленныхъ на редактора Коммиссіи г. Совинскимъ, явился г. Падалица (Зенонъ Фишъ, какъ объявлено въ Варшавской Библіотекѣ 1861 г. № 6, стр. 716).

Г. Падалица, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 30, обвиняетъ Коммиссію въ томъ, что ея трудами управляетъ духъ пристрастія, изображающій историческую жизнь Польши только съ невыгодной стороны, что Коммиссія питаетъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство и даетъ публикѣ выборки изъ актовъ, удовлетворяющіе не столько требованіямъ исторіи, сколько личнымъ предубѣжденіямъ членовъ Коммиссіи. Такія обвиненія въ намѣренномъ искаженіи истины и въ недоброжелательствѣ, направленныя противъ ученаго общества, заключающаго въ своемъ составѣ профессоровъ университета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, могли родиться только въ человѣкѣ, не знающемъ Польской исторіи и ослѣпленномъ ложнымъ патріотизмомъ.

Коммиссія предвидѣла, что, издавая акты, изображающіе политическую и религіозную борьбу двухъ національностей, она можетъ обнаружить такіе факты, которые покажутся странными и даже невѣроятными людямъ, состарѣвшимся въ ложныхъ историческихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ древней Польши и о томъ блаженствѣ, какимъ наслаждались народы, входившіе въ составъ Рѣчи-Посполитой. Поэтому, для устраненія упрека въ пристрастіи и односторонности, Коммиссія, приступая къ изданію Архива Югозападной Руси, приглашала всѣхъ, кому понятна важность отечественной исторіи, сообщать ей историческіе матеріалы [1]). Эта же просьба повторена была, при изданіи II-й части Архива. Коммиссія приглашала всѣхъ и каждаго свѣрять изданные ею акты съ подлинниками, хранящимися въ Центральномъ Архивѣ и обязывалась вносить въ свои изданія всѣ древніе

[1]) Архивъ Югозападной Россіи, т. I, стр. IX.

акты, на которые ей укажутъ, или которые будутъ ей доставлены, не обращая вниманія ни на какіе національные интересы [1]).

На это приглашеніе Коммиссіи не отозвался ни одинъ изъ ея порицателей. На какомъ же основаніи г. Падалица и его сподвижники обвиняютъ Коммиссію въ томъ, будто она выбираетъ и печатаетъ только акты, невыгодные для Поляковъ и соотвѣтствующіе личнымъ предубѣжденіямъ ея членовъ, и что члены Коммиссіи питаютъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство? Г. Падалица ссылается на общее убѣжденіе ученыхъ, которые имѣли случай ближе познакомиться съ историческими сокровищами, хранящимися въ стѣнахъ университета. Если-бы г. Падалица дѣйствительно интересовался открытіемъ исторической истины, то, вмѣсто недоказанныхъ обвиненій, просилъ-бы своихъ ученыхъ пріятелей указать на тѣ акты Центральнаго Архива, которые не напечатаны Коммиссіею, по пристрастію и ненависти къ Польшѣ; этимъ онъ уличилъ-бы Коммиссію въ недобросовѣстности и оказалъ-бы услугу отечественной исторіи; а до тѣхъ поръ, пока г. Падалица будетъ основывать свое обвиненіе на однихъ слухахъ, мы имѣемъ право его самого и его ученыхъ друзей считать клеветниками.

Г. Падалица говоритъ, что, для обнаруженія пристрастія и односторонности Коммиссіи, дворянство возъимѣло мысль опредѣлить въ Центральный Архивъ одного изъ своихъ членовъ, который-бы издавалъ акты независимо отъ Коммиссіи. Мы можемъ увѣрить г. Падалицу, что эту мысль возъимѣли первоначально не дворяне, а нѣкоторые изъ членовъ Коммиссіи.

Въ 1859 г., предсѣдатель Коммиссіи, Юзефовичъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній ассигновать сумму на жалованье редактору, который избирался-бы дворянствомъ изъ извѣстныхъ ему польскихъ ученыхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался разборомъ актовъ въ Центральномъ Архивѣ и изданіемъ ихъ въ свѣтъ. Это предложеніе было одобрено дворянами и доведено предсѣдателемъ Коммиссіи до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальника, который изъявилъ на то полное свое согласіе. Въ прошедшемъ 1860 г., главный редакторъ Коммиссіи, г. Иванишевъ, по просьбѣ Кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. Бутовича,

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, т. I., стр. XI.

составилъ, по этому же предмету, записку, для представленія дворянскому собранію. Въ этой запискѣ предположено, чтобы дворяне Кіевской, Подольской и Волынской губерній, сверхъ редактора, избирали четырехъ окончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, которые-бы, занимаясь въ Центральномъ Архивѣ, подъ руководствомъ редактора, участвовали въ изданіяхъ Коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучались къ разработкѣ отечественной исторіи, на основаніи подлинныхъ документовъ. Дворянство Кіевской губерніи опредѣлило ассигновать для этого 1500 руб. ежегодно; но дѣло остановилось только потому, что дворяне Подольской и Волынской губерній до-сихъ-поръ не постановили, по этому предмету, никакого рѣшенія. Въ справедливости нашихъ словъ мы ссылаемся на г. Бутовича и извѣстнаго польскаго литератора Михаила Грабовскаго, которые принимали въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Съ редакторомъ Коммиссіи г. Падалица сражается не равнымъ оружіемъ. Редакторъ Коммиссіи основываетъ свои выводы на открытыхъ имъ постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, на актахъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго, на актахъ Метрики Литовской, на сеймовыхъ конституціяхъ и на сочиненіяхъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Г. Падалица отвѣчаетъ на все это бранью, обвиняетъ редактора въ односторонности и пристрастіи, не считая нужнымъ подтверждать своихъ словъ никакими доказательствами. Въ какой степени полезна для науки и прилична подобнаго рода критика, мы предоставляемъ судить читателямъ.

Всѣ эти обвиненія происходятъ главнымъ образомъ оттого, что г. Падалица не понялъ значенія статей, помѣщаемыхъ предъ каждымъ томомъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Цѣль и объемъ этихъ статей объяснены въ предисловіи къ 1-му тому первой части Архива. Тамъ сказано, что, въ началѣ каждаго тома, Коммиссія предполагаетъ помѣщать изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ издаваемыхъ актахъ и которыми обогащается отечественная исторія [1]). Изъ этого видно, что статья редактора Коммиссіи, на которую нападаетъ г. Падалица, имѣетъ цѣлію изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и поэтому эта статья не можетъ считаться законченнымъ историческимъ

---

[1]) Архивъ Югозападной Россіи ч. I, т. I, стр. IX.

очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія. Если съ этой точки смотрѣть на статьи редактора Коммиссіи, помѣщаемыя въ началѣ каждаго тома актовъ, то упреки въ односторонности будутъ совершенно несправедливы.

Чтобъ доказать односторонность и пристрастіе Коммиссіи, г. Падалица прибѣгаетъ къ средствамъ, недозволеннымъ ни въ какой литературѣ, приписывая редактору Коммиссіи мысли, противныя здравому смыслу. Такъ г. Падалица утверждаетъ, будто, по мнѣнію редактора Коммиссіи, Люблинской уніи никто не хотѣлъ, и что она никому не была нужна [1]). Стоитъ только прочесть слѣдующія слова редактора Коммиссіи, чтобъ удостовѣриться, съ какою недобросовѣстностью г. Падалица искажаетъ мысли автора: «присоединеніе югозападной Руси къ Польшѣ,» говоритъ редакторъ Коммиссіи, «постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами» [2]). Предоставляемъ каждому судить, въ какой степени эта мысль похожа на ту, которую г. Падалица приписываетъ редактору Коммиссіи.

Мы не понимаемъ, отъ чьего имени говоритъ г-нъ Падалица, упрекая Коммиссію въ пристрастіи и недоброжелательствѣ. «Труды Коммиссіи,» говоритъ онъ, «изображаютъ только съ дурной стороны *наше* прошедшее» [3]). Акты, напечатанные Коммиссіею въ Архивѣ, изображаютъ съ дурной стороны: жалкое состояніе западно-русской православной іерархіи [4]), грубость и жестокіе поступки западно-русскихъ дворянъ [5]), разбойническій духъ козачества [6]), дѣйствія Римской пропаганды и происки іезуитовъ, самовластіе польскихъ аристократовъ и религіозный фанатизмъ короля Сигизмунда III. Не знаемъ, къ какому изъ этихъ сословій причисляетъ себя г. Падалица. Но если, подъ словомъ *наше* прошедшее, онъ разумѣетъ прошедшую судьбу польскаго народа и принимаетъ на себя роль его защитника отъ на-

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г. № 30, стр. 286.
[2]) Арх. ю. з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIII.
[3]) Виленскій Вѣстн. 1861 г., № 30, стр. 286.
[4]) Ар. ю. з. Р. ч. I, т. I, стр. 7—15, 29, 152, 159 и друг.
[5]) Тамъ-же. стр. 163, 189, 257, 286, 311 и др.
[6]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. 118, 136, 230 и 277.

паденій Коммиссіи, то онъ жестоко ошибается, и трудъ его совершенно напрасенъ,—потому-что въ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ Коммиссіею въ Архивѣ, онъ не найдетъ ни одной строчки, оскорбительной для Польскаго народа.

Негодованіе, съ какимъ смотрятъ нѣкоторые изъ отсталыхъ польскихъ патріотовъ на труды Коммиссіи, происходитъ преимущественно оттого, что они поверхностно знаютъ польскую исторію. Настоящіе польскіе ученые, изучавшіе исторію своего отечества во всей глубинѣ и обширности, по несомнѣннымъ памятникамъ, во многомъ сходны въ результатахъ своихъ изслѣдованій съ выводами, вытекающими непосредственно изъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Для примѣра возьмемъ исторію Морачевскаго [1]), родовитаго Поляка и пламеннаго польскаго патріота, жертвовавшаго для своего отечества жизнію и имуществомъ. Въ краткомъ жизнеописаніи этого ученаго сказано, что онъ долго готовился къ своему труду, пріобрѣталъ для своей библіотеки самыя рѣдкія сочиненія, прилежно изучалъ писателей, современныхъ каждой эпохѣ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ, усердно работалъ надъ правомъ польскимъ и, для исторіи обычаевъ и просвѣщенія въ Польшѣ, много заимствовалъ матеріаловъ изъ польскихъ конституцій и литовскихъ статутовъ [2]). Польская исторія, написанная Морачевскимъ, заслужила восторженныя похвалы Лелевеля, который находитъ въ этомъ сочиненіи вѣрное изображеніе исторіи Польши, проникнутое безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству (3). Возьмемъ нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго, касающіяся польской исторіи, и сравнимъ съ ними свѣдѣнія, заключающіяся въ изданіяхъ Коммиссіи.

Редакторъ Коммиссіи, основываясь частію на открытыхъ имъ матеріалахъ, частію на актахъ, извлеченныхъ ученымъ Дзялынскимъ изъ Метрики Литовской [4]), и на сеймовыхъ конституціяхъ, вывелъ заключеніе, что въ 1386 году, соединеніе Литвы и Югозападной Руси съ Польшею имѣло чисто-федеративный характеръ, вслѣдствіе котораго каждое изъ соединенныхъ государствъ, находясь подъ властію одного государя, должно было сохранять *главныя условія политической самостоятельности* [5]). Морачевскій идетъ гораздо далѣе: онъ

---

[1]) Dzieje Rzeczy Pospolitéj Polksiéj. Poznan, 1855.
[2]) Moraczewski, Dzieje Rz. Pols. T. IX, стр. XXII.
[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. XXX.
[4]) Zbior praw Litewskich. Poznan, 1841.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XVIII.

утверждаетъ, что *соединеніе Литвы съ Польшею было только кажущееся, а не дѣйствительное*, и что оно вѣрнѣе можетъ быть названо *договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ противъ могущественнаго Нѣмецкаго Ордена* [1]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видны всѣ невыгоды избирательнаго образа правленія, ярко выступавшія особенно во время междуцарствія [2]). Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «при выборѣ короля, только малое число честныхъ пановъ руководствовалось любовію къ отечеству и внутреннимъ убѣжденіемъ; большинствомъ управлялъ матеріальный интересъ, опутываемый дипломатическими тонкостями, и давалъ избранію то или другое направленіе. Низшая шляхта трубила въ трубу своихъ милостивыхъ пановъ, рубилась и убивала изъ пулгаковъ, потому что панъ, одержавшій побѣду при избраніи короля и содѣйствовавшій къ возведенію его на престолъ, возвышалъ не только себя, но и своихъ придворныхъ, доставляя имъ въ управленіе и пользованіе государственныя имѣнія [3]). По смерти короля, затворялись храмы правосудія, и даже не было никого, кто—бы, по закону, могъ захватить преступника на мѣстѣ преступленія. Поэтому, злые люди, пользуясь этимъ временемъ, принимались за грабежи, поджоги и разбои; словомъ, одна безправная сила властвовала. Междуцарствіе было мрачнымъ событіемъ для всѣхъ честныхъ людей и для цѣлаго общества» [4]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видно, что въ XVII вѣкѣ Посольская Изба, выражавшая голосъ провинціальнаго дворянства, потеряла всякое значеніе, и что на желанія республики, выраженныя въ инструкціяхъ дворянства, не было обращаемо надлежащаго вниманія [5]). Этотъ самый недостатокъ замѣчаетъ и Морачевскій, изображая законодатетьную власть сейма: «сеймъ, бывшій въ 1638 году, оказался весьма бурнымъ. Роптали на то, что шляхта напрасно совѣщается въ своей Избѣ, потому-что сенатъ постановляетъ, отдѣльно отъ Посольской Избы, все, что ему угодно. Онъ издаетъ законы, но не публикуетъ ихъ установленнымъ порядкомъ и обращаетъ ни во что самыя

---

[1]) Moraczewski, Dz. R. P. Pols. T. II, 181.
[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXVI и XXVII.
[3]) Moraczewski. Dz. Rz. Pol. T. VI, p. 147.
[4]) Тамъ-же, т. II, стр. 221.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XXV.

лучшія постановленія Избы Посольской. Изъ этого выходитъ, что *Рѣчь Посполитая даже и не знаетъ, подъ какими законами живетъ она*» [1]).

Въ статьѣ редактора Коммиссіи, изображающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, сказано: «великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, ими причиняемое, ничѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и контрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручали, въ 1649 году, посламъ своимъ спросить на Варшавскомъ сеймѣ: «*долго-ли отчизна наша къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ*« [2]).

Объ этомъ-жъ самомъ предметѣ читаемъ у Морачевскаго: »въ 1634 году, весело, говоритъ Альбертъ Радзивилъ, возвращалось войско наше въ отечество, но невесело отчизна принимала его,—потому-что жолнеры на походѣ, хуже непріятеля, опустошали дворянскія, церковныя и королевскія земли. Они вымогали деньги, брали непомѣрные провіанты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что *бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, запрягали въ возы, погоняя ихъ кіями и канчуками*. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе Татары имѣютъ болѣе любви и состраданія къ ближнему, чѣмъ иногда наши. Особенно Литвѣ дали себя знать Поляки« [3]).

Изданные Коммиссіею акты изображаютъ въ жалкомъ видѣ состояніе Югозападной Руси, по присоединеніи этого края къ Польшѣ. Морачевскій, описывая войны Хмельницкаго, касается этого предмета слѣдующими словами: »казалось, наступила для Поляковъ пора дать отвѣтъ за смертельный въ политическомъ отношеніи грѣхъ, состоявшій въ томъ, что они, со времени возшествія на престолъ Сигизмунда III, упустили изъ виду понятіе о справедливости. Смѣшавъ политику съ теологіей, проникшись латинскимъ фанатизмомъ, они попирали религію и права равноправной Руси, которая только братствомъ,

---

[1]) Moraczewski. Dz. Rz, Pols. T. VII, стр, 352.

[2]) Архив. ч. II. т. I, стр. XXXII.

[3]) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk., T. VII, стр. 310.

а не превосходствомъ силы, соединилась съ Рѣчью Посполитою, Руси, которая сильно увеличила могущество Польши и считала свое вѣроисповѣданіе также святымъ, какъ Поляки римско-католическое« [1]).

Вотъ какъ пишетъ о давней Польшѣ настоящій Полякъ, ревностный патріотъ и истинный ученый. Теперь мы спросимъ нашихъ обвинителей: чѣмъ эта картина, нарисованная г. Морачевскимъ, свѣтлѣе той, какую представляютъ намъ издаваемые Коммиссіею акты, и не въ правѣ-ли мы повторить, что все негодованіе отсталыхъ польскихъ патріотовъ имѣетъ своимъ источникомъ незнаніе отечественной исторіи?

Къ нашему удивленію, разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы, наполненная грубыми ошибками и ложными, ни на чемъ не основанными обвиненіями, была перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, газетѣ академической, съ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя мысли, въ этой статьѣ изложенныя, не лишены основанія [2]).

Въ помощь г. Падалицѣ, явилась въ апрѣльской книжкѣ *Современника*, критика на изданный Коммиссіею I-й томъ второй части Архива Югозападной Руси. Безыменный критикъ, разбирая это изданіе, заподозрилъ Коммиссію въ какихъ-то, какъ онъ выражается, заднихъ цѣляхъ. Это подозрѣніе г. критика опровергается тѣмъ, что означенное выше изданіе, заключающее въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, было предположено уже въ 1859 году и вошло въ планъ, начертанный Коммиссіею для Архива Югозападной Руси и объявленный для всеобщаго свѣдѣнія [3]). Коммиссія, предпринимая изданіе означенныхъ выше матеріаловъ, имѣла не какую нибуь заднюю, а туже самую цѣль, какъ и при изданіи другихъ историческихъ матеріаловъ, именно разъясненіе исторіи Югозападной Руси, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Предсѣдатель Коммиссіи, г. Юзефовичъ, въ своемъ объясненіи, приложенномъ къ означенному выше изданію, изъявилъ готовность содѣйствовать каждому, кто пожелалъ-бы повѣрять изданія Киммиссіи съ оригиналами, хранящимися въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, обязываясь печатать каждый, открытый изслѣдователемъ актъ, свидѣтельствующій въ пользу польскаго начала въ югозападной Руси [4]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 127.
[2]) С. Петербургскія Вѣдомости 1861 г., № 170.
[3]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. XI.
[4]) Архивъ, ч. I, т. I, стр. VIII.

Этимъ словамъ критикъ далъ совершенно-ложное толкованіе. Онъ полагаетъ, будто, безъ дозволенія предсѣдателя Коммиссіи, нельзя никому дѣлать справки въ Центральномъ Архивѣ, и разсуждаетъ о неудобствѣ обращаться къ предсѣдателю Коммиссіи, прибавляя, что не всякій рѣшится высказывать недовѣрчивость къ Коммиссіи, состоящей при высшемъ мѣстномъ начальникѣ. Считаемъ долгомъ увѣрить читателей, что всѣ эти разсужденія не имѣютъ никакого основанія.

Центральный Архивъ есть установленіе совершенно отдѣльное отъ Кіевской Коммиссіи для разбора актовъ и находится въ завѣдываніи Правленія Университета Св. Владиміра. Для членовъ Коммиссіи открытъ входъ въ Архивъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и для всѣхъ другихъ лицъ. Желающіе пользоваться актовыми книгами прямо обращаются къ начальнику Архива и могутъ дѣлать повѣрки и выписки, не обращаясь къ предсѣдателю Коммиссіи и нисколько не опасаясь высшаго мѣстнаго начальства. Чтобъ облегчить повѣрку изданныхъ Коммиссіею актовъ съ оригиналами, критикъ *Современника* совѣтуетъ размѣстить всѣ изданныя уже Коммиссіею дѣла въ рукописяхъ, съ которыхъ они напечатаны, въ шкафахъ за нумерами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ изданіи, и предоставить каждому приходить и повѣрять. Такой совѣтъ можетъ давать только тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ архивовъ.

Каждый архивъ слѣдуетъ опредѣленному порядку въ размѣщеніи книгъ и рукописей. Какое же право имѣетъ Коммиссія требовать, чтобы для нея былъ нарушаемъ установленный въ архивѣ порядокъ? Притомъ, распредѣленіе рукописей сообразно съ изданіями Коммиссіи было-бы совершенно излишнимъ, потому-что подъ каждымъ актомъ, напечатаннымъ въ изданіяхъ Коммиссіи, означено, въ какой книгѣ и на какой страницѣ находится отыскиваемый актъ. По этому указанію, рукопись немедленно отыскивается и вручается, безъ всякихъ затрудненій, требователю. Въ справедливости всего нами сказаннаго, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Мнѣніе критика насчетъ состоянія Югозападной Руси подъ владычествомъ Польши во многомъ согласно съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею. Критикъ предполагаетъ извѣстнымъ и даже слишкомъ извѣстнымъ, »что въ западной и южной Руси существовала боязнь и оппозиція противъ окончательнаго соединенія съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ, что соединеніе послѣдовало съ гарантіею вѣры, языка и обычая со стороны Польши,

и что, вслѣдъ затѣмъ, начались іезуитскія махинаціи противъ вѣры, дворянство передѣлалось въ Поляковъ и католиковъ, а угнетеніе народа произвело козацкую революцію, что понятіе о равенствѣ гражданскихъ правъ сосредоточилось на одномъ шляхетскомъ классѣ, а остальная масса была повержена въ крайнее порабощеніе« [1]).

Соглашаясь во всемъ этомъ къ Коммиссіею, критикъ *Современника*, вслѣдъ за г. Падалицею, все-таки упрекаетъ ее въ пристрастіи и односторонности, требуя, чтобъ она изобразила »вѣрную и подробную картину состоянія края и народнаго быта до соединенія съ Польшею, чтобъ она представила совокупность понятій, убѣжденій, вѣрованій—всего, что входило въ кругъ тогдашняго народнаго образованія« [2]). Мы уже замѣтили выше, въ какой степени такое требованіе несправедливо. Для устраненія подобныхъ упрековъ и притязаній на будущее время, мы повторяемъ, что Коммиссія не имѣетъ своею задачею писать полную исторію Польши и Югозападной Руси, а издаетъ только историческіе матеріалы, излагая ихъ содержаніе въ статьяхъ, прилагаемыхъ къ каждому тому.

Издавая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, Коммиссія полагала, что она этимъ изданіемъ доставляетъ исторіи несомнѣнныя свѣдѣнія, изображающія общественный бытъ Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Не такъ думаетъ критикъ *Современника:* онъ полагаетъ, что нельзя вѣрно представить бытъ страны, по памятникамъ повседневной общественной письменности края, пользовавшагося свободою слова, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на Англію. Если-бы, говоритъ критикъ, собрать все дурное, что Англичане пишутъ и говорятъ о себѣ, то Англія представлялась-бы самою печальною въ мірѣ страною [3]).

Приведенный критикомъ примѣръ Англичанъ нисколько не уменьшаетъ исторической важности и достовѣрности результатовъ, вытекающихъ изъ сеймовыхъ постановленій. Англичане стараются разъяснить свое прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, не увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ, не боясь отыскивать дурныя стороны въ исторіи своего народа. Для этого они пользуются всѣми возможными памятниками, отечественными и иностранными, частными и офиціальными, лишь-бы

---

[1]) Современникъ 1861 г., № IV, стр. 441.
[2]) Тамъ-же, стр. 443.
[3]) Тамъ-же, стр. 441.

только эти памятники были достовѣрны. Доказательствомъ можетъ служить исторія Маколея, въ которой самыми черными красками изображается продажность парламента, безсовѣстность судей, религіозная нетерпимость государей и поразительная испорченность высшаго сословія.

Изображая состояніе парламента при Вильгельмѣ III, англійскій историкъ говоритъ, что въ вѣдомствѣ государственнаго казначейства состояло особое бюро, гдѣ члены парламента открыто продавали свои голоса правительству, и что существованіе этого бюро также хорошо было извѣстно каждому Англичанину, какъ существованіе рынка для продажи скота въ Смитфильдѣ.

Актовыя книги XVII вѣка, въ которыхъ вписывались политическія судебныя дѣла, составляютъ, по мнѣнію Маколея, самую ужасную лѣтопись низости и разврата, какая только можетъ существовать на свѣтѣ. Король, чтобъ избавиться отъ противурѣчившихъ ему безпокойныхъ сановниковъ, употреблялъ клятвопреступныхъ свидѣтелей, избранныхъ, по его произволу, присяжныхъ и продажныхъ наглыхъ судей. До революціи 1688 года, суды въ Англіи были грязными бойнями, куда каждая партія тащила поочередно своихъ противниковъ, и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, тори или вигъ, священникъ или ольдерманъ, все было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь-бы была возможность наживать деньги и проливать кровь. При такомъ состояніи судовъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ царствованіе одного Генриха VIII, современника польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, 27,000 людей погибло отъ руки палача.

Религіозная нетерпимость королевы Елисаветы, современницы Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III, простиралась до того, что отправленіе богослуженія, по обрядамъ римско-католической церкви, запрещалось подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и тюремнаго заключенія; а если кто обращалъ протестанта въ римско-католическую вѣру, то совратитель и совращенный подвергались смертной казни, какъ за государственную измѣну.

Изображая испорченность англійскаго общества при Карлѣ II, современникѣ Яна Казиміра, Маколей говоритъ: »распутство стало доказательствомъ преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило нрав-

ственность самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всѣ отрасли литературы. Кутежи того вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой-нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабакѣ съ своими красавицами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, какая-то низость и грязность, которымъ нѣчто подобное можно найдти развѣ у героевъ и героинь грязной, безчувственной литературы, поощрявшей подобныя явленія«.

Вотъ какъ описываетъ великій англійскій историкъ состояніе своего отечества, на основаніи офиціальныхъ актовъ и сказаній своихъ соотечественниковъ! Въ сравненіи съ этою картиною, изображеніе Рѣчи Посполитой, составленное редакторомъ Кіевской Коммиссіи, на основаніи сеймовыхъ постановленій, является только блѣдною тѣнью; а между тѣмъ, никто изъ Англичанъ не думаетъ упрекать Маколея въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, а напротивъ, его исторія пользуется огромною популярностію. Такъ станемъ-же подражать Англичанамъ и ихъ великому историку, не будемъ сердиться за правду, какъ-бы она горька ни была, но будемъ выводить на свѣтъ божій все, что́ было хорошаго и дурнаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Этимъ только путемъ мы достигнемъ истиннаго самопознанія; а самопознаніе есть первое условіе мирнаго прогресса, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Критикъ *Современника*, согласно съ г. Падалицею, особенно нападаетъ на мнѣніе, высказанное редакторомъ Коммиссіи насчетъ присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ. Но это мнѣніе критикъ Современника передаетъ не совсѣмъ вѣрно, приписывая редактору Коммиссіи мысль, что Люблинская унія была источникомъ *всѣхъ* бѣдствій Югозападной Руси, единственною причиною всего, что́ только было дурнаго въ этомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкѣ, и что будто бы эта мысль есть единственный предметъ, на которомъ сосредоточено все вниманіе сочинителя. Такое обвиненіе доказываетъ только, что критикъ не вникнулъ въ содержаніе статьи редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ опредѣляется, во-первыхъ, федеративный характеръ соединенія Литвы и Югозападной Руси съ Польшею въ 1385 году; затѣмъ слѣдуетъ Люблинская унія и ея послѣдствія; потомъ изображается борьба западнорусскаго дворянства за русскій языкъ и православную вѣру, наконецъ причины, содѣйствовавшія къ полонизированію западнорусскаго дворянства и къ ослабленію южно-русскихъ элементовъ

въ этомъ сословіи. На каждый изъ этихъ предметовъ обращено вниманіе, и о каждомъ изъ нихъ изложены главнѣйшія свѣдѣнія, какія можно бѣло извлечь изъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ Коммиссіею и пополненныхъ другими источниками.

Обвиненіе редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ считаетъ Люблинскую унію источникомъ *всѣхъ* бѣдствій и *всего* дурнаго въ Югозападной Руси, совершенно несправедливо. Невыгоды, какимъ подвергся этотъ край, извлечены редакторомъ изъ сеймовыхъ постановленій и подробно исчислены, на основаніи жалобъ западнорусскаго дворянства. Эти невыгоды заключались въ своеволіи магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, въ несправедливой раздачѣ староствъ и высшихъ государственныхъ должностей, въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ власти судебной и исполнительной, въ неистовствахъ желнеровъ и въ преслѣдованіи православной религіи [1]). Всѣ эти невыгоды изображены со словъ дворянства, излагавшаго свои мысли въ инструкціяхъ посламъ, отправлявшимся на генеральный Варшавскій сеймъ. Излагая жалкое положеніе края послѣ Люблинской уніи, редакторъ Коммиссіи представилъ выписку изъ сеймоваго постановленія, въ которой дворянство волынское изображаетъ свое положеніе мрачными красками. Это сеймовое постановленіе относится къ 1622 году. Къ-несчастію, вмѣсто 1622, по ошибкѣ напечатанъ 1522 годъ. Эта опечатка подала поводъ критику *Современника* обвинить редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ намѣренно искажаетъ историческую истину, потому что, изображая невыгоды Люблинскаго соединенія, бывшаго въ 1569 году, онъ заимствуетъ доказательства изъ временъ, далеко предшествовавшихъ этому событію, то-есть изъ акта 1522 года. Еслибы критикъ Современника основательно зналъ исторію, то онъ легко догадался бы, что 1522 годъ напечатанъ по ошибкѣ, такъ-какъ въ этомъ году провинціальные сеймы въ Югозападной Руси еще не существовали; притомъ же, стоило только критику взглянуть на выноску, помѣщенную подъ текстомъ [2]), и онъ увидѣлъ бы, что означенная выше выписка заимствована изъ сеймоваго постановленія 1622 года.

О самомъ Люблинскомъ сеймѣ, на которомъ постановлено было соединеніе Польши съ Югозападною Русью, критикъ имѣетъ невѣрное

---

[1]) Ар. ю з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIV.

[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXXIII.

понятіе. Коммиссія напечатала открытый ею въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ универсалъ, которымъ король Сигизмундъ Августъ повелѣлъ дворянству согласиться на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая непослушнымъ конфискаціею имѣнія. Тамъ же приложенъ и присяжный листъ, изъ котораго видно, что весьма значительное число дворянъ и притомъ представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, не явились къ присягѣ, несмотря на угрозу [1]). Изъ этого весьма естественно выводится заключеніе, что присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ нельзя назвать добровольнымъ, такъ-какъ оно вынуждено было королевскою угрозою. Критикъ *Современника* смотритъ иначе на это обстоятельство. Онъ полагаетъ, что означенный выше универсалъ есть только актъ распорядительный, понуждающій къ исполненію того, что уже было рѣшено законодательною властію сейма. Стоитъ только взглянуть въ акты, относящіеся къ Люблинскому сейму, напечатанные въ Volumina Legum, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности этого мнѣнія. Означенный выше универсалъ данъ былъ королемъ 25 мая 1569 года. На другой день, то есть 26 мая 1569 года, когда дворяне не могли еще получить этого универсала, подписана была королевская грамота о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ. Сигизмундъ Августъ объявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ присоединяетъ землю Волынскую къ Польшѣ, по собственному замышленію и по доброй своей волѣ (z pewney wiadomośći naszey, a z woli uprzeymey a osobliwey), съ добровольнаго согласія всѣхъ сословій земли Волынской [2]). Универсалъ 1569 г. мая 25, напечатанный Коммиссіею, тѣмъ и важенъ, что онъ совершенно опровергаетъ эту послѣднюю фразу короля о мнимомъ согласіи дворянства и тѣмъ самымъ подрываетъ то основаніе, на которомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ утвердить предпринятое имъ, по произволу, безъ участія сейма, соединеніе Польши и Югозападной Руси. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 11 августа 1569 года, королевская воля была утверждена Люблинскимъ сеймомъ [3]). Изъ этого ясно видно, что изданный Коммиссіею универсалъ, 1569 мая 25, не былъ только актъ распорядительный, понуждавшій къ исполненію сеймоваго постановленія, какъ думаетъ критикъ, напротивъ того, онъ предшест-

---

[1]) Тамъ-же, стр. I.

[2]) Vol. Leg. pag. 754.

[3]) Тамъ же pag. 776 и 780.

вовалъ какъ королевской грамотѣ о присоединеніи земли Вольнской къ Польшѣ, такъ и сеймовому постановленію, подтвердившему эту грамоту.

Обвиняя русскихъ писателей въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на выгоды, происходившія для югозападной Руси отъ соединенія съ Польшею, критикъ Современника принялъ на себя трудъ открыть эти выгоды, въ исторіи Польши, и представить ихъ русскимъ историкамъ. Важнѣйшею выгодою онъ считаетъ »сознательное право Земли заявлять свободный свой голосъ, излагать свои нужды, свои мнѣнія о положеніи, о потребностяхъ общаго отечества и своего роднаго края«. Противъ этого можно замѣтить, что если подъ словомъ Земля разумѣть всѣ сословія государства или извѣстнаго края, то право Земли свободно заявлять свой голосъ о нуждахъ и потребностяхъ края никогда не существовало ни въ Польшѣ, ни въ Югозападной Руси. Это право принадлежало одному только шляхетскому сословію, которое и воспользовалось своею привиллегіею для того, чтобы захватить въ свою пользу исключительныя преимущества, вредныя для цѣлаго государства и для всѣхъ прочихъ сословій.

Для уразумѣнія древняго устройства Рѣчи Посполитой, нужно обращать вниманіе на двѣ области, которыя въ благоустроенныхъ государствахъ должны сливаться въ одно цѣлое, но которыя въ давней Польшѣ расходились одна отъ другой на далекое разстояніе. Подъ этими областями мы разумѣемъ, во-первыхъ, основныя начала права, вошедшія въ древнее польское законодательство, и во-вторыхъ, явленіе этихъ началъ въ дѣйствительной жизни. Если мы будемъ разсматривать соціальныя начала Рѣчи Посполитой въ одной отвлеченной области права, независимо отъ дѣйствительной жизни, то найдемъ тамъ: свободу, равенство, самоуправленіе, вѣротерпимость и другія понятія, къ осуществленію которыхъ стремятся въ настоящее время цивилизированныя государства. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, мы можемъ оправдать идеалистическій взглядъ Мицкевича на устройство Рѣчи Посполитой. Но если станемъ искать означенныхъ нами началъ въ дѣйствительной жизни западнорусскаго народа, то мы или вовсе не найдемъ ихъ, или найдемъ въ странно-искаженномъ видѣ. Вмѣсто свободы, мы найдемъ разрушительное своеволіе, вмѣсто равенства — деспотизмъ немногихъ аристократовъ, вмѣсто самоуправленія — неустройство судовъ и безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, вмѣсто вѣротерпимости — религіозный фанатизмъ и преслѣдованія иновѣр-

цевъ. Всѣ эти недостатки и рѣзкій контрастъ межд правомъ и дѣйствительностію весьма ясно изображаются въ изданныхъ Коммиссіею постановленіяхъ провинціальныхъ сеймовъ. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, Маколей характеризуетъ Рѣчь Посполитую тремя слѣдующими чертами: кукольный государь, буйствующій сеймъ и народъ, погруженный въ рабство (a puppet sovereign , a turbulent diet and an enslaved people) (1).

Такъ же точно и на право шляхты заявлять свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ мы должны смотрѣть съ двоякой стороны: въ отвлеченной области польскаго законодательства, это право представляется весьма важнымъ; но въ дѣйствительной жизни оно является въ искаженномъ видѣ и потому имѣло многія вредныя послѣдствія для Юго-западной Руси. Органами, для выраженія общественнаго мнѣнія, въ первой инстанціи, служили провинціальные сеймы; но въ этихъ законосовѣщательныхъ собраніяхъ голосъ шляхты былъ подавляемъ своеволіемъ немногихъ аристократовъ. Извѣстный уже намъ польскій историкъ Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «Провинціальные сеймы Великаго княжества Литовскаго производили дѣла не въ духѣ польской вольности; имъ оказывали сопротивленіе князья и сильные паны. На генеральномъ сеймѣ 1569 года, поданы были жалобы, что на провинціальные сеймы съѣзжаются только воевода, староста и хорунжій. Эти лица пишутъ что имъ угодно, и разсылаютъ по домамъ шляхтѣ, для приложенія печатей; а которые отказываются приложить печати, тѣмъ грозятъ кіями (2).» Въ XVII вѣкѣ, провинціальные сеймы достигаютъ большаго развитія, какъ это можно видѣть изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, но зато опредѣленія дворянъ, постановленныя этими законодательными собраніями, мало принимались въ уваженіе генеральными варшавскими сеймами. Дворянство волынское говорило, чрезъ пословъ своихъ, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1645 году: «зеница вольностей нашихъ есть Посольская Изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхта исключена изъ сейма, безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, гибнутъ какъ инструкціи, даваемыя шляхтою посламъ на Варшавскій сеймъ, такъ и проэкты законовъ, предлагаемыхъ шляхтою въ Посольской Избѣ (3).« Изъ этого можно заключить,

(1) Coll. of British authors. Tauchnitz edition, vol. 337 p. 297.
(2) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk. T. VI, p. 158.
(3) Арх. Юго-западной Руси, ч. II, т. I, стр. XXV.

что голосъ шляхты и заявленіе частныхъ и общественныхъ потребностей не были выраженіемъ народнаго духа; что этотъ голосъ терялся, среди всеобщаго разстройства, возбуждая одно только неудовольствіе, выражавшееся протестами на сеймахъ, мятежными рокошами и конфедераціями. Поэтому мы весьма сомнѣваемся, чтобы право подавать голосъ, предоставленное одному сословію и притомъ въ такомъ искаженномъ видѣ, можно было считать, какъ полагаетъ критикъ *Современника*, важнѣйшею выгодою, которою наслаждалась Югозападная Русь, по соединеніи съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ.

Вторая выгода, которою пользовалась, по мнѣнію критика, Югозападная Русь, вслѣдствіе соединенія съ Польшею, состояла въ благотворномъ распространеніи просвѣщенія іезуитами. Не будемъ разсуждать о благотворности іезуитскаго образованія; надъ этимъ образованіемъ уже произнесла судъ своей исторія. Замѣтимъ только, что критикъ, считая іезуитское образованіе благотворнымъ для Югозападной Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ исчисляетъ его гибельныя послѣдствія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ явное противурѣчіе: «іезуиты, говоритъ критикъ, въ короткое время успѣли, посредствомъ воспитанія и реформированія понятій, не только поддержать падающее католичество, но и распространить его между тѣми, которые его не исповѣдывали, бросить въ понятіе религіозный фанатизмъ и подорвать въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность» [1]). Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ о послѣдствіяхъ іезуитскаго образованія, но мы сомнѣваемся, чтобы Югозападная Русь была за это благодарна Польшѣ. Защищая важность іезуитскаго образованія, критикъ подверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что будто бы князь Константинъ Острожскій отдавалъ похвалу іезуитской системѣ воспитанія (445). Эта мысль совершенно противна общепринятому мнѣнію, что князь Константинъ Острожскій послѣдніе годы своей жизни провелъ въ борьбѣ съ іезуитами, что, противудѣйствуя ихъ гибельному вліянію, онъ учреждалъ православныя училища, выписывалъ ученыхъ Грековъ, заводилъ типографіи и печаталъ славянскія книги, для поддержанія православія и Русской народности. Мы полагаемъ, что критикъ открылъ какіе–нибудь новые историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе; но пока эти матеріалы сдѣлаются извѣстными, мы приведемъ слѣдующія слова изъ письма

[1]) Совр. стр. 443.

князя Константина Острожскаго къ Львовскому Православному братству. Поручая надзоръ за своимъ сыномъ этому братству, князь писалъ: «Бога рада попеченіе всяко сотворите, да не имутъ въ немъ (т. е. въ его сынѣ) части ни единыя езуиты [1]).»

Теперь мы спросимъ, къ какимъ результатамъ привели критика всѣ усилія открыть и доказать выгоды, доставшіяся на долю Югозападной Руси, отъ соединенія съ Польшею въ 1569 году? Невыгоды: »іезуитскія махинаціи противъ вѣры, преобразованіе западнорусскаго дворянства въ Поляковъ и католиковъ, угнетеніе народа, бывшее причиною козацкой революціи (стр. 141)». Выгоды: сомнительное, вредное на практикѣ право подавать голосъ на сеймахъ, предоставленное одной шляхтѣ во вредъ другимъ сословіямъ, и іезуитское образованіе, которое, по словамъ критика, бросило въ понятія народа религіозный фанатизмъ и подорвало въ южно-русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность. Итогъ, по нашему мнѣнію, весьма не выгодный для Югозападной Руси. Этотъ перевѣсъ невыгодъ надъ выгодами чувствовала не только Русь, но и Литва, хотя этотъ край находился въ меньшей зависимости отъ польскаго правительства. Въ 1700 году, когда прошло почти полтораста лѣтъ послѣ Люблинской уніи, литовскіе дворяне подали адресъ королю Августу II, прося его отдѣлить Великое княжество Литовское отъ Польши и принять надъ нимъ самодержавную власть. Въ этомъ адресѣ дворяне говорили: «Вникнувъ въ первоначальную судьбу и дѣянія народа Литовскаго, мы видимъ, что нѣкогда предки наши, рыцарство Великаго княжества Литовскаго, были гораздо счастливѣе, когда они, какъ вѣрные подданные, состояли подъ властію одного государя и монарха. Распространяя свои границы въ длину и ширину, они были страшны пограничнымъ народамъ и монархамъ, увеличивали, сохраняли и удерживали въ своей власти замки, города, крѣпости, староства и имѣнія. Но потомъ, когда сладкое и ни къ чему доброму не ведущее желаніе вольности, по малодушію властителей, проникло изъ Польши въ славный народъ литовскій, когда предоставлено было каждому свободное право отвергать сеймовыя постановленія (liberum jus vetandi) и чрезъ то открыто было свободное поле для борьбы всѣхъ партій: тотчасъ княжество Литовское начало слабѣть и коробиться

[1]) Кіевлянинъ Т. I, стр. 48.

въ своихъ границахъ. Сильнѣйшіе превозмогали надъ слабѣйшими, не исполнялись права и уставы ни божескіе, ни человѣческіе, и такое состояніе продолжалось до настоящаго времени. Чрезъ это политическое своеволіе, или вольность, принесенную къ намъ въ приданое изъ краевъ польскихъ, мы совершенно погибли и спасти себя не можемъ [1]).»

Отвергая выгоды, какія находятъ г. Падалица и безыменный критикъ Современника въ Люблинской уніи, мы вовсе не хотимъ сказать, что это событіе не имѣло никакой важности. Вслѣдствіе внутренней борьбы, слѣдовавшей за присоединеніемъ Югозападной Руси къ Польшѣ, составныя части Рѣчи Посполитой дотого ослабѣли, что король Янъ Казиміръ, уже въ 1661 году, на Варшавскомъ сеймѣ, могъ предсказать раздѣленіе этого государства между сосѣдними державами [2]) и указалъ на соединеніе польскаго народа съ великорусскимъ, какъ на средство къ поддержанію политическаго существованія Польши [3]). Это ослабленіе Рѣчи Посполитой дало возмож-

---

[1]) Dzieje narodu Litewskiego prz. Teodora Narbuta. T. IX. Dodatki, str. 24.

[2]) Moraczewski, Dz. Rz. Polskiej, T. IX, стр.

[3]) Эта мысль выражена въ слѣдующемъ королевскомъ универсалѣ, данномъ дворянству волынскому:

Янъ Казиміръ и пр. Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: велебнымъ, вельможнымъ, благороднымъ, дигнитаріямъ, урядникамъ, старостамъ, державцамъ и всему рыцарству и обывателямъ воеводства Волынскаго и повѣтовъ его, искренно и вѣрно намъ милымъ. Объявляемъ, что мы, тотчасъ по окончаніи Коммиссіи Виленской, постоянно и искренно желали назначить генеральный коронный сеймъ, для окончанія начатаго съ его милостію царемъ Московскимъ дѣла и прочнаго успокоенія, чтобы на этомъ сеймѣ постановить окончательный миръ съ царскимъ величествомъ и народомъ московскимъ, происходящимъ отъ одной славянской крови, близкимъ къ народу польскому дѣяніями прежнихъ лѣтъ, одеждой, языкомъ и религіею, на конфузію всѣхъ сосѣднихъ народовъ, завидующихъ всему славянскому племени. Но этого святаго намѣренія мы не могли привести къ желанному концу въ настоящее безпокойное время, по причинѣ безпрерывныхъ войнъ, шведскихъ и венгерскихъ. Теперь, когда мы, по милости Божіей, изгнали непріятелей нашихъ изъ большей части государствъ нашихъ, мы вознамѣрились привести въ исполненіе вышеозначенное доброе дѣло, полезное всему славянскому народу. Въ слѣдствіе чего, симъ универсаломъ нашимъ, мы назначаемъ вѣрностямъ вашимъ генеральный шестинедѣльный сеймъ, безъ всякихъ торжествъ, на десятый день іюля (потому что срокъ, назначенный на 28 число мѣсяца іюня, мы должны были отложить, чтобы тѣмъ удобнѣе могли съѣхаться на сеймъ великіе послы его царскаго величества). А провинціальный сеймъ воеводству вашихъ вѣрностей мы назначаемъ на 21 день

ность западнорусскому народу отдѣлиться отъ Польши и войти въ составъ восточной Россіи. Разсматривая Люблинскую унію съ этой стороны, мы должны допустить, что отдаленнымъ и окончательнымъ результатомъ этого событія было возсоединеніе разрозненнаго Русскаго міра въ одно могущественное государство; въ этомъ смыслѣ, соединеніе Польши съ Югозападною Русью на Люблинскомъ сеймѣ дѣйствительно имѣетъ громадное, всемірноисторическое значеніе.

Послѣднее возраженіе, сдѣланное безыменнымъ критикомъ *Современника* редактору Коммиссіи, касается сходства между западнорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Редакторъ Коммиссіи, говоря объ усиліяхъ западнорусскаго дворянства сохранить свой родной языкъ, замѣтилъ, что »въ офиціальныхъ актахъ *до шестнадцатаго вѣка* западнорусскій языкъ *почти* сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, и что съ XVI вѣка западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова вмѣстѣ съ грамматическими формами [1]).«

Эта мысль представлена въ критической статьѣ *Современника* въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: «г. Иванишевъ говоритъ, что, въ офиціальныхъ актахъ *шестнадцатаго вѣка*, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ языкомъ восточной Россіи.« Чтобъ опровергнуть мысль редактора Коммиссіи о сходствѣ западнорусскаго языка съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, критикъ пред-

---

мѣсяца іюня, искренно желая, чтобы ваши вѣрности, съѣхавшись на этотъ провинціальный сеймъ, выбрали и послали на наступающій генеральный сеймъ уполномоченныхъ пословъ, людей достойныхъ и разсудительныхъ, и чтобы вы поручили посламъ своимъ исполнить на ближайшемъ сеймѣ все то, что вѣрностямъ вашимъ предложено будетъ нашимъ именемъ для окончательнаго примиренія съ царскимъ величествомъ, для желаннаго въ теченіи многихъ вѣковъ соединенія славянскихъ народовъ, и для безопасности Рѣчи Посполитой. Не сомнѣваясь, что ваши вѣрности захотите сообразоваться, въ настоящемъ случаѣ, съ нашею волею и нашимъ намѣреніемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что вы будете слѣдовать нашей инструкціи и въ иныхъ дѣлахъ и потребностяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго спасенія отечества. А чтобъ этотъ универсалъ нашъ дошелъ скорѣе до свѣдѣнія всѣхъ вѣрностей вашихъ, мы повелѣваемъ урядамъ гродскимъ публиковать его въ надлежащихъ мѣстахъ; а для большей вѣры, мы приказали, при собственноручной подписи нашей, приложить печать нашу. Дано въ Дубѣску, 21 мая, года отъ Рождества Христова 1638, въ IX году царствованія нашего Польскаго и Шведскаго. Янъ Казиміръ король. Книга гродская Луцкая 1638 года, № 70, листъ 857 на оборотѣ.

[1]) Архивъ югозападной Россіи, ч. II, т. I, стр. XLI.

ставилъ двѣ выписки изъ рукописей XV и XIV вѣка: но эти выписки, нисколько не опровергая сходства между двумя отраслями русскаго языка, доказываютъ только неопытность критика въ чтеніи древнихъ рукописей. Въ рукописи стоитъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ....кто на нь возритъ, или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно.» Критикъ читаетъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ...хто на нь возритъ или чтучи *ея* услышитъ, комужъ коли его будетъ *потребитна*». Вмѣсто: «и такожъ что въ тыхъ именьяхъ собѣ примыслитъ» критикъ читаетъ: «и *такъ* што въ тыхъ имѣніяхъ собѣ примыслитъ.» Вмѣсто: «и такожъ съ луги, и зъ дубровами и сѣножатми,» критикъ читаетъ: »и *такъ слуги* и съ дубровами и *виножатыми*.« Вмѣсто: «можетъ собѣ полѣпшивати (т. е. улучшать),« критикъ читаетъ: »можетъ собѣ *налептовати*« и т. д. (стр. 447). Въ справедливости нашихъ поправокъ каждый можетъ удостовѣриться, прочитавъ грамоту Свидригайла, напечатанную въ актахъ западной Россіи, Т. I, № 48, стр. 36. Представивъ текстъ западнорусской рукописи въ такомъ искаженномъ видѣ, критикъ спрашиваетъ: неужели г. Иванишевъ полагаетъ, что языкъ этой рукописи похожъ на современный ему языкъ восточной Россіи? Для рѣшенія этого вопроса, нужно прежде всего выучиться правильно читать западнорусскія рукописи, и тогда сходство между означенными отраслями русскаго языка окажется несомнѣннымъ. Въ представленной критикомъ выпискѣ изъ акта 1438 года, заключается около 200 словъ; въ числѣ ихъ можно найти не болѣе четырнадцати словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (хто, чинимъ знаменито, напотомъ, неопущенный, нжъ, нигды, порадившисе, знаменавъ, съ радою, зъ, слушало, полѣпшивати, зеремяны). Въ выпискѣ изъ акта 1361 года, въ числѣ 62 словъ, можно указать не болѣе четырехъ словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (обличье, тогды, пожадалъ, абыхмо); все прочее, какъ слова, такъ и грамматическія формы совершенно сходны. Неужели, послѣ этого, редакторъ Коммиссіи не могъ сказать, что, въ офиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи?

Разсмотрѣнная нами критическая статья Современника возбудила сильное сочувствіе нѣкоторыхъ польскихъ писателей, особенно извѣстнаго уже намъ г. Падалицы (Зенона Фиша) и редакторовъ жур-

нала, издаваемаго въ Варшавѣ подъ заглавіемъ Библіотеки Варшавской.

Въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 35, г. Падалица призналъ статью *Современника* критикою ученаго историка россійскаго, утверждая, что, послѣ совѣстливыхъ изслѣдованій Соловьева, не было напечатано ни одного такого дѣльнаго и умнаго разсужденія объ исторіи Руси и ея отношеніи къ Польшѣ. Въ этомъ убѣжденіи, г. Падалица внесъ въ свою статью почти всѣ критическія изслѣдованія *Современника*, со всѣми ошибками. Онъ даже переписалъ польскими буквами выписки изъ рукописей, которыми критикъ *Современника* хотѣлъ доказать несходство западнорусскаго языка съ языкомъ восточной Россіи, повторивъ и слова, изобрѣтенныя критикомъ: *потребитна, напьптовати* и пр.

Признавъ за непреложную истину взглядъ Современника на исторію югозападной Россіи, на отношеніе этого края къ Польшѣ и на тѣ благодѣянія, какими наслаждался этотъ край подъ властію Польши, г. Падалица счелъ нужнымъ, при этомъ случаѣ, подвергнуть Кіевскую Коммиссію и ея главныхъ дѣятелей новымъ обвиненіямъ. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Коммиссія, печатая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи, приложила къ нимъ двѣ передовыя статьи: одна изъ нихъ, излагающая содержаніе сеймовыхъ постановленій, написана редакторомъ Коммиссіи Иванишевымъ, другая— предсѣдателемъ Коммиссіи Юзефовичемъ. Эти двѣ статьи напечатаны были особыми оттисками въ числѣ 500 экземпляровъ и изданы особою брошюрою, для раздачи преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ читать подлинныхъ актовъ, по незнанію польскаго и западнорусскаго языковъ, на которыхъ эти акты написаны. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, г. Падалица объявилъ въ своей статьѣ, что предсѣдатель Коммиссіи и редакторъ обманули публику, что ссылки въ статьѣ редактора, излагающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, ложны, что въ этихъ актахъ заключается совсѣмъ не то, что излагаетъ въ своей статьѣ редакторъ Коммиссіи, что, для распространенія такого обмана, Коммиссія публиковала сначала брошюру, заключающую въ себѣ статьи предсѣдателя и редактора Коммиссіи, а полное изданіе, заключающее въ себѣ акты, на которые вышеозначенныя статьи основываются, вышло въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже, и это будто сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы читавшіе

брошюру не имѣли возможности свѣрить ея содержаніе съ актами, на которыхъ она основана. По мнѣнію г. Падалицы, даже русскія повременныя изданія были введены въ обманъ смѣлыми ссылками редактора Коммиссіи на акты и ограничились рецензіями одной только брошюры, не свѣривъ ея съ подлинными документами (1). Такъ какъ увѣренія г. Падалицы въ томъ, что содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ изложено невѣрно, можетъ привести въ недоумѣніе польскихъ читателей, не знающихъ русскаго языка: то Коммиссія сочла нужнымъ напечатать на польскомъ языкѣ, отдѣльною брошюрою, статьи г. Юзефовича и г. Иванишева, приложивъ къ этимъ статьямъ выписки изъ историческихъ матеріаловъ, на которыхъ г. Иванишевъ основывалъ свои выводы.

Что же касается до прочихъ обвиненій г. Падалицы, то Коммиссія объявляетъ ихъ совершенно ложными, и можетъ опровергнуть ихъ оффиціальными доказательствами. Полное изданіе Коммиссіи вышло въ свѣтъ нѣсколько позже брошюры, не по какому-нибудь злоумышленію, созданному воображеніемъ г. Падалицы, но потому только, что брошюрованіе этого изданія, заключающаго въ себѣ около сорока листовъ, въ числѣ 825 экземпляровъ, потребовало болѣе времени, чѣмъ брошюра состоящая изъ четырехъ листовъ. По этой причинѣ, брошю-

(1) Приведемъ слова самого г. Падалицы, такъ какъ неблагородный поступокъ этого фельетониста можетъ показаться невѣроятнымъ для нашихъ читателей: »нужно знать, говоритъ г. Падалица, что брошюра, составленная изъ статей г. Иванишева и г. Юзефовича, не прошла незамѣченною въ русской литературѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости напечатали о ней замѣтку на первыхъ столбцахъ и тѣмъ дали ей дѣйствительное значеніе. Другія повременныя изданія, не входя въ подробный разборъ, вполнѣ повѣрили словамъ поименованныхъ выше господъ и, обманутые ссылками г. Иванишева на акты, изданные вмѣстѣ съ брошюрою, не подозрѣвали, что эти акты заключаютъ въ себѣ нѣчто совершенно другое, нежели то, что говоритъ о нихъ профессоръ. И то еще нужно знать, что брошюра выдана была еще тогда, когда не было окончено печатаніе актовъ, такъ-что ее читали и объ ней писали когда никто не имѣлъ еще подъ рукою документовъ, чтобы свѣрить съ ними брошюру. Самая книга уже вышла въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже. Словомъ, русскіе газеты и журналы, не углубляясь въ подробности, и видя обоихъ тѣхъ господъ (т. е. Юзефовича и Иванишева), стоящихъ передъ рѣшеткою съ огромною связкою документовъ, и не подозрѣвали, что эти господа показываютъ не то, что подтверждаетъ ихъ мнѣнія, а напротивъ то, что ихъ опровергаетъ. Подкопы были многочислены, цитатъ множество, ссылокъ еще больше; на какомъ же основаніи можно было заподозрить этихъ господъ?— и т. д. Biblioteka Warszawska 1861. Zeszyt 9, стр. 716.

ра получена балы изъ типографіи 10 генваря, а экземпляры полнаго изданія —8 февраля. Затѣмъ Коммиссія немедленно сдѣлала распоряженіе о разсылкѣ, не брошюръ, а полныхъ экземпляровъ изданія, въ редакціи газетъ и журналовъ. Февраля 21 отправлено было нѣсколько экземпляровъ въ редакцію »Основы« и въ Москву, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ ученыхъ; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 69, 71, 72 и 73. Февраля 25, препровождены полные экземпляры изданія въ книжную лавку Степана Литова; что же касается до брошюры, то она вовсе не поступала въ продажу. Февраля 27, отправлены были полные экземпляры изданія въ редакціи: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Слова, Сѣверной Пчелы, Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 86, 87, 27, 89, 90 и 91. Изъ этого каждый можетъ убѣдиться, что Коммиссія не задерживала своего изданія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ утверждаетъ г. Падалица, и не прибѣгала къ придуманнымъ г. Падалицею низкимъ средствамъ, чтобъ ввести въ обманъ публику; напротивъ того, тотчасъ, по полученіи изъ типографіи своего изданія, Коммиссія сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ, частію чрезъ книгопродавца, частію разсылкою въ редакціи газетъ и журналовъ. Г. Падалица ложно утверждаетъ, будто объ изданіи Коммиссіи русскія газеты и журналы писали рецензіи по одной только брошюрѣ, не имѣя возможности свѣрить ее съ актами. Мы нашли двѣ рецензіи на изданіе Коммиссіи: одну въ »Основѣ,« а другую въ »Современникѣ.« Въ обоихъ журналахъ разсматривается не отдѣльная брошюра, но полное изданіе Коммиссіи, со всѣми историческими матеріалами, въ немъ помѣщенными. Если Виленскій Вѣстникъ и С.-Петербургскія Вѣдомости ограничились въ своихъ, замѣткахъ разсмотрѣніемъ одной только брошюры, то въ этомъ нисколько не виновата Коммиссія.

Г. Падалица, въ своемъ негодованіи на Коммиссію, доходитъ до того, что приписываетъ ей вещи совершенно невозможныя. Онъ увѣряетъ, что передовая статья редактора Коммиссіи, заключающая въ себѣ содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ, вышла въ свѣтъ прежде, нежели были напечатаны самые акты. Чтобъ убѣдиться, въ какой степени забывается г. Падалица, стóитъ только взглянуть въ статью редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ, почти каждая мысль подтверждается ссылками на акты, съ означеніемъ страницъ, на которыхъ эти акты напечатаны. Если бы статья редактора Коммиссіи вышла

въ свѣтъ прежде, чѣмъ окончено было печатаніе актовъ, то какъ онъ могъ предугадать, на какихъ страницахъ будутъ напечатаны тѣ акты, на которые онъ ссылается?

Смотря на сплетеніе ложныхъ обвиненій, публично высказываемое г. Падалицею (Зеноном Фишемъ) и г. Совинскимъ, съ неслыханнымъ въ польской литературѣ цинизмомъ, невольно подумаешь, что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ благородному западнорусскому дворянству, все еще находятся подъ вліяніемъ іезуитизма, учившаго когда-то, что цѣль оправдываетъ самыя неблагородныя средства. Неужели эта вѣковая ржавчина до того въѣлась въ югозападную Русь, что никакая цивилизація истребить ее не можетъ?

Нельзя не пожалѣть, что разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы нашла для себя мѣсто въ одномъ изъ ученыхъ польскихъ журналовъ, именно въ »Варшавской Библіотекѣ«, гдѣ эта статья перепечатана со всѣми ошибками и ложными обвиненіями, нагроможденными г. Падалицею и безыменнымъ критикомъ Современника. Г. Падалица объявилъ статью Современника критикою ученаго историка россійскаго, дѣльнымъ и умнымъ разсужденіемъ: зато Библіотека Варшавская признала статью г. Падалицы произведеніемъ знаменитой важности (znakomitej wartości). Неужели ученые издатели Варшавской Библіотеки дошли до того, что принуждены учиться Польской исторіи по сочиненіямъ г. Падалицы и по критическимъ статьямъ Современника?

Предсѣдатель Коммиссіи **М. Юзефовичъ.**

Главный Редакторъ **П. Иванишевъ.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ отдачѣ имѣній въ опеку за обременительныя повинности, — впредь до введенія уставныхъ грамотъ. Поручено губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы они черезъ уѣздныхъ предводителей, внушили помѣщикамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьянскія повинности чрезмѣрно высоки и гдѣ вслѣдствіе того возникаютъ затрудненія въ побужденіи крестьянъ исправно отбывать сіи повинности, что отъ самихъ помѣщиковъ зависитъ прекратить возникающія затрудненія и неудовольствія, немедленнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ или пониженіемъ повинностей, соотвѣтственно способамъ крестьянъ. Въ случаяхъ когда эти внушенія останутся безуспѣшными и крестьянскія повинности окажутся чрезмѣрными, имѣнія должны быть отдаваемы въ опеку, на основаніи 1109 и 1110 т. IX св. зак. о сост., впредь до введенія уставной грамоты. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 10 и 14 стр. 1861 г. Лѣтоп. сельск. благоустр. № 2).

О *заявленіи крестьянами желанія перейти на оброкъ.* Крестьяне могутъ заявлять помѣщику о своемъ желаніи перейти съ издѣльной повинности на оброкъ, и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ со времени утвержденія положеній, съ тѣмъ, что если желаніе это будетъ заявлено ранѣе года предъ истеченіемъ двухлѣтняго срока, то самый переходъ на оброкъ можетъ послѣдовать только съ наступленіемъ сего срока. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 3).

О правѣ вступленія въ бракъ лицъ женскаго пола изъ дворовыхъ и изъ крестьянъ. Дворовыя дѣвицы и вдовы, при выходѣ замужъ за людей, не принадлежащихъ къ обязаннымъ дворовымъ того же владѣльца, освобождаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній, не подвергаются взысканію оброка за время, остающееся до истеченія двухлѣтняго срока со вре-

мени обнародованія положенія. Временно обязанныя крестьянки пользуются тѣмъ же правомъ, при выходѣ за мужъ за людей, не состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ того же владѣльца. (Полож. гл. ком. объ устр. сел. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благ. № 3).

Объ издѣльной повинности свободной женщины, вступившей въ бракъ съ временно-обязаннымъ крестьяниномъ, состоящимъ на барщинѣ, и о правѣ дворовато человѣка, состоящаго на оброкѣ, потребовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательныхъ услугахъ у владѣльца. Свободная женщина, вышедшая замужъ за временно—обязаннаго крестьянина, отправляющаго барщину, не можетъ быть принуждаема къ отбыванію издѣльной повинности, согласно ст. 5 т. IX. Дворовый человѣкъ, состоящій на оброкѣ, если онъ перешелъ на таковой до обнародованія положеній, имѣетъ право требовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательномъ услуженіи владѣльца, на основаніи ст. 103 т. X св. зак. ч. 1; но при этомъ жена должна платить владѣльцу, до истеченія двухлѣтняго обязательнаго срока, оброкъ, въ назначенномъ владѣльцемъ размѣрѣ, но не свыше установленнаго въ ст. 1 о положеніяхъ объ устройствѣ дворовыхъ людей, т. е. по 10 р. въ годъ. Пол. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 17 іюня. Лѣт. сельск. благ. № 4).

О порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности. Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при разсмотрѣніи представленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, принялъ во вниманіе, что, на основаніи ст. 21 Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ. по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ, мировые посредники въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ сравнены съ уѣздными предводителями дворянства и потому наравнѣ съ сими послѣдними могутъ быть (согласно ст. 265—269 св. зак. т. III ус. о служ. по выбор.) отрѣшаемы отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената. Право быть удаляему отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, есть весьма важное преимущество, отличающее мировыхъ посредниковъ отъ прочихъ чиновниковъ, которые могутъ быть увольняемы отъ службы и безъ суда, по усмотрѣнію того начальства, которое назначило ихъ въ должность. Эта послѣдняя мѣра, дающая начальству возможность отрѣшать отъ должности тѣхъ изъ опредѣленныхъ имъ самимъ чиновниковъ, которыхъ оно признаетъ неспособными и неблагонадежными, едва ли можетъ быть распространена на мировыхъ посредниковъ, которые какъ по своему служебному положенію, такъ и по способу ихъ избранія, отличаются отъ лицъ служащихъ, по опредѣленію отъ правительства. Но Высочайше утвержденнымъ главнымъ основаніямъ для мировыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденій, *мировыхъ посредниковъ полагалось опредѣлять изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по выбору крестьянъ*, и только на первое трехлѣтіе допущено избраніе ихъ начальниками губерній съ утвержденіемъ въ должности сенатомъ. Но при этомъ правительство, по важности обязанностей мировыхъ посредниковъ, признало нужнымъ принять особыя мѣры, дабы въ должности сіи были назначаемы лица вполнѣ благонадежныя. Съ сею цѣлью постановлено, что для избранія посредниковъ составляются предварительно уѣздными предводителями дворянства списки, въ которые вносятся только лица, имѣющія опредѣленную поземельную собственность, неопороченныя по суду и несостоящія подъ слѣдствіемъ. Эти списки повѣ-

БИБЛІОТЕКА

ряются въ каждомъ уѣздѣ уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и затѣмъ уже избираются изъ нихъ мировые посредники начальникомъ губерніи, но неиначе, какъ по совѣщаніи съ предводителями дворянства.

По своимъ занятіямъ, мировые посредники поставлены въ зависимость отъ мировыхъ учрежденій: уѣзднаго съѣзда и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; содержаніе назначено имъ умѣренное, на повышеніе въ должностяхъ они не могутъ разсчитывать; но какъ должность мировыхъ посредниковъ по той пользѣ, какую она можетъ принести, будучи посредствующимъ звѣномъ между помѣщиками и крестьянами, по соединенной съ нею самостоятельной дѣятельности, есть должность почетная, то въ мировые посредники поступило весьма много достойныхъ людей, изъ мѣстныхъ дворянъ, которые посвятили себя этой дѣятельности не изъ личныхъ выгодъ, не изъ расчетовъ на служебныя пособія и преимущества, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершившемуся, по волѣ государя, преобразованію. Если, при такихъ обстоятельствахъ, допустить нынѣ, въ измѣненіе высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія, удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности безъ суда, то это уронитъ ихъ значеніе и будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ то, что многіе, и притомъ достойнѣйшіе, люди станутъ уклоняться отъ должности посредниковъ, трудныя обязанности которой и могутъ быть исполняемы вполнѣ добросовѣстно, только при независимости ихъ отъ посторонняго вліянія. На семъ основаніи главный комитетъ, 31 іюня 1861 года, положилъ, что относительно временнаго удаленія мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности, а равно и отрѣшенія ихъ отъ службы, долженъ быть соблюдаемъ, согласно ст. 21 высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, порядокъ, установленный для уѣздныхъ предводителей дворянства. (Св. зак. т. III уст. о служб. по выбор. ст. 265—269). (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 30 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 29 сентября, 1861 г. № 78).

Объ освобожденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Въ одномъ губернскомъ, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствіи, возбужденъ вопросъ: допускается ли новыми положеніями о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, тѣлесное наказаніе въ отношеніи лицъ женскаго пола, и если допускается, то не слѣдуетъ ли установить для женщинъ случаи освобожденія отъ сего наказанія по примѣру изъятій, опредѣленныхъ положеніями для мужчинъ. Вопросъ этотъ представленъ былъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Комитетъ сей положилъ: 1) представленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ препроводить къ главно-управляющему II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, *для соображенія съ общимъ*, находящимся въ разсмотрѣніи его, *вопросомъ, объ отмѣнѣ вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола.* 2) Въ дополненіи ко 2-му примѣчанію ст. 102 общ. полож. ст. 16 полож. объ устр. двор. людей и ст. 32 полож. о мѣстныхъ по крестьян. дѣламъ учрежд., пояснить, что, примѣняясь къ ст. 102 и 104 общаго положенія, изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію: а) достигшія 50-го лѣтняго возраста, б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ, и школъ, и г) принадлежащія къ

семействамъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій. (Пол. глав. ком. объ устр. сел. сост. 6 авг. 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О переселеніи крестьянъ по актамъ, совершеннымъ до обнародованія положеній 19 февраля 1861 г. При исполненіи сдѣлокъ и актовъ, совершенныхъ частными лицами, подъ какими бы то ни было наименованіями, явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, принудительное переселеніе крестьянъ можетъ быть допускаемо не иначе, какъ согласно ст. 2 п. 2 правилъ о порядкѣ приведенія положеній о крестьянахъ въ дѣйствіе, безъ нарушенія правилъ, указанныхъ въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О представленіи въ распоряженіе правительства дворовыхъ людей и о порядкѣ принятія на мѣста жительства тѣхъ изъ нихъ, которые оподозрѣны или наказаны по суду. Дворовые люди, состоящіе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, не могутъ быть предоставляемы помѣщиками въ распоряженіе правительства; если же помѣщикъ пожелаетъ прекратить обязательныя отношенія къ нему такихъ людей, то долженъ поступать на основаніи ст. 21 и 22 полож. объ устр. двор. людей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ откажется принять дворовыхъ людей, наказанныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи по суду, надлежитъ представлять симъ дворовымъ людямъ приписаться внѣ предѣловъ той губерніи, въ которой они числились, къ городскому или сельскому обществу, которое изъявитъ согласіе принять ихъ въ свою среду; на пріисканіе такого общества давать имъ 6-ти мѣсячный срокъ, для чего они и должны быть снабжены шестимѣсячными билетами, по распоряженію губернскаго начальства; если въ теченіи этого срока означенные дворовые люди не пріищутъ общества, согласнаго принять ихъ, то губернское начальство обязано распорядиться о высылкѣ сихъ людей въ Сибирь, на основаніи 340 и 402 ст. XIV т. св. зак. уст. о пред. и пресѣч. прест. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благ. № 6).

О прекращеніи пріема воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и о предоставленіи канцелярскимъ служителямъ и бѣднымъ чиновникамъ новыхъ способовъ къ воспитанію ихъ дѣтей. Прекращенъ дальнѣйшій пріемъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и взамѣнъ того предоставлена приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ этихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже посторонныхъ, но вполнѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ, что при совершенной лишь къ сему невозможности, приказы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ. На изложенныхъ основаніяхъ, должны быть размѣщены и воспитанники, находящіеся нынѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища закрываются, а экономическіе капиталы присоединяются къ суммамъ приказовъ, въ распоря-

женіе коихъ поступятъ и зданія, принадлежащія симъ училищамъ. При этомъ предоставленно министерству внутреннихъ дѣлъ: тѣ зданія упраздняемыхъ канцелярскихъ училищъ, въ коихъ не будетъ предстоять надобности для приказовъ, — передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей съ нѣкоторымъ денежнымъ, на содержаніе ихъ, пособіемъ, изъ суммъ отпускавшихся на канцелярскія училища, на основаніяхъ, которыя имѣютъ быть ближе опредѣлены, по взаимному соглашенію обоихъ министерствъ. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 63.)

Объ избраніи особыхъ засѣдателей въ приказы общественнаго призрѣнія. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, что, для присутствованія въ приказахъ общественнаго призрѣнія, взамѣнъ засѣдателей, которые въ прежнее время откомандировывались въ сіи учрежденія изъ бывшихъ совѣстныхъ судовъ, избираются особые засѣдатели, по одному изъ каждаго сословія, а именно: отъ дворянства, губернскаго городскаго общества и поселянъ. (Мн. госуд. сов. 19 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 15 авг. № 65.)

О порядкѣ исключенія купцовъ, за порочное поведеніе, изъ обществъ, въ уѣздныхъ городахъ. Предоставленное 182-ю статьею устава торговаго (св. зак. 1857 г. т. XI. II.) купеческимъ обществамъ столицъ и губернскихъ городовъ, право на исключеніе изъ третьей гильдіи купцовъ, опороченныхъ судомъ, или замѣченныхъ въ явныхъ порокахъ, не дожидаясь въ семъ послѣднемъ случаѣ судебнаго приговора, распространено и на купеческія общества уѣздныхъ городовъ, въ коихъ считается не менѣе тридцати капиталовъ, съ тѣмъ, чтобы приговоры сего сословія, объ исключеніи порочныхъ купцовъ, были засвидѣтельствованы подписью не менѣе какъ двухъ третей всѣхъ его членовъ, имѣющихъ право голоса, и чтобы въ приговорахъ сихъ было объяснено, въ чемъ именно и по какимъ доказательствамъ поведеніе исключаемаго признается порочнымъ... Такимъ же порядкомъ должны быть, удаляемы изъ общества порочные члены малолюдныхъ купеческихъ обществъ, но не иначе, какъ по единогласному приговору всего городскаго общества. (Мн. госуд. сов. 19 іюня, 1861 г. въ Сен. вѣд. 18 авг. № 66.)

Объ отмѣнѣ, для поступающихъ въ военную службу, по собственному желанію, дворянъ и вольноопредѣляющихся, обязательныхъ сроковъ службы. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода военныхъ постановленій, отмѣненъ законъ, обязывавшій дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ военную службу по собственнымъ прошеніямъ, пробыть въ оной извѣстные сроки и предоставленно имъ право оставлять, въ случаѣ желанія, службу во всякое время, исключая военнаго, когда вообще отставки въ войскахъ прекращаются. При этомъ увольняются воинскимъ званіемъ лишь прослужившіе общій установленный для нижнихъ чиновъ 15-ти-лѣтній срокъ, а не прослужившіе сего срока увольняются въ отставку безъ именованія воинскимъ званіемъ. Въ случаѣ же вторичнаго вступленія на службу, прежняя служба считается за дѣйствительную. (Полож. воен. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 1 августа, № 61.)

О предоставленіи начальникамъ губерній возлагать порученія на губернскихъ штабъ-офицеровъ корпуса жандармовъ. Предоставлено начальникамъ губерній, въ случаяхъ особой важности, возлагать на губернскихъ штабъ-офи-

церовъ корпуса жандармовъ порученія и не указанныя въ законѣ, по которому они командировались по уѣздамъ, только для участія въ производствѣ слѣдствій о важнѣйшихъ происшествіяхъ или безпорядкахъ. (Высоч. повел. въ Сен. вѣд. 25 авг. 1861 г. № 68.)

О населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ недворянскаго происхожденія. Въ поясненіе правилъ о порядкѣ поступленія населенныхъ имѣній къ лицамъ не дворянскаго происхожденія и составленія по симъ имѣніямъ уставныхъ грамотъ,—положено: 1) населенныя имѣнія, доставшіяся, по наслѣдству или по просроченнымъ закладнымъ, не потомственнымъ дворянамъ, должны поступать въ вѣдомство дворянскихъ опекъ впредь до совершенія акта, о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственному дворянину; 2) затѣмъ на сіи имѣнія вполнѣ распространяются правила относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, и 3) владѣльцы такихъ имѣній, состоящихъ въ опекунскомъ управленіи, согласно ст. 26 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній, могутъ участвовать лично въ составленіи уставныхъ грамотъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается вообще для лицъ, находящихся подъ опекою не по малолѣтству и слабоумію. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 августа 1861 г. въ сен. вѣд. 13 сентября 1861 г. № 74).

Объ усиленіи межевыхъ средствъ по крестьянскому дѣлу. Предоставлено управляющему межевымъ корпусомъ зачислять на службу по межевому вѣдомству тѣхъ изъ отставныхъ, разныхъ вѣдомствъ, чиновъ, которые по свѣдѣніямъ своимъ въ землемѣріи могутъ быть полезны для межевыхъ работъ по крестьянскому дѣлу и изъявятъ желаніе служить безъ жалованья, довольствуясь задѣльною платою, по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Служившіе въ генеральномъ штабѣ, въ корпусѣ топографовъ, въ артиллеріи, въ инженерахъ, саперахъ, въ флотѣ и по межевой части какихъ либо вѣдомствъ, зачисляются на службу безъ экзамена; прочіе же отставные зачисляются иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ губернской чертежной, по программамъ, установленнымъ для частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ, не подвергаясь только испытанію въ таксаціи и естественныхъ наукахъ.

При этомъ изложенныя въ указѣ сената 17 марта, 1831 г. правила, на основаніи коихъ, находящимся на службѣ по гражданскому вѣдомству дворянамъ—помѣщикамъ дозволено принимать на себя обязанности, соединенныя съ должностями по крестьянскому дѣлу, распространены и на состоящихъ на службѣ лицъ, знающихъ землемѣріе, которыя пожелаютъ заняться по крестьянскому дѣлу частными межевыми работами. (Мн. госуд. сов. 14 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

Изъятіе закона о несовершеннолѣтнихъ бродягахъ мужескаго пола, которые, по дѣйствовавшимъ до 1856 года узаконеніямъ, отдавались въ баталіоны военныхъ кантонистовъ. Въ замѣнъ надлежащихъ статей св. зак. изд. 1857 г. т. XIV, постановлено: бродяги престарѣлые и недостигшіе 17 лѣтняго возраста отсылаются въ приказы общественнаго призрѣнія. Находящіеся при бродягахъ, малолѣтные обоего пола, если ихъ не пожелаютъ принять къ себѣ родственники ихъ, или общество, къ коимъ они принадлежатъ, по сдѣланіи о сихъ малолѣтнихъ надлежащихъ справокъ и публикацій, остаются въ вѣдѣніи

приказовъ. Изъ числа находящихся при бродягахъ дѣтей, малолѣтныя женскаго пола остаются въ вѣдомствѣ приказовъ до того времени, пока придутъ въ совершеннолѣтіе, а малолѣтные мужескаго пола, по вступленіи въ совершеннолѣтіе, приписываются къ податнымъ обществамъ.

На семъ основаніи слѣдуетъ поступать и при распредѣленіи всѣхъ бродягъ мужескаго пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; малолѣтные же бродяги женскаго пола оставляются въ заведеніяхъ приказовъ до 17 лѣтняго возраста, а по достиженіи ими сего возраста, приписываются къ податнымъ обществамъ и выпускаются изъ приказовъ на собственное пропитаніе въ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Въ случаѣ же возвращенія или отдачи кому слѣдуетъ малолѣтныхъ бродягъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, должно быть взыскиваемо по разсчету все употребленное на ихъ содержаніе во время нахожденія въ оныхъ.

Бродягъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ и не подлежащихъ возвращенію, если они окажутся поведенія хорошаго и совершеннолѣтними, дозволяется приписывать къ податнымъ обществамъ, если сами они того пожелаютъ и обществами на принятіе ихъ будетъ изъявлено согласіе. Но если они, изъ тѣхъ малолѣтнихъ, мужескаго пола, которые остались въ заведеніи приказа и, достигши совершеннолѣтія, не пожелаютъ приписаться къ податнымъ обществамъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой приписки воспользоваться не могутъ, или же обществами не будетъ изъявлено согласіе на ихъ принятіе, то они обращаются въ военно-рабочія и арестантскія роты, если только это по состоянію ихъ здоровья окажется возможнымъ; въ противномъ случаѣ оставляются въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, для употребленія въ соотвѣтственныя силамъ ихъ, работы. (Мн. гос. сов. 26 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

О пріостановленіи отдѣленія ремесленниковъ отъ мѣщанъ. Впредь до утвержденія новыхъ, о ремесленной промышленности, правилъ, положено: не отдѣлять ремесленниковъ отъ мѣщанъ въ особыя общества по платежу податей и отправленію повинностей въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ раздѣленія сего по настоящее время еще не сдѣлано. (Пол. ком. мин. 25 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 8 сентября 1861 г. № 72).

Объ отмѣнѣ правилъ опредѣленія въ военную службу бѣдныхъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей. Отмѣнены правила объ опредѣленіи въ военную службу бѣдныхъ дворянъ имперіи и Царства Польскаго, а также положеніе 2-го апрѣля 1859 года объ обязательномъ зачисленіи въ службу сыновей офицеровъ и чиновниковъ, не дослужившихся до правъ потомственнаго дворянства. При этомъ, тѣмъ дворянамъ и вольноопредѣляющимся, которые по существовавшимъ для бывшихъ учебныхъ войскъ постановленіямъ, обязаны пробыть въ службѣ извѣстные сроки, предоставлено право на увольненіе въ отставку во всякое время, исключая военнаго, согласно положенію военнаго совѣта 26 іюня 1861 года. (Высоч. повел. въ сен. вѣд. 26 сентября 1861 г. № 47).

Временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. 16 августа утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и, вслѣдъ затѣмъ 4 сентября, наставленіе военнымъ начальникамъ, на случай народныхъ волненій и безпорядковъ. Въ изданномъ наказѣ подробно изло-

женъ образъ дѣйствій мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, во время возникающихъ волненій и безпорядковъ, для прекращенія которыхъ употребляется военная сила только въ случаяхъ открытаго сопротивленія и при безотлагательной необходимости. Но прежде прекращенія безпорядковъ силою, должны быть испытаны всѣ другія средства для возстановленія спокойствія и сдѣлано троекратное предвареніе сопротивляющимся о томъ, что въ случаѣ ихъ непослушанія, войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. Во всякомъ случаѣ, при возстановленіи порядка, не дозволяется употреблять какихъ либо наказаній, предоставляя это суду.

Согласно правиламъ, изложеннымъ въ наставленіи, начальники воинскихъ командъ, исполняя требованія полицейскихъ чиновниковъ, распоряжающихся на мѣстѣ безпорядковъ, распоряжаются сами, въ случаѣ, если этотъ чиновникъ будетъ захваченъ возмутившимися и лишенъ возможности дѣйствовать; и кромѣ того, когда возмутившіеся сами нападутъ на войска или когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмутившихся. Войскамъ же, находящимся въ карауле, въ патруляхъ, въ обходахъ и пр. для сохраненія общественнаго порядка, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для преодолѣнія сопротивленія; б) при понужденіи къ должному повиновенію; в) для защиты охраняемыхъ ими лицъ, и предметовъ; г) для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. При этомъ послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою оружія, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ правилами, изложенными въ наставленіи. Полож. комитета въ 16 августа и 4 сентября 1861 г. въ сен. вѣд. 1 и 22 сентября 1861 г. №№ 73 и 76).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Ежегодное жертвованіе купцовъ и мѣщанъ посада Азова, Екатеринославской губерніи на богадѣльню. Общество купцовъ и мѣщанъ посада Азова Екатеринославской губерніи изъявило желаніе жертвовать ежегодно сумму на содержаніе устроенной тамъ временно, въ 1856 году купцомъ Пятаченко, богадѣльни и объ обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ «Азовской, купца Пятаченка богадѣльни.» (Полож. ком. мин. 25 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 8 сент. 1861 г. № 72).

Учрежденіе въ Житомирѣ Еврейскаго ремесленнаго училища. 29 іюля утверждено положеніе о Житомирскомъ Еврейскомъ ремесленномъ училищѣ, учреждаемомъ въ видѣ опыта, на 3 года, съ цѣлью распространенія ремесленныхъ знаній между евреями, для направленія ихъ чрезъ то къ полезному и производительному труду. (Полож. ком. объ устр. евреевъ 29 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд 13 сент. 1861 г. № 74).

Объ отмежеваніи скотопрогонныхъ дорогъ въ земль войска Донскаго. Въ измѣненіе и дополненіе 81 пункта полож. о размежев. земель войска Донскаго (*) опредѣлено: 1) скотопрогонныя дороги въ землѣ войска Донскаго для свободнаго и безплатнаго прогона скота, назначить въ 60 саж. шириною, безъ отвода при нихъ особыхъ попасныхъ мѣстъ, и вымежевать въ войсковую собственность въ тѣхъ направленіяхъ, какъ онѣ показаны на картѣ межевою коммисіею; 2) вымежеваніе этихъ дорогъ производить только изъ свободныхъ войсковыхъ и станичныхъ юртъ земель и изъ тѣхъ владѣльческихъ дачъ, кои еще не обмежеваны: 3) распространеніе до 60 саженной ширины дорогъ, пролегающихъ между обмежеванными владѣльческими дачами, производить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть прилеглыя войсковыя земли, изъ коихъ и вознаграждать владѣльцевъ за отошедшія земли; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такихъ свободныхъ земель нѣтъ,—оставить дороги въ прежней 10 саженной ширинѣ; 4) скотопрогонныя дороги, въ землѣ войска Донскаго, подчинить непосредственному надзору общества застрахованія скота, которое, на всемъ пространствѣ оныхъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, устроивать на свой счетъ искусственные водопои, но съ тѣмъ, чтобы дороги эти были вполнѣ доступны свободному пользованію для прогона скота, какъ принадлежащаго обществу, такъ и всякаго другаго. Въ сихъ видахъ предоставить обществу учредить въ войскѣ, гдѣ признаетъ нужнымъ, центральное агенство икоптору, для производства своихъ операцій, и снабдить правленіе общества надлежащими, касательно дорогъ, свѣденіями. (Полож. воен. сов. 18 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 12 сент. 1861 г. № 73).

О закрытіи межевыхъ судовъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Положено закрыть немедленно межевые суда въ тѣхъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губерній, въ которыхъ, по открытіи генеральнаго межеванія, учреждены уже межевыя коммиссіи, въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ межевыя коммиссіи еще неучреждены, межевые суды закрываются постепенно, по мѣрѣ учрежденія коммиссій. При этомъ межевыя палаты сихъ губерній, дѣла, производящіяся въ упраздняемыхъ межевыхъ судахъ, передаютъ въ межевыя коммиссіи или уѣздные суды, смотря по предметамъ, для дальнѣйшаго производства, причемъ предоставлено межевымъ палатамъ и коммиссіямъ, по переданнымъ, въ нихъ неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ на основаніи положенія о размежеваніи Полтавской и Черниговской губерній 27 октября 1859 года, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, не вошедшими въ окончательную законную силу. (Мн. гос. сов. 26 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 15 сент. 1861 г., № 74).

Объ увольненіи черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ изъ морскаго вѣдомства. Поселянъ адмиралтейскихъ селеній, въ Херсонской губерніи, Богоявленска, Воскресенска, Калиновки, Висунска, Березнеговатаго и Покровскаго, положено уволить изъ морскаго вѣдомства, съ предоставленіемъ имъ права причислиться въ городскія или сельскія сословія, на основаніи общихъ законовъ; причемъ самыя селенія переименовать въ пригороды. Для завѣды-

(*) Согласно этому пункту, на войсковыхъ пустопорожнихъ земляхъ назначалась, для прогона скота полоса земли въ 10 саж; кромѣ того для попасовъ по обѣимъ сторонамъ этой полосы на луговыхъ мѣстахъ, по 50 и на горныхъ по 30 саж. и сверхъ того для прокормленія скота, въ каждую отъ дороги сторону, по одной верстѣ.

ванія дѣлами общественными, хозяйственными и сиротскими, положено учредить въ пригородахъ, если возможно, для двухъ и трехъ вмѣстѣ—думы.

По судебнымъ дѣламъ, пригородные купцы, мѣщане и ремесленники подлежатъ вѣдомству Николаевскаго городскаго магистрата.

Съ освобожденіемъ черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ отъ обязательной работы, на казенныхъ верфяхъ, они обложены въ пользу казны и нѣмства установленными, по новому званію, податями и повинностями. Пожалованныя адмиралтейскимъ селеніямъ земли оставлены за сими поселеніями и по переименованіи ихъ въ пригороды. Участки, состоящіе подъ домами, дворами, огородами и садами поселянъ, поступаютъ въ полную ихъ собственность съ правомъ передавать и отчуждать постороннимъ лицамъ. Кромѣ того, положено отдѣлить надлежащее количество земли, для надѣла тѣхъ изъ поселянъ, которые еще не получили таковыхъ участковъ, но изъявятъ желаніе пріобрѣсти ихъ, а также на случай переселенія въ пригороды постороннихъ обывателей и на выгонъ. Полевыя земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи поселянъ, оставить за ними, при томъ же порядкѣ владѣнія; но еслибы современемъ пригородные обыватели пожелали раздѣлить эти земли между собою на участки, то сіе имъ не воспрещается на томъ же основаніи, какъ это постановлено въ 34 ст. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по отношенію земель, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, въ Сен. вѣд. 29 августа 1861 г., № 69).

Уставъ общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода. 14-го іюля 1861 г. утвержденъ уставъ Общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода, имѣющаго цѣлью снабженіе города Одессы и ея окрестностей, во всякое время года, свѣжею и чистою водою, посредствомъ особаго гидротехническаго устройства. Согласно уставу, Общество принимаетъ на себя обязанность устроить водопроводы, для продажи чистой воды обывателямъ города во всѣхъ его частяхъ и для орошенія земель въ окрестностяхъ города, и устраиваетъ также водопои для скота.

Кромѣ того, Общество предоставляетъ пожарной командѣ, въ случаѣ пожара, повсемѣстное употребленіе воды изъ водопроводовъ безплатно и, для удобства при несчастныхъ случаяхъ, устраиваетъ къ водопроводнымъ трубамъ, въ городѣ на 100, а въ предмѣстьяхъ на 200 саженъ разстоянія, по одному пожарному крану. Устройство водопроводовъ, со всѣми принадлежностями, должно быть окончено Обществомъ, въ теченіе пяти лѣтъ со дня утвержденія устава.

Общество имѣетъ право безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугунныхъ трубъ и другихъ принадлежностей, но въ такомъ случаѣ, когда, по сдѣланному приглашенію, русскіе заводчики, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, не примутъ на себя поставку оныхъ не болѣе какъ 15% дороже тѣхъ цѣнъ, по которымъ могли бы иностранныя трубы и другія принадлежности обойтись въ Одессѣ.

Капиталъ Общества опредѣляется въ 2,000,000 рублей, раздѣленныхъ на 20.000 акцій, по 100 рублей каждая. Впослѣдствіи капиталъ сей можетъ быть увеличенъ до 3,000,000 рублей, выпускомъ новыхъ 15,000 акцій по прежней цѣнѣ.

За воду, поставляемую во дворы и дома, посредствомъ трубъ, плата опредѣляется, по взаимному соглашенію съ домовладѣльцами. Наибольшая плата за потребленіе воды назначается: а), за ведро воды $^3/_8$ коп. сер. б), за бочку воды въ 40 ведеръ—12 коп. сер. и в), за водопой лошади, вола или пары овецъ $^3/_8$ коп. сер. Такъ какъ монеты въ $^3/_8$ коп. не существуетъ, то при отдѣльномъ разсчетѣ за одно ведро или за одинъ водопой взимается $^1/_2$ коп. сер.

Бѣдные же жители города могутъ получать, для своего употребленія, воду безплатно кружками изъ фонтановъ, которые Общество обязывается устроить, по указанію городскаго общества.

За воду, расходуемую на поливку улицъ, общество взимаетъ не болѣе 3-хъ коп. за бочку, но не иначе, какъ по заключеніи съ городомъ на этотъ предметъ 12-и лѣтняго контракта и за количество, не превышающее 1,500 бочекъ въ день. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ Обществомъ обязанностей, учредители вносятъ въ мѣстную городскую думу залогъ въ 100,000 рублей, которые возвращаются, по окончаніи всѣхъ работъ по устройству водопровода и открытія онаго въ, уставомъ опредѣленный, срокъ.

Коль скоро будутъ разобраны всѣ акціи—учреждается правленіе общества, состоящее изъ четырехъ директоровъ, избранныхъ по большинству трехъ четвертей голосовъ общаго собранія акціонеровъ.

Въ директоры правленія могутъ быть избираемы только лица, имѣющія на свое имя не менѣе 50-ти акцій.

Каждый акціонеръ можетъ присутствовать въ общемъ собраніи, но подаетъ голосъ тотъ, кто имѣетъ на свое имя не менѣе 25-и акцій. Владѣющій 100 акціями-имѣетъ 2 голоса, 200 акцій и болѣе даютъ право на 3 голоса. По прошествіи 50-и лѣтъ со времени открытія водопровода, дѣйствія Общества прекращаются, водопроводы со всѣми принадлежностями поступаютъ въ собственность города, безъ всякаго вознагражденія, а наличный капиталъ раздѣляется между акціонерами. Независимо отъ сего городу предоставляется право пріобрѣтенія водопроводовъ общества и ранѣе сего срока, но не прежде истеченія первыхъ 15-и лѣтъ, со дня утвержденія устава. Сен. вѣд. 15 авг. 1861 г. № 63).

Объ измѣненіи сроковъ, назначенныхъ уставомъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода. Сроки, назначенные въ §§ 13. 25 и 31 устава общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для устройства водопроводовъ, предоставленія залоговъ въ обезпеченіе предпріятія и открытія подписки на акціи, положено считать не со дня утвержденія и обнародованія устава общества, а съ 1-го іюля, 1861 г.

Уставъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для снабженія жителей города во всякое время года свѣжею и чистою водою, утвержденъ 11-го апрѣля 1860 г. Согласно сему уставу, капиталъ общества опредѣлялся въ 200,000 рублей, раздѣленныхъ на 2,000 акцій по 100 рублей каждая; правленіе общества должно находиться въ Ростовѣ и состоять изъ 3-хъ директоровъ, по выбору общаго собранія акціонеровъ, на которомъ право голоса имѣетъ всякій, владѣющій 5-ю акціями. Выбранные въ первый разъ директоры остаются въ этомъ званіи три года; послѣ же сего срока ежегодно выбываетъ по одному директору и на мѣсто его избирается новый. (Мнѣн. госуд. сов. 11 апр. 1860 г. и полож. ком. мин. 4 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 17 мая 1860 г. № 40 и 8 авг. 1861 г. № 63.)

О дозволеніи дальнѣйшаго пребыванія Евреевъ въ г. Одессѣ. Дозволено дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ Евреевъ, которые, проживая въ семъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ оном осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности; причемъ разрѣшено имъ заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность мѣстному начальству, имѣть наблюденіе какъ за непремѣнною уплатою помянутыми Евреями установленныхъ ст. 528 уст. о пасп. и бѣг. по-

виностей, такъ и о примѣненіи ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ Евреямъ, во всей строгости, изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4-го іюня, Сен. вѣд. 29 авг. 1861 г. № 69.)

О дозволеніи Евреямъ заниматься ремеслами въ городахъ: Николаевѣ и Севастополѣ. Дозволено Евреямъ мѣщанамъ заниматься въ Николаевѣ и Севастополѣ производствомъ ремеслъ какъ на правахъ иногородныхъ лицъ, такъ и съ правомъ водворенія въ оныхъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4 іюня, въ Сен. вѣд. 29 авг. № 99.)

Объ усиленіи сбора съ колонистовъ Новороссійскаго края и Евреевъ земледѣльцевъ Южнаго края. Вслѣдствіе утвержденія новыхъ штатовъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи съ подвѣдомственными ему: попечительствомъ о Бессарабско-Болгарскихъ колоніяхъ и Еврейскимъ попечительствомъ, положено: усилить взимаемый нынѣ сборъ съ колонистовъ Новороссійскихъ по 9 коп. съ каждой, вышедшей изъ льготы, ревизской души; на содержаніе же Еврейскаго отдѣленія отнести и доходы отъ излишнихъ земель, отведенныхъ подъ поселеніе Евреевъ. Взиманіе сего добавочнаго сбора начинается съ 1-го іюля 1861 года. (Мн. госуд. сов. 4 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 25 авг, № 68.)

О дозволеніи Севастопольскому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма. Въ дополненіе примѣчаній къ ст. 731 т. X С. I св. зак. изд. 1857 г. дозволено Севастопольскому городовому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма наравнѣ съ уѣздными судами. (Мн. госуд. сов. 13 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 69.)

Объ учрежденіи полицейскихъ судовъ въ Западныхъ губерніяхъ. 5 августа утверждено временное положеніе о полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Временнымъ положеніемъ воспрещаются всякаго рода публичныя заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка. За эти проступки виновные, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ, или уменьшающимъ вину — подвергаются: аресту на время отъ 2-хъ дней до 4-хъ и болѣе недѣль и денежному взысканію отъ 10 до 800 и болѣе руб. сер.;

Виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, подвергаются, кромѣ денежнаго взысканія, аресту отъ 2-хъ недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ.

Сроки заключенія подъ арестомъ уменьшаются для несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 17-и лѣтняго возраста, до одной трети указанныхъ выше сроковъ. Лица женскаго пола не присуждаются къ личному аресту, кромѣ случаевъ, когда арестъ назначается вмѣсто денежнаго штрафа.

Производство этихъ дѣлъ сосредоточивается въ полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, на первый разъ, въ губернскихъ городахъ, составляющихъ первую инстанцію для дѣлъ сего рода.

Ревизія дѣлъ, поступающихъ изъ полицейскихъ судовъ, производится въ апелляціонныхъ полицейскихъ судахъ, составляющихъ вторую инстанцію и учреждаемыхъ въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ.

Полицейскіе суды, руководствуясь общими правилами о поводахъ къ началу уголовныхъ дѣлъ, предварительно постановляютъ по каждому отдѣльному случаю, заключеніе о томъ: представляется ли достаточный поводъ къ призы-

ву къ суду обвиняемыхъ въ обнаруженномъ или заявленномъ проступкѣ. Призывъ къ суду обвиняемаго и свидѣтелей совершается повѣстками.

По явкѣ вызываемыхъ, судъ, въ присутствіи своемъ, допрашиваетъ словесно обвиняемаго и свидѣтелей; сущность отвѣтовъ записывается въ протоколъ засѣданія. Послѣ окончанія слѣдствія и удаленія подсудимыхъ, судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ, по большинству голосовъ, рѣшеніе и вслѣдъ затѣмъ словесно объявляетъ его подсудимымъ. Срокъ, для принесенія апелляціи, установляется семидневный. Отзывы пишутся на простой бумагѣ и при этомъ вносится половина присужденнаго штрафа, на случай признанія апелляціи незаслуживающею уваженія.

Независимо отъ принесенія апелляціи, дѣла переносятся на ревизію апелляціонныхъ полицейскихъ судовъ по протестамъ стряпчихъ. Рѣшенія апелляціонныхъ судовъ признаются окончательными и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ Высочайшею властью.

Съ признанныхъ виновными, по рѣшеніямъ полицейскихъ судовъ какъ первой степени, такъ и апелляціонныхъ, кромѣ штрафовъ, взыскиваютъ издержки, необходимыя на покрытіе расходовъ по явкѣ свидѣтелей и другихъ лицъ, вызванныхъ судами, канцелярскіе расходы и наконецъ деньги, представленныя въ залогъ правой апелляціи, въ томъ случаѣ, когда будетъ утвержденъ приговоръ суда первой степени. Для уплаты штрафовъ, судъ назначаетъ семидневный срокъ, по истеченіи котораго, полиція, также въ теченіи семи дней, приступаетъ къ продажѣ съ публичнаго торга движимаго имущества, а въ случаѣ недостаточности его, къ наложенію секвестра на имущество недвижимое и на получаемые съ него доходы, впредь до назначенія въ продажу. (Полож. ком. мин. 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

О правилахъ при объявленіи какихъ либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи. Вслѣдствіе возрастающихъ въ Западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, предоставлены главнымъ начальникамъ этихъ губерній особыя права, причемъ разрѣшено имъ самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, когда они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія.

Для мѣстностей же, объявленныхъ на военномъ положеніи, установлены особыя правила, изъ которыхъ главнѣйшія,—слѣдующія: 1) главный начальникъ края можетъ удалять отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и отрѣшать и предавать суду всѣхъ безъ изъятія членовъ земской и градской полиціи. 2) Всѣ жители и чиновники воинскіе и полицейскіе подвѣдомы военному суду, причемъ всѣ обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ, подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію, на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ; 3) главный начальникъ утверждаетъ приговоры военныхъ судовъ и приказываетъ приводить ихъ въ исполненіе; 4) главный начальникъ края въ объявленную на военномъ положеніи мѣстность назначаетъ военнаго начальника, который обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ, или изъявленію *наружнаго неуваженія* къ правительству и мѣстнымъ властямъ, удаляетъ изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи всѣхъ иностранцевъ, праздно проживающихъ, и подозрительныхъ людей.

5) Въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности: а) воспрещается — собираться безъ нужды на улицахъ и площадяхъ; по требованію полицейскихъ и военныхъ властей, всякія скопища должны немедленно расходиться, а въ случаѣ неисполненія сего послѣ трехъ предвареній, скопища разсѣеваются силою; б) изъ процессій дозволяется только установленныя церковью, но и объ этихъ духовенство должно предварять полицію, для принятія мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ; в) всякія собранія въ публичныхъ или частныхъ домахъ, которыя будутъ признаны вредными мѣстною властью, должны быть немедленно прекращаемы; г) лавки, шинки, кофейныя и другія подобныя заведенія, по распоряженію мѣстнаго начальства, запираются въ установленное время; д) мѣстная полиція и военные патрули вправѣ останавливать тѣхъ, которыхъ признаютъ подозрительными, и отсылать ихъ къ военной власти; и е) въ случаѣ сопротивленія, воинская сила, вынужденная употребить оружіе, не подвергается отвѣтственности за послѣдствія.

Кромѣ того, по невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предваряются, что безпорядокъ долженъ вызвать экстренныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ (Полож. ком. мин-въ 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

ВІСТІ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ЮГЪ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ удалось съѣздить на родину — въ Малороссію и побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Я имѣлъ случай слышать и наблюдать тамъ нѣкоторыя явленія общественнаго быта, преимущественно въ сферѣ происходящаго теперь преобразованія по крестьянскому дѣлу; полагаю, что небольшой запасъ собранныхъ мною свѣдѣній не будетъ лишенъ интереса для читателей.

Начну съ хозяйства. Почти всѣ малороссійскіе землевладѣльцы жалуются на ущербъ, который они понесутъ въ своихъ доходахъ въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе совершающагося хозяйственнаго переворота. Имѣя въ виду уменьшеніе барщиннаго труда, многіе сочли необходимымъ убавить посѣвы. Но несмотря на это уменьшеніе запашки, все-таки оказался неуспѣхъ въ производствѣ хозяйственныхъ работъ. Это объясняютъ тѣмъ, что теперешній барщинный трудъ никуда не годится, что крестьяне, утративъ страхъ помѣщичьей кары, выходятъ на барщину поздно и дѣлаютъ все кое-какъ, до-нельзя плохо. Для восполненія недостатка обязательной работы, многіе владѣльцы оказались въ необходимости прибѣгнуть къ найму, и помѣщичьи поля въ Малороссіи впервые, хотя и не вполнѣ, обработаны были свободнымъ трудомъ, не изъ-подъ палки. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ, на первый разъ, оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Я былъ свидѣтелемъ затрудненій, какія встрѣчались при наймѣ рабочихъ на табачныя плантаціи. Извѣстно, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской и Пол-

тавской губерній (*), табачная промышленность составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства. Табакъ требуетъ постояннаго и весьма тщательнаго за собою ухода. Сюда относятся: разсаживанье табаку, его поливка, полотьба, саповка, обрываніе верхушекъ, для того, чтобъ сосредоточить всѣ соки растенія въ боковыхъ листахъ и проч. Чтобъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ нѣсколько десятковъ десятинъ, засаживаемыхъ во многихъ имѣніяхъ табакомъ, необходимо ежедневно имѣть нѣсколько десятковъ и до сотни рабочихъ рукъ. Въ прежніе годы работы, эти, не требующія большой физической силы, исполнялись обыкновенно крестьянскими дѣтьми обоего пола, и частію женщинами. Но теперь, при запрещеніи брать на барщину лицъ моложе 18 лѣтъ, при уменьшеніи барщинныхъ женскихъ дней, помѣщики находились въ большомъ затрудненіи, какъ продолжать воздѣлываніе табачныхъ плантацій. Нѣкоторые рѣшились почти вовсе оставить табачную промышленность, или значительно уменьшили ея размѣры. Только весьма немногіе удержали прежній объемъ табачныхъ плантацій и, для обработки ихъ, принуждены были обратиться къ найму. Такъ какъ наемный трудъ составляетъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, новость, то понятно, что лица, нуждавшіяся въ немъ, на первый разъ, должны были встрѣтить затрудненіе. Собственно вольныхъ людей—козаковъ или государственныхъ крестьянъ — нельзя было нанять, потому–что большая часть ихъ занята работою у себя дома; остальные же, по издавна–существующему обычаю, идутъ заработывать *копійку* въ Новороссійскій край. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только обратиться къ прежнимъ крѣпостнымъ, т. е. къ тѣмъ же крестьянамъ, которые до сихъ поръ обязательно исполняли эту работу. Но они весьма неохотно отозвались на приглашеніе помѣщиковъ. Нельзя не предполагать, что въ числѣ причинъ ихъ отказа было также нѣкоторое желаніе лишить помѣщика возможности имѣть хорошій табакъ. Весьма рѣдко случалось, чтобы на плантаціяхъ было то число рабочихъ, какое дѣйствительно было нужно, а въ праздникъ, который, бывало, шелъ не въ счетъ рабочихъ дней, нельзя было найти никого, ни за какія деньги. Сверхъ–того, другое затрудненіе заключалось еще въ томъ, что каждый работникъ, дитя или женщина, нанимались съ

(*) Козелецкій, Нѣжинскій, Сосницкій, Борзенскій, Конотопскій, а равно Роменскій, Прилуцкій и Пирятинскій.

условіемъ, чтобы расчетъ производился не понедѣльно, а по окончаніи работъ каждаго дня. Поводомъ къ такому требованію служило, какъ догадываются, опасеніе крестьянъ, чтобы помѣщикъ не сталъ считать ихъ трудъ обязательнымъ, крѣпостнымъ, и не отказался бы отъ производства уплаты за работу нѣсколькихъ дней. Не говоря о неудобствѣ подневнаго расчета вообще, главная трудность удовлетворенія требованіямъ крестьянъ, заключалась въ недостаткѣ мелкой размѣнной монеты. Цѣны на рабочихъ въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Прилуцкомъ и Пирятинскомъ были: для дѣтей отъ 5 до 7 коп., а для женщинъ отъ 10 до 12 и 15 коп. въ день. Сколько было нужно размѣнныхъ денегъ, для такихъ мелкихъ платежей! Кто не имѣлъ мелкихъ денегъ, что́ весьма часто случалось, тотъ почти не могъ нанять рабочихъ. Нужно было посылать нарочнаго въ уѣздный городъ, для размѣна билетовъ, да и тутъ съ большимъ трудомъ и не всегда можно было достать мелочи; напр. въ Нѣжинѣ, во время Троицкой ярмарки, одинъ мой знакомый не могъ размѣнять на мѣдь билета въ 25 руб. и едва-едва успѣлъ достать мѣди на 10 рублей, съ лажемъ по 5 коп. на рубль. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій при наймѣ рабочихъ въ будущемъ году, нѣкоторые помѣщики предполагаютъ еще, съ зимы, договорить нужное число людей въ *Литвѣ* (т. е. въ Бѣлоруссіи), на все лѣто. При существованіи изложенныхъ обстоятельствъ, должно полагать, что въ нынѣшнюю осень табакъ, несмотря на хорошій его урожай, будетъ довольно дорогъ. Относительно же будущаго времени, есть большая вѣроятность думать, что черезъ годъ, два или три, почти всѣ большія помѣщичьи табачныя плантаціи прекратятся, ибо сами крестьяне, значительно облегченные отъ барщинной работы, станутъ производить табакъ въ большомъ количествѣ, на своихъ огородахъ, мелкими плантаціями. И какъ они, по-обыкновенію, не принимаютъ въ расчетъ труда, употребленнаго на обработку своего поля, то цѣны, по которымъ они начнутъ продавать табакъ, будутъ гораздо ниже тѣхъ, по какимъ могутъ уступать табакъ помѣщики, затратившіе на производство его нѣсколько сотъ рублей. Можетъ-быть, что такое состояніе табачной промышленности будетъ продолжаться недолго, и что современемъ, когда крестьяне лучше поймутъ цѣну труда и времени, большія плантаціи снова возникнутъ; но, покамѣстъ, до этого далеко, и означенный кризисъ, кажется, неизбѣженъ. Помѣщики, которые захотятъ соперничать съ крестьянами, должны будутъ обратиться или къ воздѣлыванію высшихъ сортовъ та-

баку, или сократить издержки производства посредствомъ введенія какихъ нибудь особыхъ усовершенствованій, машинъ и т. п. (*)

Новороссійскій край, съ которымъ я только теперь нѣсколько ближе познакомился, посѣтивъ нѣкоторыя имѣнія Александрійскаго (Херсон. губ.) и Екатеринославскаго уѣздовъ, представляетъ много любопытнаго, для сравненія съ Малороссіей въ отношеніи хозяйственнаго положенія помѣщичьихъ имѣній.

Новороссійскія губерніи всегда отличались отъ Малороссіи, равно и отъ прочихъ губерній, тѣмъ, что обязательный трудъ, хотя и существовалъ тамъ во всей своей силѣ, но при незначительности крѣпостнаго населенія, въ сравненіи съ обширностію земель, сельскія работы издавна производились тамъ иначе, какъ съ участіемъ вольнаго труда. Ни одинъ помѣщикъ не могъ обойтись безъ наемныхъ рабочихъ и большую часть всѣхъ полевыхъ работъ производилъ всегда вольными людьми. Каждый изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ имѣлъ, въ этомъ случаѣ, полное основаніе расчитывать на большое число лицъ, приходящихъ въ Новороссію, какъ изъ малороссійскихъ губерній, такъ и изъ Литвы, для заработковъ. Кромѣ того, въ обширныхъ степяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній, въ большомъ числѣ кочуютъ, удобно скрываясь отъ полиціи, такъ называемые *бурлаки*, т. е. бѣглые помѣщичьи, крестьяне, или солдаты. Эти люди, нисколько не опасаясь быть захваченными, всегда готовы къ услугамъ желающаго пользоваться ихъ трудомъ. Паспортовъ ни у кого не спрашиваютъ, и наниматель можетъ не знать, кто у него работаетъ, а если и знаетъ, что такіе-то изъ нанятыхъ—бродяги, то, при всемъ же—

(*) Намъ кажутся опасенія почтеннаго автора насчетъ закрытія табачныхъ плантацій преувеличенными. Особенно, соперничество крестьянъ съ помѣщиками въ обработкѣ табаку представляется невозможнымъ. Если крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, поспѣшитъ продать барышникамъ нѣсколько пудовъ воздѣланнаго имъ табаку, то этимъ онъ нисколько не подрываетъ цѣнъ, которыя зависятъ отъ запроса и отъ количества табаку у большихъ плантаторовъ; не такъ давно бывало, что нѣкоторые помѣщики запродавали на корнѣ свой табакъ; но это не имѣло вліянія на цѣны. Мы были бы весьма рады, если бы освобожденный крестьянинъ, увеличивъ свои табачныя плантаціи, могъ вступить въ соперничество съ помѣщикомъ; но это едвали сбыточно. Откуда крестьянину получить возможность воздѣлывать табакъ въ большемъ, чѣмъ онъ теперь воздѣлываетъ, количествѣ, когда пространство его огородовъ останется тоже самое, какое было и прежде и когда онъ не перестанетъ садить огородныя овощи, которыя необходимы для его продовольствія? *Ред.*

ланіи предать ихъ въ руки надлежащей власти, не рѣшится этого сдѣлать, опасаясь товарищей пойманнаго, которые жестоко отмстили бы за такой поступокъ. Цѣны на трудъ въ Новороссійскомъ краѣ, уже нѣсколько лѣтъ, держатся довольно высокія. Работникъ съ косою (въ Новороссійскомъ краѣ косою убирается какъ сѣно, такъ и хлѣбъ) стоитъ отъ 75 до 1 руб., съ граблями отъ 60 до 80 коп. въ день. Кромѣ этой денежной платы, непремѣнное условіе найма составляютъ *харчи* и *порціи*, т. е. пища и водка, которыя каждый хозяинъ обязанъ давать рабочимъ нѣсколько разъ въ день. Какъ вольный человѣкъ, пришедшій издалека заработать денегъ, такъ и бурлакъ, любятъ поѣсть *добре*, и хорошіе работники всегда избѣгаютъ тѣхъ имѣній, гдѣ пища не совсѣмъ хороша. Они скорѣе согласятся на уменьшеніе платы,—только бы хорошо ихъ кормили. По принятому обычаю, ихъ кормятъ 4 раза въ день, по утру *сніданье*, потомъ *обѣдъ*, *полудень* и наконецъ *вечеря*. Ко всѣмъ этимъ срокамъ, тутъ же въ полѣ, на мѣстѣ работъ, въ подвижной кухнѣ приготовляются различныя кушанья, какъ-то: *кулишъ* (жидкая каша) или *галушки*, съ саломъ или съ постнымъ масломъ, *борщъ* съ рыбой, мясомъ и саломъ и *крутая каша*. Кромѣ того, работникамъ даютъ хлѣбъ, а иногда кукурузу, огурцы и проч. Послѣ каждой ѣды, работникъ получаетъ порцію водки, равняющуюся небольшому стакану. Въ имѣніяхъ съ 3 или 4 тысячами десятинъ земли (такихъ весьма много въ Новороссійскомъ краѣ), въ продолженіи лѣта, работаютъ отъ 100 до 200 и болѣе наемныхъ рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ, т. е. плата за трудъ и пища, обходятся всегда въ нѣсколько тысячъ рублей. Уже по этому расходу на рабочихъ, можно судить о величинѣ оборотнаго капитала въ имѣніяхъ Новороссійскаго края. Кромѣ вольнаго труда, здѣсь довольно давно стали вводиться разныя машины и усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія. Конныя молотилки существуютъ почти вездѣ, даже въ маленькихъ имѣніяхъ, а въ большихъ нерѣдко можно найти и паровыя. Всѣ эти условія, подавляя собою крѣпостной трудъ, сдѣлали значеніе его неважнымъ для большинства помѣщиковъ, а потому объявленіе свободы въ Новороссійскомъ краѣ не могло произвесть того невыгоднаго вліянія на состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ въ Малороссіи. Это отчасти зависѣло и отъ того, что въ Херсонской губерніи (въ Екатеринославской я этого не замѣтилъ) крѣпостная работа была не многимъ слабѣе прежней. Должно полагать, что относительная рѣдкость крѣпостнаго населенія, разбро-

саннаго на огромныхъ пространствахъ Херсонскихъ степей небольшими селами и деревнями, и происходящій отсюда недостатокъ частаго общенія между крестьянами препятствуютъ развитію въ нихъ тѣхъ чувствъ, которыя замѣтны, при густомъ крѣпостномъ населеніи, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ.

Смотря на энергическую дѣятельность многихъ Новороссійскихъ сельскихъ хозяевъ, на раціональность принимаемыхъ ими средствъ, ихъ стремленій и цѣлей, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему ничего подобнаго не видно въ Малороссіи, почему послѣдняя такъ отстала отъ своей молодой сосѣдки? — Отвѣтомъ на это служитъ, главнымъ образомъ, различіе географическихъ и другихъ условій той и другой мѣстности.

Плодородныя новороссійскія степи, расположенныя вдоль южной границы нашей, примыкаютъ къ берегамъ Чернаго моря. Днѣпръ, прорѣзывающій Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, будучи судоходенъ, на всемъ протяженіи отъ Никополя (Екатеринослав. губ.) до Херсона, сближаетъ съ Одессою и другими нашими южными портами даже довольно отдаленные отъ береговъ пункты. Правильное буксирное и пассажирское пароходство, которое содержитъ, на означенномъ пространствѣ, «Общество пароходства и торговли по Черному морю», представляетъ способы для возможно-скораго сообщенія съ портами. Только хозяйства, находящіяся совершенно въ сторонѣ отъ Днѣпра, лишены возможности пользоваться пароходствомъ, но и для нихъ медленность обыкновенныхъ способовъ сухопутныхъ сообщеній облегчается относительною близостію разстоянія торговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, почти каждый землевладѣлецъ въ Новороссіи обезпеченъ во всѣхъ своихъ продажахъ и покупкахъ. Еврей или другой купецъ, пріѣзжая въ деревню, не смѣетъ предложить помѣщику, за его пшеницу, ленъ или шерсть, цѣну ниже дѣйствительной, зная, что, въ противномъ случаѣ, весь товаръ можетъ быть удобно отправленъ непосредственно хозяиномъ въ самое мѣсто сбыта. Чтобъ купить машину или другое что нужное для хозяйственнаго производства, стоитъ только сѣсть на пароходъ и выбрать самому въ Одессѣ вещь, по своему желанію, которая не замедлитъ прибыть на мѣсто, вслѣдъ за своимъ хозяиномъ. Многія машины можно купить, не ѣздивши въ Одессу, въ Екатеринославѣ, или выписать эти вещи, черезъ контору г. Ульмана, находящуюся въ семъ городѣ. Нуженъ каменный уголь, для паровыхъ молотильныхъ машинъ,—его всегда мож-

но достать въ Никополѣ. Словомъ—близость пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и достаточныя удобства сообщенія съ ними по Днѣпру, давая возможность расчитывать на выгодный сбытъ продуктовъ, невольно побуждаютъ новороссійскаго землевладѣльца къ дѣятельности, труду и энергической предпріимчивости. Выгоды, обѣщаемыя разработкою нетронутыхъ еще естественныхъ богатствъ почвы, въ Новороссійскомъ краѣ такъ значительны, что тамошніе дѣятельные хозяева, ради ихъ, терпѣливо сносятъ и свое пустынножительство, и гладкое однообразіе природы, и даже недостатокъ многихъ существенныхъ удобствъ жизни, какъ напр. хорошаго помѣщенія. Многіе помѣщики живутъ почти въ хатахъ, отличающихся отъ крестьянскихъ только лучшею меблировкою. Такъ-какъ кругомъ все степи, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, то нѣкоторыя изъ помѣщичьихъ усадьбъ не имѣютъ подлѣ не только сада или лѣса, но даже ни одного порядочнаго тѣнистаго дерева. Расчетъ, допускающій одно производительное употребленіе капиталовъ, на улучшеніе имѣній, заставляетъ тѣмъ болѣе сокращать расходы, относящіеся къ удобствамъ и удовольствіямъ жизни, что всѣ молодые дѣятельные землевладѣльцы, начинающіе только свое поприще, принуждены держаться системы кредитныхъ хозяйствъ.

Въ Малороссіи мы видимъ совершенную противоположность. Ближайшими къ Малороссіи пунктами заграничной торговли являются тѣ же южные черноморскіе порты, что и для Новороссійскаго края, но съ тою разницею, что Малороссія, вслѣдствіе своего положенія къ сѣверу, несравненно болѣе отъ нихъ отдалена. Естественнымъ воднымъ путемъ сообщенія съ Чернымъ моремъ, для Малороссіи, долженъ былъ бы служить также Днѣпръ, протекающій по югозападнымъ ея предѣламъ. Но пороги, между Екатеринославомъ и Никополемъ, уничтожаютъ возможность правильнаго судоходнаго сообщенія Малороссіи съ Херсономъ и Одессою. Эти пороги дѣлаютъ то, что Малороссія, отправляя свой хлѣбъ, ленъ и другія произведенія къ Черному морю, медленнымъ и дорогимъ способомъ, на чумацкихъ фурахъ, не можетъ и помышлять о соперничествѣ съ Новороссійскимъ краемъ въ заграничной торговлѣ своими продуктами. Мы слышали, что составляется компанія, для уничтоженія Днѣпровскихъ пороговъ. Если этотъ слухъ справедливъ, то нельзя не пожелать новому предпріятію всевозможнаго успѣха. Пока это не осуществится или не проведется на югѣ желѣзная дорога, Малороссія будетъ оставаться страною почти изолированною, безъ всякихъ средствъ для перевозки грузовъ. Въ ней по-

чти нѣтъ и шоссейныхъ дорогъ, которыя такъ уже не новы въ великорусскихъ губерніяхъ. Московско-Харьковское и Кіево-Петербургское шоссе едва лишь касаются малороссійской границы, на сѣверо-востокѣ и западѣ. Есть, однакожь, одинъ рѣчной путь, по которому Малороссія отправляетъ часть своихъ продуктовъ, это — вверхъ по Днѣпру, въ Бѣлоруссію. Перевозка грузовъ здѣсь совершается въ баркахъ, бичевою или съ парусомъ, при подталкиваніи судна безчисленными шестами или баржами. Медленность этого способа, требующаго содержанія множества рабочихъ, и огромныхъ съ ихъ стороны трудовъ, служитъ причиною, что количество хлѣба, отправляемаго этимъ путемъ, едвали превышаетъ 50—60 тысячъ пудовъ въ годъ, — количество, весьма незначительное въ сравненіи съ тѣмъ, что́ Малороссія производитъ. «Общество пароходства по Днѣпру», кажется, могло-бы замѣнить означенную первобытную перевозку грузовъ, буксированіемъ барокъ посредствомъ пароходовъ; но оно, повидимому, находитъ для себя болѣе выгоднымъ ограничиваться пассажирскимъ пароходствомъ. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, легко понять, почему малороссійскіе землевладѣльцы въ настоящее время не производятъ такихъ оборотовъ, не отличаются такою дѣятельностью и такою распорядительностью, какъ ихъ собратья въ Новороссіи. Можно даже думать, что самое уничтоженіе обязательнаго труда мало поможетъ бѣдѣ. Отдаленность отъ пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и совершенное отсутствіе сколько-нибудь порядочныхъ путей сообщенія лишаютъ ее, какъ и всю центральную Россію, средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ, безъ котораго невозможны успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь побужденіе къ увеличенію и усовершенствованію производства, посредствомъ введенія дорогихъ машинъ, когда нѣтъ надежды на увеличеніе сбыта? Цѣны всегда такъ низки на всѣ продукты, что помѣщикъ радъ-радехонекъ, если ему удастся отъ продажи чего-нибудь получить разомъ 500 — 600 руб. сер. Откуда тутъ быть капиталамъ для тысячныхъ оборотовъ, какіе ведуттся, напр., въ Екатеринославской губерніи?

Одно преимущество имѣетъ Малороссія предъ Новороссійскимъ краемъ, это—удобства деревенской жизни. Хорошіе помѣщичьи усадьбы, фруктовые и всякіе сады, устроенные трудами нѣсколькихъ поколѣній, близкое сосѣдство помѣщиковъ другъ отъ друга, относительная близость уѣздныхъ городовъ, изобиліе всякихъ вкусныхъ плодовъ и яствъ — дѣлаютъ здѣсь жизнь спокойною и пріятною. Благодаря,

именно, этимъ условіямъ, Малороссія повсюду въ Россіи пріобрѣла себѣ славу *благословенной* страны. Къ-сожалѣнію, однакожъ, нельзя не признаться, что указанныя выгоды далеко не въ состояніи искупить вышеисчисленныхъ неудобствъ. Малороссійскіе помѣщики начинаютъ уже теперь понимать это, видя и слыша, какіе доходы доставляютъ имѣнія въ Новороссіи; но вмѣстѣ съ этимъ они сознаются, что едвали бы согласились отдать свои старыя имѣнія за скучныя, безлѣсныя, хотя и богатыя, новороссійскія степи...

Ущербъ, который послѣдуетъ въ хозяйствѣ малороссійскихъ землевладѣльцевъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, еще болѣе увеличивается естественнымъ бѣдствіемъ — саранчею. Это прожорливое насѣкомое, истребляющее всякую растительность, отъ обыкновенной травы и всѣхъ сортовъ хлѣба до табаку и древесныхъ листьевъ, прилетѣла въ Малороссію, въ прошломъ году, изъ Новороссійскаго края, гдѣ она, уже нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно остается. Предостереженія, сдѣланныя помѣщикамъ предводителями дворянства о перепахиваніи полей, на которыхъ положены саранчею яйца, остались, какъ и должно было ожидать, безъ всякихъ послѣдствій. Прошедшая холодная зима возбудила надежду, что яйца пропадутъ отъ морозовъ, но ожиданія не сбылись. Въ началѣ іюня саранча выплодилась въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Козелецкомъ, Переяславскомъ, а равно за Днѣпромъ, въ Кіевской губерніи. Нечего говорить объ отчаяніи и безпокойствѣ жителей, даже сосѣднихъ уѣздовъ. Земская полиція стала принимать мѣры къ уничтоженію саранчи. Способъ истребленія состоялъ въ томъ, что на протяженіи всего поля, занятаго саранчею, копались рвы, и крестьяне, съ метлами въ рукахъ, должны были загонять сюда саранчу, которую потомъ засыпали землею. Каждый крестьянинъ, если на поляхъ его деревни была саранча, долженъ былъ посвящать на истребленіе ея два дня въ недѣлю (одинъ барщинный и одинъ свой). Но крестьяне такъ неохотно брались за эту работу, что мѣстное выраженіе — *выгонять на саранчу* — можно понимать почти буквально. Въ Малороссіи крестьяне и даже многіе изъ помѣщиковъ убѣждены, что саранча есть «наказаніе Божіе», что старые и мудрые люди читаютъ эту фразу, написанную іероглифами на самыхъ крыльяхъ насѣкомаго. Поэтому почти всѣ того мнѣнія, что истреблять саранчу—значитъ гнѣвить Бога, и что единственное средство противъ этого бѣдствія заключается въ молитвѣ. При такихъ предразсудкахъ истребленіе саранчи не могло идти успѣшно: крестьяне исполняли свое дѣло кое-

какъ, только для виду. Количество саранчи не уменьшалось, и это подало поводъ говорить, что масса саранчи даже увеличивается. Въ Кіевской губерніи, гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, землевладѣльцы думаютъ, что уничтоженіе саранчи возможно, дѣло это вело единодушнѣе и лучше. Много стараній о немъ прилагало, какъ мы слышали, кіевское губернское начальство, посылая въ разныя мѣста своихъ чиновниковъ, для побужденія крестьянъ и для распоряженія работами. Кромѣ способа, принятаго въ Полтавской губерніи, здѣсь употреблялся еще, другой. Вмѣсто того, чтобъ сгонять саранчу въ рвы метлами, ее ловили сѣткою, наподобіе тѣхъ, какія дѣлаются для ловли бабочекъ. Изъ сѣтокъ, саранча выбрасывалась въ приготовленныя ямы или рвы, и затѣмъ также засыпалась землею, сожигалась или топталась ногами. Но гораздо болѣе успѣшный способъ истребленія саранчи употребляется въ Екатеринославской губерніи. Это способъ конныхъ ловушекъ. Дѣлается деревянный ящикъ около 2 арш. длины и 1 арш. ширины. Съ длинной боковой стороны ящикъ открытъ; дно его съ этой же стороны продолжено такъ, что ширина собственно ящика вдвое менѣе ширины всего дна. Въ двѣ дыры, просверленныя по угламъ продолженнаго дна, продѣты по двѣ веревки, въ кои впрягаются лошади. Для каждаго такого ящика, нужно пару лошадей и одного человѣка, который управляетъ лошадью, сидя верхомъ. Нѣсколько такихъ запряженныхъ ящиковъ ставятся въ рядъ въ полѣ, занятомъ саранчею. Въ то время, когда лошади скачутъ, ящикъ тащится по землѣ, и саранча волею – не – волею попадаетъ въ открытое отверстіе ящика. Когда ящикъ достаточно наполнится, саранча, сожигается, топчется ногами и засыпается землею въ приготовленныхъ рвахъ или ямахъ. Истребленіе саранчи этимъ способомъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ было такъ успѣшно, что вредъ, причиненный ею въ нынѣшнемъ году, не можетъ считаться значительнымъ. Какъ этотъ, такъ и другіе указанные способы могутъ быть употребляемы только въ началѣ лѣта, когда саранча не имѣетъ еще крыльевъ; для истребленія же летучей саранчи, которая причиняетъ наиболѣе вреда, нѣтъ никакого положительнаго средства. Но такъ–какъ это насѣкомое боится звука, то нѣкоторые землевладѣльцы спасаютъ свои поля, прогоняя саранчу шумомъ, звономъ, крикомъ, пальбою изъ ружей и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіе лѣта саранча три раза измѣняетъ свой наружный видъ. Я видѣлъ это насѣкомое во всѣхъ трехъ періодахъ его развитія. Похожая на обыкновеннаго кузнечика, саранча, по выходѣ

изъ яйца, бываетъ чернаго цвѣта, величиной менѣе обыкновеннаго комара. Только безчисленность массы, выскакивающей изъ-подъ ногъ идущаго по полю, заставляетъ замѣчать ее. Когда саранча достигнетъ роста величиною въ дюймъ, то снимаетъ съ себя черную кожу и дѣлается краснаго цвѣта съ коричневымъ отливомъ. Въ это время у ней начинаютъ расти крылья. Когда крылья достигнутъ извѣстнаго размѣра, саранча принимаетъ желтый цвѣтъ съ черными оттѣнками и начинаетъ дѣлать небольшіе перелеты, въ нѣсколько саженъ. Укрѣпляясь болѣе и болѣе, она, къ концу іюля, дѣлается способною подыматься довольно высоко и пролетать значительныя пространства. Въ концѣ лѣта саранча кладетъ свои яйца, выбирая непаханныя поля, а сама умираетъ. Каждое яйцо ея можетъ, говорятъ, произвесть до 70 насѣкомыхъ. Во время полнаго своего развитія, туловище саранчи достигаетъ величины 2 дюймовъ, а крылья, которыя всегда длиннѣе туловища, до $2^1/_4$ и $2^1/_2$ дюймовъ. Не вся саранча одновременно подвергается указаннымъ видоизмѣненіямъ. Между красными насѣкомыми, можно замѣтить много черныхъ, а между желтыми летучими—красныхъ-скакуновъ. Саранча не занимаетъ большихъ сплошныхъ пространствъ, а располагается всегда полосами, въ нѣсколько верстъ ширины и нѣсколько десятковъ верстъ длины. Она скачетъ и летаетъ не въ разныхъ направленіяхъ, какъ кузнечики или бабочки, а держится преимущественно одного какого-нибудь пути. По сдѣланному мною наблюденію, вся масса саранчи, во всѣхъ полосахъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, направлялась, въ этомъ году, въ своемъ ходѣ и перелетѣ, на юго-западъ. Непріятно видѣть перелетающія массы этихъ насѣкомыхъ вблизи. Въ Херсонской губерніи такія массы нѣсколько разъ пересѣкали мнѣ дорогу. Онѣ не представляются, какъ обыкновенно говорятъ, густою тучею, а скорѣе походятъ на сѣть, раскинутую отъ земли вверхъ на нѣсколько саженъ, въ длину на нѣсколько верстъ и въ ширину, я думаю, не болѣе, а можетъ быть и менѣе, 1 версты. Эти массы натыкаются на все, что имъ попадается на встрѣчу, ударяются о людей и лошадей. Ударъ ихъ въ лицо довольно чувствителенъ, и лошади всегда обнаруживаютъ при этомъ нѣкоторый испугъ, фыркаютъ и бросаются въ сторону. Я замѣтилъ, что насѣкомыя эти, оставаясь безъ пищи, въ ящикѣ, куда они были заключены, ѣли другъ друга и были живы до 9 дней. Трудно теперь даже приблизительно опредѣлить количество нанесеннаго саранчею вреда въ Малороссіи, но можно думать, что онъ довольно

значителенъ, и, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть слѣдствіемъ повышеніе цѣнъ на всѣ продукты.

Отъ предметовъ хозяйственныхъ перейдемъ къ другимъ, болѣе живымъ. Постараемся сообщить читателямъ факты, характеризующіе въ извѣстной степени нынѣшнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательны различныя между обоими сословіями недоразумѣнія, въ чемъ теперь нѣтъ недостатка. Такъ, въ Малороссіи нѣкоторые помѣщики, немедленно по объявленіи манифеста, предложили всѣмъ дворовымъ и должностнымъ крестьянамъ своихъ имѣній извѣстное жалованье, а иные предоставили имъ даже право оставить, если пожелаютъ, службу, не дожидаясь истеченія обязательнаго двухлѣтняго срока. Эта прекрасная и въ то же время простая мѣра возбудила въ крестьянахъ одного имѣнія самыя странныя подозрѣнія. Дѣло было въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Дворовыя и должностныя лица, сперва съ удовольствіемъ согласившись принять предложенныя имъ условія о жалованьи, по истеченіи нѣсколькихъ дней, всѣ одинъ за другимъ стали отказываться и отъ жалованья, и отъ службы. Невозможно было понять причину этого отказа, безъ всякаго видимаго повода. Послѣ долгихъ отнѣкиваній, кто-то изъ крестьянъ объяснилъ, что между ними распространился слухъ, будто всѣ служащіе теперь помѣщику за жалованье навсегда должны будутъ остаться въ этомъ положеніи, и снова сдѣлаться крѣпостными. Сколько нужно было усилій, чтобъ убѣдить крестьянъ въ ложности и нелѣпости такого мнѣнія. Послѣ долгихъ убѣжденій, они согласились продолжать служить за жалованье, какъ было условлено. Въ деревнѣ говорили, что виновникомъ слуха, который такъ смутилъ крестьянъ, былъ какой-то заѣзжій мѣщанинъ, сдѣлавшій это, какъ полагали, въ отмщеніе помѣщику, за то, что послѣдній не согласился продать какой-то продуктъ, по предложенной цѣнѣ... Вотъ другой также странный примѣръ недоразумѣнія. Въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ есть много мелкихъ имѣній, гдѣ крестьяне не пользовались донынѣ надѣломъ земли, и заработывали хлѣбъ съ панскаго поля (получая 3-й и 4-й снопъ) въ дни, свободные отъ барщины. Владѣльцемъ одного изъ такихъ имѣній (въ Херсон. губ.) было предложено въ это лѣто крестьянамъ, въ видахъ обоюдной выгоды, снимать хлѣбъ въ теченіе всей недѣли, за 4 снопъ, безъ барщины, или, если не желаютъ этого, работать установленную барщину, а за работу, въ свободное за тѣмъ время, получать 3-й снопъ. Какъ ни ясно, что въ первомъ

случаѣ недѣльное пріобрѣтеніе каждаго работника было бы значительно больше, чѣмъ во второмъ (*), однакожъ крестьяне приняли второе условіе. Вообще нужно сказать, что крестьяне не идутъ почти ни на какія сдѣлки съ помѣщиками. Отъ этого составленіе уставныхъ грамотъ чрезвычайно затруднительно, и весьма многіе помѣщики не думаютъ приниматься за это дѣло, желая взвалить его на мировыхъ посредниковъ. Много будетъ работы посредникамъ!

Случаи недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ, подобные двумъ приведеннымъ, встрѣчаются нерѣдко; съ перваго раза они кажутся столь странными, что каждый готовъ отнести ихъ къ непониманію крестьянами собственныхъ интересовъ, а иной, незнающій народа, согласится, пожалуй съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, утратившихъ и свою народность и чувство правды, помѣщиковъ, что крестьяне просто глупы и тупоумны... Да, нашему крестьянину придется много работать для своего умственнаго образованія, до–сихъ–поръ ему не было ни времени, ни простора объ этомъ подумать; въ этомъ каждый долженъ съ грустью сознаться. Но развѣ приведенные случаи не показываютъ наивно-благородную, хотя и слабую натуру, которая, увлекаясь одною мыслію о свободѣ, не замѣчаетъ собственныхъ выгодъ? Развѣ причины описаннаго образа дѣйствій крестьянъ не кроются въ томъ состояніи, въ которомъ они до сей поры находились? Долго порабощенные, проливавшіе вѣчно свой потъ изъ–за чужихъ выгодъ, нерѣдко обманутые, крестьяне, весьма понятно, не могутъ вѣрить искренности и чистотѣ предложеній помѣщика. Они полагаютъ, что владѣлецъ, который лишается теперь возможности извлекать для себя выгоды изъ даровато ихъ труда, долженъ питать къ нимъ личную ненависть, и поэтому не можетъ предложить имъ никакихъ дѣйствительно – выгодныхъ условій. Смотря недовѣрчиво на всѣ предложенія, исходящія отъ помѣщика, крестьяне всегда готовы думать, что тутъ заключаются какіе нибудь извороты или ухищренія, съ цѣлію удержать ихъ въ прежнемъ, крѣпостномъ состояніи. Наконецъ крестьяне, ожидавшіе освобожденія нѣсколько лѣтъ, какъ бы желаютъ теперь убѣдиться въ наступленіи обѣтованнаго дня, и оттого ловятъ всякій случай, чтобы увѣриться: точно ли слово помѣщика не можетъ быть и не бу-

(*) Если положить, что мужчина можетъ убрать среднимъ числомъ 120 сноповъ въ день, то въ первомъ случаѣ еженедѣльный заработокъ каждаго работника будетъ составлять 180, а во второмъ только 120 сноповъ.

деть для нихъ болѣе закономъ. Нельзя не замѣтить также, что послѣдній изъ двухъ вышеприведенныхъ фактовъ можно объяснить отчасти свойствами самаго народнаго характера. Малороссъ вообще подозрителенъ; сверхъ того онъ не любитъ связывать себя какимъ нибудь условіемъ, обязывающимъ его къ извѣстной непремѣнной работѣ и лишающимъ возможности взяться за другое дѣло. Такъ въ упомянутомъ случаѣ крестьяне, я увѣренъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду, что, при работѣ за 4 снопъ, безъ барщины, они будутъ обязаны, по условію, являться каждый день на работу, тогда какъ, при трехдневной барщинѣ, остальные дни у нихъ совершенно свободны. Правда, что, въ это время, они также должны необходимо работать, чтобъ имѣть на зиму хлѣбъ; но украинцу важно то, что при этомъ онъ все-таки не лишается нѣкоторой независимости въ дѣйствіяхъ: «захотѣлъ,—пошелъ на работу, не захотѣлъ,—не пошелъ,»—вотъ-что дорого!—Помѣщики, утверждающіе, что крестьянинъ глупъ, очевидно, говорятъ это потому, что все еще не могутъ придти въ себя отъ потери прежней власти, прежняго своего значенія. Они дѣйствительно раздражены; и хотя, подъ вліяніемъ духа времени, стараются казаться приверженцами свободнаго труда, но въ раздраженіи не могутъ скрыть своихъ настоящихъ убѣжденій.—Въ этомъ легко убѣдиться, при всякомъ случаѣ, когда они говорятъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, гдѣ крестьянинъ выказалъ чувство собственнаго достоинства и независимости. Въ каждомъ подобномъ поступкѣ, эти господа видятъ дерзость, личную для себя обиду, оскорбленіе своего дворянскаго званія и проч. Ужъ гораздо лучше тѣ застарѣлые помѣщики и помѣщицы, которые, въ своихъ закоренѣлыхъ убѣжденіяхъ, всегда являются открытыми сторонниками крѣпостнаго права... Впрочемъ, справедливость требуетъ также замѣтить, что неудовольствія помѣщиковъ противъ крестьянъ иногда имѣютъ дѣйствительныя основанія, въ нарушеніи крестьянами ихъ законныхъ правъ или въ неисполненіи своихъ обязанностей, въ-отношеніи барщинной работы. Такъ, всего чаще случается, что крестьянъ обвиняютъ въ потравленіи помѣщичьихъ полей своимъ скотомъ. Ни убѣжденія, ни арестъ пойманнаго крестьянскаго скота, ничто не помогаетъ. Одни штрафы могли бы, можетъ быть, дѣйствовать, если бы взысканіе ихъ не было сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Такъ какъ прежде примѣры потравленія были довольно рѣдки, то, быть можетъ, справедливо полагаютъ, что въ настоящее время крестьяне дѣлаютъ это съ намѣреніемъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, помѣщикъ,

которому надоѣло ежедневно твердить, чтобъ одинъ крестьянинъ не пускалъ къ нему на баштанъ своей свиньи, застрѣлилъ ее изъ ружья. Крестьяне такъ были раздражены этимъ поступкомъ, что изъ этого могла бы произойти для помѣщика весьма непріятная исторія, еслибъ на защиту къ нему не явился случайно волостной старшина, заѣхавшій въ эту деревню, при объѣздѣ своей волости. Выборные крестьянами сельскія власти, по какому-то странному противорѣчію съ своимъ назначеніемъ, вообще, сколько я могъ замѣтить, болѣе клонятъ на сторону помѣщиковъ. И въ настоящемъ случаѣ, помянутый старшина возстановилъ порядокъ, какъ мнѣ говорили, довольно сильно наказавши крестьянъ розгами. При всѣхъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ съ крестьянами, помѣщики довольно рѣдко обращаются къ посредникамъ. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что они нѣсколько ошиблись въ своихъ расчетахъ на посредниковъ, думая найти въ нихъ людей, которые будутъ цѣнить какъ сословныя различія, такъ и личныя знакомства. Просьбы, приносимыя первое время помѣщиками посредникамъ, нерѣдко клонились или къ тому, чтобъ напугать и прижать крестьянъ, или чтобы просто лишить ихъ пользованія тѣмъ или другимъ изъ правъ, предоставленныхъ новымъ положеніемъ. Такъ, одна Полтавская помѣщица просила посредника запретить ея дворовой дѣвушкѣ выйти замужъ. Когда посредникъ сослался на статью положенія, дозволяющую крестьянамъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика, то барыня стала умолять сдѣлать это единственное отступленіе отъ правилъ, изъ уваженія къ ея милой особѣ и къ тому, что замужество дѣвушки лишитъ ее булочницы. Не приводя другихъ примѣровъ, достаточно сказать, что мировые посредники, принадлежащіе вездѣ къ лучшимъ людямъ между дворянами, всѣ, за весьма немногими исключеніями, отбросили въ сторону свои личныя отношенія и сословыя различія, и взяли себѣ за правило: защищать ту сторону, которая дѣйствительно нуждается въ защитѣ. Каждый изъ нихъ вполнѣ понялъ и то, (чего не понимаютъ многіе помѣщики), что только братскимъ союзомъ съ крестьянами, ихъ довѣренностью и уваженіемъ можно сохранить общественный порядокъ, а равно упрочить собственное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, крестьяне съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращаются къ посредникамъ во всѣхъ дѣлахъ, когда встрѣтится надобность.

Что касается до земской полиціи, то помѣщики еще рѣже, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, обращаются къ ея помощи, пото-

му что, обыкновенно, нелюбятъ входить ни въ какія сношенія съ полицейскими властями. При неисполненіи слугами или крестьянами своихъ обязанностей, помѣщикъ твердитъ одно: «теперь эманципація, теперь эманципація...» Въ этихъ словахъ бывшаго душевладѣльца, вмѣстѣ съ притворнымъ равнодушіемъ, слышится досада и даже — иронія... Вмѣшательство полиціи бываетъ чаще въ тѣхъ, преимущественно большихъ, имѣніяхъ, гдѣ распорядителями хозяйства являются не сами владѣльцы, а поставленные ими управляющіе. Эти ревнители чужихъ интересовъ, вслѣдствіе своего отвѣтственнаго положенія предъ помѣщикомъ, не всегда бываютъ снисходительны къ крестьянамъ. Оттого здѣсь иногда случается, что ничтожное дѣло принимаетъ характеръ *исторіи*, для потушенія которой вызывается войско. Такъ было, по слухамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губерніи.

Съ освобожденіемъ отъ попечительства помѣщиковъ, крестьяне большей части имѣній лишаются одной очень важной выгоды, это—безплатнаго врачебнаго пособія, въ случаѣ болѣзни. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были содержимы для этого помѣщиками особые врачи и почти вездѣ были наемные фельдшеры. Теперь помѣщики болѣе не считаютъ себя обязанными заботиться о здоровьи крестьянъ, отпускаютъ изъ своихъ деревень врачей и фельдшеровъ, а крестьяне остаются безъ всякихъ средствъ къ леченію. Государственные крестьяне имѣютъ медиковъ и фельдшеровъ(1); вѣроятно, и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ также будутъ въ свое время назначены особые медицинскіе чиновники. Но долго-ли и какъ имъ оставаться въ настоящемъ безпомощномъ положеніи?

Крестьяне съ необыкновеннымъ рвеніемъ пользуются новымъ своимъ правомъ—вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Интересно было бы знать, насколько число браковъ между бывшими крѣпостными, въ настоящемъ году, болѣе прежнихъ лѣтъ? Повидимому, число это должно быть очень значительно, такъ-какъ въ теченіе нынѣшней весны и лѣта не проходило недѣли (исключая постовъ), безъ того, чтобы во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ, не было по крайней мѣрѣ одной, двухъ, а иногда и болѣе свадьбъ. И кажется, эти свадь-

(1) Медики и фельдшера государственныхъ имуществъ имѣютъ значеніе чиновниковъ медицинской полиціи. Леченіемъ крестьянъ они не занимаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ—случаевъ повальныхъ болѣзней. Едва-ли лекаря-чиновники замѣнятъ тѣхъ, хотя и немногихъ медиковъ, которые жили въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. *Ред.*

бы много содѣйствуютъ увеличенію пьянства, которое и безъ того довольно сильно въ Малороссіи (*).

Весною въ газетахъ часто попадались извѣстія о томъ, что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне стали очень воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, послѣ объявленія имъ свободы. Обстоятельство это не произвело на Малороссію такого благодѣтельнаго дѣйствія. Народная поговорка: «*не на те козакъ пье, що е, а на те, що буде*» въ настоящее время, кажется чаще, чѣмъ когда либо, исполняется на дѣлѣ. Недостатокъ серебряной мелкой и даже мѣдной монеты, затрудняющій, какъ уже было замѣчено, помѣщиковъ и приносящій еще болѣе вреда маленькимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, также не остается безъ вліянія на усиленіе пьянства. Кредитный билетъ, приносимый крестьяниномъ въ шинокъ, почти весь переходитъ въ руки шинкарей, за недостаткомъ сдачи. Понятно, что трактирщики, желая заставить побольше купить своего товара, не всегда добросовѣстно отказываютъ въ сдачѣ. Малороссійскіе шинкари иногда употребляютъ и болѣе благородныя и невинныя средства, для привлеченія посѣтителей: дѣлаютъ заманивающія надписи на своихъ трактирахъ, и притомъ въ стихотворной формѣ. Такъ, по дорогѣ изъ Чернигова въ Нѣжинъ, на дверяхъ двухъ деревенскихъ трактировъ (въ Куликовкѣ и Жуковкѣ), мнѣ бросились въ глаза слѣдующія надписи: «*Не журысь, выпей водки и повеселысь*» и другая—*отдыхны и осьмуху водки возьмы*». Въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, прибыль трактирщиковъ, я думаю, не менѣе какъ и въ Малороссіи. Одинъ помѣщикъ Александрійскаго уѣзда, находя, что крестьяне его деревни, въ коей выпивалось до 80 ведеръ въ недѣлю, слишкомъ пьянствуютъ, приказалъ возвысить цѣну водки съ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за ведро. Сомнительно, однакожъ, чтобъ эта мѣра возъимѣла желаемое дѣйствіе. Въ томъ же уѣздѣ я видѣлъ, впрочемъ, примѣръ замѣчательнаго воздержанія. Крестьянинъ, женив-

(*) Въ 1859 г. въ губерніяхъ Южнорусскихъ, среднее потребленіе вина каждымъ жителемъ обоего пола составляло: въ Черниговской (менѣе $1\frac{1}{2}$ мил. жител.) и Кіевской (менѣе 2 мил. ж.) 1,92 ведра, въ Екатеринославской (болѣе 1 мил. жит.,) Херсонской (болѣе 1 мил. ж.,) Харьковской ($1\frac{1}{2}$ мил. ж.) и Полтавской (около $2\frac{1}{4}$ мил. ж.) отъ 1.55 до 1,39 ведра. Между тѣмъ потребленіе вина въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ томъ же году, самое большее было для С. Петербургской, Ставропольской и Московской по 1,68, 1.63 и 1,07 ведра на каждаго жителя; для прочихъ же оно простиралось отъ 0,64 до 0,25 ведра на каждую душу.

шись въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую рабочую пору, добровольно отказался отъ всѣхъ свадебныхъ церемоній, продолжающихся иногда, какъ извѣстно, цѣлую недѣлю и всегда сопровождающихся пьянствомъ. Правда, удовольствія эти были только отсрочены и должны будутъ непремѣнно состояться осенью; но нельзя не видѣть торжества благоразумія въ томъ, что на другой день послѣ брака, въ понедѣльникъ, и мужъ и жена были на работѣ. Мнѣ кажется, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ подобный случай почти немыслимъ.

Въ заключеніе, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно новыхъ удобствъ пассажирскаго сообщенія между Петербургомъ и Южной Русью Два, три года, и даже менѣе, назадъ, человѣкъ, неимѣющій своего экипажа, не иначе могъ попасть на Югъ, какъ протрясшись на перекладной повозкѣ, около полуторы или двухъ тысячъ верстъ. Теперь же, благодаря дилижансамъ и пароходамъ, можно доѣхать, напр. до Одессы, почти не испытывая ѣзды на перекладной. О переѣздѣ отъ Петербурга до Острова нечего говорить, такъ-какъ всѣмъ извѣстно, что черезъ этотъ городъ пролегаетъ Петербурго-Варшавская желѣзная дорога, встрѣчающаяся здѣсь съ кіевскимъ шоссе. Въ Островѣ, выйдя изъ вагона, вы садитесь прямо въ почтовый дилижансъ, который доставляетъ васъ, послѣ 100 часовой ѣзды, т. е. на пятыя сутки, въ Кіевъ. Здѣсь, сѣвши на пароходъ «Общества пароходства по Днѣпру», вы пріѣзжаете на другой день въ 4 часа пополудни въ Кременчугъ, и если это случится накакунѣ отплытія парохода въ Екатеринославъ, то на третій день, по отъѣздѣ изъ Кіева, въ 4 же часа пополудни, вы въ Екатеринославѣ. Отъ этого послѣдняго вамъ придется сдѣлать не болѣе 100 верстъ на перекладныхъ до Никополя, и затѣмъ новый пароходъ «Общества пароходства и торговли» везетъ васъ черезъ Херсонъ — въ Одессу. Право, нельзя не радоваться, что наконецъ существуетъ возможность совершить такое путешествіе на югъ, нетолько весьма удобное въ сравненіи съ прежнимъ, но даже пріятное! Конечно, къ дилижансамъ можно отнести только первое. Удобства ихъ, въ сравненіи съ обыкновенной почтовой ѣздой, всѣмъ извѣстны: помѣщеніе покойное, вы защищены отъ непогоды, не знаете хлопотъ о лошадяхъ, васъ везутъ безостановочно, вамъ ненужно брать никакой подорожной, ненужно платить шоссейныхъ сборовъ. Плата за мѣста отъ Острова до Кіева—наружное 28 руб. и внутреннее 40 руб., значительно менѣе суммы прогонныхъ денегъ, которую бы пришлось израсходовать, ѣдучи одному,

на пару лошадей. Вообще можно сказать, что издержки путешествія до Кіева, въ дилижансѣ, сокращаются почти на-половину. Дорого стоитъ перевозка значительнаго багажа по 5 коп. съ каждаго фунта, сверхъ полпуда, дозволеннаго имѣть безплатно. Но если, какъ обыкновенно стараются дѣлать, дорожная поклажа не велика, то въ наружномъ мѣстѣ дилижанса можно за 30 руб. съ небольшимъ доѣхать изъ Острова въ Кіевъ. Важная невыгода состоитъ только въ затрудненіи получить мѣсто въ дилижансѣ, особенно наружное. Дилижансы ходятъ въ Кіевъ и обратно только два раза въ недѣлю, и, при множествѣ желающихъ ѣхать въ дилижансѣ, вы почти навѣрное рискуете не найти мѣста, если не купите билета за недѣлю или даже за двѣ до отправленія дилижанса, а это чрезвычайно трудно,-такъ какъ заранѣе невсегда можно опредѣлить съ точностію день выѣзда. Хорошо было бы, еслибъ почтовое начальство позаботилось, чтобы дилижансы, между Кіевомъ и Островомъ, ходили нѣсколько чаще, напр. хотя раза 4 въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что всегда всѣ мѣста въ нихъ были бы заняты... По Днѣпру я не ѣздилъ далѣе Екатеринослава, а потому могу судить только о пароходствѣ, которое содержится между Екатеринославомъ и Кіевомъ. «Общество пароходства по Днѣпру», начавшее свою дѣятельность, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ, чрезвычайно оживило страну, для которой ѣзда на пароходахъ была совершенною новостью. Окрестные жители весьма довольны пароходствомъ, а Общество съ своей стороны, кажется, старается доставить публикѣ удобства. Въ прошломъ году, между Кіевомъ и Кременчугомъ, пароходы совершали только по 2 рейса въ недѣлю, теперь же, съ іюня мѣсяца, прибавлено еще два рейса. Для публики, дѣйствительно, удобнѣе имѣть возможность расчитывать на отправленіе парохода 4 раза въ недѣлю, вмѣсто двухъ; но выгодно ли это для самого Общества, не ошиблось ли оно въ своихъ расчетахъ? Въ иные рейсы, какъ раза два мнѣ случалось видѣть, пассажировъ бываетъ на пароходѣ весьма мало. Помню 3 іюля, когда я ѣхалъ въ Кременчугъ, въ 1 классѣ было только три пассажира, а во 2-мъ и 3-мъ, я думаю, не болѣе 20 человѣкъ. Говорятъ, что подобный недостатокъ пассажировъ не рѣдкость со времени увеличенія числа рейсовъ. Между Кременчугомъ и Екатеринославомъ пароходы совершаютъ только по 2 рейса въ недѣлю, и на нихъ, какъ я видѣлъ и слышалъ, также не бываетъ много пассажировъ. Не выгоднѣе ли было бы Обществу, вмѣсто лишнихъ пассажирскихъ пароходовъ, содержать буксирные пароходы?.

Плата за мѣста весьма умѣренная, напр. въ 1 классѣ, отъ Кіева до Кременчуга, 10 руб., а отсюда до Екатеринослава 5 руб. Относительно стола и внутренняго устройства, пароходы не представляютъ особенныхъ удобствъ, но вообще удовлетворительны. При путешествіи на пароходахъ, большое удовольствіе доставляютъ живописные виды праваго берега Днѣпра, хотя, къ сожалѣнію, они встрѣчаются не вездѣ. Отъ Екатеринослава почти до Канева, правый берегъ также низокъ, пустыненъ и песчанъ, какъ и лѣвый. Живописность видовъ начинается весьма близко отъ той горы, на которой погребено тѣло добраго нашего поэта, Т. Г. Шевченка. Пароходъ, останавливающійся у Канева, пристаетъ подлѣ самой этой горы, въ разстояніи не болѣе версты отъ нея. Простой бѣлый крестъ, на высокой сложенной изъ дерна могилѣ, спрятанной между кустовъ и деревъ, видѣнъ лишъ тогда, когда пароходъ подъѣзжаетъ къ Каневу, со стороны Кіева. Могилу Шевченка безпрестанно посѣщаютъ пріѣзжающіе на пароходѣ; для жителей же окрестныхъ мѣстъ, она сдѣлалась мѣстомъ прогулокъ въ часы отдыха.

Имя Шевченка стало здѣсь народнымъ и, вмѣстѣ нѣсколько таинственнымъ. Уже и теперь въ народѣ ходятъ о Тарасовой могилѣ легенды, созданныя живымъ украинскимъ воображеніемъ.

М. Н. Дараганъ.

Петербургъ.
24 сентября 1861 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПИНЧУКАХЪ. (*)

По поводу статьи г. Левченка: *Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ* (*Основа*, кн. I.)

(Письмо къ редактору).

Г. Левченко по-видимому—правильно помѣстившій *Пинчуковъ* въ числѣ Руссиновъ, говоритъ, что« при опредѣленіи народности, нужно

(*) Спѣшимъ помѣстить въ *Основѣ* весьма любопытное свѣдѣніе о малоизвѣстной отрасли южнорусскаго племени, причисляемой нѣкоторыми къ бѣло-

обращать вниманіе на мужскія и женскія одежды, головные уборы, и характеръ построекъ«. Мнѣ кажется, что, при опредѣленіи народности, едва ли не главное мѣсто занимаетъ самое нарѣчіе народа, —и потому послушайте, *якъ бàють Пинчуки*. (1)

— А що, Оедоръ, чи знашовъ теля?

— Ні, да вже найдеться, бо бувъ *въ Казуся*, то казавъ, що небійсь, ще поганинъ (2) ёго не набачивъ. Добрий оцей чоловікъ Казусь, хочь и кажу, що е въ ёго пірье въ носі (3), да й гріхъ тому, хто се каже: Добра юдина! не одну вінъ спасéну душу поратуе въ тяжкій пригоді. Отъ якось на тимъ тижні пропавъ у нашого дяка кінь, да вінъ у ёго бедолаги и вся худоба, більшей е не мае. Що бідному робити? Почесавъ голову, да скорійшь и до Казуся. Отъ пришовъ поклонившись да й ка: »Казусику–батечку, поратуй!« такъ, ка, и такъ.—Добре, синку; не журись.«

Отъ вийшовъ Казусь зъ хати, подивившись на всхідъ сонця, поговоривъ, якъ ёго тамъ Бигъ надоумивъ, чи зробивъ що, да вернувшись въ хату й каже: »не бійсь, пане дяче: кінь живъ. Иди лишень теперъ шукати, а поганинъ уже до ёго не доступить.«

Поклонившись панъ дякъ, да й вийшовъ, да уже не пошовъ до–дому, а взявши мале хлопя, бачь воно пасвило кони, то зна де кінь зоставсь,—пошовъ на всю ничь шукати. Отъ ходять ничь—нема, день—нема; уже и друга ничь—нема, адѣ підъ світъ чують—щось наче тупотить. Вони туди, ажъ стоіть кінь, голодний якъ жердка, не тильки що траву підъ собою вигризъ, а землю вишкробавъ, якъ отъ на хату; бо бачь на сімъ місці зхопивъ ёго Казусь; то вже и до ёго нищо не приступить и ёму нельга зойти зъ місця. Тогді дякъ за коня да перехристившись и додому. Принісъ кварту, позвавъ Казуся,—да и я на сье нахопивсь, то й чувъ, якъ самъ панъ дякъ

уссамъ. Только *курная* изба представляетъ разительное отличіе *Пинчуковъ* отъ прочихъ Украинцевъ, которыхъ такъ ужасаетъ подобное жилище.

Искренно благодарны г. Мохранцѣ за сообщенное извѣстіе и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать болѣе-подробныхъ народоописательныхъ свѣдѣній.

Мы просили бы ставить ударенія,—разборчивѣе писать слова, неупотребительныя въ другихъ мѣстахъ Украины и обозначать городъ, мѣстечко и село, гдѣ будетъ записанъ *тотъ* или *другой* образецъ народнаго говора.

(1) Пинскъ теперь Минской губерніи.

(2) Поганинъ—волкъ.

(3) Пинчуки отзываются такъ о своихъ колдунахъ, которымъ сильно вѣрятъ.

росказувавъ. Отъ же жъ теперъ и я, хочь еще и не знашли теля, да вже не боюсь: знайдется, бо сказавъ Казусь. Да отъ жду жінки: пийшла шукати. Вже й пізно, а й досі нема. Добранічъ!«

Потомъ оба друга расходятся,—каждый идетъ въ свою »хату,« т. е. небольшую курную избу, вымазанную (внутри) сѣрою глиною, о 3–хъ (небольше 4–хъ) окошечкахъ, и покрытую деревянными досками,–рѣдко соломою (иколотомъ). Одинъ изъ нихъ садится на лавку, закуриваетъ трубку съ маленькимъ чубучкомъ собственнаго издѣлія, сбрасываетъ свиту, пошитую гладко, т. е. безъ фалдъ, съ стоячимъ небольшимъ воротничкомъ; шапку—огромнаго сиваго, рѣдко—чернаго, барана; поясъ, и садится за столъ, ужинаетъ, а потомъ ложится на »запечку,« а прочая семья размѣстилась по другимъ лавкамъ, (обыкновенно одна хата—общая спальня и для мужщинъ и для женщинъ). Другой, пришедъ домой, въ подобную же хату, садится на »передпічью« и начинаетъ »постоли плести, а синови давъ волоки вити, (постолы обыкновенно дѣлаютъ изъ лозы, а только на праздникъ изъ липы; волоки вьютъ изъ молодой липы (*лутье*); и оба дожидаютъ »жінки и матери«.. Наконецъ приходитъ жена, въ величайшей радости, пригнавъ теленка. Входитъ жена въ хату. На головѣ у нея »наметка,« свита, подобная той, какую уже мы видѣли (никогда не другая какъ напр. въ Малороссіи, изъ какой–нибудь рябой холстинки). Сбрасываетъ свиту, потомъ юпку изъ грубаго холста, и »припикае« къ рубашкѣ фортухъ. Дочь, пришедшая съ нею, тоже въ подобной свитѣ, которую уже скинула. На головѣ у нея платокъ, (всегда бѣлый), завязанный довольно большою складкою, и въ »літниці« суконная (рябая–красная) собственной работы юпка, что впрочемъ уже составляетъ признакъ богатой хаты. Все это она уже успѣла сбросить—и вотъ всѣ перекрестившись сѣли за столъ. Поужинавъ ложатся спать, причемъ отецъ, хозяинъ дома, говоритъ: »Не щебечите жъ, а спите, щобъ взавтра рано повставали на гутреню: такижъ то святее снесенне.«

Вотъ – что на первый разъ я считалъ нелишнимъ сказать вамъ о Пинчукахъ. Дальше скажу кое–что о географическомъ положеніи Пинчуковъ—особенностяхъ какъ уѣзда, такъ и города Пинска, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ обычаяхъ, и тогда рѣшимъ съобща, что такое Пинчуки,—разумѣю—какой они народности...

Ю. Мохранинъ.

ИЗЪ БОРИСПОЛЯ.

Що пьяна жінка, що бішена кішка,
що чоловікъ зъ Борисполя—все одно.

Изъ приведенной мною пословицы видно, что наше мѣстечко не пользуется хорошею репутаціей; но, и безъ этой репутаціи, нельзя отказать Борисполю во всесторонней замѣчательности. Вопервыхъ оно существуетъ (по народному преданію) со времени убіенія Бориса; во-вторыхъ въ немъ до 6,000 жителей (по академическому мѣсяцослову), въ томъ числѣ, по сказаніямъ старожиловъ, 72 помѣщика; въ-третьихъ, оно замѣчательно въ торговомъ отношеніи; въ четвертыхъ, здѣсь находится почтовая станція — не простая, а такъ-сказать привиллегированная: на ней принимается всевозможная корреспонденція, и даже всякая переписка на *гербовой*. Вѣроятно, правительство, снисходя къ нуждамъ обывателей нашего мѣстечка, учредило подобную экспедицію. И въ самомъ дѣлѣ, потребность юридической практики — одна изъ величайшихъ потребностей Борисполя. У насъ много такихъ пановъ, для которыхъ составленіе всевозможныхъ *актовъ* есть поэзія жизни; они готовы исписать много листовъ *гербовой* за пару гусей,—а такая умѣренность задѣльной платы не можетъ быть ни чѣмъ инымъ объяснена, какъ только любовью къ искуству для искуства...

По количеству тяжбъ, едвали можно найти подобный уголокъ на всемъ земномъ шарѣ. Наше благородное общество состоитъ изъ нѣсколькихъ враждебныхъ лагерей, взаимно бомбардирующихъ сплетнями и исками. Замѣчательно, что при этомъ не строго соблюдается раздѣленіе труда; обыкновенно сплетни составляютъ спеціальность прекрасной половины рода человѣческаго, а сутяжничество менѣе-прекрасной; у насъ же существуетъ конкуренція между обоими полами на обоихъ поприщахъ, т. е. и на поприщѣ сплетень, и на поприщѣ сутяжничества.

Наше мѣстечко, по народной поговоркѣ, и *геть-то любить скляного бога*. У насъ болѣе 30 шинковъ (*). Акцизъ не уменьшилъ пьян-

(*) Спѣшу оговориться: всѣ свѣденія, сообщаемыя мною, почерпнуты не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ устъ людей добрыхъ волостныхъ, на которыхъ *ся щлю*.

выпивку идетъ рѣшительно все, что́, за исполненіемъ многообразныхъ повинностей и за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, могло бы быть сбережено про черный день. У нашего крестьянина (за исключеніемъ немногихъ *багатирей*), никогда нѣтъ запасной копѣйки, и чрезвычайныя происшестія, напр. плохой урожай, погребеніе, свадьба приводятъ хозяйство въ разстройство. Каждый день у насъ бываетъ базаръ, въ пятницу—какъ бы полуторгъ, а въ понедѣльникъ—настоящій торгъ, на который пріѣзжаютъ съ продуктами изъ разныхъ окрестныхъ селъ, и продается одного хлѣба до 1,000 пудъ. Каждая баба находитъ выгодный сбытъ продуктовъ своего домашняго хозяйства и средство выпить. Понедѣльникъ—день пьянства и вышеприведенная пословица у насъ говорится такъ: *що бішена кішка, що понеділкова жінка, що чоловікъ зъ Боришполя—все одно*. Въ этотъ день бабы пользуются полной эманципаціей. Большая часть изъ нихъ что́ вторгуетъ, то́ и пропьетъ,—развѣ купитъ соли или другого вещества, недостающаго въ хозяйствѣ; а остальное посвящается *склянному богу*. Существуетъ даже разсказъ, что женщины нашего мѣстечка, идя замужъ, *вимовляють* себѣ понедѣльникъ, т. е. условливаются, что въ этотъ день они свободны отъ власти мужа, могутъ пить и т. д. Впрочемъ и безъ договора они могутъ свободно пользоваться понедѣльникомъ, потому-что мужья въ этотъ день пьянствуютъ и жены остаются безъ бдительнаго надзора; большая часть женъ *понеділкуютъ* до поздняго вечора не *топлять печи* и дѣти нерѣдко остаются безъ пищи и присмотра. Исключеніе существуетъ для жнивного времени—тогда считается предосудительнымъ. Въ большей части шинковъ сидятъ евреи, что́ весьма облегчаетъ возможность выпить и при безденежьи; потому что тѣснимое племя Израиля не брезгаетъ ни какимъ приношеніемъ, въ какихъ бы продуктахъ оно ни состояло. Кромѣ торга, у насъ есть три ярмарки и красные торги предъ Роздвомъ и Великоднемъ. На каждой ярмаркѣ продается до 5000 пудовъ хлѣба и до 500 четвертей овса.

На ярмарочной площади красуется отъ 5 до 7 выставокъ, т. е. временныхъ шинковъ, имѣющихъ *нотаріальное* значеніе, потому-что рогатый скотъ, лошади, колеса, одежа—напр. свита, не могутъ быть проданы безъ *могорича*. Вещь съ той минуты считается проданною, договоръ считается тогда святымъ и нерушимымъ, когда выпитъ

могорычъ (1) Блуждая на ярмаркѣ на Петра и Павла, я услышалъ весьма оригинальную атестацію, данную лошади продавшимъ ее хозяиномъ-козакомъ. Описывая всевозможныя качества ея, онъ прибавилъ »*хочъ у подводу поідете, до панъ не буде бить.*« Въ нѣсколькихъ словахъ простосердечный мужичекъ далъ атестатъ и лошади и подводной повинности и панамъ, ѣздящимъ на обывательскихъ.

Что касается до народной нравственности, то она обстоитъ несовсѣмъ благополучно. *Перезва* оглашаетъ по стогнамъ нашего мѣстечка весьма неутѣшительныя вѣсти въ циническихъ пѣсняхъ. Наши дівчата *вчащаютъ* въ шиночки; этому способствовали мѣры нашего мѣстнаго *уряда*, заботящагося не только о матеріальномъ благосостояніи, но и о процвѣтаніи нравственности. Мѣстнымъ властямъ казались предосудительными собранія дівчатъ на улицахъ: онѣ разгоняли поющихъ позднимъ вечеромъ и даже брали подъ арестъ. Поэтому дівчата стали собираться въ шинкахъ, гдѣ подъ эгидою откупа они могутъ пѣть сколько *душа забажае*, въ сообществѣ паробковъ, въ особенности ямщиковъ (эти у насъ самые веселые). И такъ попеченія нашихъ мѣстныхъ начальниковъ — Савонаролъ привели къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приводятъ всѣ *положительныя мѣры* по части улучшенія нравственности.

Частые солдатскіе постои внушили нашимъ *дівчатамъ и молодицамъ* нѣжную расположенность къ *москаликамъ*. Я старался узнать причину предпочтенія москалей предъ паробками и, по распросамъ послѣднихъ, оказывается, что причина такого предпочтенія кроется въ томъ, что москали умѣютъ лучше хранить тайну; а паробки, по товариществу, разскажутъ другъ другу, и тогда дівчина не жди хорошаго жениха, а молодиця жди колотушекъ отъ мужа.

Солдатская муза оставила въ нашемъ мѣстечкѣ значительные слѣды: наши дівчата поютъ пѣсни принадлежащія къ циклу казарменной поэзіи и изобилующія цинизмомъ. Многія украинскія пѣсни окрасились московскимъ цвѣтомъ и поются на московскій ладъ.

На *Купала* я пошелъ на улицу, чтобы увидѣть этотъ, пережившій многіе вѣка, народный праздникъ. Дівчатъ было мало; многія не вышли на улицу. Все шло вяло, за народною пѣснію слѣдовала «сударыня,—барыня», — и я былъ не радъ, что пошелъ.

---

(1) Одинъ мой знакомый, нанявъ *майстра*, изъ козаковъ, для постройки чуланчика, самъ уѣхалъ по дѣламъ службы. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что майстеръ не принимался за дѣло и на упрекъ за неисполненіе обѣщанія, возразилъ, что *могорича ще не пили*.

Порча эстетическаго вкуса связана съ порчею нравственности — и только одно средство противодѣйствовать злу—это грамотность. Нужно чтобы дівчата ознакомились съ богатствомъ, чистотою и глубиною нашихъ чисто-народныхъ пѣсень и съ глубокими и дѣвственными думами нашого батька Тараса; нужно также, чтобы мѣстныя власти не особенно заботились о нравственности и оставили въ покоѣ поэтическіе обычаи нашего народа.

Теперь у насъ въ мѣстечкѣ всеобщее уныніе. Къ намъ прилетѣла саранча, въ прошломъ году, на Спаса, и благополучно вывелась въ огромномъ количествѣ. Предержащія власти, конечно, не оставались въ бездѣйствіи: онѣ такъ энергически переписывались, что еслибы счесть количество бумагъ, написанныхъ по поводу саранчи, то вышла бы большая цыфра.

Весною згоняли народъ и настроили будочекъ, и уже, когда саранча выросла до-того, что очутилась въ хлѣбахъ, начали копать рвы, загонять ее туда и закапывать. Работа шла безтолково и вяло, такъ что совершенно напрасно тратился трудъ огромнаго количества людей. Дворяне, назначенные быть распорядителями при истребленіи саранчи (прозванные народомъ саранячими панами), отказались подъ разными предлогами....

Народъ весьма неохотно занимался истребленіемъ. Насчетъ саранчи существуетъ въ народѣ убѣжденье, что это кара Божья, которой нужно подчиниться; что тамъ, гдѣ саранчу не истребляли, она ничего не трогала; что будтобы по ночамъ ходила *сараняча мати* и плакала, и т. д.

Одинъ прохожій богомолецъ набралъ саранчи полъ-мѣшка и понесъ въ свою сторону, говоря, что это благодать Божія.

Саранча была у насъ слишкомъ давно и народъ не знаетъ всей великости этого бѣдствія. Но многіе старожилы говорятъ, что въ ихъ время, что̀ ни дѣлали съ саранчой—ничто не помогало, а стали Богу молиться, саранча снялась и полетѣла; потому и теперь народъ налагалъ на себя дань для того, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ, и было уже нѣсколько церемоніальныхъ процессій въ жита́, за 6 верстъ отъ мѣстечка, гдѣ совершались молебны съ водосвятіями. Саранча истребила большое количество хлѣба и сѣна; если она не улетитъ отъ насъ (она теперь начинаетъ летать), то слѣдствіемъ будетъ совершенное разореніе хозяйствъ нашихъ сельскихъ обывателей,—не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ недостатка сѣна

и соломы, для прокормленія скота. У насъ много такихъ козаковъ, которые, кромѣ грунта, не имѣютъ ни куска земли; но, имѣя плугъ воловъ, обработываютъ съ четвертой копы чужія поля и такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ значительное количество хлѣба. При теперешнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (*), они должны будутъ сбыть скотъ за ничтожную сумму и прійти въ совершенное раззореніе. Вообще нужно замѣтить, что, при всѣхъ обстоятельствахъ, не благопріятно дѣйствующихъ на развитіе хозяйства, нашъ народъ спасается отъ нищеты тѣмъ благорасположеніемъ, тѣмъ товариществомъ, которымъ проникнуты всѣ его хозяйственныя отношенія. Одно изъ неблагопріятныхъ условій для хозяйства,—условіе, лежащее въ самомъ характерѣ народа, это раздробленность семействъ, слѣдовательно раздробленность хозяйственныхъ силъ, какъ вещественныхъ, такъ и личныхъ, хотя это вредное условіе и выкупается энергіею труда, необходимою спутницей хозяйственной независимости и массою нравственныхъ послѣдствій, формирующихъ сознаніе личности. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ является высокій акцизъ, на хлѣбное вино, составляющее у насъ предметъ всеобщаго потребленія; но самыя неблагопріятныя условія, — это распредѣленіе нашихъ податей и повинностей. Наши козаки платятъ возвышенный подушный окладъ. Эта подушная подать въ высшей степени неуравнительна. Часто небогатый козакъ платитъ большую сумму, потому что вся его мелюзга попала въ ревизію, и напротивъ, богатый, женившійся послѣ ревизіи., не платитъ подати за родившихся, во все время до слѣдующей ревизіи. Подводная повинность тоже крайне неуравнительна. Тотъ, у котораго двѣ лошади и болѣе (сколько бы ихъ нибыло), даетъ пару на стойку на три дня; у кого одна, тотъ спрягается съ другимъ, имѣющимъ тоже одну лошадь и каждый долженъ быть при этой парѣ три дня; такъ что каждая лошадь шесть дней на стойкѣ. О постойной повинности и говорить нечего; тотъ, кто бѣднѣе, слѣдовательно беззащитнѣе, тотъ болѣе и страдаетъ. Згоны на работы, на дороги, тягостнѣе для бѣднаго чѣмъ для богатаго, потому–что богатые должны отработать одинаковое число дней и т. д.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ хозяйственныхъ товариществахъ, о томъ благорасположеніи, которое служитъ подкладкою всѣхъ хозяй-

(*) Кромѣ саранчи, у насъ есть еще другой врагъ,—это постоянные дожди; если они не прекратятся, то погноятъ сѣно и хлѣбъ, которые народъ поторопился убрать, боясь саранчи.

ственныхъ отношеній, существующихъ въ народѣ, и о нѣкоторыхъ полезныхъ мѣрахъ правительства, поддерживающаго благосостояніе. Неурожаи и другія неблагопріятныя обстоятельства, а равно отсутствіе запасной копѣйки, необходимой въ такихъ случаяхъ, какъ свадьбы, похороны и т.п. уменьшили хозяйственныя средства нашихъ козаковъ. Очень многіе изъ нихъ имѣютъ только пару воловъ или пару коровокъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣсколько хозяевъ спрягаются. Замѣчательно, что тутъ не заботятся о томъ, чтобы всѣ выорали поровну; напротивъ, у кого больше сѣмянъ, тотъ можетъ товарищескими волами выорать больше, совершенно безвозмездно, «коли въ ёго é насіння — нехай собі оре», такъ разсуждаетъ нашъ простолюдинъ, безъ зависти и корыстолюбія. Много есть также такихъ, которые не имѣютъ ни земли, ни скота. Они имѣютъ возможность заработать себѣ хлѣбъ, или во время жнивъ или во время молотьбы.

У насъ даютъ жнецамъ 4-й снопъ, въ окрестныхъ селахъ $^3/_4$, (*) т: е. поочередно два третій, три четвертый и д. т., или даже 3, но разнообразіе заработной платы въ этомъ случаѣ основано не на спросѣ и предложеніи, а на особомъ народномъ воззрѣніи; этотъ способъ уплаты за трудъ есть средство для бѣднаго заработать хлѣба, а потому народъ говоритъ, что вознаградить такимъ образомъ трудъ, значитъ *дать заробить* (**), и разница зависитъ отъ качествъ хозяина: *якъ отъ хозяина*, говоритъ народъ. Тоже нужно сказать о молотьбѣ: въ нашемъ мѣстечкѣ даютъ 10 или 11 мѣрку, въ окрестныхъ селахъ 8 или 9, тоже *якъ отъ хозяина*. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній, въ Лебединѣ, (крестьяне въ немъ помѣщичьи) даютъ третій снопъ жита, пшеницы и ячменя, и за то жнущій обязанъ помогать при уборкѣ овса и гречихи. Въ другихъ же мѣстахъ даютъ снопъ изъ овса и гречихи. Вообще у насъ работникъ, если неисключительно вознаграждается хлѣбомъ, то все таки хлѣбъ составляетъ часть уплаты, наприм.: порядочный наймитъ получаетъ двадцать и болѣе руб. и *присівокъ півчетверика* (четыре мѣры) *жита и півчетверика гречки*. Пастухъ получаетъ четвертку (двѣ мѣры) *пашні*, за корову-дойнячку и пятакъ, и кромѣ того полу-

(*) Мы этого $^3/_4$ не понимаемъ и просимъ болѣе подробнаго объясненія. *Ред.*

(**) Въ нашемъ мѣстечкѣ одинъ хозяинъ-козакъ, *багатиръ*, даетъ пятый снопъ: «*нехай саранча поість, а 4-го не дамъ*», говорилъ онъ. Народъ не любитъ богатыхъ козаковъ больше, нежели пановъ,—особенно скоро нажившихся. »Изъ старця не буде пана«; »изъ наймита не буде доброго хозяина«: такъ выражается народъ о своихъ разжившихся собратахъ.

чаетъ дневное продовольствіе одинъ или два раза въ лѣто. Многіе работники, правда, нанимаются за деньги; но это или заработывающіе для уплаты податей, или нехозяйливые пьянчужки. Хозяйливый человѣкъ старается, чтобы получить за трудъ натурою, хлѣбомъ. Деньги круглы, говоритъ онъ,—разкатятся, а хлѣбъ прокормитъ цѣлую зиму. Если сравнить уплату натурою, съ уплатою деньгами; то первая, по существующимъ у насъ цѣнамъ, для работника въ двое выгоднѣе послѣдней. Вообще, на всѣ хозяйственныя отношенія, существующія въ нашемъ народѣ, какъ я уже сказалъ, нельзя смотрѣть съ одной экономической точки зрѣнія. Здѣсь есть другая сторона, это — благорасположеніе, желаніе помочь ближнему, или, какъ выражается народъ, »*дать заробить*« .

Не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, способствующихъ народному благосостоянію, о мѣрахъ, которымъ сочувствуетъ самъ народъ. Вопервыхъ, о застрахованіи усадьбъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ; эта мѣра была встрѣчена недовѣріемъ; сначала застраховывали за ничтожныя суммы; но удостовѣрившись, что правительство платитъ ту сумму, въ которую были застрахованы погорѣвшія усадьбы, многіе желаютъ возвысить оцѣночную сумму и это скоро обнаружится, потому что переоцѣнки бываютъ каждые три года и теперь имъ приближается срокъ. Прежде, если сумма, потребная для удовлетворенія погорѣвшихъ, была незначительна, то ее пересылали черезъ почту; для полученія же болѣе значительной суммы, отряжался урядникъ въ губернскій городъ, находящійся отъ нашего мѣстечка въ 300 верстахъ. Этотъ урядникъ старался вознаградить путевые издержки на счетъ получившихъ страховыя деньги. Теперь послѣдовало измѣненіе. Послѣ пожара, мѣстныя власти извѣщаютъ палату государственныхъ имуществъ о количествѣ суммы, потребной для удовлетворенія пострадавшихъ отъ пожара. Палата государственныхъ имуществъ проситъ казенную палату сдѣлать распоряженіе о выдачѣ суммы изъ мѣстнаго казначейства, и казначейство выдаетъ, по полученіи приказа казенной палаты. Намъ кажется, что эта процедура слишкомъ длинна. Казначейство могло бы выдавать, по требованію окружнаго правленія, а потомъ окружное правленіе могло бы увѣдомить палату государственныхъ имуществъ, а казначейство, — казенную палату. Вторая полезная мѣра правительства, устройство по волостямъ ссудныхъ кассъ, которыя даютъ возможность, не прибѣгая къ «заставѣ», пріобрѣсть необходимое количество денегъ. Въ понятіи застава, со-

вмѣщается, понятіе залога и заклада, т. е. это есть обезпеченіе долга, какъ посредствомъ недвижимаго, такъ и посредствомъ движимаго имущества. Большею же частію заставляютъ земли. Застава устроена въ высшей степени неэкономически. Дающій деньги получаетъ землю въ свое пользованье. А такъ какъ козачьи земли, вслѣдствіе закона, воспрещающаго отчужденіе козачьихъ земель лицамъ не козачьего сословія, пали въ цѣнѣ; то заимодавецъ пользуется почти двойнымъ количествомъ земли противъ данной имъ суммы; слѣдовательно получаетъ слишкомъ большой процентъ, а должникъ, отдавъ двойное количество земли и лишившись пользованія ею, теряетъ возможность уплатить долгъ, и часто земля дѣлается собственностью заимодавца. Нельзя не пожелать, чтобы ссудная касса могла разширить кругъ своихъ операцій и вытѣснить совершенно заставу. Третья мѣра правительства—это забота о круглыхъ сиротахъ, имъ назначается опекунъ; продукты, подверженные тлѣнію, продаются и деньги отдаются въ кассу, для обращенія за проценты. Сироты, прійдя въ возрастъ, находятъ имущества въ надлежащемъ видѣ и еще съ капитальцемъ. До введенія этой мѣры, сиротскія имущества нерѣдко разграблялись родственниками.

Наше мѣстечко ведетъ торгъ съ Кіевомъ, въ-особенности мукой и крупой, крупу выдѣлываютъ въ крупо-дерняхъ и жерновахъ. Многіе зарабатываютъ копійку извозомъ, получая съ пуда отъ 5 до 6 коп. за провозъ въ Кіевъ, куда считается 30 верстъ старымъ *шляхомъ*. Въ Кіевѣ находятъ всегда сбытъ привезенныя продукты, хотя и тутъ обходится не безъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, за шоссе берутъ 9 коп. съ лошади и 9 коп. съ пары воловъ. Для того, чтобы избѣжать платы 18 коп. туда и 18 коп. обратно, наши крестьяне оставляютъ одну лошаденку въ слободкѣ и уже одною странствуютъ по кіевскимъ горамъ. Шоссейный сборъ въ такомъ случаѣ уменьшается въ половину, и вѣроятно въ такой же пропорціи уменьшаются силы лошади. Намъ кажется этотъ сборъ высокимъ, тѣмъ болѣе, что наши мужики захватываютъ незначительную часть оплачиваемаго ими шоссе. На самомъ базарѣ нашего крестьянина ждетъ еще одно горе. Въ Кіевѣ существуетъ запрещеніе, торговцамъ покупать ранѣе 12 часовъ; правительство имѣло въ виду дать средство жителямъ города запастись выгоднѣе необходимыми продуктами безъ соперничества съ торговцами. Конечно, это неисполняется и только причиняетъ убытокъ крестьянкамъ, привозящимъ хлѣбъ. Торговцы входятъ въ сношенія съ завѣдующими городскими вѣсами,

(т. е. со взявшими на откупъ вѣсовыя сборы) и не только покупаютъ ранѣе 12 часовъ, но даже пользуются покровительствомъ вѣсовщиковъ. Послѣдніе въ пользу торговцевъ обвѣшиваютъ крестьянина и выходитъ, что для жителей города нѣтъ выгоды, для крестьянина убытокъ; торговецъ не въ накладѣ; вѣсовщикъ и базарный съ барышемъ. Вотъ какіе обороты принимаютъ иногда покровительственныя мѣры.

П. Чубинскій.

ПАНЪ ПАДАЛИЦА.

до пана Владымыра Антоновыча.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ РЕДАКЦІІ.

Після то́го, що напи́сано въ ли́сті високопова́жного Володи́мера Антоно́вича (*Основа*, кн. VII) про *Варшавську Библіотеку* и про па́на Горжко́вського, здава́лося бъ нічого й ре́чи зніма́ти про ті лука́ві три́хи-мнихи. Отъ же на́ша грома́да дозволя́е говори́ти уся́кому и про вся́чину, хто бъ ні озва́вся за *правду*, хоча́ бъ и за таку́, що вже *заржа́віла*. Панъ Падали́ця такъ га́ряче вступа́етця за свою́ па́нську сто́рону, що ажъ написа́въ свій листъ по-на́шому. Друку́емо сей листъ, не переміня́ючи въ ёму́ й право́писі. Накрива́е панъ Падали́ця високопова́жного Антоно́вича мо́кримъ рядно́мъ, що притьмо́мъ вінъ не по пра́вді ре́мствуе на *Варшавську Библіотеку* и на па́на Горжко́вського. Неха́й же тепе́ръ нашъ ки́евський сотру́дникъ докла́дно ёму́ одвіту́е, що́, по на́шому ро́зуму, не га́рно вчи́нено съ по́льскоі сторони́,.. неха́й нагада́е хочъ те саме́, що вже разъ сказано и дока́зано въ першому листі, бо панъ Падали́ця чита́е той листъ не зо всімъ такъ, якъ написано, а по-своёму.

На Стрийко́вськихъ, Кохо́вськихъ и Гро́ндськихъ нічого було́ па́ну Падали́ці здава́тись безъ уся́коі кри́тики, бо хто чита́въ іхъ, той зна́е, що пе́рвий зъ нихъ у коза́цькій спра́ві не суддя́, бо не дожи́въ до не́і; дру́гий виду́мувавъ такъ, якъ и нашъ Коніській, а тре́тій писа́въ бага́то по слу́хамъ, утікши съ По́льщи до Ве́нгеръ: то хочъ и бажа́въ говори́ти пра́вду, такъ не́хотя, и́ноді и помиля́вся. Инша річъ, якъ панъ Падали́ця пи́ше: »Сло́во у насъ було́ во́льне и річъ во́льна.« Що не безъ добра́ було въ по́льскій старовині, про се нічого й каза́ти. Зъ вели́кимъ жа́лемъ спомина́емо ми *вели́ку руіну* (див. приконе́ччя *Хмельнищини*, П. А. Куліша); та хто жъ ій ви́ненъ, па́не Падали́це, якъ не те па́нство, зъ свои́ми помо́шниками-єзуитами, — за кото́ре ви стоіте́? Звісно, якъ хто вамъ пойме́ віри, що князь Ере́ма по пра́вді влада́въ тро́хи не полови́ною зе́мель Украінськихъ, що козаки́-нетя́ги—котри́мъ *ніде було стати й коня попасти*—були́ ви́родки,—що іхъ учи́нками пра́вила pura malitia, и такъ да́лі, и такъ да́лі, — хто, ка́жемъ, пойме вамъ у цімъ ві-

ри, — той му́сить запла́кати на па́нських могилáхъ,—мовъ на ба́тьківських. Тимъ-ча́сомъ, ми и́накше розумі́ли и розумі́емо всю спра́ву. По своє́му вікові, козаки́ вдава́лись у такі вчи́нки, за котрі іхъ панъ Горжко́вський зве розбиша́ками; а про те—би́лись вони́ противъ таки́хъ *цивилизованихъ* люде́й, кото́рихъ ми, по щи́рій пра́ві, зовемо́ ди́кими де́спотами и тира́нами. Скажіте жъ, папо́ве Поля́ки, чие́ ча́до — *розбишацтво* коза́цьке? Ва́ше рі́дне ча́до! Чи, мо́же, ви й до́сі вірyете, (якъ писа́ли ва́ші пре́дки,) що въ наро́ді и въ козака́хъ була́ и мо́жеть бу́ти *pura malitia?* Ми ду́маемо такъ, що коли́ недужа дити́на проси́ла ма́тери: *Ма̀мо, закрі̀й мі́ні о́чі, щобъ на того́ Ля́ха не дивѝтись,* (да й чи одно́ жъ се́ сло́во живе́ у наро́ді и до́сі?), — такъ тре́ба не въ якогось непоро́чного єзуіта, а въ само́ї исто́рії—да́вньої да и нової — пита́тись, зві́дкі ся *дика* непа́висть узяла́сь у всього́ наро́ду? Тимъ-то ми бажа́ли бъ, щобъ такі пано́ве, якъ отъ и панъ Падали́ця, вомісто того́, щобъ дово́дити невідо́мими папе́рами, що Хмельни́цький бувъ розбиша́ка—и бі́льшъ нічо́го,—розібра́ли бъ пе́рше, чи нема́ спра́ві у сами́хъ принци́пахъ По́льского па́нства тако́го я́ду, що вся́ке до́бре ді́ло одъ ёго ні́вечитця, ги́не, а зги́нувши стано́витця отру́тою и сами́хъ спо́минокъ. *Ред.*

Позвольте мині, пане Антоновычу, одклыкнутьця на вашъ лыстъ, надрюкованый у »*Основі*« за Июль місяць, зъ московськімъ наголовкомъ: »*Што объ этомъ думать?*« Выбачайте що будемъ говорыть до васъ мовою руською, бо по-польскі »*Основа*« не дрюкуе (*), а по-московськи мы самі калякать не уміемо.

За що се вы розсердылысь на Горжковського и на Крашевського и за шо кладете выну гуртову на усі наші исторычеськи кныгі и на усіхъ пысателівъ? Сумно намъ стае слухаючы вашої мовы. До чого се вы прыдыраетесь? Чымъже такъ оце провыныла редакція »*Варшавської Бібліотекі*«, що розказала те що вычытала у старосвіцькіхъ папераxъ? Чы жъ вона выннa за те що тіхъ документівъ не надрюковала? Вона жъ каже що хотіла та колижъ не можна... Або жъ то васъ, пане Антоновычу, врозумлять треба про те, що у насъ можна, а чого не можна? Самі вы про се добре знаете. Ну, а чогожъ се вы не наговорылы на ті повисті Горжковського, которыхъ не чыталы? Може справді воны бездарні, але може браві и толковыти? Передъ неводомъ рыбу неловлять. Колы судъ, то нехай же вінъ буде чыстый и справедлывый. Колы повертаете на законъ и правду, то й самі держіть-ця закону и правды. Отъ тогді вы, пане Антоновычу, будете маты передъ усіма чысте око.

(*) Надрюкуе—коли що́ дола́дне полу́чить—переложи́вши на рі́дню мо́ву. *Ред.*

За що вы докоряете редакціи *Варшавськоі Бібліотекі?* За дві чы тры строкі, которі вона напысала, щобъ податы вістку про нові кныгі. Не ужежъ оце ненайшлы вы у польськіхъ историческькіхъ кныгахъ, шырокоі и розумноі мовы про Украину? Чомъ же вы не чыталы Лелевеля, Шайноху, Короновыча, Маціовського, Бѣліовського? Чомъ же вы не дозналысь про ті памятныкі исторіческькі що іхъ пысалы: Стрыйковській, Коховській, Грондзькій, Оржельскій, Рудавській и решта. Колы вы іхъ чыталы, то положіть руку на серце й скажіть по совісті: Чы ті учени мужи говорылы неправду? Правду воны говорылы про насъ и про Украину и не скрывалы ані злого ані доброго. Спытайте Куліша, Костомарова, Соловьева и тіхъ усіхъ що вчыталысь пылно въ нашу исторію, а и воны вамъ скажуть, що мы не таилы правды и не безчестыли нікого лукавою мовою. Слово у насъ було вольне и річъ вольна. Не такій світъ теперъ, пане Антоновычу, щобъ выгадовать брехні одынъ на о́дного. Но до того иде теперъ, щобъ помыями залывать очі. Про давні діла пысать можна, але не слідъ, та й непрыходытьця, щобъ те усе що було, прыкладаты до того що е и що буде. Дай намъ Боже, щобъ те усе що мынулось, послужыло намъ на науку, та на корысть, а не на колотнечу. Гай,–гай! якъ та кровъ що іи безневынно пролыто, та мае намъ теперъ мараты выдъ и рукі, то недоведы сёго Господы!

Вы розсердылысь на насъ, пане Антоновычу, Богъ васъ зна за що, та й сердытымъ окомъ дывытесь на усе що стоіть передъ вами. И бачытьця вамъ, що буцімъ–то пысателі наші доказують »що край межъ горамі Карпацькімі, та межъ рікамі: Вѣпржемъ, Прыпетью и Дніпромъ, и теперъ и спершу бувъ польськімъ. «Про те, пане Антоновычу, чый вінъ бувъ и чый вінъ е, исторія зна и запысала уже на своі карты. Не наша сыла переиначыть исторію. Про се можна говорыть и доказовать, але сердытьця нема защо. Теперъ на инчый спосібъ межують зе́млі. Мынулося те время, колы народомъ торговалы якъ скотыною, та забіралы ёго цілымі табунами. Теперъ вінъ мае свій голосъ и свое право. Отъ же, по–моему, то ані вамъ ані намъ непрыходытьця тягнуть ёго за полу. Хто ёго зна що́бъ вінъ сказавъ якъбы добре розважывъ та подумавъ? А може бъ вінъ не схотівъ муштроватьця и по вашій команді?...

И во истыну, нихто изъ польськіхъ пысателівъ не сказавъ такого порочного слова, за яке вы намъ докоряете. Вчытайтесь лышень пылно въ исторію, то вы тамъ дочытаетесь, що и тогді наветь, ко-

лы усі королі та князькі заіжжалы землі и забіралы не пытаючысь,— мы двійчи пыталысь васъ и просылы прыстать но доброі волі. Чымъ-же мы тогді робылы не поправді?

А я спытаю васъ: Чымъ же то и теперъ робымо лукаво и не щыро? Чы загорнуть васъ підъ себе бажаемо? Чы закрепостыть васъ хочемо? Доказуйте намъ, колы такъ кажете. И подумать того не можна, чымъ насъ порочыте. Не вслухалысь вы мабуть добре у той гомонъ народный що розлягаетьця по ярахъ та по лісахъ и селахъ одъ Выслы ажъ до Дніпра. Не наклыкаемо мы нікого до ножівъ, не куемо путъ на ничіи ногі. Идемо до васъ зъ хрестомъ святымъ, подаемо вамъ на вічный мыръ руку, кажемъ: Боже помагай! а вы цураетесь насъ и за добре слово одказуете лайкою. Гай, гай! не наладъ повертаете роботу. Вамъ усе снытьця Коліивщына, выклыкаете Гайдамаківъ, велычаетесь Желізнякомъ та Гонтою, а забуваете що теперъ уже не те, що було колысь и що колотнеча наша выйшла бы усімъ намъ на погибель, а одному чортові на радість.

Не цураемось мы розсужовать та роздумовать старосвіцькі дыянія. Знаемо що исторію нашу пылно намъ розважаты треба и учытьця не для чваньбы, а для науки. Чымъ лучче іи пізнаемо, тімъ выднійші стануть шляки наші. Але за те намъ обідно, пане Антоновычу, що вы вытыкаете намъ очі за такі діла, що іхъ земля накрыла уже давно одною могылою. Якъ на вашу дулю мы вамъ тожъ зачнемъ тыкать дулі, то тілько полаемось, та й годі. Безсмертный вашъ Гоголь сказавъ колысь: »Положимъ, что Александръ Македонскій былъ велыкій человѣкъ, да зачѣмъ же стулья ломать?« Отъ же ся прысказка прыходытьця и до вашоі речі. Нехай вашъ Богданъ бувъ лыцарь велыкій, але защо докорять, якъ кто скаже що ні?

А що про акты Кіевськоі Коммиссіи, то ей-Богу стыдно вамъ заступатьця. Не того вы десятка чоловікъ, щобъ таку хвалыты роботу. Про кныгі я нічого не скажу, але те скажу що воны зъ лукавою напысаны думкою. Щобъ вы сказалы про садокъ, якъ бы я вамъ выніcъ зъ нёго мішокъ кісльщь? Сказалыбъ що садокъ на око гарный, та овощи родыть погані. Дежъ-то! цілый мішокъ самыхъ за себе кісльщь а ні одного яблока гарного та солодкого! А якъ на правду, то у садку найшлысь бы и гарніи овощи, та я вамъ іхъ не выніcъ. Ну, чыжъ садокъ за те выновáтъ, що я васъ попоштувавъ самымі за себе кісльцямі? Ни, се уже мене за те выноватыть треба. Се уже я напакостывъ, а садокъ нічого не выненъ. Отъ же такъ

саме и зъ тіми книгамі. Повыбіравъ ктось самі кіслычкі, частуе кого зостріне, тай ще прыговорюе: »Оцежъ, якій садокъ поганый! Оцежъ яка брыдка овощъ! Хотьбы тобі насміхъ одно солодке найшлось яблочко!«

Колыжъ мы знаемъ той садокъ и знаемъ що тамъ е усякіи овощи. Отъ мы, выбачайте, и сказалы що той панокъ бреше. Нехай же насъ хочъ цыганъ судыть: чыя тутъ правда?

Ажъ сумно намъ стало слухаючы вашоі лайки на Горжковського. Знаемъ мы того чоловіка и знаемо те про нёго що вінъ чоловікъ правдывый и чесный. Не разъ балакалы мы зъ нымъ про старыну украиньську и дывовалысь слухаючы, якъ то вінъ бідолаха збіравъ старі книги, якъ вінъ вештався на торжкахъ та скуповувавъ, якъ вышуковавъ підъ стріхами, якъ пішкі ходывъ по Украині и послідню копійку оддававъ за лыстъ старого папіру. Але поклястысь можна, що вінъ не збіравъ того хламу на те щобъ ёго затасовáть. Вінъ зъ нёго дошуковався правды, бо любывъ правду. Ажежъ Кулішъ такъ саме збіравъ старі книги та папіры по Украіні. Чыжъ намъ за те порочыть ёго треба? Ни, за те ёму велыке спасыбі. И вы, пане Антоновычу, не побоялысь Бога,—порочыты того чоловіка? Не думавъ вінъ про старыну нічого неправдывого и не злословывъ ніколы Украині. А за те, що вінъ пішовъ у Рымъ, та ставъ тамъ ксіондзомъ, (*)—глумоватыця непрыходытыця. Якъ бы вамъ прыйшла думка пострыгтись у чепці у Кіевськоі Лаври, — чы ужежъ оце заразъ на сміхъ васъ піднять треба? Нехай вамъ Богъ помага! Абы зъ тверезымъ серцемъ та по доброі волі.

Не прогнівайтесь, колы вамъ скажемо що и до Крашевського прычепылысь вы Богъ зна зъ чóго и зáщо. Никто у насъ не зневажá Шевченка. Вічная память тому геніеві высокому и народному! Про похороны ёго у Уніяцькоі церкві, выйшла якась ошыбка. Той кто пысавъ до *Польскоі Газеты*, не знавъ, мабуть, добре. За щожъ заразъ сердытыця, докорять и выгадовать на насъ те, що и на думку ніколы не прыходыло? Бодай васъ! Чого вы не навыдумовалы! И сяка и така Унія, и мы ій не хочемъ и ій у насъ нема и не буде и багацько іще де-чого... Сміхъ тілько та й годі! Та ктожъ тебе, голубе мій, заганяе у Унію? Кому вона теперъ потрібна? До чого

(*) А чóмъ же се ви, пáне Падали́це, не додали́:—*езуітомъ?*. Тимъ-бо-й-ба!..

ін прышыты можна? Якъ-такі вамъ несбромъ лякаты народъ хрещеный такімъ клочанымъ пугаломъ?

Сказалы вы намъ прысказку, що »брехнею світъ перейдешъ, та назадъ не вернешся.« Доказуете, що »вельможна шляхта уже перешла у одынъ кінець и пытаетесь: чы справді вертатыметься тимъ самымъ шляхомъ? Отъ же колыбъ вы тілько не сердылысь, то я бы вамъ сказавъ, що сю прысказку можна прыложыты не конечне до самоі шляхты, а до кожного перевертня...

Не попрікаемъ васъ, не хочемъ заводыть колотнечі—крый Боже! За одно тілько просымо васъ: Якъ що колы прыйдетьця до розмовы, то говоріть чесно и правдыво. Якъ розмовлятымемо зъ толкомъ, то може и зрозуміемъ одынъ-одного. Така наша думка и така рада. Идучы у-куші, скорійше и певнійше найдемо те, що загубылы. А якъ найдемо, то не дай Боже, щобъ послі мы вамъ або, вы намъ вытыкалы прысказкою: »*Лучче зъ розумнымъ згубыть, якъ зъ дурнемъ найты.*«

Прощавайте, добродію!

Тадеушъ Падалица.

15 октобрія 1861 року.
Зъ Украіны.

ИЗЪ М.

(Письмо къ редактору)

Грустно, что первое слово изъ М. является обличительнымъ; но такова, знать, доля наша. Въ вашемъ журналѣ, правда, я обличительныхъ статей не начитывалъ, а потому не могу разсчитывать, чтобы мое письмо было помѣщено; но куда же намъ обратиться за защитою народныхъ своихъ обычаевъ, если не къ «Основѣ»? Основа—украинскій вѣстникъ: пусть же она скажетъ слово за насъ. Быть можетъ общественное мнѣніе благодѣтельно подѣйствуетъ на нашу градскую полицію, и она перестанетъ видѣть зло тамъ, гдѣ его и не бывало,—перестанетъ преслѣдовать пѣсни. Впрочемъ пѣсенъ-то она не преслѣдуетъ, какъ словесныя произведенія; но преслѣдуетъ пѣніе. А отнять у насъ пѣніе, значитъ отнять все. Лукавое преслѣдованіе это ограничивается *честными*, а *омнибусовъ* не трогаютъ. Это еще безот-

раднѣе: тотъ можетъ скрипѣть сколько угодно, кто развратенъ! Какою цѣною покупается право предаться поэтическому влеченію природы!.. Вотъ–что происходило у насъ 13—14 августа.

Былъ десятый часъ вечера, когда я возвращался изъ *гостини*. Недалеко отъ моей квартиры, въ предмѣстьи, издавна собиралась *улица*. Старое мѣсто ея теперь заняли подъ печки для солдатъ и потому на этотъ разъ *улица* стала собираться у самаго окна моего. Это привело меня быть очевидцемъ такихъ штукъ, про которыя я и слышать бы не хотѣлъ. — Когда я шелъ домой, на улицѣ уже было двѣ дѣвицы; только–что онѣ начали пѣсню, какъ солдатъ отъ печекъ разразился бранью. Но это не важно: насъ здѣсь уже пріучили къ солдатскимъ обычаямъ. Дѣвицы побѣжали и стали у воротъ ближайшаго двора – сажень десять *отъ улицы*. Я вошелъ къ себѣ. Въ это время вдалекѣ, раздалась парубочья пѣсня. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу я рѣзкій женскій крикъ, потомъ топотъ многихъ ногъ. Ночь была безъ луны, а потому, высунувшись въ окно, я могъ увидѣть только двѣ человѣческія фигуры у тѣхъ же воротъ; но какого были пола, узнать было нельзя. Остальные *уличане* заслонены были отъ меня подсолнечниками. Отсюда, вдругъ, отдѣляется одинъ, какъ видно было поочертанію одежды, солдатъ, и пошелъ къ воротамъ; за нимъ и другой—но этотъ уже побѣжалъ. Ненадо упускать изъ виду, что еще не пѣли здѣсь на улицѣ, когда это происходило. Только–что эти два солдата присоединились къ тѣмъ двумъ лицамъ, что стояли у воротъ, какъ я услышалъ повелѣніе: — ступай! ступай за нами! — и женскую прозьбу. Тутъ я узналъ, что то́ были дѣвицы (и одна изъ нихъ изъ того–самого дома, у воротъ котораго описываемое происходило). Должно быть, дѣвицы сопротивлялись, потому–что кто–то закричалъ: — тяни ее! тащи! — и въ воздухѣ раздался ударъ палкою (цѣпкомъ), потомъ умоляющій, дрожащій голосъ: — *не бійтеся*...

Солдаты, квартирующіе у насъ имѣютъ поползновеніе *старшувати*. Недѣли три тому назадъ, напр., два солдата встрѣтили на улицѣ прохожаго парубка, порядкомъ отколотили, сняли свитку и шапку, которыя, говорятъ, отдали только послѣ многихъ прозьбъ. Предполагая, что и здѣсь проворствуютъ солдаты, я немало былъ удивленъ, отчего это парубки позволяютъ такъ *зинущатыця* надъ дѣвицами; одѣлся и вышелъ съ цѣлію вступиться за обижаемыхъ. Но уже было поздно: на улицѣ ни души живой, и только вдали виднѣ-

лась движущаяся масса. Прибавивши шагу, я настолько приблизился къ шедшимъ, что разглядѣлъ десятскихъ, парубковъ и дѣвицъ. Легко догадаться, куда ведутъ эти алгуазилы. Унасъ, говорятъ, издавна преслѣдуютъ *улицю*, но сегодня заберутъ, а завтра ужъ нѣтъ; и всѣ утверждаютъ, что это хотятъ *вирви*—и только, (но мы узнаемъ кое что́ и больше). Я уже зналъ, что забранныхъ съ улицы запираютъ въ темную, а послѣ заставляютъ городъ подметать, но видѣть этого не случалось. Разсказываютъ даже, что городничіе, бывало, заберутся на *досвітки*—особенно на *складчину*, все поѣдятъ, повышьютъ, заберутъ всѣхъ и отправляются. Мало-ли еще чего разсказываютъ; но это дѣло — сторона. Вотъ что́-то будетъ завтра?

Назавтра *(въ 5-мъ часу утра)* я былъ уже на базарѣ и увидѣлъ, что парубки (12) и дѣвицы (4) подметали городъ; десятскіе за ними присматривали. Отпустили ихъ только *въ часъ по полудни*. Такимъ образомъ, у каждаго изъ арестованныхъ пропалъ горячій рабочій день. И за что́ же такое наказаніе? Неужели ни на минуту нельзя отрѣшиться отъ дѣйствительности? Но день все-таки пропалъ... А кому не извѣстно, что для хлѣбопашца значитъ потеря дня въ жнива — и еще у насъ и въ настоящемъ году, когда только и слуховъ, что жалобы на опустошенія, производимыя саранчей! Но на это не смотрятъ: завтра Успенье, надо, значитъ, принарядить городъ. Такъ не лучше ли было бы самимъ многосильнымъ десятскимъ стать съ метлою въ рукахъ? А стрямъ, а стыдъ? Какъ же такимъ особамъ браться за метлу? Онѣ стоятъ себѣ, онтакечка, заложивши руки за спину, да, знай, цогукуютъ: работай, работа́й!—Это по насъ; извѣстное дѣло— нашъ братъ десятскій — не простой человѣкъ. Такъ намъ ли за метлу?.. И подумать нельзя!...

Такъ *онтакечка* загребли жаръ чужими руками—подмели городъ; надо было еще соръ вывезти. Для этого есть пожарныя лошади, но ихъ трогать не пристало для такихъ работъ (во избѣжаніе сраму); потому что гг. десятскіе изволятъ на нихъ прогуливаться по отдаленнымъ заведеніямъ. И тутъ не задумались: поймали первыхъ попавшихся въ глаза, — кто ѣхалъ на поле, взвалили на ихъ возы сору и — поѣзжай здоровъ! да только, *знашь, подальше*; *или — ишь какова* (т. е. палка въ рукѣ!) *до пальцевъ побью! Ну́жли ты умнѣе насъ? Ступай! тебѣ приказываютъ*. — Согнулся бѣдный простачекъ и повезъ. А десятскіе важно́ — страхъ важно́! — похаживаютъ да поглядываютъ: *»чисто! ишь, какъ чисто! и въ по-*

лиціи не видано такой чистоты, чепурности, ей Богу!—Кабы таперинька губернаторъ!—Хорошо, братці, благодарствуемъ! Вотъ вамъ *на водочку.—Онтакечка было бъ до сподобы. Уладили, ей-ей уладили; спасибо намъ...*«

Вечеромъ (14 авг.) я вышелъ распросить—какъ все было, и мнѣ ничего особеннаго не разсказали, только, что »сидимъ мы, говорятъ, шутимъ, какъ пришелъ девятка (десятскій) и сталъ возлѣ насъ; потомъ и другой пришелъ и также сталъ. Погодя пришло еще два и съ этими два парня, что служатъ при полиціи писарями—и побрали насъ. —Это у насъ обходъ такъ ходитъ.—Когда мы поровнялись съ домомъ квартальнаго, онъ вышелъ на улицу босой и приказалъ посадить насъ въ темную...—Какъ разъ на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ прервалъ полицейскій чиновникъ. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, я началъ упрекать его,—зачѣмъ вамъ, говорю, мѣшаться *въ улицы!* Зачѣмъ запрещать людямъ пѣть, говорить—словомъ—зачѣмъ это?

— Запрещать улицы — что́ли? Это — безчинство.

— Хоть я съ вами не согласенъ насчетъ безчинства; но пусть по-вашему. Въ такомъ случаѣ, всѣ улицы безчинство.

— Разумѣется.

— А городская?

— Городская! гмъ! та другое дѣло!

— Какъ же—другое? Напротивъ: все равно *улица*. И вы должны подумать, что́ дѣлаете, и для чего дѣлаете.

— О! мы знаемъ, для чего забираемъ *улицу*.

— А нельзя ли и мнѣ знать? спросилъ я.

— Очень просто: для того, чтобы городъ подмели, отвѣтилъ онъ.

— Это не хорошо. Но если вы хотѣли уже непремѣнно сдѣлать несправедливость, то можно было уменьшить ее—нужно было забрать городскую улицу, гдѣ *омнибусы* такъ долго были слышны послѣ обхода. Между тѣмъ забрали *чесныхъ*, и вѣроятно, когда этихъ заперли, къ тѣмъ сами побрели.

— Больше чѣмъ вѣроятно,—даже несомнѣнно; но въ томъ-то и вся штука, «що коло тихъ и десятникъ поживитця, а зъ цiхъ що́ кому? хай же хочь городъ замiтають, коли такi.» Это подлинныя слова помянутого чиновника.—Итакъ, что́ у насъ преслѣдуютъ?

Услыхавъ это, я уже не сталъ больше говорить про *улицю* — (достаточно было и этого) и *звернувъ* на собакъ:

— Почему, говорю, полиціи лучше не обратить вниманія на то, что у насъ собаки нападаютъ среди улицъ и калѣчатъ проходящихъ: тамъ дитя чуть не заѣли, тамъ порвали дѣвочку, тамъ, говорятъ, офицера..

— Эге! захотѣли вы!.. притомъ же мы не знаемъ, чьи это собаки.

— Къ вамъ же поступаютъ жалобы, въ которыхъ должно быть прописано, чьи онѣ.

— Мало ли чего къ намъ не поступаетъ! Энтакъ, какъ выражаются у насъ, энтакъ и бумаги въ уѣздѣ не станетъ, если обращать вниманіе на всякій толчекъ.

Мнѣ осталось только распрощаться съ этимъ господиномъ. Но я все-таки не уяснилъ себѣ, почему берутъ подъ арестъ поющихъ, всѣмъ, и даже полиціи, извѣстныхъ своею честностію? Ужели за то, что они не развратны, какъ выразилось его благородіе?

Будьте такъ добры, напечатайте это письмо въ *Основѣ*; быть-можетъ (повторяю) кто-нибудь — посильнѣе нашихъ (если это возможно) — вразумитъ нашихъ любителей чистоты, и они не будутъ препятствовать *честнымъ* пѣть и веселиться, какъ не препятствуютъ *другимъ*.

ЛИСТЪ ЗЪ ДОРОГИ.

Херсонъ, 14 іюля 1861.

Ідучи въ Херсонъ я сподівався на-краще, и дуже-дуже здивовався уіхавши въ цей городъ. Улиці порити наче ровами, валяетця усюди по дорозі каміння!... и будинкамъ и улицямъ—а (може й людямъ) далеко до Полтави. Пробувъ я въ Херсоні $1^1/_2$ сутокъ; на такий короткий часъ не багато чого розвідаешъ. Роскажу все по порядку. Приіхавъ я уже смеркомъ; мерщій передягся и пішовъ подивитись на

Дніпръ. Погода стояла тиха, *білолицій* глядівъ такъ пильно у воду, наче хотівъ стрибнути зъ неба щобъ покупатись... Народу на бе́резі пошти не було... Багато де-якихъ думъ навіявъ на мене Дніпро своею тихесенькою филею про давню давнину, про нашу козацьку волю, про всю Украину, що

«Сиротою
По-надъ Дніпромъ плаче...

Хтось кинувъ у воду камець... розійшлась кругами филя... показались бульбушки, наче слёзи дніпрові...

На другій день уранці роспитався, що́ по-чімъ. Пшениця була місяць назадъ 9,—а теперъ (въ половині іюля) по 5 и по 4 карб. за четверть; мука житня 30 к. за пудъ, сіно по 10 коп. за пудъ, овесъ 2 карб. за четверть; сало 5 карб. за пудъ, масло 7—8 карб.—Дешевше усёго гурки—семи-гривенний за сотню. Овощі продають на вагу, а не на ліку; груши 5 коп., вишені 9 коп. за хунтъ, яблокъ ще не видно.—Поснідавши пішовъ по судамъ... Та й набрався жъ я чиховиці у повітовій скарбівні! Купивъ, знаешъ, гербового папіру на 1 карб. 75 коп., даю *бумажку* въ 10 карб.—Узявъ москаль,—сховавъ у скриню, и дае мині 8 карб., а четвертака, каже, нема. Прохавъ щобъ хочъ мідяками давъ, — *нема*, та й годі — »У казначействі, каже, не дають здачи« — »Ну, кажу я, а якъ би я схотівъ розмінять *билетъ* (25 р.)—»На стольці, каже, йди.« —А на стольцяхъ беруть проміни 8—10 коп. за рубъ.—Нічого було робить: пропавъ четвертакъ!..

Упоравшись по судамъ, пішовъ я зъ Лавріномъ роздивитьця городъ по́-видну. У городі 11 церковъ, (одна мижо ними греческа) 1 костелъ и еврейська синагога. Попредь города въ садку стоіть памьятникъ Потемкину: на високій підмостці стоіть статуя Потемкина и дивитця на Дніпръ. Ще на конці города памьятникъ Говарду. На південному боці его написано: «скончался 20 генваря 1790 г. на 63 году отъ рожденія»; на схиднёму: alios salvos fecit« и на захиднёму;« Vixit propter alios.» Зо всёго видно, що Херсонці не дуже поважаютъ памьять сёго незабутного чоловіка; бо кругомъ памьятника таке пописано, що бридко й сказать. Були ми и въ кріпості. У церкві (великомученици Катерини) построенній Царицею Катериною II, стоіть дзигликъ, на которому седіла ся Царица. На цвінтарі е чимало памьятниківъ, міжъ ними два такихъ старихъ, що вже не видно й

надписі, и надъ кимъ вони постановлени—незвісно; есть памьятники: Принцу Александру Виртембергскому зъ надписаннемъ: »праху, скончавшагося во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ, героя«; — Князю Молдавскому Эмануйлу Россете; Полковникові Петру Мартиновичу, убитому 6 Декабря 1788, на 21 року життя, Инженеръ Полковникові Миколі Йвановичу Корсакову, умершому 24 Августа 1788 р. и иные. На памьятнику Корсакові написани стихи:

Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалѣнію сыновъ Россіи погребенъ:
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрой духъ его отъ тѣла отлученъ.

Відсіля пішли ми у садъ штурманської школи. У воротъ саду здивувались ми побачивши на стовбчику прибиту дощечку зъ словами: «Входи и гуляй, рукамъ воли не давай.» — Садъ поганенький, дивитьця ні на що; хиба-що тутъ абрикосъ, посажений Катериною II, та й той, мабуть, скоро всохне.

Для мене найпотрібній було знати: — якъ иде наука въ Херсоні? та ба! Вийнялась, бачъ, така пора, що въ школахъ не учятця. Въ Херсоні е гимназія, повітова и приходська школа, школа канцелярськихъ дітей, штурманьска школа, дівочий приютъ; хлопьяча и дівоча недільні школи. При гимназіи, кажуть, заведена хороша книгарня. Правда, въ городі е дві книгарні, — та що зъ нихъ? Ще-таки книгарня п. Шаха—такъ и сякъ, а про другу й говорить нічого! П. Шахъ виписуе собі у книгарню: *Основу*, *Отечеств. Записки*, *Руський Вістникъ*, *Современникъ*, *Руське Слово*, *Библіотеку для чтенія*, *Одеський Вістникъ*, *С. П. бурські Відомості* и *Собраніе Иноземніхъ романівъ*. А спитай скілько въ ёго предплатниківъ? На рокъ—8, на півроку — 6, да на місяць — 9: отъ-тобі й всі! Не дивуйся: згадай тілько, що въ Херсоні найбільшъ живуть українці,—народъ, одорванний одъ корня,—що »одъ одного берега одчалили, а до другого — не пристали.« — Есть въ Херсоні й печатня п. Ващенка, да не довелось ії побачити.

Прощавай, друже! Напишу тобі зъ Полтави, якъ вертатимусь. А скучно степомъ іхать... скрізь могили

Стоять, да сумують...

Наче гадюка вьетця коло серця, бо якъ часомъ споглянешъ на ці могили, що »нагадують те про що минуло, про волю и тілько *нішкомъ* (наче боя́тця голосно) въ полі зъ вітрами говорять.«

Олександеръ Переходовець.

P. S. Мо́же Перехо́довець де-въ-чімъ и помили́вся... дарма́: нехай самі Херсонці ёго й поправлять.

ИЗЪ ЛУБЕНЬ ПОЛТАВСКОІ ГУБ.

(Сентябрь 1861.)

Душа душу знае серце, серцю вість подае, кажуть люди: оттакъ и ми теперь побачили, що вамъ щира наша мова, наші нужди, наше горе... Спасибі!. Прислали ви намъ до воскресноі школи рідних квіточо́къ: хай цвітуть — не засихають, хай дощечкомъ да сонечкомъ іхъ оживляе; хай люди читають да памьятають, «чиі ми діти».

Який же вамъ привітъ послать одъ нашоі школи за вашъ дарунокъ?.. Скажимо вамъ щиру правду про те, якъ ми тутъ учимось?..

Бовкае дзвінъ у неділю на Лубенській соборній дзви́ниці, кличе людей до церкви; идуть люди и старі й малі Богу молитись; а малі знають що після церкви да підуть вони ще въ школу грамоті вчитись, а школа зоветця воскресною: по празникамъ да по неділямъ бува тілько,—значить праведна школа—праведноі думки дитина,—щирого серця розмова зъ дітками мали́ми, христіанська, братерська школа; не налають тамъ, ні гіркого сло́ва не скажуть, ласкою обійдуть тебе, дадуть тобі книжечку въ руки, роскажуть яка то́ грамота и до чого вона, и якъ тяжко жити чоловікові безъ неі въ грамотній землі,—все рівно, що птиці співучій пробувати безъ співу... У неділю співають въ соборі *воскресники* да ученикі училища повітового, співають гарно: Денисъ Дмитровичъ,—хай ёму здоровья да вікъ довгий!—учителя півчого до того діла випросивъ у начальства, а теперь хлопьята щиримъ серцемъ виспівують дяку свою за все добре.

Писля обідні сбіраемось у школу учити да вчиться, и хто тілько зайде до насъ грамотний да чесний, той и нашъ: и бумагу и карандаша й книжечку ёму дамо,—учи тілько дітокъ нашихъ, щобъ були

грамотні,—щобъ знали—що́—пра̀вда, а що́—кри́вда, щобъ знали якъ кривду правдою побороти.

Учимо у школі вірі Христовій, що сказавъ людямъ: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды, блажені плачущіе яко тіи утѣшатся». Чого жъ й бажать, объ чімъ и молитись, якъ не о правді да утішеніи? Читають наши дітки въ школі святе евангелие, читають вони яки були люди фарисеі — яки ехидні, да якъ кривдою очи людямъ завьязували, якъ надъ правдою знущались... якъ за правду своею кривдою Праведного Христа замучили! Люблять наші дітки, дуже люблять читати ту святую мову; роздали ми імъ по книжечці того праведного и великого слова; а якъ би ще були у насъ тикі книжечки, то й щебъ давали; то свята мова—то Боже сімья:—росте-росте да и выросте въ дерево высоке—високе, що неба досягне да й саме небо до землі притягне!

А не тілько читати, а й писати наши дітки уміють: такъ и виведе на бумазі: «*поки сонце зійде—роса очи виість!*» Що́ се я?.. Оттакъ-пакъ! Простіть мене: се я збрехавъ... вони у насъ сёго не пишуть, вони, бачите пишуть усе́ помосковски, а тамъ — дальше, де сонце не світить, балакають може люди и по-нашому... Воно бачите світъ давно вже такый перевертень!.. Такъ оце вже правду кажу: пишуть наші дітки по-московські, знають ариометику, та не такъ — аби-якъ, а розсуждаючи: охоты у іхъ багато до вченія, та ба!.. Бідні вони: ні карандаша, ні бумаги, ні пера, ні-за-що купити! — що́ ми дамо, то тілько и е у іхъ; а школа наша все бідніща становитця: грошинятъ дазьбі!.. До школи багатимъ яке діло? тамъ же вчитця *мужва*, а несчастна мужва—то для нишого мовъ гадина!.. А въ добримъ домі потрібно було бъ мати едину душу, едину мову, едине серце!.. Любови да согласки треба, дуже треба усімъ намъ!..

Чувъ я що въ *Основі* завелись за слово »Жидъ«! Богъ зна що́ такее!. Есть объ чімъ толковатись!.. У насъ давно вже немае ні жидівъ ни евреівъ—а тимъ що кажуть: я—жидъ, або я—еврей, не вірте. Який же жидъ безъ Іудовоі землі, який то еврей—безъ язика свого стародавнёго, безъ свого закону, безъ свого обичая, безъ віри.. Тимъ котрі зовутця жидами, здаетця, що вся віра у тимъ тілько й стоіть, щобъ не істи *трафного*, щобъ істи своіми ложками, да свій хлібъ, свій горщокъ мати, свою тарілку... пророківъ своіхъ вже вони давно забули: спитайте которого жида, то и не перелічить!. Хто хоче буть жидомъ, хай иде въ *Іудову* землю; хто хоче бути евреемъ, нехай той—научить попереду народъ свій говорить по-еврейскі а не понімецькі;

хай научить народъ свій читать пророка Давида, якъ вінъ пророчивъ,—научить читать Іезекиля якъ вінъ пророчивъ воскресенне мертвихъ; а коли сёго не зможе, хай буде громадя́нином тіеі землі, де́ уродився и вирісъ,—а ні—то, просто, чоловікомъ, бо чоловікъ—то перве діло въ світі; то люба дитина и у людей, и у Бога...

Годі, прощайте до другого разу.

Василь Шевичь.

ЗЪ ГАДЯЧА, ПОЛТАВСЬКОІ ГУБ.

(Августъ 1861 року.)

»Скрізь, якъ у дзвінъ дзво́нять—гово́рять за шко́ли и библіо́теки. И въ Гадячі объ цімъ річъ. Якъ почну́ть розска́зувать—що якъ би воно́ було́ до́бре, що зовсімъ би наро́дъ змінився—тільки слу́хай! До́вго говори́ли, а да́лі—до́брі лю́де принялися́ й за діло: пе́рше, то си́мъ, то ти́мъ по́битомъ, відкри́ли городську́ библіо́теку, а отце́ неда́вно—же́нську шко́лу. Послідню хоть не гара́здъ, бо ще нема́ на те́ розрішє́нія, а все есть надія, що колись бу́де така́, якъ и въ люде́й. Неха́й же ій, до другого́ ча́су, Богъ помага та до́брі лю́де, а ми де́-що поговори́мъ за библіо́теку.

Въ Гадячі, після Різдвя́нихъ Святківъ, охо́тники до теятру змо́вились показа́ть спекта́клі. Показа́ли, та на ті гро́ші, що зібра́ли, відкри́ли городську́ библіо́теку. Вона́ випи́суе: *Руський Вістникъ, Современникъ, Отечественні Записки, Библіотеку для чтенія, Основу, Руське Слово, Драматическій Сборникъ, Московскі Відомості, Руській Міръ, Искру, Вікъ, Иностранні романи, Художественній листокъ и Журналъ Вольного Економическаго Общества*, да ще́ по́слано гро́ші, зарóблені за дру́гі два спекта́клі, щобъ присла́ли сочине́ній са́михъ лу́чшихъ писа́телівъ—Го́голя, Пушкина й дру́гіхъ. На Украі́нській мо́ві тільки й е́ що *Кобзарь*. Нема́ ні *Хати*, ні *Повістей Квітки*; нічо́го нема́. А такихъ книжо́къ тре́ба, та ще й ду́же, бо въ Гадячі наро́дъ все почти́ Украі́нці,—такъ що́ жъ імъ рідніше—чи своє́, чи чуже́? мабуть своє́. Библіотека нахо́дится на кватирі въ одного́ зъ учреди́телівъ, до́хтора Черниша́, вінъ не́ю й роспоряжа́е. За те, щобъ бра́ти чита́ть до до́му журна́ли й га-

зети, пла́та—ду́же поцінна—*три* карбо́ванці на годъ, а на місяць копови́къ. Яко́і жъ ще деше́вшоі? Здае́тця, скілько тре́ба бъ бу́ти підпи́шчиківъ, а іхъ тільки всёго́ на́ всёго—43, годови́хъ 39, 1 півгодо́вий й 4 місячнихъ. Чого́ жъ такъ? Хіба, ска́жуть, що роздаю́ть книжки́ не спра́вно? що напере́дъ вели́кимъ пана́мъ даю́ть? Такъ ні! ще, до кото́рого ча́су, сёго́ нічо́го нема́: всякъ, хто бъ не записа́всь чи дворяни́нъ, чи купе́цъ, чи міщани́нъ, все одно́, всі рівні. А все це відъ то́го, що е́ бага́то ще таки́хъ люде́й, котрі на язиці якъ на орга́ні, а при́йдетця до діла—й нісъ підъ се́бе—за́разъ и наза́дъ: за що́, кажуть, я бу́ду плати́ть 3 карбо́ванці? що кни́жки даду́ть прочита́ть? лу́чче проімъ, або́ проигра́ю въ ка́рти, — такъ зна́тему де дівъ; адже мій ба́тько не чита́въ, а живъ на світі? такъ и я«. Отакі!... Хотьби жъ са́ми не запи́сувались, то й сількось, — а то й дру́гихъ піддро́чують. По-мо́ему, лу́чче жъ взять кни́жку та чита́ть, чімъ цілий день ви́спать, а нічъ въ ка́рти програ́ть; а по іхъ — хто ёго зна... не вгадаю...

Иванъ Кивайголова.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРЕМІИ ЗА СОЧИНЕНІЕ:

«Исторія Кіевскаго университета и лицеевъ — Нѣжинскаго и Одесскаго.»

На прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Н. И. Пирогова сообщено было мною многимъ изъ присутствовавшихъ, о желаніи, изъявленномъ нѣкоторыми изъ гг. студентовъ университета, сдѣлать пожертвованіе для ученой цѣли, которая будетъ избрана самимъ Николаемъ Ивановичемъ. Подобное выраженіе признательности и уваженія къ бывшему начальнику, не могло не встрѣтить искренняго сочувствія со стороны присутствовавшихъ, которые заявили также о готовности своей присоединиться къ числу жертвователей.—Когда это предположеніе сдѣлалось извѣстнымъ, тогда начали поступать деньги изъ разныхъ мѣстъ кіевскаго учебнаго округа на имя ректора университета. Деньги передавались на храненіе казначею университета, у котораго накопилось около 1000 рублей, хотя цѣль пожертвованія еще не была

опредѣлена.—Нынѣ, по полученіи отзыва Николая Ивановича, предположено предназначить сдѣланныя пожертвованія на выдачу преміи за сочиненіе, написанное на слѣдующую тему:

«Изложить сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи вообще, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, т. е.: Университета Св. Владиміра и Лицеевъ—князя Безбородко и Ришельевскаго.«

Ходатайство о семъ отъ г. Попечителя, барона А. П. Николаи, уже послѣдовало. Что́ касается программы, разъясняющей, какъ самую тему, такъ и порядокъ удостоенія преміею написанныхъ на эту тему сочиненій, то, по полученіи нѣкоторыхъ указаній отъ Николая Ивановича, въ представленіи начальству изложено нижеслѣдующее:

I.

По самому содержанію своему, тема заключаетъ въ себѣ двѣ части: а) *Общую сравнительную исторію университетскаго образованія на Западѣ и въ Россіи.* Здѣсь, на основаніи лучшихъ монографій, авторъ долженъ представить послѣдовательный очеркъ перемѣнъ въ ученомъ, административномъ и экономическомъ устройствѣ заведеній, въ нравахъ и обычаяхъ университетскаго сословія, изобразить вліяніе на университеты окружающаго ихъ общества и на оборотъ–вліяніе университетовъ на общество и въ особенности опредѣлить *различіе въ ходѣ и значеніи университетскаго образованія и во вліяніи гуманизма и реализма на просвѣщеніе въ Европѣ и у насъ; б) Подробную исторію Университета Св. Владиміра и двухъ лицеевъ Нѣжинскаго и Одесскаго.* — При изложеніи этой части необходимо, чтобы авторъ по возможности *воспользовался всѣми историческими оффиціальными документами и преданіями, которые должны быть разработаны критически.* — Жизнь университета должна смоять на первомъ планѣ. Исторія его возникновенія, само собою разумѣется, потребуетъ отъ автора хотя краткаго, но обстоятельнаго изложенія историческихъ свѣдѣній о прежней системѣ образованія на юго-западѣ Россіи, съ опредѣленіемъ степени участія въ ней правительства и общества, съ показаніемъ въ какой степени она удовлетворяла потребностямъ того и другаго и вообще, какіе были ея достоинства и недостатки.—Затѣмъ

документально и критически должна быть разработана и изложена исторія университета и лицеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а именно: 1) время и способъ учрежденія; 2) административная часть; 3) хозяйственная часть; 4) вспомогательныя средства просвѣщенія—библіотеки, ученыя коллекціи и, типографіи; 5) свѣдѣнія объ учащихъ и учащихся по всѣмъ категоріямъ; 5) степень и размѣръ обученія; 7) нравы и обычаи ученаго сословія; 8) результатъ дѣятельности заведеній и вліяніе ихъ на окружающую ихъ среду, на сколько оно обнаружилось въ общественной и учено-литературной дѣятельности преподавателей и воспитанниковъ заведеній; 9) вліяніе общества на университетъ и лицеи: въ какой мѣрѣ оно содѣйствовало и препятствовало ихъ преуспѣянію.

II.

Сочиненія ищущихъ преміи, написанныя на русскомъ языкѣ, должны быть доставлены къ назначеняому сроку, въ Кіевъ, на имя ректора Университета Св. Владиміра. — Фамиліи авторовъ должны заключаться въ запечатанныхъ конвертахъ, съ обозначеніемъ девизовъ на конвертахъ и сочиненіяхъ.

Срокъ, для подачи сочиненій назначается чрезъ 4 года, со дня утвержденія программы правительствомъ. Въ теченіи этого времени, сумма, собранная по подпискѣ, и въ настоящее время простирающаяся до 1000 руб. сер., вмѣстѣ со всѣми имѣющими поступить пожертвованіями, обращается въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій для приращенія процентами.

Для разсмотрѣнія сочиненій и присужденія премій, составляется особая коммиссія изъ лицъ, выбранныхъ совѣтомъ Университета Св. Владиміра и педагогическими совѣтами кіевскихъ гимназій (каждымъ по два лица). — Прочія высшія и среднія заведенія, принимавшія участіе въ пожертвованіи, имѣютъ право присылать, въ назначенный срокъ, въ эту коммиссію, выбранныхъ ими лицъ, въ такомъ же числѣ.

Коммиссія избираетъ одного, или двухъ рецензентовъ, которые пишутъ подробные разборы присланныхъ сочиненій, съ своимъ о нихъ заключеніемъ.

Рецензіи эти служатъ коммиссіи основаніемъ, для присужденія преміи. — Отчетъ коммиссіи и рецензія удостоеннаго преміи сочиненія печатаются въ повременныхъ изданіяхъ. — Распоряженія о времени и

порядкѣ собиранія коммиссіи возлагаются на ректора университета. Рецензентамъ выдается премія за разборъ, въ 200 руб. каждому.

За сочиненіе, которое будетъ признано вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ этой программы, назначается премія въ количествѣ всей суммы, собранной по подпискѣ и увеличенной процентами, за вычетомъ премій рецензентамъ.

Авторъ сочиненія, признаннаго достойнымъ премій, обязанъ напечатать его въ теченіи 2-хъ лѣтъ. — Если, по истеченіи означеннаго срока, сочиненіе не будетъ напечатано авторомъ, то университетъ печатаетъ оное самъ, и вычитаетъ изъ премій издержки по изданію. — Напечатанное сочиненіе составляетъ собственность автора.

Такъ какъ деньги продолжаютъ доселѣ поступать, то печатный отчетъ о томъ, сколько и откуда поступило, необходимо отложить на время, тѣмъ болѣе, что еще нѣтъ всѣхъ данныхъ, для составленія именнаго списка жертвователей. — Отчетъ этотъ незаставитъ себя долго ждать и послужитъ удостовѣреніемъ, что пожертвованія получены, и что, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, они будутъ употреблены по назначенію.

При семъ я покорнѣйше прошу васъ м. г. подѣлиться съ читателями вашего журнала извѣстіемъ о томъ, что вскорѣ поступитъ въ продажу Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова за 1858 — 1861 годы, съ портретомъ автора гравированнымъ на стали. Книга эта содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Чего мы желаемъ? 2) О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій. 3) Школа и жизнь. 4) О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ. 5) Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній. 6) Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. 8) Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній. 9) Взгляды на общій уставъ нашихъ университетовъ. 10) Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ — при прощаніи его съ кіевскимъ учебнымъ округомъ, со студентами Университета Св. Владиміра, съ г. Кіевомъ, и при посѣщеніи имъ еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

Коммиссію по продажѣ означенной книги принялъ на себя книгопродавецъ Іосифъ Завадскій. Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 50 к.— Выручка, за покрытіемъ расходовъ на печатаніе, предназначается, по желанію Н. И. Пирогова, въ пользу студентской библіотеки.

Покорнѣйше прошу васъ, м, г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Н. БУНГЕ.

(Письмо къ редактору «Кіевскаго Телеграфа.«)

СВѢДѢНІЕ О ЧИСЛѢ ПРОДАННЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЙ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Полтавскій корреспондентъ, завѣдывающій продажею дешевыхъ (отъ 3 до 15 коп. за экземпляръ) изданій на Украинскомъ языкѣ, сообщаетъ «Основѣ», что въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, съ января по октябрь 1861 года, продано:

1)	Въ Хоролѣ	2,478	экземпляровъ.
2)	— Зеньковѣ	1,955	—
3)	— Миргородѣ.	800	—
4)	— Гадячѣ	966	—
5)	— Золотиношѣ	884	—
6)	— Прилукахъ	322	—
7)	— Кременгугѣ	353	—
8)	— Херсонѣ	220	—
9)	— Умань (Кіевской губ.) . .	191	—
10)	— Новомосковскъ (Екатерин. г.)	177	—
11)	— Лукны	206	—
12)	— Пирятинѣ	161	—
13)	— Константиноградъ. . . .	61	—
14)	— Валкахъ (Харьковской губ.).	100	—
15)	— Ромнѣ	27	—
16)	— Полтавѣ	1,972	—
17)	м. Сарочинцахъ (Миргородск. у.)	770	—
18)	— Решетиловкѣ	94	—
19)	— Опишнѣ.	84	—
20)	— Кивалёвкѣ (Зеньк. уѣзда). .	80	—

21)	— Санжарахъ	54	—
22)	— Шишакѣ (Миргор. уѣзда) .	53	—
23)	с. Чутовѣ	70	—
24)	— Васильевкѣ (Полтавск. уѣзда)	70	—
25)	— Нижніхъ Млинахъ (Полт. у.)	63	—

Всего продано 12,195 экземпляровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

П. А. Кулишъ приступилъ къ изданію *драматическихъ сочиненій Григорія Квитки* (*Основьяненка*). Извѣстно каждому, что въ свое время провинціальные театры наши всего болѣе заняты были представленіемъ комедій и операъ Квитки. Поэтому, независимо отъ степени таланта автора, онѣ имѣютъ для насъ значеніе и въ исторіи нашей общественной жизни. Многія изъ драматическихъ сочиненій Квитки составляютъ библіографическую рѣдкость. Слѣдовало бы также издать и всѣ сочиненія Котляревскаго, перваго самостоятельнаго двигателя словесности, которая въ наше время признана не одними Украинцами достойною внимательнаго изученія.

Вышелъ второй томъ *Литовской церковной Уніи*, Н. Кояловича. Ожидаемъ продолженія этого замѣчательнаго труда, снабженнаго множествомъ выписокъ изъ разныхъ малоизвѣстныхъ книгъ и рукописей (*).

Въ Одессѣ, изданъ *Полонезъ на смерть Т. Гр. Шевченка*, съ его портретомъ (впрочемъ — довольно-грубымъ, напоминающимъ поэта только одеждою). Полонезъ сочиненъ *В. Н. Пащенкомъ* (учи-

---

(*) Ц. 1-го тома 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Ц. 2-го тома 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

телемъ музыки въ Одессѣ) и продается въ музыкальномъ магазинѣ Нейгеборна по 1 р., съ пересылкою. Извѣстный знатокъ музыки, П. П. Сокальскій, хвалитъ полонезъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, выставленъ *черновой снимокъ съ маски, сдѣланной съ Т. Гр. Шевченка*, г. художникомъ Каменскимъ. Желающіе пріобрѣсть подобную маску изъ гипса могутъ записаться, оставивъ въ магазинѣ 3 рубля, съ тѣмъ, что когда число желающихъ будетъ равняться *двадцати*, то маска изъ гипса будетъ выдана подписчику за 3 р.; въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ обращаться съ заказомъ къ самому художнику, а деньги изъ магазина будутъ выданы обратно. —Художникъ Каменскій весною уѣдетъ изъ Петербурга, и потому совѣтуемъ воспользоваться его трудомъ немедленно.

Возраженіе на нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя въ статьѣ *Національная Безтактность* и во 2–мъ № *Дня*, найдено полезнымъ до–времени отложить. Полагаемъ, что читатели *Дня* (если не самъ Ив. С. Аксаковъ и не Вл. Ив. Ламанскій), внимательно прочтя одну эту книжку *Основы*, усомнятся въ справедливости прежде–временнаго прорицанія названныхъ нами двухъ писателей насчетъ дальнѣйшаго развитія украинской словесности. Не развивается только та словесность, которая не проникнута живою идеей, которая проповѣдуетъ идеи ложныя, или возбуждается къ движенію искуственно–сочиненной теоріей, не имѣющей связи съ дѣйствительными, жизненными общественными началами. Если бы наша народная словесность была въ *такомъ* положеніи, то мы сами пожелали бы ей—скорѣе оправдать московскихъ пророковъ; но пока этого не случилось,—мы будемъ попрежнему любить родное слово, нисколько не сомнѣваясь, что путь, по которому идетъ оно, и прямѣе и яснѣе того, что́ думаетъ освѣщать для насъ (и для Галичанъ) *День* съ высоты своего наставническаго величія.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

VII.

№ XVII и XVIII изображаютъ *дівчину Полтавской губ.* въ праздничномъ нарядѣ; гравированы мною съ рисунка И. И. Соколова. —

№ XIX изображаетъ нѣсколько предметовъ, въ которыхъ отразился народный вкусъ. Въ статьѣ, помѣщенной мною въ X книжкѣ *Основы*, я сказалъ нѣсколько словъ о народной архитектурѣ.—Планъ жилья является изъ потребностей жизни, изъ плана выходитъ наружный видъ. Въ наружныхъ украшеніяхъ и убранствѣ вкусъ проявляется наиболѣе. Утварь, когда въ ней есть украшенія, точно также, какъ и разныя части зданія, составляетъ лучшій матеріалъ для изученія народнаго вкуса; и потому подобнаго рода предметы слѣдуетъ каждому изъ насъ собирать и обнародывать. Только этимъ путемъ, мы можемъ разъяснить себѣ вкусъ народа.—Я удерживаюсь пока отъ выводовъ и критики и буду доставлять лишь матеріалъ въ сыромъ видѣ, какимъ онъ былъ добытъ мною, или сотрудниками, съ натуры. Пусть каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, я–же съ своей стороны прошу сообщать мнѣ эти замѣчанія и, если кто можетъ, пополнять мое собраніе рисунками или вещами. Жители деревень, хуторовъ, селъ, мѣстечекъ, провинціальныхъ городовъ имѣютъ гораздо болѣе возможности собирать и изучать предметы подобнаго рода; но къ сожалѣнію, почти всѣ оставляютъ ихъ въ пренебреженіи, полагая, что это не стóитъ вниманія; а между тѣмъ рушатся старинныя строенія, точитъ червь старинную утварь и мебель, гніетъ прадѣдовское шитье, и вскорѣ мы почти будемъ лишены возможности изучить вкусъ нашихъ предковъ. Надо спѣшить собирать малѣйшіе и, повидимому, неважные остатки нашей старины; все пойдетъ въ пользу и на дѣло: отъ старосвѣтскаго ключа, грубой кузнечной работы, до изящной колúски или затѣйливой ложки.

Представляемые мною образчики (№ XIX) послужатъ указаніемъ для тѣхъ, кто желаетъ собирать, что, при подобнаго рода изученіи, все важно и нѣтъ бездѣлицъ.

1. Изображаетъ *колиску*, снятую съ натуры въ *Херсонской губ.*, въ хатѣ селянина.

2. —Старинная монастырская ложка; она представлена здѣсь почти въ два раза менѣе своей подлинной величины. Рисунокъ доставленъ П. А. Кулишемъ.—Она—деревянная и раскрашена масляными красками.

3. — Деревянная солонка, снятая съ натуры въ хатѣ у козака *Полтавской губ. въ селѣ Фадѣевкѣ*. Длина ея—*три* вершка.

4. —Изображаетъ верхній брусъ на воротахъ; узоръ повторяется всего три раза во всю длину бруса, а между тѣмъ ворота высоки и широки, такъ–что обозъ въѣзжаетъ въ нихъ свободно. — Эти ворота сняты мною въ селѣ *Красный–Рогъ*, *Черниговской губ. Мглинскаго уѣзда*.

5. —Старосвѣтскій ключъ. Онъ изображенъ въ $5^1/_2$ разъ меньше своей натуральной величины, снятъ въ хуторѣ *Заронь*, *Полтавской губ, Лубенскаго уѣзда*.

Л. Ж.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ *Выговщина*, на стр. 1, въ строкѣ 3, вмѣсто *старшихъ*, слѣдуетъ читать *старшинъ*.

Въ поэмѣ *Настуся*, на стр. 1, стихъ 1-й, слѣдуетъ читать:

Якъ зустрились ми съ тобóю.

На стр. 13, стихъ 22-й слѣдуетъ читать:

Сúлами знемíгся.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ВЪ 1862 ГОДУ.

Объявляя объ изданіи «КІЕВСКАГО ТЕЛЕГРАФА» въ 1862 году и вступая въ четвертый годъ своего существованія, редакція не намѣрена завлекать своихъ подписчиковъ слишкомъ заманчивыми и блестящими обѣщаніями. Аккуратно выпуская два раза въ недѣлю нумера и исполняя свои обѣщанія, редакція имѣла уже случай высказаться передъ публикой касательно цѣли и направленія этого изданія. Читатели «Кіевскаго Телеграфа» могли убѣдиться, что редакція постоянно старалась объ улучшеніи своего изданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ о скорѣйшемъ сообщеніи всѣхъ новостей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Читатели могли замѣтить, что многія извѣстія они находили даже скорѣе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», чѣмъ въ столичныхъ изданіяхъ, получаемыхъ здѣсь довольно поздно. Мѣстный отдѣлъ, по интересу извѣстій, почти цѣликомъ былъ перепечатываемъ многими столичными повременными изданіями, что конечно служитъ лучшимъ доказательствомъ его важности и общезанимательности. Имѣя своихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заграницей, а также и во многихъ городахъ Россіи, газета наша не была лишена

также корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, чѣмъ знакомила читателя съ разными новостями общественной жизни, промышленности и т. п. Многія новѣйшія открытія, усовершенствованія, работы на желѣзныхъ дорогахъ, устройства школъ и т. п., все это сообщалось своевременно.

Сверхъ того, редакція, по мѣрѣ своихъ средствъ, получала изъ Петербурга, особенно важныя телеграфическія депеши, заимствуя ихъ своевременно изъ того же источника, изъ котораго заимствуютъ и другія повременныя изданія въ Россіи.

По Высочайше утвержденной въ 1859 и дополненной (въ 1861 году) программѣ, изданіе это заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, въ которыхъ сообщаются правительственныя распоряженія и разныя другія свѣдѣнія, относящіяся преимущественно до здѣшняго края или имѣющія общій интересъ. Съ будущаго года, редакція намѣрена въ этомъ отдѣлѣ печатать производства, назначенія и награды гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, служащихъ въ юго-западномъ краѣ Россіи.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ, гдѣ сообщаются политическія извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Кромѣ того, въ этотъ же отдѣлъ поступятъ торговыя извѣстія изъ Галиціи, Австріи и другихъ мѣстъ, съ коими граничитъ юго-западный край Россіи. Отдѣлъ политическій въ будущемъ году мы намѣрены значительно разширить, для исполненія каковой цѣли часто будутъ выходить нумера въ полтора и два листа.

III. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ, особенно изъ городовъ и другихъ пунктовъ западнаго края, о замѣчательныхъ событіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о ходѣ промышленности, торговли, земледѣліи, урожаяхъ и т. п.

IV. ЛИТЕРАТУРА, куда будутъ входить небольшія повѣсти, разсказы, и вообще беллетрическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ переводныя, также историческія описанія, путешествія, мемуары, біографіи и т. п. все, что по мѣрѣ возможности примѣнительно къ здѣшнему краю.

V. ФЕЛЬЕТОНЪ, или новости общественной жизни, литературы, театра, музыки, разборы выходящихъ въ здѣшнемъ краѣ книгъ и разныя другія статьи, преимущественно легкаго содержанія.

VI. ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода, о продажѣ, покупкѣ, зрѣлищахъ, увеселеніяхъ, выходѣ новыхъ книгъ, о пріѣзжающихъ въ Кіевъ

и выѣзжающихъ, метеорологическія наблюденія, вексельные и денежные курсы и проч. и проч.

VII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ КІЕВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ будутъ выдаваться въ видѣ особыхъ прибавленій одинъ разъ въ мѣсяцъ, каждое отъ одного до двухъ листовъ in 4^0, такъ что къ концу года изъ этихъ прибавленій составится большой томъ литературнаго содержанія, съ особымъ оглавленіемъ, заглавнымъ листомъ и оберткою. Сюда войдутъ какъ переводные такъ и оригинальные повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, комедіи, историко-статистическія описанія замѣчательныхъ мѣстностей здѣшняго края, статьи научнаго содержанія и т. п. Вообще редакція обратитъ особое вниманіе на эти прибавленія и постарается сдѣлать ихъ повозможности интересными для читателей.

Особенно важныя ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ, редакція также какъ и въ настоящемъ году, будетъ получать изъ Петербурга.

Во время Крещенской ярмарки (контрактовъ), для городскихъ подписчиковъ будутъ выдаваться ежедневно съ 20 января по 3 февраля ЯРМАРОЧНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, съ ежедневнымъ извѣщеніемъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ Кіева.

Всѣ постановленія Кіевскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, точно также какъ и въ этомъ году будутъ выдаваться подписчикамъ въ видѣ особыхъ приложеній, чѣмъ мы надѣемся оказать услугу всѣмъ помѣщикамъ, Мировымъ Посредникамъ и другимъ служащимъ лицамъ.

Всѣмъ подписчикамъ городскимъ и иногороднымъ въ теченіи года редакція обѣщаетъ разослать *два литографированныхъ и шесть рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ* изображающіе наиболѣе достопримѣчательные виды, памятники и сцены изъ юго–западнаго края Россіи. (*).

Задавая себѣ такую программу, редакція получила согласіе отъ нѣкоторыхъ ученыхъ и литераторовъ, которые и до сихъ поръ не оставляли ее своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, участвовать своими трудами въ ея изданіи и въ будущемъ году. Здѣсь могли–бы мы представить цѣлый рядъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣй-

(*) Обѣщанныя подписчикамъ рисунки, въ этомъ году, непремѣнно будутъ разосланы не позже первыхъ чиселъ ноября мѣсяца.

ствіе, но за лучшее считаемъ выставить русскую пословицу: »что дѣло само за себя скажетъ,« и подписчики убѣдятся, что редакція, какъ и въ этомъ году, сдѣлаетъ больше нежели обѣщаетъ.

Редакція искренно благодаря своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ и въ будущемъ году сообщать ей обо всемъ, что можетъ быть интересно для читателей.

Въ 1862 году »Кіевскій Телеграфъ« будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по Четвергамъ и Воскресеньямъ, и будетъ содержать въ каждомъ нумерѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годовое изданіе, въ Кіевѣ безъ доставки 7 руб. съ доставкой на домъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою во всѣ города россійской Имперіи 9 руб. Желающіе подписаться на полугодовое изданіе платятъ съ доставкой на домъ и пересылкой 5 руб. безъ пересылки и доставки 4 руб. сер.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ, Н. Г. *Овсянникова*, въ гостинномъ дворѣ: въ Москвѣ—у *Щепкина*, въ Варшавѣ у книгопродавца *Истомина;* въ Одессѣ—у книгопродавца *Бѣлаго;* въ Казани—у М. Я. *Мясникова;* въ Житомирѣ—у *Будкевича;* въ Каменцѣ-Подольскомъ—въ музыкальномъ магазинѣ А *Коципинскаго*. Сверхъ того, подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, какъ жители Кіева, такъ и иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно: *»Въ Редакцію газеты »Кіевскій Телеграфъ,« въ Кіевѣ у ограды Михайловскаго монастыря въ домѣ Шараго.«* Сюда же должны быть адресованы статьи, (*) письма и объявленія для помѣщенія въ Кіевскомъ Телеграфѣ. Желая облегчить городскихъ жителей, редакція, для подписки а также и пріема частныхъ объявленій для помѣщенія въ Кіевскомъ

(*) По существующимъ постановленіямъ, редакціи всегда должны быть извѣстны фамилія и мѣсто жительства автора статьи, хотя бы статья и являлась, по желанію автора, въ печати безъ подписи, о чемъ редакція считаетъ не лишнимъ еще разъ извѣстить здѣсь своихъ сотрудниковъ. Статьи не извѣстныхъ авторовъ напечатаны быть не могутъ.

Телеграфѣ, открываетъ контору при книжномъ магазинѣ *Барщевскаго на Крещатикѣ.*

Редакція ручается за своевременную и аккуратную высылку газеты только тѣмъ изъ подписчиковъ, кои подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ. При этомъ редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ означать свои имена и адресы четко и правильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она покорнѣйше проситъ о заблаговременной подпискѣ, ибо можетъ оказаться недостатокъ въ первыхъ номерахъ и запоздалые подписчики получать газету съ того №, къ которому поступятъ ихъ требованія. Газета сдается на почту постоянно въ день выхода и отправляется съ первою отходящею почтою въ наглухо–заклеенныхъ конвертахъ съ печатнымъ адресомъ.

Кромѣ всѣхъ обѣщанныхъ приложеній годовымъ подписчикамъ, предлагается къ выбору, *безплатно* одна изъ трехъ премій:

1.) *Сборникъ* литературныхъ статей, изданный редакціей въ 1860 году. Содержаніе его слѣдующее: Анюта, разсказъ І. Корженевскаго.—Десять стихотвореній изъ Гейне.–Отставный солдатъ-разсказъ.—Жиденокъ, повѣсть въ стихахъ.—Наполеоновскія идеи.—Васильковъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ.—Три литографированныя вида Кіева.

2.) *Западня*, сцены изъ уѣздной жизни въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Денисова.—Три литографированныхъ вида Кіева.

3.) *Портретъ Н. И. Пирогова*, большаго формата, литографированный, на китайской бумагѣ и три картины изъ альбома памятниковъ и видовъ Подольской и Волынской губерніи. На пересылку этихъ премій сверхъ подписной суммы прилагается за фунтъ.

Сверхъ того всѣ годовые подписчики, конхъ требованія поступятъ во редакцію не позже 1 января 1862 года, получаютъ въ видѣ преміи *безплатно* »*Гетманъ Петръ Дорошенко*« (1665—1676 г.) соч. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки). Съ литографированнымъ портретомъ П. Дорошенко. *Редакторъ и издатель А. фонъ–Юнкъ.*

Редакція приступила къ изданію слѣдующаго сочиненія, содержащаго въ себѣ до 250 страницъ убористой печати на превосходной бѣлой бумагѣ.

ГЕТМАНЪ
ПЕТРО ДОРОШЕНКО.

(1665—1676)

(СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ П. ДОРОШЕНКО).

Сочин. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки.

Содержаніе:

ГЛАВА I.

Присоединеніе Украины къ Московскому государству. Переяславскій договоръ. Смерть Хмѣльницкаго. Избраніе Юрія. Выговскій. Возстаніе Пушкаря. Битва подъ Полтавою. Гадячскій договоръ. Конотопская битва. Удаленіе Выговскаго. Вторичное избраніе Юрія. Измѣна его. Междоусобіе. Черная рада. Избраніе Бруховецкаго и Тетери. Походъ Яна Казиміра. Казнь Выговскаго. Отъѣздъ Тетери въ Польшу. Дорошенко его преемникъ.

ГЛАВА II.

Происхожденіе Дорошенка. Походъ Михаила Дорошенка въ Крымъ. Петръ. Дорошенко-конюшій Хмельницкаго. Служба ето въ войскѣ козацкомъ. Дѣла подъ Сребнымъ и Хмельникомъ. Избраніе его въ Гетманы. Гибель Опары Поѣздка Брюховецкаго въ Москву. Статьи московскія. Возвращеніе Бруховецкаго изъ Москвы. Взятіе Брацлава. Бунтъ въ Переяславлѣ. Вступленіе Маховскаго въ Украину. Сраженіе подъ Браиловымъ.

ГЛАВА III.

Андрусовскій договоръ. Изгнаніе Косогова. Смерть Ладыженскаго. Осада Подгайцевъ Дорошенкомъ и Татарами. Подгаецкій договоръ, мирныя условія. Сношенія Московскаго двора съ Дорошенкомъ. Предательства Бруховецкаго. Вражда его съ Мефодіемъ. Примиреніе. Слѣдствія Андрусовскаго договора. Волненіе въ Украинѣ. Возмущеніе Бруховецкаго. Гибель Воеводъ. Походъ Дорошенко къ Опашному. Смерть Бруховецкаго. Участь Мефодія.

ГЛАВА IV.

Затруднительное положеніе Дорошенка. Удаленіе Ромодановскаго. Возвращеніе Дорошенко въ Чигиринъ. Суховый Гетманъ Запорожскій. Набѣгъ его. на Восточную Украину. Избраніе Многогрѣшнаго въ Гетманы. Глуховскія статьи. Сношенія Дорошенка съ Султаномъ. Суховый и Ханенко разоряютъ Западную Украину. Дѣйствіе Корецкаго въ Восточной Украинѣ. Сраженіе подъ Рогинцами и Новой-греблей. Новыя нападенія Суховія и Хананко на Западную Украину. Сѣрко спасаетъ Дорошенка въ Стеблевѣ.

ГЛАВА V.

Огреченіе Яна Казиміра. Избраніе короля. Михаилъ Корибутъ Вишневецкій Новый сеймъ въ Андрусовѣ. Послы Дорошенка въ Варшавѣ. Условія предлагаемыя имъ. Острожская коммиссія. Избраніе Ханенка въ Гетманы. Новое посольство Дорошенка въ Константинополь. Письмо Дорошенка и заднѣпровскихъ полковниковъ въ Сѣчь. Кіяшко грабитъ Лубенщину. Проклятіе на Многогрѣшнаго. Бунтъ Разина. Начало войны съ Поляками. Осада Умани, Кальника и Брацлава. Польскія войска на зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ. Каштелянъ Лужецкій.

ГЛАВА VI.

Безпечность Поляковъ. Четвертиновская битва. Вступленіе султана въ Подолье. Взятіе Каменца. Осада Львова. Бугарскій договръ. Уманцы признаютъ власть Дорошенка. Кошевой Вдовиченко. Паденіе Многогрѣшнаго. Избраніе Самойловича. Конотопскія статьи. Возстаніе Умани. Убійство Пиза. Ханенко оставляетъ польскую службу. Сѣрко въ Крыму. Мазепа. Хотинская битва. Смерть короля.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Походъ Самойловича и Романдановскаго за Днѣпръ. Осада Чигирина Взятіе турками Ладижина, Умани и Лысянки. Неудачное нападеніе на Сѣчь. Король въ Украинѣ. Взятіе Паволочи. Заговоръ противъ Дорошенка. Примиреніе его съ Сѣркомъ. Вторичная осада Чигирина. Паденіе Дорошенка. Удаленіе его изъ Сосницы въ Москву. Великодушіе царя. Пребываніе Дорошенка въ Ярополчѣ. Смерть его.

Изданіе поступитъ въ продажу, не позже 15 января 1862 года, и будетъ продаваться »въ редакціи Телеграфа« по 2 руб. сереб. Иногородные прилагаютъ на пересылку за 3 фунта.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА,
ВѢСТНИКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ,

будетъ издаваться съ 1 января 1862 года по слѣдующей программѣ:

I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Узаконенія.

II. СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, разсказы, пѣсни, стихотворенія.

III. НАУКИ. Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, ремесла, искусства и проч.

IV, СМѢСЬ. Открытія, изобрѣтенія, случаи, разныя извѣстія — вообще мелкія статьи.

Рисунки и чертежи къ статьямъ, по мѣрѣ надобности.

Шесть книжекъ въ годъ, по 10 печатныхъ листовъ каждая. Годовая цѣна 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовыя конторы. За доставку на домъ, прилагается 30 коп. сер.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ СЕНЬКОВСКАГО и КОМП., въ Большой Морской, д. № 20, и у другихъ книгопродавцевъ.

Журналъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — есть потребность развитаго общества; а для класса людей, большинство которыхъ малограмотно и притомъ небогато матеріальными средствами, насущную потребность составляетъ — дешевая учебная книга. — Но изданіе дешевыхъ книгъ у насъ еще плохо вознаграждаетъ трудъ издателя, — оно часто даже не окупается.

Чтобы помирить обоюдныя потребности—издателя и читателей, — мы рѣшились издавать журналъ, большая часть общепонятныхъ статей котораго составила бы послѣдовательно начальныя (элементарныя) руководства или учебники по разнымъ отраслямъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ дастъ грамотнымъ людямъ всѣхъ состояній и возрастовъ пріятное и полезное чтеніе.

Изданіе этого журнала вызвано нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, — людьми, дѣятельно участвующими въ общемъ дѣлѣ образованія народа. Ихъ содѣйствіе поможетъ Редакціи твердо держаться принятой цѣли, хотя и трудной, но возможной къ достиженію.

I и III Отдѣлы будутъ содержать въ себѣ тѣ статьи, изъ которыхъ мы намѣрены составить систематическія руководства къ изученію: отечественныхъ законовъ, исторіи, землеописанія, естественныхъ наукъ, хозяйства и проч.

Во II Отдѣлѣ: разныя художественныя произведенія словесности, равно приличныя для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ состояній. Признавая необходимымъ только одно—общечеловѣчное развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всѣхъ сословій, мы постараемся избѣгать всякой односторонности, и неисключимъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была нравственна, и исполненіе художественно.

Въ IV Отдѣлъ войдутъ, между прочимъ, слѣдующія постоянныя рубрики:

1. Воскресныя и другія народныя школы. Для этого Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ школъ, не отказать въ сообщеніи свѣдѣній о воскресныхъ и другихъ школахъ. Главное содержаніе этихъ свѣдѣній: губернія, уѣздъ, городъ, село или деревня, гдѣ существуетъ школа. Время и способы учрежденія ея. Число учащихся, полъ, возрастъ, вѣроисповѣданіе, званіе, и родъ занятій ихъ. Число обучающихъ, полъ и сословіе ихъ. Предметы обученія. Средства школы.

2. Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основательные вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3. Книги. Указаніе книгъ, предназначенныхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, будетъ имѣть свою нумерацію страницъ, и для большаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ брошироваться отдѣльно.

Статьи и письма — на имя Редактора надписываются: АЛЕКСАНРУ ѲОМИЧУ ПОГОСКОМУ — въ Редакцію НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербугръ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ издаетъ съ 1858 г. СОЛДАТСКУЮ БЕСѢДУ; такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то отнынѣ послѣдній журналъ приметъ размѣры и содержаніе НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество, сочувствующее нуждамъ народа, найдетъ средства помочь ему—съ достоинствомъ воспользоваться тѣмъ высокимъ правомъ свободы, которое, только при извѣстной степени образованности народа, будетъ уже не мертвой буквой закона, а живымъ источникомъ общаго благосостоянія. Для этой цѣли Редакція имѣетъ честь предложить и свои услуги—и прежде всего обращается къ тѣмъ, кто, кромѣ матеріальныхъ средствъ, имѣетъ желаніе, а слѣдовательно и сознаніе обязанности—помогать несамостоятельности народа въ дѣлѣ его образованія.

Редакторъ *А. Погоскій.*

ВСѢМЪ ГРАМОТНЫМЪ.

...«И кто приметъ таковое дитя во Имя Мое—тотъ Меня приметъ...»
Еванг. отъ Матѳея Гл. XVIII.

Порѣшонное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого поплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое ПРАВО и свою ОБЯЗАННОСТЬ, а этого неузнать, съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: умѣй самъ прочесть и понять то, что̀ о̀ тебѣ и для тебя написано.

Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ человѣка совсѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Нетолько-что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ и усадьба перемѣнятъ свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

Какъ именно обрабатывать поле и держать хозяйство, какъ обращаться съ домашними животными, какъ устроить свой домъ, и наконецъ какъ вести и воспитывать семью свою—все это надо узнать, всему выучиться.

Пусть мы, пол-вѣка отжившіе, кой-какъ проживемъ до могилы: старому человѣку трудно учиться. Но дѣтямъ нашимъ—вся жизнь впереди: въ невѣжествѣ остаться имъ нельзя. Они—настоящіе, прирожденные вольные люди: имъ надо жить на свѣтѣ не кое-какъ, не по нашему, а по правилу твердому и разумному. Для этого имъ нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильному и твердому разумѣнію слова.

Трудное дѣло, кажется, мильоны дѣтей грамотѣ выучить: но дѣло это только *кажется* труднымъ, а съ Божіею помощію оно легко и просто.

Искусный садовникъ въ одну осень прищепитъ и привьетъ плодъ къ цѣлому саду дичекъ—и на слѣдующіе годы всѣ эти деревца безплодныя дадутъ плодъ. Невеликъ трудъ садовника въ дѣлѣ этомъ, но велика и безконечна польза труда его: дикое дерево навсегда стало плодоноснымъ и нѣтъ числа плодамъ, которые народитъ оно.

Дѣти наши—тотъ же садъ дичекъ безплодныхъ; а садовникъ имъ—всякій грамотный. Потрудись немножко надъ ребенкомъ, привей къ нему науку первоначальную—и малый трудъ твой, съ Божіею помощію, принесетъ великіе полезные плоды. И это есть священная обязанность каждаго грамотнаго, науку или ремесло знающаго: передвай свое знаніе незнающимъ, распространяй его кругомъ себя.

Знахари и чародѣи, волшебствующіе во имя разныхъ темныхъ силъ—умираютъ, не открывая своего мнимаго знанія никому, ни даже дѣтямъ своимъ. Это потому, что открывать-то имъ нечего: все знаніе ихъ есть ничто иное, какъ наглая ложь и обманъ; въ предсмертный часъ совѣсть претитъ имъ губить души дѣтей своихъ передачей имъ такого лживаго знанія.

Но тотъ, кому дано истинное знаніе, дана наука—и если онъ незахотѣлъ бы передать науки этой дѣтямъ, тотъ поступилъ бы противъ совѣсти своей: онъ зарылъ бы данный ему Богомъ талантъ въ землю — все равно, что укралъ бы его у свѣта.

Нѣкоторые утверждаютъ, что для обученія грамотѣ *всѣхъ* дѣтей —средствъ нѣтъ: то есть—нѣтъ времени и денегъ на то. Но это неправда: если есть примѣры, что люди умираютъ съ голоду, то это не потому, что на свѣтѣ хлѣба мало, а потому что милосердія недостаетъ въ людяхъ, — точно также нелѣпо утверждать, что нѣтъ средствъ на первоначальное ученье дѣтей.

Пятакъ не деньги, коли ты на него чарку пьешъ, или пряникъ ѣшь; вольный часъ не время, коли этотъ часъ въ бабки проиграешь, или прогуляешь посвистывая. Но великія деньги—тотъ же пятакъ, если ты на него букварь купишь; дорогое время тотъ часъ, на который ты засядешь за букварь. Вотъ тутъ-то и нуженъ грамотный человѣкъ: укажи—что купить, покажи—какъ сѣсть, научи—съ чего начать; дай ходъ малому ребенку, или темному человѣку—и дѣло пойдетъ.

И пойдетъ это чистое дѣло точно такъ, какъ идетъ неостанавливаючись чистая вода изъ ключа живаго, никогда неизсякающаго, и постоянно освѣжающаго и напояющаго кругомъ себя все жаждущее. На то Богъ ключь открылъ—всѣ довольствуйся; на то-же и тебѣ дано знаніе—всѣмъ удѣляй его.

Ни жертвы, ни доблести великой отъ тебя нетребуется,—тутъ и нѣтъ ихъ: пойми, что уча тому, чему самъ наученъ—тебя неубу-

детъ, а ты отдаешъ только долгъ твой; уважь этотъ святой долгъ—и непремѣнно полюбишь тѣхъ, кому выплачиваешь его — полюбишь учениковъ своихъ.

Безмездныя воскресныя школы — образецъ такого ученія; и всюду, гдѣ есть грамотный и естъ дѣти — тамъ, значитъ, все есть, что нужно для такой школы. Священникъ, дворянинъ, солдатъ или крестьянинъ — всѣ равны въ этомъ дѣлѣ: кто грамотенъ — тотъ и учитель.

Для дальнѣйшаго-же обученія разнымъ знаніямъ выучившихся грамотѣ — есть немало книгъ, а между прочими — будетъ издаваться съ 1862 года для народа «НАРОДНАЯ БЕСѢДА» по шести книжекъ въ годъ.

Въ книжкахъ этихъ будутъ объясняться по порядку всѣ правила и познанія, необходимыя каждому вольному трудящемуся человѣку — какъ земледѣльцу, такъ и ремесленнику. Объясненія эти будутъ ведены такъ, чтобы дать точныя свѣдѣнія, нужныя и удобныя для примѣненія къ дѣлу.

Подписка на «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» производится такъ:

«Прошу выслать «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» на 1862 годъ: (*такой-то* губерніи, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*.—Прилагается 00 рублей, за 00 экземпляровъ».

Надписывать: ВЪ РЕДАКЦІЮ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Все дѣло это будемъ вести по совѣсти, за свое усердіе ручаемся, а успѣхъ — какъ Богъ дасть.

А. Погоскій.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ВЪ 1862 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ МІРЪ

СЪ САТИРИЧЕСКИМЪ ЛИСТКОМЪ

ГУДОКЪ.

Постепенно возраставшее въ теченіе настоящаго года сочувствіе публики къ нашему изданію, убѣждаетъ насъ, что мы успѣли вполнѣ возстановить къ нему общественное довѣріе, начинавшее колебаться до поступленія его въ наши руки. Мы настойчиво стремились къ этой цѣли, потому что довѣріе публики ко всякому изданію есть непремѣнное условіе его успѣха; теперь намъ остается, опираясь на это довѣріе, осуществлять наши дальнѣйшія предположенія относительно улучшенія изданія. Мы приняли за правило вообще не оставаться въ долгу у публики: за всякое проявленіе ея сочувствія, за всякую поддержку нашего дѣла мы постоянно будемъ отвѣчать горячимъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ея многосторонних и разнообразныхъ требованій отъ современнаго періодическаго изданія, имѣющаго, по своей программѣ, соціальное значеніе.

Что касается до характера и направленія нашего журнала, то мы первые сознаемся, что далеко еще не успѣли выполнить нашей задачи въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ направленіе нашего журнала обозначалось лишь отрицательно: все, что было напечатано на страницахъ «Русскаго Міра», смѣемъ надѣяться, не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ старовѣрства и обскурантизма или какихъ-либо узкихъ сословныхъ интересовъ. Мы вѣримъ въ одни лишь современныя стремленія, мало-по-малу обнаруживающіяся и въ нашемъ обществѣ; вѣримъ въ однѣ лишь идеи нашей эпохи, уважаемъ не интересы отдѣльныхъ сословій, а интересы цѣлаго народа, и съ этой-то точки зрѣнія смотримъ на всѣ современныя событія у насъ и въ Европѣ, на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, на всю обста-

новку общественной жизни, и вообще на всю массу дѣлъ, вопросовъ и заботъ, занимающихъ умъ и сердце современнаго человѣка. Насколько будетъ возможно, мы будемъ высказывать наши воззрѣнія, но во всякомъ случаѣ просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ строгими къ намъ во всемъ, что касается выполненія нашей задачи, и вѣримъ, что они въ этомъ отношеніи будутъ къ намъ вполнѣ справедливы.

Поставляя себѣ цѣлью, какъ можно болѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ читающей русской публики, мы увеличиваемъ съ будущаго 1862 г. число постоянныхъ рубрикъ нашего журнала, согласно съ утвержденной программой, извѣстной публикѣ изъ прежнихъ нашихъ объявленій, и объ этомъ скажемъ теперь нѣсколько словъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ: повѣсти, разсказы и стихотворенія, преимущественно оригинальныя и имѣющія соціальное значеніе; также статьи историческія, политическія, экономическія и научныя. Принимая вообще литературу и науку за средство къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, мы будемъ руководствоваться этимъ взглядомъ и въ выборѣ печатаемыхъ статей. Бѣдность и упадокъ нашей современной литературы, можетъ быть, лишатъ насъ возможности вести этотъ отдѣлъ именно такъ, какъ бы мы желали; но мы ручаемся за одно, что съ нашей стороны употребены будутъ всѣ средства и усилія, чтобы сдѣлать его интереснымъ. Редакціи журналовъ не могутъ создавать талантовъ, и относительно произведеній изящной и научной литературы болѣе всего поставлены въ зависимость отъ посторонннихъ причинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ будетъ заключать въ себѣ: 1) **Обозрѣнія** текущихъ событій, извѣстія **политическія**, внѣшнія и внутреннія, обозрѣніе **законодательства** и **администраціи, офиціалнныя** извѣстія, передовыя статьи по этимъ предметамъ; **производства** въ чины, **опредѣленія** и **перемѣщенія** по гражданской и военной частямъ, и всякаго рода другія извѣстія, имѣющія какой либо интересъ и значеніе. 2) Сводъ извѣстій и постановленій **по крестьянскому дѣлу,** заимствованныхъ изъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ источниковъ. 3) **КРИТИЧЕСКУЮ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКУЮ** хронику о журналистикѣ и литературѣ, русской и иностранной. 4) **ТЕАТРАЛЬНЫЯ и МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** 5) **БИР-**

ЖЕВУЮ и АКЦІОНЕРНУЮ хронику. 6) **ФЕЛЬЕТОНЪ,** заключающій въ себѣ городскія, провинціальныя и иностранныя неполитическія извѣстія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, гдѣ, между прочимъ, будетъ **СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,** въ которомъ соединены будутъ свѣдѣнія, относящіяся къ ежедневнымъ практическимъ потребностямъ жителей Петербурга, именно: извѣстія о торгахъ, аукціонахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и т. п.; цѣны акцій и другихъ бумагъ на здѣшней биржѣ; курсы: цѣны товаровъ; цѣны на съѣстные припасы; часы отхода почтъ, поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, омнибусовъ, и проч. и **свѣдѣнія объ** отдаваемыхъ въ Петербургѣ **квартирахъ, дачахъ** и другихъ помѣщеніяхъ; свѣдѣнія эти будутъ собираемы отъ Редакціи. *Эта послѣдняя рубрика нашего справочнаго листка* открывается, по желанію многихъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ и имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между пріискивающими и отдающими квартиры. Въ особенности Справочный Листокъ можетъ быть практически полезенъ для пріѣзжающихъ въ столицу и незнакомыхъ съ условіями здѣшней жизни.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія къ »РУССКОМУ МІРУ« будетъ издаваться при немъ съ 1862 года САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ «**ГУДОКЪ**», о составѣ и характерѣ котораго говорится ниже. Подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» получаютъ «**ГУДОКЪ**» безплатно.

Изданіе при «РУССКОМЪ МІРѢ» въ текущемъ 1861 году **музыкальныхъ приложеній** имѣло успѣхъ выше всякихъ ожиданій; болѣе половины подписчиковъ, получившихъ одну газету, абонировались въ теченіе года и на музыкальныя приложенія. Желая и въ этомъ отношеніи удовлетворить потребности публики, мы увеличиваемъ съ 1862 года число музыкальныхъ пьесъ и самый объемъ ихъ: музыкальныя приложенія (всего до **70** пьесъ) въ теченіе года будутъ составлять до **800** страницъ собственно нотъ, на лучшей веленевой бумагѣ. Разсылаемыя подписчикамъ, еженедѣльно, музыкальныя пьесы составятъ въ теченіе года **три** тома, отъ **250** до **300** страницъ каждый, на которые, въ концѣ каждой трети года, высылаемы будутъ изящныя обертки съ оглавленіемъ пьесъ, составляющихъ томъ. Такимъ образомъ для подписчика каждая музыкальная пьеса обойдется съ пересылкою около **6** коп. сер.

Отличительная особенность нашего времени, безспорно, необыкновенное разнообразіе, съ которымъ совершается движеніе событій, законодательства, административныхъ мѣръ и проч., такъ что одно простое сообщеніе извѣстій, касающихся современной общественной и политической жизни, обременяя лишь массой и разнородностью свѣдѣній вниманіе читателя, и удовлетворяя одному лишь минутному любопытству, не можетъ произвести на него того общаго и цѣльнаго впечатлѣнія, которое можетъ быть достигнуто группировкой, обобщеніемъ и уясненіемъ событій, постановленій и административныхъ мѣръ; поэтому мы находимъ, что изданія, выходящія болѣе одного раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, неимѣющія ни возможности, ни времени обобщать и объяснять всего того, что печатаютъ на своихъ столбцахъ, не удовлетворяютъ самой насущной и самой важной потребности общества,—именно: яснаго сознанія современнаго положенія дѣлъ; доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что наши ежедневныя газеты не имѣютъ никакой инициативы для общественнаго мнѣнія, которая вся нераздѣльно принадлежитъ ежемѣсячнымъ журналамъ. Желая содѣйствовать читающей публикѣ въ наиболѣе ясномъ и наглядномъ усвоеніи общаго понятія о текущихъ дѣлахъ, а также и въ слѣдствіе того, что журналы посылаются въ провинціи по тяжелой почтѣ, причемъ, конечно, теряется уже быстрота въ сообщеніи извѣстій,—мы рѣшились съ 1862 г. ограничиться выпускомъ нумеровъ «РУССКАГО МІРА,» вмѣсто двухъ, **только одинъ разъ въ недѣлю**, отъ **4** до **5** печатныхъ листовъ въ каждомъ; всего же, за исключеніемъ пасхальной недѣли, въ которую вовсе не будетъ выпуска, въ годъ выйдетъ **51** нумеръ.

На 1862 годъ предлагаются подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за цѣлый годъ, по выбору, одна изъ слѣдующихъ **ПРЕМІЙ**: 1) **Первый томъ сочиненій А. Ѳ. Писемскаго,** заключающій въ себѣ: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедію «Ипохондрикъ». 2) **Второй томъ,** заключающій: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «М—г Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедію «Раздѣлъ» и критическую статью «Разборъ сочин. Н. В. Гоголя». 3) **Третій томъ,** заключающій разсказы: «Плотничья артель», «Старая барыня», романъ «Тысяча душъ» съ передѣланной главой во 2-й ча-

сти; драму «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» (*). 4) **Аскольдова могила,** А. Верстовскаго. 5) **Травіата,** Верди. 6) **Севильскій Цирюльникъ,** Россини. 7) **Трубадуръ,** Верди. 8) **Марта,** Флотова. 9) **Фенелла** (Muette de Portici), Обера. 10) **Балъ-Маскарадъ,** Верди. 11) **Арольдо** (Стифеліо). Верди. 12) **Іоанна Гусманъ** (Сицилійскія Вечерни), его же. 13) **Виндзорскія кумушки,** Николаи и 14) **Страделла,** Флотова. (Всѣ означенныя оперы аранжированы для фортепьяно въ 2 руки).

Всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ», получая каждогодно, въ видѣ преміи, одинъ изъ выпусковъ предпринятаго съ 1861 года изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», постепенно могутъ составить безплатно избранную библіотеку изъ сочиненій русскихъ писателей. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску означеннаго изданія, всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое изданіе «Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», получать по **1** р. **50** к., а съ пересылкою по **2** р. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе **2** р. **50** к. сер. Предоставляется также право всѣмъ подписчикамъ на «РУССКІЙ МІРЪ» пріобрѣтать музыкальныя изданія Ѳ. Стелловскаго (въ числѣ **4,500** сочиненій) съ уступкою **50**%. Подробный каталогъ онымъ разсылается всѣмъ подписчикамъ безденежно.

Цѣна на **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, безъ музыкальныхъ приложеній:**

На годъ:	Безъ доставки	**6** р.
	Съ доставкою на домъ	**7** —
	Съ пересылкою по почтѣ	**8** —

На **полгода** уплачивается половина этихъ цѣнъ.

На **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, съ Музыкальными приложеніями:**

на годъ:	Безъ доставки	**10** р.
	Съ доставкою на домъ.	**11** —
	Съ пересылкою по почтѣ.	**12** —

(*) Первые два тома соч. А. Ѳ. Писемскаго вышли уже въ свѣтъ и поступили въ продажу, а третій томъ выйдетъ въ ноябрѣ сего 1861 года.

На полгода съ музыкальными приложеніями подписка не принимается, равно какъ не принимается подписка и на одни музыкальныя приложенія безъ журнала **РУССКІЙ МІРЪ.**

Редакція «РУССКАГО МІРА», принимая въ соображеніе матеріальныя средства большинства нашей читающей публики и желая облегчить подписку на годовое изданіе журнала, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, что она допускаетъ разсрочку въ уплатѣ подписной суммы чрезъ гг. казначеевъ по третямъ или по мѣсяцамъ; равнымъ образомъ и лица другихъ сословій могутъ пользоваться правомъ разсрочки, съ тѣмъ, что гг. иногородные должны высылать на пересылку за цѣлый годъ, а подписную сумму уплачивать впередъ, не менѣе какъ за треть года.

ГУДОКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

Будетъ выходить съ 1 января 1862 года еженедѣльно, въ видѣ прибавленія къ «Русскому Міру», по одному печатному листу въ каждый нумеръ, подъ редакціей **Обличительнаго поэта.**

Характеръ и составъ этого листка мы опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Отрицаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни,—вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція «ГУДКА». Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отрицаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приноситъ обществу несомнѣнную пользу. Мы вѣримъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя «искуства для искуства», но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы вѣримъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью. Все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать.

СОСТАВЪ **ГУДКА** БУДЕТЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

1) **Небольшіе разсказы, очерки** и **сцены** изъ русской жизни.

2) **Сатирическія** и **юмористическія** стихотворенія.

3) **Вчера** и **Сегодня** — общественная хроника.

4) **Афоризмы, эпиграммы, вопросы, мелкія замѣтки** и пр.

5) **Провинціальная хроника.**

6) **Каррикатуры.**

Открывая при ГУДКѢ отдѣлъ провинціальной корреспонденціи, мы просимъ сообщать намъ факты изъ губернской жизни, не стѣсняясь ни формой статей, ни литературнымъ изложеніемъ.

Желающіе получать ГУДОКЪ **отдѣльно** отъ РУССКАГО МІРА, платятъ за годъ безъ перес. 4 р. с., съ перес. и доставкою на домъ 5 р. с.

Бывшіе подписчики на **ГУДОКЪ** *имѣютъ право получать этотъ листокъ безплатно на полгода, для чего благоволятъ сообщить въ Контору Русскаго Міра настоящіе свои адрессы.*

Подписка принимается: **въ С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «РУССКІЙ МІРЪ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ѳ. Стелловскаго,** поставщика Двора Его Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27. Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной. **Въ Москвѣ:** Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда.

Редакторъ **А. ГІЕРОГЛИФОВЪ.**
Издатель **Ѳ. СТЕЛЛОВСКІЙ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Предпринятое съ 1861 г. изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** имѣетъ цѣлью—

совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца, компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія Сочиненій Русскихъ Авторовъ не будетъ соблюдено хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ за окончаніемъ печатанія сочиненій **А. Ѳ. Писемскаго** будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ: Кантеміра, Фонъ–Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Выходящіе въ 1861 году три выпуска заключаютъ въ себѣ сочиненія **А. Ѳ. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ».

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «Мг. Батмановъ«, «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя».

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной первой главой 2 части; драма «Горькая судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ».

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска **три р.**, на пересылку за два фунта; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ помянутыхъ пьесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ; цѣны публикуются въ «Русскомъ Мірѣ».

НА ИЗДАНІЕ ЭТО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **три** руб. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска **Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ какждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб. безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ; полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ и подписчикамъ на журналъ «РУССКІЙ МІРЪ», которые, получая каждогодно по одному тому изданія **безплатно** и имѣя право пріобрѣтать остальные по выбору, платя только по 1 р. 50 коп. за томъ, могутъ, такимъ образомъ, составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и **безплатно** — изъ получаемыхъ ими въ премію томовъ.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, у Ѳ. Стелловскаго.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
И
СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ
въ 1862 году

будутъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, по тѣмъ же программамъ и въ тѣхъ же объемахъ, какъ и въ нынѣшнемъ.

ПРОГРАММА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.

I. Распоряженія Правительства.
II. Сельское хозяйство.
III. Домашняя медицина и Ветеринарія.
IV. Библіографія.
V. Біографіи хозяевъ и агрономовъ.
VI. Хозяйственная лѣтопись.
VII. Хозяйственныя извѣстія.
VIII. Торговыя извѣстія.
IX. Хозяйственныя замѣтки.
X. Объявленія.

Рисунки будутъ помѣщаемы въ каждомъ нумерѣ.

ПРОГРАММА СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА.

I. Извѣстія о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до сельскаго сословія.

II. Статьи по всѣмъ отраслямъ практическаго сельскаго хозяйства.

III. Общепонятно изложенныя статьи по естествознанію.

IV. Разсказы изъ быта поселянъ; — о народныхъ предразсудкахъ, повѣрьяхъ и т. п.

V. Указанія на цѣны сельско-хозяйственны-хъ предметовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, на работы и т. п.

Въ нужныхъ случаяхъ къ статьямъ будутъ прилагаемы рисунки.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА выходитъ *еженедѣльно* въ 4-ю долю листа большаго формата въ 16 страницъ.

СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ выходитъ *два раза въ мѣсяцъ* въ 4-ю долю листа меньшаго формата въ 8 страницъ.

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ **три** руб. съ пересылкою и доставкою, а отдѣльно СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА **одинъ** руб. тоже съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ и отдѣльно на СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ принимается въ конторахъ Редакціи:

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К° на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Иногородные могутъ адресоваться по слѣдующему адресу: *Въ Редакцію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ и СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА въ С. Петербургѣ.*

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗЪ

СРАВНИТЕЛЬНАГО ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ И ЭТНОГРАФІИ,

приспособленныя, для домашняго и школьнаго образованія, (извѣстнымъ) *Вильгельмомъ Пютцомъ*. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Переводъ М. Тихоновича. Цѣна (безъ пересылки) 1 р.

NB. Во 2-й томъ войдетъ, между-прочимъ, характеристика: 1) *Галиціи* и *Буковины;* 2) *Венгріи;* 3) *Семиградіи;* 4) *Кроаціи, Славоніи* и *Воеводины Сербской;* и 5) *Военной Границы.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Балува́ть — пировать.
Ба́рва — цвѣтъ, краска.
Ба́рзо-ра́но — очень рано.
Ба́рокъ — валёкъ (въ упряжи).
Бовку́нъ — волъ, запряженный въ одиночку.
Бовть! — междометіе, выражающее плескъ воды.
Бридки́й — скверный, негодный.
Брижі — складки.
Буць! — бухъ!

Вздовшъ — вдоль.
Війе́ — дышло въ возахъ, предназначенныхъ для воловъ.
Ви́правити — отправить; проводить кого въ дорогу.
Ви́синовить — исключить изъ семьи; лишить наслѣдства.
Ви́солопити — высунуть языкъ.
Ви́трищити — (очі) — выпучить глаза.
Вщу́хнути — умолкнуть; присмирѣть, утихнуть.
Ви́хлюпати — выплескать.
Влада́ти — владѣть.
Волови́къ — владѣющій многими волами.
Ворье́ — огорожа; дерево, употребляемое на огорожу.
Врубáти — отрубить (часть чего-либо).
Втруча́тись — вмѣшиваться; втиснуться куда.
В(У)ступа́ти — вступать; уступать; сбавлять цѣну.
Вьа́теръ — ятерь.

Гарбузіння — тыквянные стеблі.
Годо́ваний — откормленный.
Ги́лі (понесли́ ги́лі) — гиль; чепуха.
Голдува́ти — отдавать почести, — должное.
Голомовзи́къ — лысый. Голомо́зина — лысина.
Грасува́ти — разорять, истреблять.
Гужівочка — веревочка.
Гуртови́й — общій, общественный.
Гу́чно — звучно, громко.

Далебі — ей-богу, истинно.
Дзюба́тий — съ большимъ клювомъ, носомъ (о птицахъ).
Ди́бки (парѣчіе) — ходить какъ маленькія дѣти.
Дигнита́рь — сановникъ.
Довбе́шка — долбня.
До-до́лу — на землю, на́полъ.
Дротяни́й — проволочный.
Дубора́ — (пішло́ на голові волосся) — волоса стали дыбомъ.
Дякова́ти — исправлять должность дьячка.

Живцем̀ъ — живьемъ.
Жи́лний — (четвергъ) — жилнимъ называется четвергъ послѣдней недѣли великаго поста.
Жлу́кто — неимѣющая дна кадка, въ которой парится бѣлье во время стирки.

За́вжде — всегда.
Загорну́ти — подчинить своей власти.
Замісць — вмѣсто.
Запорощі́ти — зачастить, часто застучать брызгами, или зернами.
За́стібка — застёжка.
Засту́кати — захватить, поймать.
Затуркоті́ти — загремѣть, застучать (о возѣ и т. п.)
За́хистъ — закрытое, защищенное мѣсто.
Зведе́нникъ — сводникъ.
Зга́га — сжога.

Зла́пати — поймать; прибрать къ рукамъ.

Знегі́дє — невзгода.

Зрина́ти—всплывать на поверхность воды.

Зуми́тись —изумиться.

Ізджа́лий — обученный, выѣзженный (конь).

И-гі-гі-гі!—звукъ, выражающій ржаніе лошади.

Ильнува́ннє — хожденіе женъ лицъ духовнаго званія по прихожанамъ за сборомъ разныхъ продуктовъ.

Кале́никъ — Калина.

Карто́пління — картофельные стебли.

Кача́лка — скалка.

Керува́ти — управлять (рулёмъ и т. п.).

Кізка — (умен.) — коза.

Кихъ-кихъ!—междометіе, выражающее смѣхъ.

Кло́ччяний — пакляной.

Колотне́ча — схватка, свалка.

Кресь-крѣсь! — междометіе, выражающее ударъ огнива по кремню.

Ку́блитись — угнѣздиться, усаживаться.

Кульба́ка — сѣдло.

Ку́па—кочка болотная.

Лестѝвий — льстивый, прельстительный.

Листо́вне (парѣчіе) — письмомъ.

Лома́чище — (увелич).— дубинка.

Ло́но — грудь.

Лопотіти — шумѣть (о чемъ-либо упругомъ, издающемъ при движеніи звукъ.)

Лу́снути — лопнуть; (въ переносномъ значеніи) умереть.

Ля́лечка — отъ — ля́ля — куколка; дитятко.

Ля́пати — хлопать.

Ля́снути (двери́ма) — хлопнуть.

Маховѝі (ви́ла) — самыя длинныя, которыми мечутъ въ стога сѣно.

Майну́ти — поспѣшно уйти.

Ми́лощі — любовныя ласки.

Ми́тель — щолокъ

Млость—тошнота, слабость отъ жару и т. п.

Мовчазли́вый — молчаливый.

Мотля́тись—шататься; ходить взадъ и впередъ.

Моро́ка—мученіе (мучиться съ кѣмъ нибудь, съ трудомъ совладать).

Мо́рокъ — мракъ.

Мусій — Мойсей.

Навдивовижу — на удивленье, на диво.

Навза́води — вовсю прыть.

Наврóчити —сглазить.

Навті́ша́тись — натѣшиться; налюбоваться.

Нагоди́тись — нечаянно прибыть; случиться.

Надбли́зитись —приблизиться, подступить.

Насторо́читись—приготовиться къ чему; насторочити уши— навострить уши.

На́сторчъ—стремглавъ, вертикально.

Не мігъ — (отъ могти́) — не могъ.

Не́укъ— необученный (конь).

Нечу́тно — неслышно.

Нобилита́ція — возведеніе въ дворянство.

Нявчи́ти, ня́вкати — мяукать.

Ня́ти віри — вѣрить.

Оба́та — гауптвахта.

Обітниця — обѣщаніе.

Обіймище — обхватъ.

Обробѝти — обдѣлать.

Одвічний — вѣчный.

Односе́рде—единодушно, согласно.

Односта́йне — единодушно.

Одштовхну́ти —оттолкнуть.

Озлість — злость; досада.

Оклу́нокъ — небольшой, или недосыпанный мѣшокъ.

Опана́съ — Аѳанасій.

Оперішити — сильно ударить.

Осторо́га — предостереженіе.

Ота́борювати́сь — укрѣпляться въ таборъ, окружать войско связанными, одинъ съ другимъ, возами.

Оте́цький — отцовскій.

Охля́пъ — (нарѣчіе) — безъ сѣдла.

Па́ливо — отопленіе.

Пи́льно —внимательно.

Письма́къ — грамотѣй.

Підхопи́ти — подхватить.

Поблизу́ — неподалеку; вблизи.

Повзти́ — ползти.

Пода́тись — податься; отступить.

Пода́токъ — подать.

Позахо́плювати — позахватывать.

Полоте́нко — (умен). полотно.

Полохли́вий — пугливый.

Полу́драбокъ — боковая часть воза, имѣющая видъ лѣстницы (драбини), бокомъ положенной.

Полюва́ннє — охота; преслѣдованье врага на военномъ полѣ.

Поля́пати — похлопать.

Поме́рлий — умершій.

Помѝі — помои.

Помили́тись — ошибиться.

Пóмста — отмщеніе.
Потлумúти — подавить, стѣснить.
Потребúзна — потребность.
Потýха — на потуху — на похмѣлье.
Пóузъ — подлѣ, вблизи, мимо.
Пошахрувáти — обмануть; пустить туманъ въ глаза.
Пристромúти — приткнуть.
Притúчина — необыкновенный случай; помѣха.
Причíлокъ — та наружная сторона хаты, которой соотвѣтствуетъ внутренняя стѣна съ образами.
Прúшта — притча.
Провéсна, провесень — начало весны.
Проклятýщий — (увел) проклятый.
Прядка (волосся)—пучекъ волосъ.
Прúсти (ушима) — мотать ушами.
Псувáти — портить.

Рабóваний — награбленный.й
Рабýнокъ — награбленная добыча.
Розбишáцтво — разбойничество.
Розрýхъ — смута; безладица.
Роспýдити — распугать; разогнать.
Роспустúти патёки — (въ перен. смыслѣ, расплакаться.
Росцíпити — рознять.
Ростóржа — конецъ ярмарки; начало ярмарочнаго разъѣзда.

Свячéний —освященный.
Сёгобóчний — находящійся на этой сторонѣ.
Скрутúтись — взбѣситься.
Сисýпъ — самый молодой жеребенокъ.
Спéка — жара.
Спотикнýтись — споткнуться; оступиться.
Стрижчя́ — годовалый жеребенокъ, съ подрѣзанной гривой.
Струíти — отравить.
Стя́жка — полоса.
Суходóлле — материкъ.
Сýчка — сука.

Таемни́ця — тайна.
Таншъ —дешевле.
Та й гóді — и только.
Теревéні (прáвить) — лясы разводить; балясничать.
Третúна —третья часть.
Трісь, трісь! — междометіе, выражающее трескъ.
Тридця́токъ — тридцать.
Трúхи-мнúхи — штуки.
Трусúти кóмінъ — чистить трубу.
Трюхúкати — бѣжать трусцой.
Тулятись — скитаться.

Узéсенький — (умен.) — узкій.
Улýчити — попасть; нацѣлить.
Упнýтись — упереться.
Упóвні — полный (о лунѣ.)
Упóрати — управиться съ дѣломъ.
Урівні — въ уровень.
Урúвокъ — кусокъ (веревки).
Устромúти — воткнуть.
Учта — пиръ.
Ущýхнути — утихнуть; успокоиться.

Харапýдитись — принимать пугливый видъ.
Хапъ! — хвать.
Хúмороди — (гнáти) — штукарить, причудничать, колдовать.

Чапкéнько — скоренько.
Чудувáтись—удивляться, дивиться.

Шия́ка — (увелич.) — шея.
Шкарлýпа — скорлупа.
Шкуратóкъ—кусокъ простой кожи.
Шлáптю — рысцой.
Шугáти—летать, (собственно означаетъ производить шумъ во время полета.)

Щó-ночі — каждую ночь.

ГОГОЛЬ И ВОРОНА.

Пливе́ Го́голь по Славу́ту,
Въ во́ду порина́е.
На гіллі́ сиди́ть Воро́на,
Ва́женько здиха́е:

»Ой мій дру́же білокри́лий!
Го́ренько съ тобо́ю!
Порина́ешъ, — не дай, Бо́же,
Заллєсся водо́ю!«

Пливе́ Го́голь по Славу́ту,
Съ хма́ри до́щикъ ллєтця.
У Воро́ни-жалібни́ці
Зъ жа́лю се́рце рве́тця:

»Ой зъяви́ся, ясне́ со́нце,
Ви́суши намъ кри́ла,
Що обо́мъ намъ зъ мо́кримъ піръямъ
Літа́ти не си́ла!«

—»Ой Воро́но-жалібни́це!
Чого́ ма́рне кря́чешъ?
Я купа́юсь-очища́юсь,
А ти зъ ду́ру пла́чешъ.

»На́ що міні́ на Славу́ті
Твоя́ осторо́га?
Суши́лась би собі мо́вчки,
Рота́та небо́го!

»На́ що мінí одъ до́щику
Твоя́ оборо́на?
Сиділа бъ ти собі мо́вчки,
Химе́рна Воро́но!«

П. Кулішъ.

Прошу редакцію приложить къ Основѣ басню: *Гоголь и Ворона*, въ видѣ извѣщенія о приготовляемомъ къ изданію сборникѣ моихъ стихотвореній. Украинское слово, по моему глубокому убѣжденію, способно проявить себя со временемъ во всѣхъ родахъ и видахъ стиховъ и прозы. Надѣюсь, что читатели увидятъ это отчасти и въ моемъ сборникѣ, изъ котораго заимствована предлагаемая басня. Само дѣло убѣдитъ въ этомъ, — и, можетъ быть, скоро — нашихъ антиподовъ, которыхъ *День* для насъ *Ночь*, которые пророчески рѣшаютъ вопросы жизни и смѣло утверждаютъ, что наше слово способно къ тому-то, и не способно къ тому-то. Надѣюсь также, что другіе писатели украинскіе поддержатъ мою мысль новыми произведеніями; что явятся новые поэты съ новыми силами и новыми, еще несуществующими для насъ средствами языка, такъ мало покамѣсть разработаннаго.

П. К.

К-107
168982
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
№ 1811
УКРАЇНСЬКИЙ МАРКСИСЬКИЙ БІБЛІОТЕКА ІНСТИТУТ
БІБЛІОТЕКА Українського Інституту МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНІЗМУ
№ 14208

ПОДПИСКА (на 1861 и 1862 годъ) ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ «Основы» при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; ВЪ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* «Основы», *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА:

За **12** книжекъ «*Основы*» 1861 года—**8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

За **12** книжекъ 1862 года—**10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписавшіеся и послѣ выхода 10-ти книжекъ «Основы» 1861 года получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкѣ Основы), выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ. Это изданіе будетъ продолжаться и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ: **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Дм. Еф. Кожанчикова, И. В. Базунова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно въ редакцію* Основы.

C - 79
O - 100, 113, 65

V